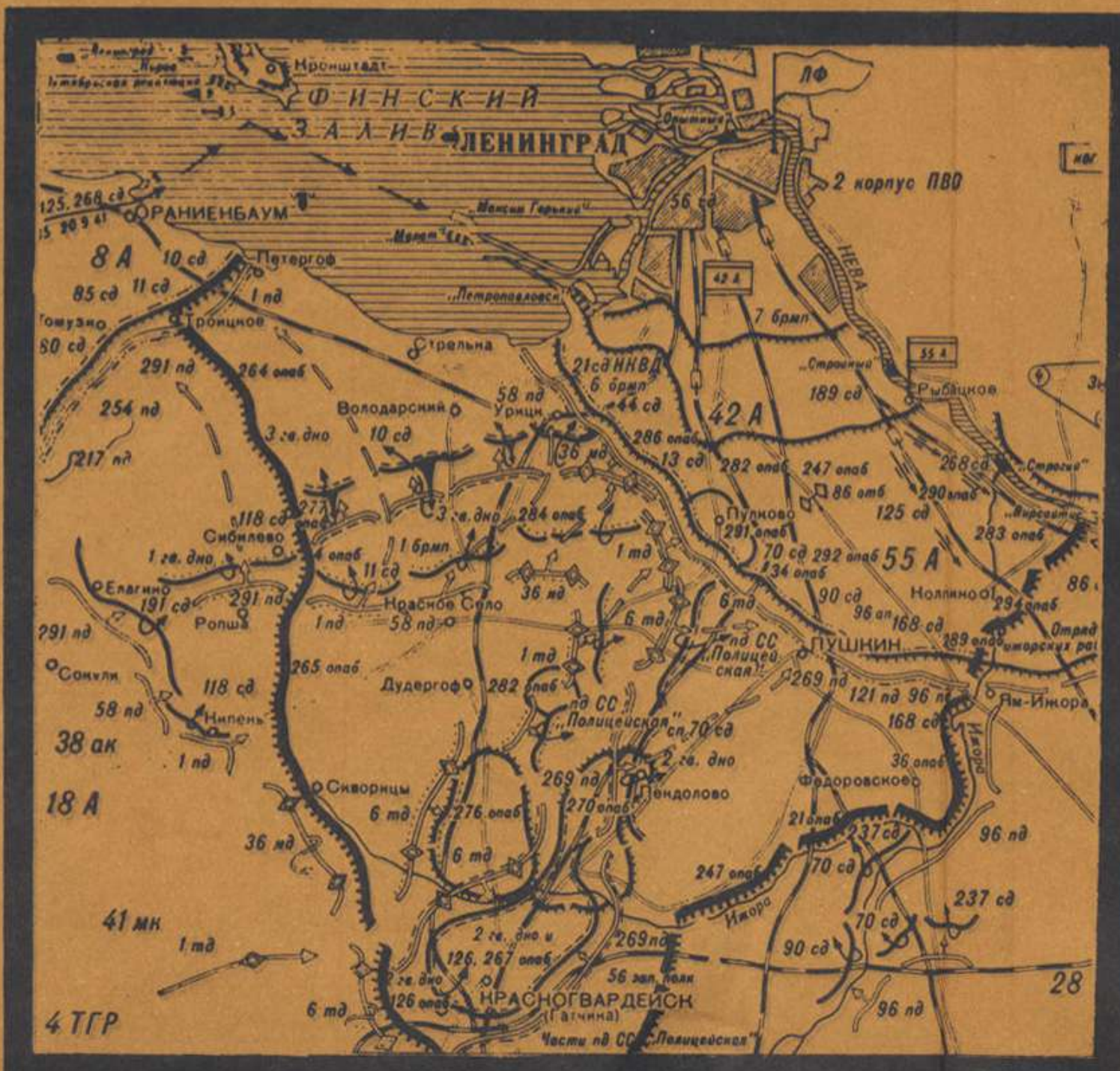

НА БЛИЖНИХ
ПОДСТУПАХ
К ЛЕНИНГРАДУ

Красногвардейский укрепрайон

Построен в начале Великой Отечественной войны (июль — август 1941 г.), прикрывал подступы к Ленинграду с юга и юго-запада. Протяженность по фронту 160 км. 16 августа был приведен в боевую готовность и на следующий день занят частями 2-й и 3-й дивизий народного ополчения, подразделениями ленинградских военных училищ и курсов. 21 августа противник вышел к Красногвардейскому укрепрайону. Попытки передовых частей немецко-фашистской 4-й танковой группы с ходу преодолеть его успеха не достигли. В конце августа оборонявшиеся в Красногвардейском укрепрайоне войска вошли во вновь сформированную 42-ю армию. Ожесточенные бои на позициях Красногвардейского укрепрайона с превосходящими силами противника в сентябре сыграли важную роль в срыве его попыток прорваться к Ленинграду с юга. 26 сентября 1941 г. фронт стабилизировался до января 1944 г. в районе Пулковских позиций, составлявших тыловой рубеж Красногвардейского укрепрайона.

НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ К ЛЕНИНГРАДУ

**ГАТЧИНА
(КРАСНОГВАРДЕЙСК)
В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

**ЛЕНИЗДАТ
1986**

Составители: И. Г. Любецкий, Н. А. Прохоров.

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор В. М. Ганкевич.

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Ежов, кандидат исторических наук А. Р. Дзенискевич, кандидат исторических наук Ю. Н. Яблочкин.

ВВЕДЕНИЕ

Оперативно-стратегическая обстановка на дальних подступах к Ленинграду с юга в связи с вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз складывалась неблагоприятно.

Крупная немецко-фашистская группировка войск в составе сорока двух дивизий, имея бронетанковый кулак из семи танковых и шести моторизованных дивизий, при поддержке тринадцати тысяч орудий и более тысячи самолетов, обрушила удар на войска Прибалтийского особого военного округа (Северо-Западный фронт).

Располагая на основных направлениях восьмикратным превосходством сил, противник прорвал оборону наших войск и быстро продвигался в глубь советской территории, к Западной Двине, с тем чтобы после ее форсирования, через Прибалтику, начать продвижение к основной своей цели — Ленинграду.

Войска Северо-Западного фронта, оказывая ожесточенное сопротивление противнику, все же не сумели удержать рубеж по Западной Двине и с арьергардными боями начали отход на восток. Таким образом, неожиданно опасность Ленинграду возникла с юга, и она усугублялась тем, что в задачи войск Ленинградского военного округа в предвоенное время входила оборона только северных границ нашей страны — от Финского залива, по Карельскому перешейку и далее по Карелии до Мурманска.

Угроза Ленинграду с каждым днем возрастала. Форсировав Западную Двину и не считаясь с потерями, немецко-фашистские мотомеханизированные войска рвались к Пскову и Острову. Сложность обороны дальних подступов к Ленинграду заключалась и в том, что начатое в предвоенные годы строительство Кингисеппского и Псковско-Островского укрепленных районов на границе с Эстонией и Латвией, в связи с вхождением последних в состав Советского государства, было прекращено. Для достройки их и приведения в боевую готовность требовалось время, а его-то и не было, так как немецко-фашистские войска подходили уже к этим рубежам.

В связи с создавшейся обстановкой Военный совет Северного фронта (так теперь именовался Ленинградский военный округ) разработал план достройки и усовершенствования в срочном порядке Псковско-Островского укрепленного района, расконсервации и приведения в боевую готовность Кингисеппского укрепленного района с размещением там отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. По этому плану было принято решение немедленно начать строительство новых укрепленных рубежей — Лужского, протяженностью до 300 километров по фронту — от Финского залива до озера Ильмень, и Красногвардейского укрепленного района — на ближних подступах к Ленинграду — от Финского залива через Петергоф, Гатчину (1929—1944 гг. — Красногвардейск) ¹, Колпино к реке Неве в районе села Ивановское.

По призыву Ленинградской партийной организации сотни тысяч трудящихся Ленинграда и области вышли на строительство оборонительных рубежей.

Развернуть работы на дальних подступах к Ленинграду с юга по достройке Псковско-Островского укрепленного района не удалось, так как на его рубежах уже начались бои с немецко-фашистскими войсками. А вскоре немецко-фашистское командование объявило о прорыве в районе Острова наших позиций.

Основное внимание теперь было уделено возведению Лужского оборонительного рубежа и Красногвардейского укрепленного района с его тыловыми позициями. На строительстве этих чрезвычайно важных для обороны Ленинграда укрепленных рубежей ежедневно работало до 500 тысяч ленинградцев.

Для руководства строительством Ленинградская партийная организация направила многих ответственных работников горкома и обкома партии, а Военный совет фронта послал туда командиров-рекогносцировщиков и специалистов-фортификаторов. Ряд промышленных предприятий Ленинграда выполнял специальные заказы для создания рубежей обороны. Мобилизован был и транспорт.

Параллельно с возведением оборонительных рубежей на вероятных путях продвижения войск противника к Ленинграду по решению партийной организации города началось формирование армии народного ополчения

¹ В данном сборнике употребляются и то и другое название города. (Примеч. сост.)

в составе десяти дивизий, пулеметно-артиллерийских батальонов и ускоренное их обучение способам ведения боевых действий.

Строительство Лужского рубежа началось 29 июня 1941 года и продолжалось всего 11 дней. За это короткое время было создано 160 километров эскарпов, 94 километра противотанковых рвов, 15 километров лесных завалов, построено 293 пулеметных и артиллерийских дзота, 50 сборных железобетонных и 170 бутобетонных огневых сооружений, большое количество открытых артиллерийских и пулеметных позиций¹. Средняя плотность деревоземляных огневых сооружений недостроенного Лужского рубежа на 1 километр фронта равнялась 7—8 единицам.

Уже 10 июля крупные силы немецко-фашистских войск подошли к рубежу и начали ожесточенные бои против выдвинутых туда по указанию Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии войск Северного фронта.

Несмотря на незаконченность и относительную слабость Лужского рубежа, немецко-фашистские войска не смогли прорвать его с ходу.

Командование группы армий «Север», куда входили 16-я и 18-я полевые армии и 4-я танковая группа, до подхода к Лужскому рубежу обороны считало, что основные силы советских войск, прикрывавшие дальние подступы к Ленинграду с юга, уже разбиты и дальнейшее наступление пойдет более быстрыми темпами, так как знало, что после Псковско-Островского укрепленного района никаких инженерных укреплений на южных подступах к Ленинграду заблаговременно создано не было. По планам гитлеровцев, для полного разгрома советских войск на северном фланге Восточного фронта отводился месяц — не позднее конца июля Ленинград должен был пасть.

Однако произошло то, чего не ожидало немецко-фашистское командование. На открытом, казалось, для немецких войск пути в Ленинград, на широком фронте от Финского залива до озера Ильмень, на рубеже реки Луги, они встретили упорное сопротивление. Попытки овладеть городом Луга с фронта не увенчались успехом, и, таким образом, прямой путь противника на Ленинград был закрыт.

¹ Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1297, д. 330, с. 42.

Ожесточенные бои на Лужском рубеже обороны шли около месяца. Немецко-фашистское командование вынуждено было произвести перегруппировку своих войск и сосредоточить главные силы на флангах Лужского оборонительного рубежа. Левофланговая группировка гитлеровских войск в составе 18-й полевой армии и 41-го механизированного корпуса сосредоточивалась южнее Кингисеппа в районе Поречье — Сабск, где противником в предыдущих боях были захвачены небольшие плацдармы на противоположном берегу реки Луги, а правофланговая группировка в составе 16-й полевой армии и 56-го механизированного корпуса сосредоточивалась в районе Новгород — Шимск.

О подробностях боев войск Северного фронта на Лужском рубеже вряд ли есть необходимость рассказывать. Они освещены в опубликованной в 1983 году Лениздатом книге «Лужский рубеж».

Следует лишь сказать, что задержка наступления на Ленинград немецко-фашистских войск на Лужском рубеже почти на месяц позволила строителям Красногвардейского укрепленного района сделать его более чем в два раза прочнее, чем Лужский. Так, если плотность огневых сооружений на Лужском рубеже была 7—8 единиц на 1 километр фронта, то на Красногвардейском она составляла уже 16—18 единиц дотов и дзотов. К подходу войск противника к рубежу там были построены 848 дотов и дзотов, 250 бронеточек, отрыто 229 километров противотанковых рвов, установлено 123 километра проволочных заграждений в три ряда, 10 966 железобетонных противотанковых надолб, возведено много открытых огневых позиций для полевых войск. Город Красногвардейск был превращен в мощный узел круговой обороны, с большой концентрацией оборонительных сооружений¹.

Кроме основного рубежа укрепрайона здесь, в глубине его обороны, была создана Пулковская позиция, укреплены города Красное Село, Урицк, Пушкин, Павловск и другие населенные пункты на непосредственных подступах к Ленинграду.

Особое внимание было уделено подготовке к обороне города Красногвардейска, как узла шоссейных и железных дорог на ближних подступах к городу Ленина.

30 июля, когда, по первоначальным расчетам, немецко-фашистские войска должны были быть уже в Ле-

¹ Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1207, д. 33а, с. 54.

нинграде, группа армий «Север» получила приказ Гитлера «продолжать наступление в направлении Ленинграда, нанося удар между оз. Ильмень и г. Нарва»¹.

Однако наступательные действия войск противника начались в районе Ивановское — Большой Сабск только 8 августа, а в районе Новгород — Шимск — 10 августа².

Северная группировка противника получила задачу выдвигаться на удобное для действий танков Копорское плато с задачей дальнейшего наступления на Ленинград через Красногвардейск и Красное Село.

Южной группировке ставилась задача прорвать фронт советских войск на Новгородско-Шимском секторе Лужской оборонительной полосы севернее озера Ильмень и, развивая наступление на Чудово — Любань, выйти в район юго-восточнее Ленинграда, форсировать реку Неву и соединиться с войсками финской армии, наступавшими на Ленинград по Карельскому перешейку³.

Немецко-фашистское командование рассчитывало полностью отрезать город на Неве от страны и ударами с трех направлений штурмом овладеть им.

Сосредоточив крупные силы пехоты и танков в районе Поречье — Большой Сабск, противник 11 августа после ожесточенных боев занял населенный пункт Устье и подошел к Лялину — Смологовицам. 12 августа ему удалось овладеть станцией Молосковичи и перерезать железную и шоссейную дороги Ленинград — Кингисепп.

Началось наступление вражеских войск на Красногвардейском направлении. Частью сил противник наносил удар в тыл Кингисеппского долговременного района, с тем чтобы отрезать от основных сил Северного фронта войска 8-й армии, отошедшие с боями от Таллина и сдерживавшие западнее Нарвы крупные силы 18-й армии противника, нацеленные на Ленинград.

В период с 16 по 21 августа на подступах к Красногвардейску, и особенно в районе поселка Волосово, находящегося всего в 85 километрах от Ленинграда, бои шли с неослабевающим напряжением. Дивизиям народного ополчения и кадровым частям приходилось отражать натиск вышедших на оперативный простор 1, 6,

¹ Совершенно секретно! Только для командования! М., Наука, 1967, с. 269.

² Архив штаба ЛенВО, инв. 152, 1946, с. 16.

³ Там же, с. 16.

8-й танковых и 36-й моторизованной дивизий 41-го танкового корпуса противника.

В течение 18 августа Волосово несколько раз переходило из рук в руки. Противник, неся большие потери, стремился развить наступление на Красногвардейск.

Сложная оперативная обстановка складывалась и на южном фланге Лужского оборонительного рубежа. Прорвав оборону наших войск в районе Шимска, повели наступление на Ленинград через Чудово, Любань дивизии 56-го механизированного корпуса и 16-й армии противника.

Хотя фланговые удары войск 11-й и 34-й армий Северо-Западного фронта и привели к большим потерям 56-го механизированного корпуса, что замедлило продвижение войск противника к Ленинграду, однако введенный в бой вместо 56-го корпуса 39-й механизированный корпус из 3-й танковой группы усилил наступление. Ослабленная предыдущими боями 48-я армия Северо-Западного фронта, оборонявшая на 50-километровом фронте район от Любани до Грузино, не смогла сдерживать войска противника на дальних подступах к Ленинграду. Создалась угроза захвата Мги, а с ней и последней железнодорожной магистрали, соединяющей Ленинград с тылом страны.

Командование Северо-Западного направления в связи с прорывом войсками противника Лужского рубежа 14 августа приняло меры по подготовке к обороне ближних подступов к Ленинграду.

В боевую готовность был приведен Красногвардейский укрепленный район, где велось еще строительство оборонительных сооружений.

На его позиции были прежде всего выдвинуты девятнадцать отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, 2-я и 3-я гвардейские дивизии народного ополчения, 291-я стрелковая дивизия. Ряды ополченческих частей пополнились двумя стрелковыми батальонами и 236 политбойцами Новосибирской области и Красноярского края. На рубеже обороны выдвигались Ново-Петергофское пограничное военно-политическое училище, курсы младших политруков Северного фронта, закончившие формирование в Ленинграде новые дивизии народного ополчения, части морской пехоты КБФ...

Уже 19 августа начались бои с передовыми частями противника в предполье Красногвардейского укрепленного района.

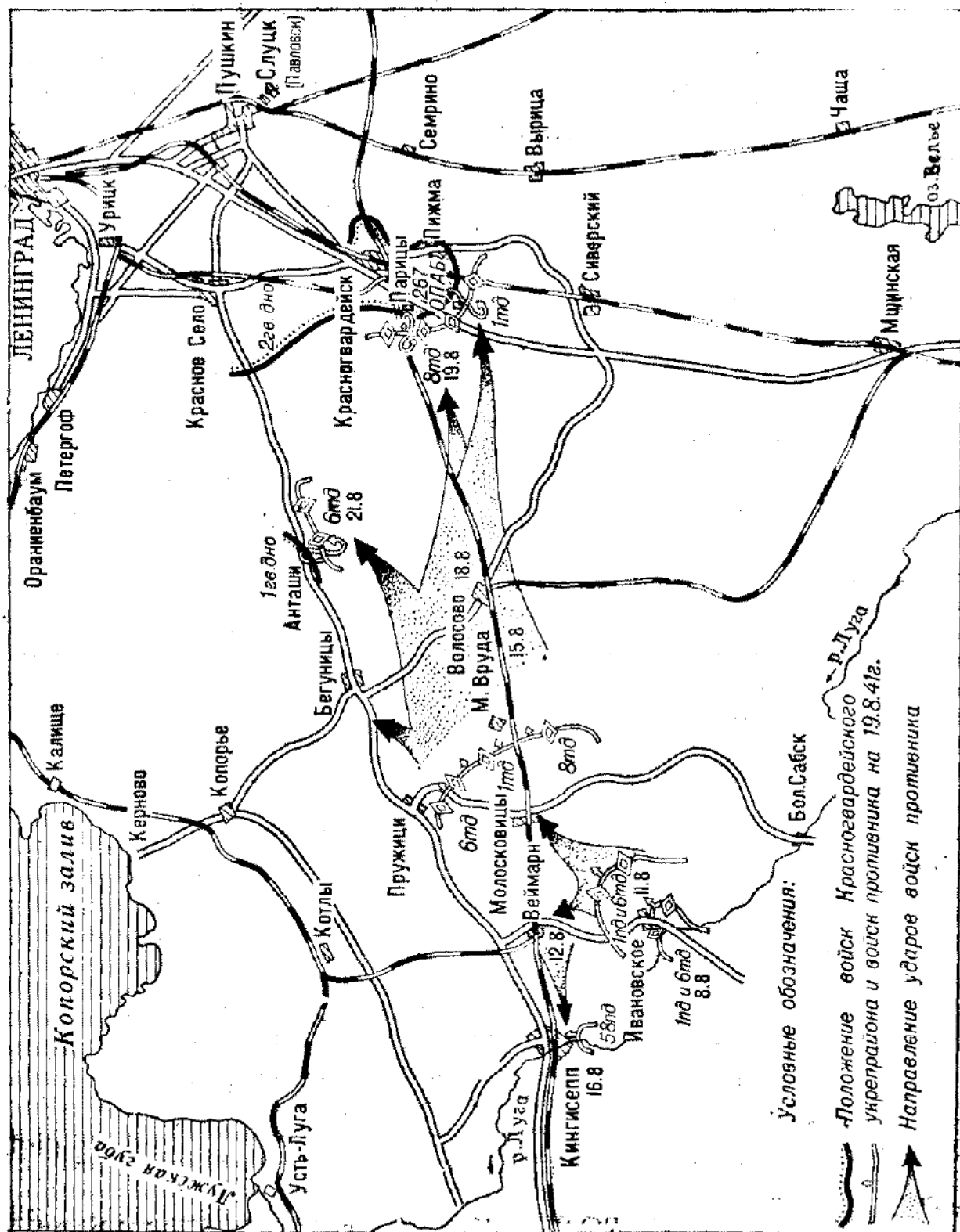

Схема 1. Направление главного удара войск группы армий «Север» на Краснoгвардейск (Гатчину).

В связи с создавшейся оперативно-стратегической обстановкой 23 августа Ставка приняла решение о разделении Северного фронта на два фронта — Ленинградский и Карельский. Командующим Ленинградским фронтом был утвержден генерал-лейтенант М. М. Попов.

В этот же день командованием Ленинградского фронта для лучшего управления войсками, оборонявшими ближние подступы к Ленинграду, было принято решение о разделении Красногвардейского укрепленного района на два самостоятельных: Слуцко-Колпинский и Красногвардейский — с подчинением их командующим 55-й и 42-й армиями.

В то время по заданию Главкома Северо-Западного направления Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова одному из авторов этих строк, тогда бригадно-му комиссару, начальнику Политуправления Ленинградского фронта, было поручено совместно с комендантом Красногвардейского укрепленного района генерал-майором И. И. Швыгиным и командующими армиями решать вопросы распределения войск и приведения укрепленных районов в боеготовность. Не раз довелось ему бывать тогда на Красногвардейском рубеже и в Гатчине и видеть, с каким энтузиазмом гатчинцы укрепляли свой город и подступы к нему, готовясь к обороне. Ему хорошо были известны тогда боевые подвиги бойцов, командиров и политработников, защищавших Гатчину.

Другому же автору этих строк, тогда работнику оперативного отдела штаба Ленинградского фронта, пришлось принимать участие в подготовке и проведении операции по полному освобождению Ленинграда от вражеской блокады и видеть разрушенную фашистами Гатчину сразу после того, как войска фронта штурмом взяли этот самый мощный узел обороны гитлеровского «Северного вала». Характерно, что наши войска в 1944 году овладели им в течение трех дней, тогда как в 1941 году гитлеровцы вели бои за Гатчину свыше трех недель.

Войска Слуцко-Колпинской оперативной группы были преобразованы в 55-ю армию Ленинградского фронта, в которую вошли 168, 70, 90 и 237-я стрелковые дивизии, 4-я дивизия народного ополчения и шесть отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов¹.

2-я и 3-я дивизии народного ополчения, 291-я стрел-

¹ Архив штаба ЛенВО, инв. 152, 1946, с. 18.

ковая дивизия, тринадцать отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, размещавшихся на Красносельском и Центральном секторах укрепленного района, части моряков КБФ, а также выдвигавшаяся из Ленинграда 5-я дивизия народного ополчения, которая, кстати говоря, удержала ключ к Ленинграду — Пулковские высоты, вошли в состав 42-й армии.

На Ораниенбаумском участке фронта в состав 8-й армии, отошедшей с боями из района Нарвы, вошли 281-я стрелковая дивизия, 2-я дивизия народного ополчения, 1-я гвардейская дивизия народного ополчения, военно-политическое училище НКВД и остатки 152-го и 263-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов Кингисеппского укрепленного района, личный состав которых проявил героизм и самопожертвование в борьбе с врагом, задержав на несколько дней продвижение от Нарвы на Красногвардейск крупных сил 18-й армии противника.

25, 26, 27 августа немецко-фашистские войска, пытаясь овладеть городом Красногвардейском, завязали ожесточенные бои в предполье Красногвардейского укрепленного района. Населенные пункты Пижда, Пустошка, Химози по несколько раз переходили из рук в руки. Об этом подробно рассказывают в книге бойцы и командиры — непосредственные участники этих боев, и мы не будем на них останавливаться.

На Колпинском направлении 29 августа войска противника, прорвавшись через Ушаки, овладели Тосном и Саблином и 30 августа, выйдя к реке Ижоре, Красному Бору, заняли Ям-Ижору и Старую Мызу.

На рубеже Слуцко-Колпинского укрепленного района, и особенно на подступах к Ижорскому заводу, шли ожесточенные бои с превосходящими силами противника. На защиту завода по призыву Колпинской партийной организации совместно с частями 55-й армии выступили батальоны ижорских рабочих. Враг был здесь остановлен. Не удалась ему и попытка форсировать с ходу реку Неву для соединения с финскими войсками в обход Ленинграда с востока. Выдвинутая к месту переправы противника 115-я стрелковая дивизия сорвала замысел вражеского командования. Не выполнив поставленной задачи, отдельные части 16-й армии из 39-го механизированного корпуса повели наступление вдоль левого берега Невы и, сломив сопротивление 1-й стрелковой дивизии НКВД, 8 сентября овладели городом Шлиссельбургом. Ленинград оказался блокированным по суше.

В связи с выходом немецко-фашистских войск к Колпину и Красногвардейску Лужская оперативная группа войск, оборонявшая дальние подступы к Ленинграду, оказалась в окружении. Все дороги от Луги на Ленинград были противником перерезаны. По приказу командования войска этой группы после 45-дневной героической обороны, сыгравшей большую роль в защите дальних подступов к Ленинграду, 20 августа оставили город Луга. Проявив мужество и выносливость, они с боями пробились к войскам Ленинградского фронта, полностью сохранив материальную часть¹.

Упорная оборона советских войск, прикрывавших ближние подступы к Ленинграду на Красногвардейском и Слуцко-Колпинском секторах укрепрайона и особенно на подступах к Красногвардейску, где крупные силы противника более трех недель пытались овладеть этим городом, заставила командование группы армий «Север» с 1 по 8 сентября произвести перегруппировку своих сил. Теперь уже в обход с фланга города противник сосредоточил на узком участке фронта восемь дивизий, в числе которых было пять пехотных, две танковые и одна моторизованная.

9 сентября немецко-фашистские войска перешли к штурму Ленинграда. 39-й армейский и 41-й механизированный корпуса после сильной авиационной и артиллерийской подготовки начали наступление на Красное Село в обход Красногвардейска. Из района Кипени до 100 танков противника стали продвигаться через противотанковые препятствия у населенного пункта Пелляяр, а у Карга-Кюля пехота противника пыталась проникнуть в укрепленный район.

Мощным ударом нашей авиации и артиллерии фортов и кораблей флота, а также пулеметно-артиллерийских батальонов намерения противника прорвать укрепленный район были сорваны. В районе противотанковых препятствий осталось много разбитых и сожженных немецких танков, а уцелевшие отошли в лес северо-восточнее Кипени.

10 сентября в 15 часов здесь же, в районе Пелляяр, противник при поддержке авиации ввел в бой до 200 танков, в числе которых было много огнеметных.

Вражеская пехота с помощью огнеметных танков, блокируя оборонительные сооружения, подавляла огонь дзотов и дотов. Несмотря на огромные потери, фашис-

¹ Архив штаба ЛенВО, инв. 152, 1946, с. 20.

ты, вводя все новые и новые резервы, к исходу дня прорвали главную полосу укрепленного района, овладели населенными пунктами Ликола, Араллокози, Расколово, но, будучи встречены подошедшей из Ленинграда 1-й морской бригадой с тяжелыми танками КВ, были остановлены у Красного Села¹.

В это критическое для Ленинграда время в командование войсками Ленинградского фронта вместо Маршала К. Е. Ворошилова вступил член Ставки Верховного Главнокомандования генерал армии Г. К. Жуков.

Собрав все имеющиеся силы и средства в Ленинграде и сняв часть войск с Карельского перешейка, где вышедшие к Карельскому долговременному укрепленному району войска финской армии перешли к обороне и не проявляли активности, новый командующий Ленинградским фронтом перешел от тактики обороны к нанесению противнику встречных сильных контрударов. Ряд населенных пунктов у стен города по нескольку раз переходил из рук в руки.

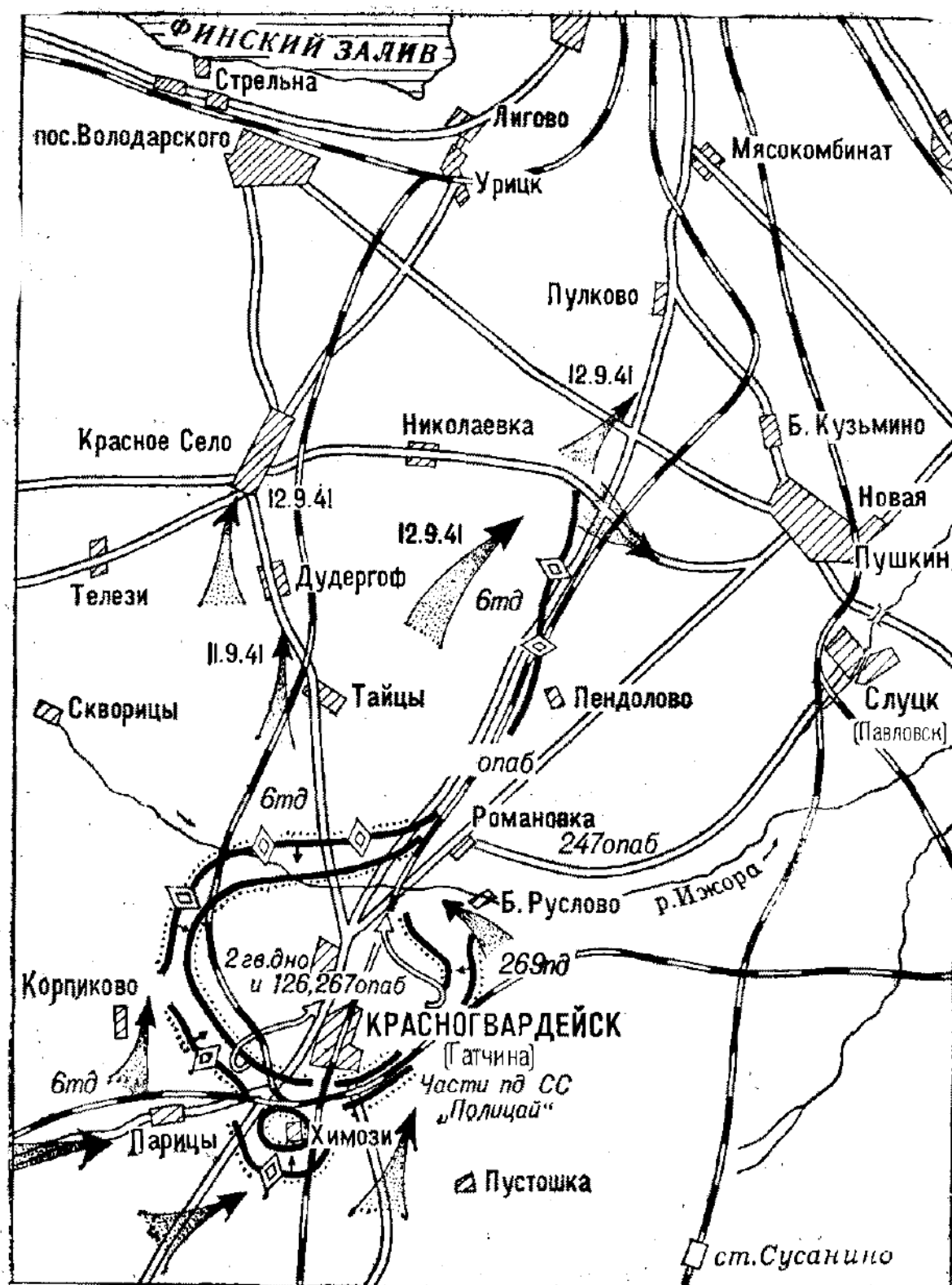
На непосредственных подступах к Ленинграду ожесточенное сражение продолжалось вплоть до 24 сентября. И противник дрогнул. Потеряв до 70 процентов живой силы и техники, он вынужден был перейти к обороне, так как соотношение сил и средств сторон к этому времени стало один к одному. Ясно, что рассчитывать на успех в дальнейшем наступлении на Ленинград, где были воздвигнуты еще два рубежа обороны и подготовлены к уличным боям городские кварталы, было уже невозможно. Трезвый расчет взял верх над авантюризмом фельдмаршала фон Лееба, в противном случае он потерял бы остатки своей армии.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Ленинград в годы Великой Отечественной войны стал первым стратегическим пунктом, которым не смогли овладеть немецко-фашистские войска»².

Как показывает история, одним из важнейших факторов героической обороны Ленинграда было создание на южных подступах к городу в ходе войны оборонительных рубежей, позволявших вести успешную борьбу прежде всего с бронетанковыми силами врага. И заслуга в создании таких рубежей принадлежит народу, который под руководством Ленинградской партий-

¹ Архив штаба ЛенВО; инв. 152, 1946, с. 20.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., АПН, 1971, с. 268.

Условные обозначения: Положение войск Красногвардейского укрепрайона и войск противника на утро 13.9.1941г.

Направление ударов войск противника

Схема 2. Направление главного удара войск группы армий «Север» на Ленинград.

ной организации совершил невиданный трудовой подвиг, слившийся воедино с боевым подвигом войск, оборонявших Ленинград.

Таким образом, если бои на Лужском рубеже, задержав наступление противника, дали время создать мощные укрепления на ближних подступах к городу, то героическая оборона Красногвардейского рубежа позволила укрепить непосредственные подступы к Ленинграду и создать внутреннюю оборону города. Все это сделало оборону южных подступов к Ленинграду непреодолимой.

Успешная героическая оборона Ленинграда войсками Ленинградского фронта и трудящимися города Ленина под руководством партийной организации имела далеко идущие последствия. Был сорван план германского генштаба о совместном наступлении на Москву группы армий «Центр» и группы армий «Север», застрявшей под городом на Неве. Не только о наступлении на Москву с северо-запада, но и о переброске крупных сил группы армий «Север» на Московское направление не могло идти и речи.

Оборона Красногвардейска, во главе которой стояла городская партийная организация, продолжалась свыше трех недель. Она была составной частью героической обороны Ленинграда. Об отваге и мужестве гатчинцев в годы Великой Отечественной войны писалось в «Гатчинской правде», в ленинградских и центральных газетах. А теперь написана и книга, которая расскажет о многих из тех, кому на гатчинской земле сооружены памятники и обелиски, чьими именами названы площади и улицы, кто стоял насмерть на Красногвардейском рубеже, защищая подступы к Ленинграду, кто боролся с врагом в подполье. О тех, кто освобождал Гатчину от гитлеровской оккупации в боях по полному снятию блокады Ленинграда в январе 1944 года, когда войска Ленинградского фронта под командованием талантливого полководца генерала армии, в последующем Маршала и Героя Советского Союза, Л. А. Говорова, перейдя в наступление с Ораниенбаумского плацдарма и из района Пулкова, разгромили стрелково-петергофскую группировку противника и во взаимодействии с другими фронтами полностью очистили Ленинградскую область, а затем и Прибалтику от немецко-фашистских захватчиков. На полях Курляндии окруженная группа армий «Север», так мечтавшая ранее овладеть Ленинградом, вынуждена была капитули-

ровать. Ее разоружали воины Ленинградского фронта. Это был бесславный конец группы армий «Норд — Курляндия».

Нет сомнения в том, что рассказы об этих малоизвестных страницах войны вызовут интерес широкого круга читателей.

*Генерал-майор СТЕПАНОВ Н. Н.;
бывший помощник командующего войсками Ленинградского фронта*

*Полковник ГАНКЕВИЧ В. М.;
доктор исторических наук, профессор,
бывший помощник начальника оперативного отдела
штаба Ленинградского фронта*

СТОЯЛИ НА СМЕРТЬ

М. А. ФИШМАН,

*уполномоченный обкома партии
на строительстве Центрального сектора
Красногвардейского УРа*

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ УКРЕПРАЙОНА

Утром 26 июня 1941 года меня вызвали к секретарю обкома партии Т. Ф. Штыкову (в это время я работал заместителем заведующего отделом оборонной промышленности Ленинградского обкома ВКП (б)). В его кабинете уже находились несколько работников аппарата обкома. По напряженной тишине я понял, что случилось что-то очень серьезное.

— Вчера немецко-фашистские войска прорвали оборону наших войск в Прибалтике, — начал без вступления Штыков. — Танковые колонны и мотопехота движутся на Ригу и Псков. Положение, товарищи, угрожающее. Ленинградский обком и армейское командование решили создать на территории нашей области несколько дополнительных оборонительных рубежей. Все вы с сегодняшнего дня являетесь уполномоченными Военного совета фронта по их строительству.

Вы, товарищ Фишман, — сказал он, — отвечаете за строительство Красного Угловского укрепрайона... А сейчас всем нужно приступить к коман

дующему Северным фронтом генерал-лейтенанту М. М. Попову. У него вы получите все необходимые инструкции, указания и документы о назначении.

Когда мы прибыли на Дворцовую площадь, в штаб фронта, нас тут же провели к Попову. Коротко обрисовав обстановку, командующий сказал, что немецкие войска стремительно приближаются к границам Ленинградской области. Остановить хорошо оснащенного боевой техникой врага можно только с помощью мощных оборонительных сооружений, подготовка к строительству которых уже началась.

— Более подробно с положением дел вас ознакомит мой помощник по укрепрайонам генерал-майор П. А. Зайцев, — сказал в заключение командующий и кивнул в сторону рослого широкоплечего генерала с пышными усами.

В своем кабинете генерал Зайцев пригласил нас сесть, а сам подошел к стене и, отодвинув занавеску, показал на топографической карте расположение наших и немецких войск.

Признаюсь, как поразила нас тогда суровая правда войны. Ведь прошла еще неполная неделя военных действий, а сейчас, можно сказать, мы воочию впервые увидели, как зловеще синие стрелы уже перерезали чуть ли не всю Прибалтику и грозно нависали над западными границами Ленинградской области.

Генерал, взяв указку, начал показывать на карте границы будущих оборонительных рубежей. Мне запомнились тогда два из них. Дальний рубеж начинался у побережья Финского залива и упирался своим левым флангом прямо в озеро Ильмень. Второй, ближний оборонительный рубеж начинался также от Финского залива у Ораниенбаума и, описав дугу у Ленинграда, выходил к реке Неве в районе Колпино — Ивановское.

Далее Пантелеймон Александрович Зайцев дал подробную характеристику оборонных строек. Указывал, где возводить доты, дзоты, противотанковые рвы и эскарпы, огневые позиции для орудий и пулеметов, траншеи и блиндажи, скрытые огневые точки, отсечные позиции, танковые ловушки, секторы обстрела, минные поля и т. д. и т. п.

Генерал говорил и говорил, а мы сидели, затаив дыхание, буквально ошеломленные услышанным. Ведь это была целая наука, о которой никто из нас не имел почти никакого представления. Люди-то мы были не-

военные и многое из сказанного слышали впервые. Например, моя военная подготовка ограничивалась непродолжительным курсом «военного дела» в институте в 1930—1935 годах и весьма кратковременной военной подготовкой, которую получили все работники обкома и горкома партии в военном училище имени Кирова накануне войны...

Помню, мы стали просить Зайцева рассказать подробнее обо всех сооружениях, однако он ответил, что у него совершенно нет времени.

— Вам будут выданы чертежи и брошюры, из которых вы почерпнете все необходимые сведения, — сказал генерал. — Прошу учесть, что работы должны быть развернуты немедленно. Штаб обеспечит вас военными специалистами из Инженерного управления, которые проведут рекогносцировку местности, укажут места строительства различных оборонительных объектов, нанесут все на карты. Они же будут осуществлять общее военно-техническое руководство.

Ваши же обязанности как уполномоченных Военного совета состоят в том, чтобы немедленно связаться с партийными, советскими и хозяйственными органами на местах и с их участием мобилизовать население на оборонные работы согласно трудовой повинности в военное время, а также привлечь для этой цели все необходимые местные ресурсы.

Здесь же, в штабе, нам вручили мандаты, познакомили с прикрепленными работниками Инженерного управления, сообщили номер телефона, по которому надлежало связываться с штабом фронта. Затем каждый из нас получил по револьверу системы «наган», пачке брошюр и карт района, где предстояло строить оборонительные рубежи.

Вернувшись в Смольный, я сдал хранившиеся у меня в сейфе документы, простился с работниками отдела и уже утром следующего дня был на пути в Красногвардейск. Чтобы не терять времени впустую, раскрыл полевую сумку и стал знакомиться с брошюрами по фортификационным сооружениям. Вскоре я имел уже кое-какое понятие о том, что представляют собой противотанковые рвы, ловушки, скрытые пулеметные гнезда и чем отличаются, например, доты от дзотов.

Под впечатлением прочитанного я начал глубже представлять всю значимость возложенной на меня задачи и тот огромный объем оборонительных работ, который предстояло выполнить.

Память тут же вернула меня к событиям вчерашнего дня. Совершенно отчетливо представил озабоченное лицо секретаря обкома Т. Ф. Штыкова, слова и наставления, с которыми обращались к нам генералы М. М. Попов и П. А. Зайцев, офицеры Инженерного управления.

«Нет, я не подведу вас, дорогие товарищи! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы оправдать доверие, которое мне оказывают Ленинградская партийная организация и командование фронта», — мысленно говорил я себе.

Подъезжая к зданию Красногвардейского горкома партии, я невольно подумал, как разительно отличается мой приезд сюда сегодня от прежних посещений горкома, связанных обычно с текущими делами.

Раньше, подготавливая тот или иной вопрос для рассмотрения в обкоме, я хорошо знал, что мне нужно было сделать, что посоветовать местным товарищам. А теперь я сам нуждался в помощи и советах более опытных в военном отношении людей.

Показав свой мандат секретарю горкома и ознакомив его с задачами, которые нам предстояло совместно выполнять, я попросил предоставить мне для работы помещение. Эта просьба была немедленно удовлетворена.

Первым делом я созвонился с Инженерным управлением и сообщил, где нахожусь. В ответ услышал, что скоро ко мне придут военные специалисты.

Связавшись после с обкомом партии, я узнал, что вчера, пока мы находились в штабе фронта, в Смольном состоялось совещание секретарей горкомов и райкомов, а также председателей горрайисполкомов области. На нем, наряду с другими, были рассмотрены вопросы строительства оборонительных сооружений и привлечения к этим работам населения Ленинграда и области.

Обстановка заставляла немедленно собрать партийный и комсомольский актив города и района и на нем принять необходимые решения. На этом активе я кратко проинформировал собравшихся о тех работах, которые буквально завтра-послезавтра нужно будет развертывать на территории района и ближайших подступах к городу.

Председатели городского и районного исполкомов Я. С. Ленкевич и И. В. Абрамов рассказали собравшимся о порядке мобилизации населения для возведе-

ния фортификационных сооружений и рытья рвов. Здесь же были поставлены задачи коллективам тех предприятий и артелей города и района, на которых должно быть налажено производство инструмента для осуществления оборонительных работ.

Когда после актива я зашел в предоставленную мне в горкоме комнату, то увидел там двух военных: подполковника Чернышева и майора Алексеева, прибывших к нам из Ленинграда. Развернув на столах топографические карты, они набрасывали на них цветными карандашами какие-то знаки.

Я попросил военных продолжать работу и по возможности вводить меня в курс дела. Через несколько часов начал разбираться в знаках и получил некоторое представление о сооружениях, которые нам предстояло строить, и местах их расположения.

Мы так увлеклись работой, что не заметили, как пролетело время. Несколько раз нас приглашали пройти в столовую. Однако пообедали мы лишь часов в семь вечера.

Сразу же после обеда подполковник заявил, что он готов идти на рекогносцировку.

— Какая же теперь рекогносцировка? — удивленно спросил я. — Куда же мы поедем на ночь глядя?

— Э-э, да какая сейчас ночи! Теперь круглые сутки светло, как днем. Причем, товарищи, прошу учесть, что через двое суток я должен быть в своей части. Так что приступим к делу сейчас же...

Примерно час спустя мы на предоставленной нам военкоматом автомашине уже ехали по Киевскому шоссе. При остановках подполковник быстро выскакивал из машины, почти бегом направлялся к помеченным на карте участкам местности, тщательно обходил их и при этом обязательно совещался с майором, который заносил на карту все новые и новые обозначения. Теперь в их разговоре я часто слышал такие выражения, как «сектор обстрела», «мертвая зона», «место для НП» и т. д.

К исходу ночи на нашей карте была довольно подробно представлена система оборонительных сооружений. Самым капитальным из них должен быть огромный противотанковый ров, проходящий перед Гатчинским аэродромом и пересекающий Киевское шоссе вблизи деревни Черницы. Сразу же за рвом, у населенных пунктов Малые и Большие Колпаны, Химози, Пижма и других, необходимо было построить несколько де-

сятков дотов и дзотов, скрытых пулеметных гнезд. Непосредственно перед городом предусматривалось соорудить целую систему огневых позиций и окопов для орудий и стрелковых частей, которые будут располагаться на этом оборонительном рубеже.

Подполковник считал, что этот рубеж будет последним перед Красногвардейском и приступать к его сооружению нужно не мешкая, сейчас же. Я полностью поддержал его мнение.

Помню, как во время той первой в моей жизни рекогносцировки мы добрались до больницы имени Кащенко, расположенной в селе Никольском. Обследовав местность, мы пришли к мнению, что здесь также удобное место для узла обороны непосредственно перед Красногвардейском. В подвалах капитального здания больницы можно оборудовать артиллерийские позиции для стрельбы прямой наводкой и пулеметные точки. На случай отхода пересеченную местность между больницей и шоссе можно легко заминировать, по обе стороны шоссе вырыть танковые ловушки, а на холме, где находилась беседка, оборудовать два дзота...

В Красногвардейск мы вернулись к 5 часам утра, измотанные до крайности. Так как о ночлеге заранее не позаботились, то, приехав в горком партии и усевшись втроем на диване в моем временном кабинете, моментально уснули. Таким образом, первый наш рабочий день продолжался около суток.

Не было еще и 8 часов утра, когда подполковник разбудил нас и, указав на графин с водой, сказал, что из него можно ополоснуть лицо и ехать.

«Как же так, — невольно подумалось мне. — Мы еще не отдохнули как следует, даже не позавтракали, и нужно вновь приниматься за дела. Разве так можно долго выдержать?» После я с улыбкой вспоминал свою «штатскую» наивность. Чего только не пришлось вынести за месяцы войны!..

День 28 июня был знойным и безветренным. Уже к полудню мы, вконец измотанные огромным объемом работы и жарой, объехали весь участок будущей обороны города и нанесли на топографическую карту сотни новых условных знаков, отметок и поправок.

Душой нашего маленького отряда несомненно был подполковник. Неутомимый, чисто выбритый (когда он только успевал?) и затянутый в командирские ремни, он стал для меня образцом настоящего офицера Красной Армии. Меня особенно привлекала в нем та одер-

жимость, с которой он выполнил порученное ему задание. Мне тогда стало очень неловко за свою усталость и физическую слабость — ведь подполковник был гораздо старше меня...

В районе Пудости, где нами намечалось создать один из узлов обороны, используя разработки местного камня, мы с головы до ног покрылись белой известняковой пылью. Увидев нас, стоявший у машины шофер громко рассмеялся и сказал, что мы похожи на привидения...

Наметив сооружения у поселка Тайцы, мы к 23 часам вернулись в Красногвардейск.

Несмотря на поздний час, нас ожидали. Один из секретарей горкома торопливо предупредил: «Сейчас же звоните в Смольный товарищу Штыкову. Он вас разыскивает с утра».

Со Штыковым меня соединили немедленно. Он выразил недовольство тем, что даже горком не знал, куда мы поехали и когда вернемся.

— Сейчас в Ленинграде производится мобилизация населения на оборонительные работы, — сказал Терентий Фомич, — а вы до сих пор не сообщили потребность в людях, не доложили, куда и какими маршрутами доставлять их в Красногвардейский район.

Я доложил секретарю обкома, что в течение почти двух суток мы объехали сотни и обошли десятки километров на территории района, проводили рекогносцировку местности, определили участки и типы оборонительных сооружений. Но эта работа еще не закончена, и план оборонительных работ пока еще не составлен.

Штыков слушал меня не перебивая. В заключение он потребовал, чтобы мы как можно быстрее подработали все необходимые данные и сообщили их в Ленгорисполком.

— Вот видите, в Ленинграде торопятся начать работы, а мы к этому еще не готовы, — с укоризной заметил подполковник. — Предлагаю немедленно подвести итоги нашей поездки и составить общие расчеты потребности в рабочей силе.

Через несколько часов эта сложная работа была закончена, и подполковник заявил, что теперь он может наконец поехать в свою часть. Мы дружески и с большим сожалением простились с этим замечательным человеком.

Когда он уехал, майор сказал, что для выполнения такого объема работы в обычных условиях потребова-

лось бы с участием военных топографов не менее 5—6 дней. А они с подполковником выполнили ее за двое суток. Правда, все в сокращенном объеме, и не произведена пока разбивка и привязка объектов на местности. Для этого нужны еще геодезисты с инструментом, нужны колышки...

— Какие геодезисты? Какие колышки? — с недоумением переспросил я. — Вы же только что нанесли на карты все объекты!

— Чудак человек, — ответил майор. — Ведь все сооружения мы будем строить не на картах, а на местности. Вот на самой земле и нужно будет геодезистам производить разбивку. А для этого потребуются колышки.

Увидев мое расстроенное лицо, майор заявил:

— Сейчас мы поедem в Инженерное управление и доложим результаты своей работы. Там уже окончательно решат, что и где строить, какими силами...

В Инженерном управлении все наши предложения были рассмотрены оперативно. Часть намеченных работ была сокращена. Оставшиеся объекты были распределены по участкам, во главе которых намечалось поставить начальников из числа специалистов-строителей.

Вернувшись в Красногвардейск, мы ознакомили партийных и советских работников города и района с намеченным планом работ и попросили выделить в помощь начальникам участков активных людей для обеспечения жильем, инструментом и питанием прибывающих ленинградцев.

Уже на следующий день (это было 29 июня 1941 года) к нам явились начальники участков, отозванные из проектных и строительных организаций Ленинграда и Красногвардейска.

Майор к этому времени уже подготовил карты с чертежами объектов, подлежащих сооружению на каждом участке, и раздал их прибывшим. Инженерное управление прислало в Красногвардейск две легковые автомашины. Это дало возможность в течение дня доставить всех начальников и представителей города в зоны своих участков. В тот же день в одном из домов, расположенных недалеко от райсовета, разместился штаб строительства. Вскоре здесь были установлены телефоны, и работа закипела. С помощью местных жителей была произведена разбивка всех оборонительных сооружений на местности, забиты колышки.

К вечеру мы сообщили в Ленинград маршруты и адреса, куда следует направлять людей. И вот начиная с 30 июня 1941 года десятки тысяч ленинградцев и жителей Красногвардейска стали прибывать на места. Как правило, у всех был инструмент.

На всех участках работы развернулись необыкновенно быстро. С такой же быстротой возникали и проблемы. И первая из этих проблем — питьевая вода. Июль 1941 года выдался сухим и жарким. А тяжелые земляные работы под палящими лучами солнца вызывали у людей сильную жажду. Хорошо еще, если работы велись вблизи населенных пунктов, где имелись колодцы. Но даже и тогда приходилось выделять специальных людей для доставки воды в ведрах, бочках, флягах и бутылках. В тех же случаях, когда до источников воды было далеко, пришлось выделять специальный транспорт. Напоить не сотню-другую, а десятки тысяч людей оказалось не так то просто...

Вторая проблема — жилье. Ближайшие к местам работ населенные пункты были просто не в состоянии разместить у себя такую массу людей. Селились не только в домах местных жителей, но и в школах, клубах, красных уголках, сельсоветах, правлениях колхозов, канцеляриях МТС и совхозов. Короче говоря, занимали все постройки, имевшие крышу. И тем не менее всюду была теснота. Чтобы хоть как-то ее разрядить, нам пришлось ввести сменную работу. Кроме этого, приходилось периодически перераспределять людей по строительным объектам.

Немало хлопот доставляла руководителям постоянная потребность работающих в медицинской помощи. Сказывались сложные бытовые условия, жара и тяжелый, непривычный для многих труд.

И все же главной проблемой было снабжение участков инструментом. Ленинградцы, да и местные жители, как правило, были «вооружены» лопатами. Но в ряде мест под небольшим слоем земли оказывался камень-плитняк. Сразу же потребовались тысячи ломов, кирок и носилок. Особенно нужда в этом инструменте возникла на рубеже, расположенном на каменных разработках у Пудости. И хотя все предприятия и мастерские Красногвардейска трудились над изготовлением инструментов на полную мощность, их сил не хватало.

Большую помощь стройке оказали райкомы партии и райисполкомы города Ленинграда. Их представители срочно выехали в свои районы и буквально через день-

два на автомашинах доставили необходимое количество ломов, кирок, носилок, лопат.

Были, конечно, и трудности с питанием. И здесь нельзя не отметить внимание и заботу о быте и нуждах ленинградцев со стороны партийных и советских работников. На оборонительных работах у Красногвардейска часто бывали секретарь Красногвардейского райкома партии И. М. Турко, секретарь Выборгского райкома партии Г. Т. Кедров, секретарь Дзержинского райкома партии П. И. Левин и другие.

Если строительство противотанковых рвов, эскарпов и других земляных сооружений велось исключительно вручную и не требовало особой квалификации рабочих, то совершенно по-другому обстояли дела с возведением дотов и дзотов. Здесь требовались высокая квалификация работающих, большое количество цемента, металла, пиломатериалов, особое оборудование и механизмы. Поэтому к сооружению этих объектов были привлечены преимущественно военные строительные организации, в частности в районе Красногвардейска — строительно-монтажное управление Ленинградского военного округа. Руководитель управления Болотов, энергичный и волевой человек, получив схемы размещения долговременных огневых точек, проявил исключительную оперативность, организовав работы сразу на всех участках.

События нарастали с катастрофической быстротой, враг все ближе подходил к городу Ленина, и поэтому было понятно стремление людей всячески ускорить работы.

По всем этим вопросам мы неоднократно бывали на приеме у председателя комиссии по строительству оборонительных сооружений, секретаря Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецова и председателя горисполкома П. С. Попкова. По их указаниям количество ленинградцев, прибывавших на строительство оборонительных рубежей в течение июля 1941 года, непрерывно росло. Дополнительному привлечению местного населения к оборонным работам во многом содействовали председатели Красногвардейского райисполкома И. В. Абрамов и горисполкома Я. С. Ленкевич.

Примерно к середине июля под Красногвардейском уже трудились около 100 тысяч человек.

В эти напряженные дни почти весь личный состав нашего штаба с утра до поздней ночи был на ногах. Мы старались обязательно побывать там, где возникали какие-нибудь трудности или проблемы. К большинству

оборонительных сооружений можно было добраться только пешком, и ежедневные многокилометровые переходы под палящим солнцем сильно изнуляли и утомляли. Но стоило только подойти к тому или иному участку и увидеть, как сотни и тысячи людей, преимущественно женщины и подростки, напряженно копают землю или долбят кирками и ломами каменистую почву, как усталость ослабевала, сменялась гордостью за наших советских людей. И хотелось работать с еще большей энергией и упорством...

Накануне очередного выхода на объекты, 12 июля 1941 года, нас предупредили о том, что в Красногвардейск приезжает секретарь обкома ВКП(б) Г. Г. Ворогов, он хочет ознакомиться с ходом оборонительных работ.

Вначале мы показали тов. Ворогову, как идет строительство дотов и дзотов на южной окраине города и у населенных пунктов Пижма и Пустошка, прикрывших с юго-востока подступы к городу. Затем побывали у Киевского шоссе в районе деревень Малые и Большие Колпаны, где создавался наиболее мощный узел обороны, из шести оружейных дотов. И хотя работы начались менее недели тому назад, были полностью выкопаны котлованы под эти сооружения и уже велось бетонирование фундаментов. Как говорили сами рабочие, о такой скорости возведения долговременных огневых точек раньше никто из них и мечтать не мог. Если не будет задержек в доставке необходимых материалов, то к концу июля доты будут сданы под установку вооружения.

Далее мы прибыли к противотанковому рву у деревни Черницы, где проводились работы одновременно на всей его двенадцатикилометровой протяженности. Здесь трудилось более шести тысяч человек. Мы оказались свидетелями того, как сотни людей с огромными усилиями долбили ломами и кирками каменистый пласт, залегающий на глубине 60—70 сантиметров от поверхности земли. Это был очень тяжелый, в другое время, по существу, непосильный для женщин и девушек труд. И тем не менее работа двигалась, да еще как!

— Вы только передайте бойцам и командирам нашей Красной Армии, чтобы они лучше били фашистов, — говорили многие из работающих и продолжали свое нелегкое дело.

В эти же примерно дни в Красногвардейск с небольшой группой командиров прибыл генерал-майор В. А. Крылов. Подлинная причина его появления здесь нам

стала известна только тогда, когда был получен приказ Главнокомандующего войсками Северо-Западного направления Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова от 23 июля 1941 года. Именно этим приказом создавался Красногвардейский укрепленный район в составе трех секторов.

Комендантом всего укрепрайона был утвержден генерал-майор И. И. Швыгин, комендантом Центрального сектора со штабом в городе Красногвардейске — генерал-майор В. А. Крылов. Я назначался военкомом оборонительных работ Центрального сектора.

Создание Красногвардейского укрепрайона свидетельствовало о том, какое огромное значение придает командование фронта оборонительным рубежам, которые создавались нами на ближних подступах к Ленинграду. Повысилось военно-техническое и оперативное руководство строительством, улучшились организация и ход всех работ.

Назначение военкомом не внесло каких-либо существенных изменений в мою работу. По-прежнему главной своей обязанностью я считал ежедневное пребывание непосредственно на оборонительных рубежах и старался более деятельно участвовать в устранении возникавших препятствий и задержек в работе.

Вместе с тем само звание «комиссар» обязывало меня уделять теперь гораздо больше внимания политико-массовой и информационной работе среди работающих на строительстве укреплений людей. Особенно остро они интересовались положением дел на советско-германском фронте. С большим воодушевлением все воспринимали сообщение о мужественной и стойкой обороне наших войск на Лужских рубежах. Здесь следует сказать, что ясное понимание того тяжелого положения, в котором оказалась наша Родина, вызывало у работающих ленинградцев и жителей Красногвардейска высокое чувство патриотического долга. В первую очередь это выражалось в непоколебимом стремлении честно и упорно работать, не считаясь с усталостью, временем и бытовыми неурядицами.

Трудовой порыв проявлялся с такой силой, что очень часто вместо призывов к повышению производительности труда приходилось напоминать о необходимом отдыхе...

Генерал-майор Крылов также очень часто посещал оборонительные работы и требовал не ослаблять контроля за строительством огневых позиций, и в первую

очередь дотов и дзотов как главных и решающих объектов оборонительных сооружений.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки (а с того времени прошло более четырех десятилетий), в моей памяти воскресают довольные улыбки на похудевших, черных от загара лицах рабочих, снимающих опалубку с только что завершенных дотов. Я снова чувствую радостное волнение, которое всех охватывало, когда перед глазами появлялись могучие стены железобетонных крепостей. В этих дотах предполагалось устанавливать скорострельные пушки, изготавливаемые на Кировском заводе.

Командование фронта постоянно держало в поле зрения ход оборонительных работ. Сюда часто приезжали помощник командующего по укрепленным районам генерал-майор П. А. Зайцев, начальник Инженерного управления подполковник Б. В. Бычевский, комендант УРа генерал-майор И. И. Швыгин и другие ответственные лица.

В первых числах августа я возвращался из райсовета с совещания. Вижу, у здания школы на улице Володарского, где размещался штаб Центрального сектора УРа, стоит легковая машина члена Военного совета фронта, секретаря обкома партии Т. Ф. Штыкова. К машине подошел незнакомый мне командир (оказавшийся его порученцем) и сказал: «Терентий Фомич, все начальство находится на объектах. Кого прикажете вызвать?»

Подойдя к машине и поздоровавшись с тов. Штыковым, я объяснил, что о его приезде в штабе сектора не знали, потому и не ждали.

— Ну вот и хорошо, что не знали, — неожиданно ответил он. — Никого вызывать не нужно. А вы, — обратился он ко мне, — садитесь в машину и покажите, что вам здесь удалось соорудить.

По пути следования Т. Ф. Штыков внимательно осматривал все сооружения, которые я ему показывал. Свернув у деревни Малые Колпаны влево от шоссе и миновав деревню Химози, мы направились к позициям для 120-миллиметровых минометов. Первоначально создание их планом не предусматривалось. Они были построены лишь после того, как в штабе сектора стало известно, что среди частей, которые займут наши оборонительные рубежи, будет находиться подразделение тяжелых минометов, недавно появившихся на вооружении Красной Армии. На каждой позиции были

оборудованы в несколько накатов добротные блиндажи для расчетов, открытые площадки для установки минометов, укрытия для мин и ходы сообщения.

Штыков молча обошел несколько таких позиций и, только усаживаясь в машину, негромко произнес: «Неплохо! Совсем неплохо!»

Затем мы вернулись на Киевское шоссе, где осмотрели несколько построенных у Малых и Больших Колпан дотов и дзотов, вокруг которых велись работы по их маскировке под навесы для сена, сараи и заброшенные дома.

Уже на обратном пути мы прошли по участкам, расположенным между железнодорожной линией на Нарву и шоссе на дорогу на Кингисепп.

На мой вопрос, не заметны ли здесь какие-нибудь укрепления, Терентий Фомич удивленно на меня посмотрел: дескать, с какой это стати я решил шутить. Но это была не шутка. Мы в это время как раз шагали по площадке, на которой находились пулеметные гнезда, скрытые в земле так, что их очень трудно было обнаружить. Практическое действие одной из расположенных здесь пулеметных точек нам тут же было показано. Нажали специальную педаль, и буквально из земли вырос бронированный щит вместе со станковым пулеметом. Вся эта установка могла быстро поворачиваться в любую сторону и так же быстро исчезать в земле. Демонстрация этой скрытой огневой точки произвела на секретаря обкома сильное впечатление.

В конце дня мы побывали в ряде пунктов, граничивших с соседним Красносельским районом, где осмотрели уже готовые сооружения.

Особое внимание привлекли два дзота, построенных в лесу недалеко от деревни Вохоново. Они были замаскированы под охотничьи избушки, двери которых прикрывали амбразуры. Войдя внутрь одного из дзотов и освободив амбразуры, мы увидели как на ладони дорогу, соединяющую Киевское шоссе с Красным Селом. Чтобы обеспечить видимость целей и ведение огня, все мешавшие обзору деревья были спилены и использованы под завалы на этой дороге...

Уже расставаясь с Т. Ф. Штыковым, я обратил его внимание на задержку с установкой вооружения в уже готовых дотах и дзотах. Он записал мою просьбу в блокнот и пообещал принять все необходимые меры.

Примерно в первой декаде августа 1941 года к нам поступили данные о дислокации войсковых частей и

подразделений на объектах Центрального сектора Красногвардейского УРа. Стало известно, что это будут преимущественно части, сформированные из добровольцев народного ополчения Ленинграда. К этому времени значительная часть сооружений, построенных вдоль Киевского шоссе и прилегающих к нему дорог, была уже закончена или работы на них подходили к концу. Нас радовало это. И тем не менее к радости порой примешивалась и досада. Дело в том, что в некоторых из них, особенно отдаленных от города, пушки и пулеметы еще не были установлены...

Пока бои с фашистскими захватчиками велись на дальних подступах к Ленинграду, авиация противника почти не мешала ведению оборонительных работ в Красногвардейском укрепрайоне, если, конечно, не считать огромного количества листовок, сбрасываемых на головы работавших, да ежедневных визитов вражеских разведывательных двухфюзеляжных самолетов — так называемых «рам». Изредка мы были свидетелями воздушных боев наших истребителей с немецкими «мессершмиттами». И даже после захвата Пскова войсками противника его самолеты не проявляли большой активности на ближних подступах к городу Ленинграду.

Но положение резко изменилось после того, как танкам противника удалось подойти к Лужскому оборонительному рубежу. Теперь вражеская авиация начала производить бомбовые удары по районам строительства Красногвардейского УРа. 18 августа фашистские бомбардировщики совершили первый массированный налет на город Красногвардейск.

Гитлеровские стервятники на бреющем полете с варварской жестокостью расстреливали из пушек и пулеметов безоружных и беззащитных людей, строивших оборонительные рубежи.

С подходом немецко-фашистских войск к Красногвардейскому укрепрайону и передачей построенных сооружений войскам фронта началась эвакуация гражданских лиц в Ленинград. Так как штаб строительства не располагал необходимым для этого транспортом, люди шли в сторону Ленинграда пешком. По всем дорогам и обочинам тянулись тысячи женщин, детей, стариков. Часто над головами идущих людей появлялись на бреющем полете немецкие истребители. Порой были отчетливо видны лица пилотов в шлемах и больших очках. Совершив боевой разворот, стервятники хлад-

нокровно расстреливали мирные толпы. Видеть все это было невыносимо...

В двадцатых числах августа начались ожесточенные оборонительные бои наших регулярных войск и ленинградских ополченцев с гитлеровцами на всех объектах Красногвардейского укрепрайона. Попытки противника взять Красногвардейск с ходу были сорваны с большими для него потерями. Началась героическая почти месячная оборона города.

Загруженный массой самых неотложных дел по свертыванию огромного строительства и выводу людей из районов боевых действий, я зачастую не мог знать подробностей боев на тех или иных рубежах или узлах обороны. К тому же меня внезапно перевели военкомом западного участка Северного рубежа оборонительных работ Ленфронта, и это фактически лишало меня возможности получать хоть какую-то информацию от непосредственных участников сражения.

Возможно, что подробности о боевых событиях тех дней я так никогда и не узнал бы. Но вот спустя сорок лет мне повезло: случай свел меня с одним из защитников Красногвардейска ленинградским ополченцем Н. А. Прохоровым. Я прочитал его книгу «В суровый час», изданную Лениздатом в 1981 году. Это были воспоминания о стойкости его товарищей, бойцов-ополченцев 267-го ОПАБ, принявших первые удары танков и мотопехоты противника. Книга позволила мне еще раз осмыслить роль, которую сыграли наши оборонительные рубежи под Красногвардейском в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Время обладает одним удивительным свойством. Через него, словно через огромную линзу из чистейшего оптического стекла, начинают порой высвечиваться совершенно забытые факты и события давно прошедших дней. И именно тогда появляется возможность полностью осмыслить тот или иной исторический факт, оценить по-настоящему его значение для будущих событий.

Развернувшееся 20 августа ожесточенное сражение на Красногвардейском рубеже длилось днем и ночью вплоть до 13 сентября, когда войскам противника удалось юго-западнее Красногвардейска прорвать нашу оборону и перейти к штурму Ленинграда. Но за это время отошедшие с Красногвардейского оборонительного рубежа ленинградцы сумели построить новые укрепленные позиции, и замысел противника был сорван...

Создание на подступах к Ленинграду в июле — августе 1941 года Красногвардейского укрепленного района сыграло очень важную роль в удержании Ленинграда. Это одна из ярких и малоизвестных страниц летописи Великой Отечественной войны.

В. БЛАГОЧИННОВ,

журналист

ОДИН ПРОТИВ АРМАДЫ

Это не легенда, это было. 19 августа 1941 года рота Зиновия Колобанова приняла бой с 43 фашистскими танками.

Маленький городок врос в бетонную магистраль. Это Толочия. Дома его идут то в рост, то вприсядку. И если подняться на один из самых высоких — пятиэтажный, откроется глазу панорама луговых и лесных далей. В этом городке и познакомили меня комсомольцы с Андреем Михайловичем Усовым, человеком в их местах знаменитым.

Рассказ Андрея Михайловича был захватывающим и... невероятным. Затаив дыхание, я слушал повествование этого чуть застенчивого, мягкого человека. Я смотрел на фотографию тяжелого танка под номером 864 и думал: вот стоит он в ромашковом поле с опущенным стволом и совсем не похож на дерзкого мстителя.

Приехав домой, я решил записать услышанную историю. И однако... некоторые люди слушали меня и скептически улыбались. Тогда я разыскал документы, рассказывающие об этом бое, людей, бывших его свидетелями. Зиновий Григорьевич Колобанов, бывший командир танка, живет в Минске. Командир первой танковой дивизии генерал-лейтенант в отставке Виктор Ильич Баранов — москвич. В Москве живет и генерал-лейтенант в отставке Павел Ильич Пинчук, командовавший полком. Помогла восстановить события и давняя журнальная статья бригадного комиссара К. Кулика. Но прежде я получил выписку из архива Министерства обороны. Короткий, как в телеграмме, текст:

«...19 августа 1941 года рота танков КВ под командованием старшего лейтенанта Колобанова вела бой. Потери врага — 42 танка. Героически действовали: старший лейтенант Колобанов уничтожил 22 танка, лейтенант

Сергеев — 8 танков, лейтенант Евдокименко — 4 танка, лейтенант Ласточкин — 4 танка, механик-водитель Павлов таранил два танка».

Эти короткие строки комментируют участники, свидетели боя.

В. И. Баранов, бывший командир 1-й танковой дивизии: Шел второй месяц войны. После непрерывных боев под Псковом, Кингисеппом и Лугой дивизия, сдерживая натиск немцев, подошла к городу Красногвардейску (ныне Гатчина). Красногвардейск — важный узел железнодорожных и шоссейных дорог на подступах к Ленинграду. Обстановка складывалась для нас крайне неблагоприятно. Части, обороняющие рубеж на реке Луге, были отрезаны от главных сил. Другие — с тяжелыми боями отходили к Ленинграду. Посланные из глубокого тыла резервы еще не подошли. Фашисты наступали огромными соединениями танков, стремясь смять наши войска и с ходу захватить Красногвардейск. Мы применяли засады тяжелых танков, рассчитывая на мощь КВ.

З. Г. Колобанов, бывший командир танка № 864: 18 августа меня вызвали к командиру полка. По данным военной разведки, ожидалось наступление крупной танковой группы противника. В первые месяцы войны гитлеровцы применяли танковые рейды в глубь нашей обороны и часто добивались успеха. По тому, что в мое распоряжение поступило пять танков — а КВ были на вес золота, — можно было судить о серьезности предстоящего сражения. Командир полка отдал приказ: стоять насмерть.

Экипажи танков создавались вновь. Людям некогда было и познакомиться как следует. Я собрал командиров танков, разъяснил обстановку, приказал взять на борт по два комплекта боеприпасов. Две трети снарядов — бронебойные. Два танка уходили на лужскую дорогу, два — на приморскую, наш — на кингисеппскую.

А. М. Усов, командир орудия КВ № 864: К нам подходили танкисты с подбитых машин, просили взять их в бой. Но куда? В танке тесно. И они отходили, бросая на нас завистливые взгляды.

З. Г. Колобанов: Спадали полуденный зной, пахло спелым хлебом. Я шел по дороге. Танк за мной — на малых оборотах. Мы не спешили: необходимо было выбрать удобную позицию.

Сориентировались по карте. До Красногвардейска — не более 8 километров. Показалась развилка дорог. Ни-

кифоров, наш механик-водитель, облюбывал холм, поросший ольхой, и предложил окопаться там. Я согласился. Деревья хорошо маскировали танк, а шоссе-ная дорога напротив пролежала по узкому дефиле. По обеим ее сторонам — торфяные болота.

А. М. Усов: Капонир рыли дружно. Только, помнится, больше всех досталось Киселькову, заряжающему. Такой был человек, брал на себя самую трудную работу. К вечеру глиняное укрытие было готово. Стемнело. Успели еще раз протереть снаряды. Есть не хотелось. Расположились на ночлег.

З. Г. Колобанов: В три часа утра в небе появились немецкие самолеты. Они летели бомбить Ленинград. Через некоторое время раздались взрывы бомб, зенитных снарядов. Гнетуще отразилось это на экипаже. Роденков не выдержал: «Когда же это кончится? Когда же бить-то их будем?» Никифоров угрюмо отмалчивался: в Ленинграде у него осталась семья.

К. Кулик, бригадный комиссар: Командир танка послал донесение командиру полка: «Ваше приказание выполнил, позицию занял и оборудовал. Все предусмотрел. Будьте уверены: там, где мы стоим, немец не пройдет. Колобанов».

З. Г. Колобанов: Вскоре утренний туман поднялся. В воздухе загнусявила «рама» — самолет-разведчик. Спустя час Кисельков, наблюдавший за дорогой, доложил: «Вижу столб пыли».

А. М. Усов: Из-за поворота леса выехали немецкие мотоциклы. Через каждые 100—150 метров они останавливались и открывали огонь из пулеметов по кустам, по придорожным кюветам. Это было боевое охранение. За ними показались бронетранспортеры и легковая машина.

З. Г. Колобанов: Было огромное желание расстрелять их. Но... нельзя. Пришлось заставить Роденкова поставить пулемет на предохранитель. Вздыхал Никифоров: «Ох и чесанули бы мы их». Заработала рация: «К вам приближается колонна танков». И правда, через пять минут колонна бронированных машин вытянулась вдоль дороги. Насчитали 43 танка...

К. Кулик: В голове командира созрел план. Один против 43. Решение было принято простое и правильное: позволить фашистской колонне беспрепятственно втянуться в дефиле, затем открыть огонь по головному танку и тем самым закрыть дорогу вперед. Затем подбить задний танк и таким образом преградить путь к

отступлению, а потом по очереди разделаться с каждым из фашистских танков в отдельности.

А. М. Усов: Для фашистов поселок выглядел мирно. Они открыли башенные люки и уселись на броне. Засучены рукава, расстегнуты воротники грязно-зеленых мундиров. Один из фашистов постреливал из автомата по совхозным гусям. Но не соскочил за ними. Сытый. Я прильнул к перископу. Белый крест посредине башни головного танка наплывал на черный крестик прицела.

З. Г. Колобанов: Пора. Командую: «По врагам Родины — огонь!» Застрекотали пулеметы. Гулко, раскатисто ударила пушка. Снаряд разворотил броню. Дым. Пламя. Танк пошел боком, накренился, затем подался еще вперед и левой гусеницей уперся в березу. Она наклонилась, сдерживая напор.

А. П. Усов: Сделал второй, третий выстрелы. Вспыхнул другой танк. Напряжение росло. Кисельков едва успевал заряжать. Командир приказал перенести огонь на хвост колонны. Выпустили снарядов семь.

К. Кулик: Задний танк тоже загорелся и закрыл дорогу. Колонна сжималась как пружина. Трудно описать, что произошло потом. Фашисты даже не поняли сразу, откуда их бьют. Машины натыкались друг на друга, лезли в кюветы, сцеплялись гусеницами. Некоторые выбирались из кюветов, но, попав в болото, безнадежно застревали там. Экипажи бросали танки.

З. Г. Колобанов: Фашисты ошалели и стали обстреливать концы сена. Дым стеной стлался по дороге. Горевшие танки начали рваться от собственных снарядов. Страшное зрелище.

К. Кулик: Артиллерист Усов все бил и бил. Четко, метко... Каждый снаряд — точно по цели, в самое черное сердце врага. За первые 30 минут боя он подбил и зажег 22 немецких танка. Но уцелевшие от разгрома танки, отыскав наконец цель, открыли беспорядочный, но сильный огонь. Загудело, загрохотало кругом. Звонко, как по гигантской наковальне, бьют вражеские снаряды по броне танка. Землей закидало щели триплексов.

А. М. Усов: Пушка так раскалилась, что отстала краска. В танке было сизо от дыма, стало трудно дышать. Вражеские снаряды хоть и не пробивали броню, но производили такой жуткий грохот, что казалось, будто по голове бьют кувалдой. Окалина брони, образовавшаяся от ударов снарядов, впивалась в лицо, в

руки. Очередным снарядом заклинило башню. Командир приказал покинуть укрытие, чтобы маневрировать корпусом. Никифоров взялся за рычаги, и танк выполз наверх. Стало видно, как фашисты на перекрестке устанавливают две противотанковые пушки. Я навел оружие, снаряд попал прямо под колеса первой. Вторая успела выстрелить и сбила командирский перископ. Уничтожил и ее. Снаряды были на исходе.

З. Г. Колобанов: Я доложил результаты боя командованию. В ответной радиограмме командир группы поздравил нас с успехом и приказал отходить. На пути к совхозу уже находились танки лейтенантов Евдокименко, Ласточкина, Сергеева.

К. Кулик: 135 попаданий насчитали танкисты на броне моей машины после этого знаменательного поединка-побоища. Но при этом в танке не оказалось ни одной пробоины.

П. И. Пинчук, бывший командир полка: Я был в это время на наблюдательном пункте укрепленного района и слышал канонаду боя. Затем выехал на место. У перекрестка дорог пылала груда немецких танков. Героический бой и, пожалуй, беспрецедентный в истории войны. Вот что сделали колобановцы — задержали надолго наступление противника на этом важном направлении. Не очень-то помогла фашистам 8-я танковая дивизия, брошенная на усиление механизированного корпуса.

5 танков «сделали погоду». Они показали, что сильного тогда противника можно и нужно успешно бить. Это был яркий пример для всех танкистов.

Родина высоко оценила мужество танкистов. А. М. Усов был награжден орденом Ленина. З. Г. Колобанов — орденом Красного Знамени. Остальные члены экипажа удостоены ордена Красной Звезды.

(«Комсомольская правда», 9 мая 1972 г.)

Е. М. ЧЕПЛЮКОВА,

сандружинница 267-го ОПАБ

ДЕВУШКИ В СОЛДАТСКИХ ШИНЕЛЯХ

22 июня 1941 года... Этот день должен был быть самым счастливым в моей жизни: я выходила замуж за любимого человека, с которым вместе училась и работала последние два года в Ленинградском речном

пароходстве. Но в нашу судьбу вклинилась война. Мы прожили вместе всего трое суток.

Моего мужа Бориса Павловича Фрязинова призвали во 2-ю морскую бригаду (через несколько месяцев он погиб на Невском «пяточке»). Я тоже рассчитывала, что попаду в действующую армию. Я тогда служила старшим рулевым-мотористом на речном быстроходном катере РБ-5, имела удостоверение об окончании легководолазных курсов и служебную книжку водолаза, где указано, что работала легким водолазом с мая 1939 по май 1940 года. Вот почему я не сомневалась, что буду зачислена в Военно-Морской Флот.

Но получилось по-другому. Председатель комиссии предложил мне сдать ключи от катера дежурному, заявив, что на военном судне не должно быть женщин...

Вышла я из яхт-клуба в отчаянии. Да и как было не огорчаться, если все мои друзья остались на военной службе! «Ладно,— думаю,— использую еще одну возможность». Так как еще в 1940 году я окончила курсы сандружинниц при Куйбышевском райкоме общества Красного Креста, то решила идти туда.

На улице Рубинштейна, где помещался райком, меня, как и других сандружинниц, ожидало разочарование. Нам предложили написать заявление и... отправили по домам.

Однако вызов пришел скоро, 4 июля. В дежурной комнате и в коридоре райкома толпилось много девушек в легких платьях и туфельках. С радостным волнением мы слышали, что все зачислены в Ленинградское народное ополчение. Командиром нашей сандружины, в которой насчитывалось около 40 девушек, была назначена Елена Глущенко.

С каким подъемом, с каким бодрым настроением мы шагали строем по Невскому проспекту! Казалось, все взоры пешеходов были обращены на нас. А сколько было радости и воодушевления, когда нас встретили командир 267-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона народного ополчения Николай Иванович Демьянов и комиссар Филипп Иванович Казначеев!

Дни проходили в упорной учебе, которой руководили молодой врач Ирина Юкавская и опытный военфельдшер Зоя Павловна Титова.

Наконец наступил день, когда батальон покинул Ленинград. Это произошло 18 июля. Прошли походной колонной через весь город. Первый привал сделали на

Московском шоссе. Вот где пригодилась наша упорная учеба. Все сандружинницы, несмотря на усталость, бегали с санитарными сумками, оказывая помощь тем, кто до мозолей стер ноги. А таких оказалось немало.

Уже в Колпине у придорожного кювета я увидела привалившуюся в вещевому мешку Лиду Червякову. Она тихо плакала, а Шура Соколова присыпала ей стрептоцидом лопнувшие волдыри на левой ноге.

— Сейчас станет легче, — утешала Шура, — потерпи, Лидуша, пока забинтую, потерпи еще немножечко.

Под Колпином нас стало меньше — Клаву Иванову (ныне Михайлова) направили в первую роту поваром, по ее гражданской специальности, а Валю Кузьмину — шофером на грузовую машину.

Все остальные продолжали заниматься боевой подготовкой в поле. Начали с отработки ползания по-пластунски и перетаскивания «раненых». Учились обращаться с оружием, метать гранаты. Трудились до изнеможения. В свободное время девушки охотно помогали на кухне, чистили овощи, занимались стиркой.

3 августа, перед принятием военной присяги, по просьбе врачей нам была выделена грузовая машина для поездки в Колпино в баню. Мы, счастливые и радостные, забрались в кузов машины и всю дорогу пели песни.

Но когда возвращались в свое расположение, случилось большое несчастье. На перекрестке наш шофер Валя Кузьмина не сразу увидела, что из-за угла, не снижая скорости, шла тяжелая грузовая машина. Чтобы предотвратить столкновение, Валя резко повернула руль и стала тормозить, но не справилась с управлением, и машина упала в кювет, придавив бортом двух девушек, которых пришлось отправить в колпинскую больницу.

Нам было очень жалко пострадавших подружек, а также Валю Кузьмину, которую наше командование лишило водительских прав и направило работать на кухню в четвертую роту.

4 августа мы приняли военную присягу и в ту же ночь совершили второй длительный переход, прибыв к утру в город Гатчину.

Когда роты батальона были разведены по опорным пунктам, заняв рубеж обороны на юго-восточной окраине Гатчины, распалась и наша дружина. Военфельдшера Тамару Кибкало, сандружинниц Полину Павлову и Лиду Червякову направили в первую роту. Во-

енфельдшера Шуру Соколову и сандружинницу Нину Зубкову — во вторую роту. Нас четырех — военфельдшера Антофиль, сандружинниц Марию Андрееву, Тамару Ануфриеву и меня — в третью. В четвертую направили Аню Буянову, Клаву Федорову и Аню Лисицину. При штабе в санчасти остались Вера Ефимова, Мария Рубцова, Аня Евстафьева, Фаина Поспелова, Елена Глушенко и другие девушки.

Командный пункт нашей третьей роты находился в деревне Химози. Большая часть подразделения заняла самый танкоопасный участок на окраине Больших и Малых Колпан. Здесь, на стыке шоссейных и железных дорог на Лугу и Кингисепп, еще до нашего прибытия был создан хороший оборонительный рубеж.

В пяти километрах от окраины Гатчины, на Киевском шоссе, у деревни Малые Черницы (позади противотанкового рва), в трех дзотах разместилось наше боевое охранение.

Тревожное это было время. На Лугу шли наши войска, а им навстречу с большими узлами двигались беженцы, гоня перед собой домашний скот. Мы с Тамарой Ануфриевой с болью смотрели на этот людской поток.

Тамара постоянно находилась при дзоте командира орудия Крапачева, я — ближе к противоположному рву, в дзоте командира орудия Волкова. Справа стояло еще одно орудие, которым командовал Владимир Хренов. Наши ополченцы продолжали осваивать полковые орудия. К сожалению, личного оружия у артиллеристов почти не было. Не так много было гранат и бутылок с горючей смесью. А ведь мы находились в то время на самой первой линии обороны.

Утром 20 августа, как обычно, к нам прибыли политрук роты Иван Крынкин и парторг старый питерский рабочий Петр Степанович Сазонов. Они привезли письма и свежие газеты. Состоялась оживленная беседа возле дзота Волкова. Разве кто из нас мог подумать, что через час, а может и меньше, здесь, у этого противотанкового рва, разгорится ожесточенный бой с танками противника. Ведь как нам доложил Иван Сергеевич, немцы были где-то под Лугой. И вдруг... слышим крик наблюдателя Вани Новикова:

— Вижу танки, танки!..

В считанные секунды по команде Волкова орудийный расчет занял свои места и приготовился к бою. По прямому, гладкому шоссе со стороны села Николь-

ского прямо на нас вереницей шла большая колонна фашистских танков.

Трудно описать все события, которые произошли тогда у противотанкового рва. Дрожала земля от оружейных выстрелов и снарядов противника. От лобовой части нашего дзота летели в разные стороны бревна. Мы задыхались от дыма. На шоссе перед рвом горели два вражеских танка. Это отличился наводчик орудия Александр Абросимов. Но скоро и наше орудие вышло из строя. Появились первые раненые.

Где-то рядом раздались частые выстрелы нашего тяжелого танка КВ. Запылали еще два танка противника. Воспользовавшись этим, мы по команде Волкова перебрались в дзот Крапачева.

Здесь я встретила с Тамарой Ануфриевой, и мы вместе стали готовить раненых к эвакуации в санчасть батальона. Я обратила внимание, что Тамара чем-то расстроена. Указав на обгоревшую шинель, Тамара рассказала следующее. Когда противник открыл огонь по их дзоту, от прямого попадания загорелись снарядные ящики, а рядом вспыхнул порох, высыпавшийся из разбитого снаряда. Не задумываясь, она схватила свою новую шинель и бросилась сбивать пламя. Так удалось ликвидировать огонь и предотвратить взрыв снарядов.

Дзот Крапачева был спасен, и орудие прямой наводкой, в упор продолжало бить по противнику. Ни одному фашистскому танку так и не удалось преодолеть противотанковый ров.

Опешили фашисты. Видно было, как остановленные танки попятились назад и, развернувшись, стали удаляться от противотанкового рва. Это была наша первая победа первого дня боя. Три орудия против 18 танков противника, которым так и не удалось с ходу прорваться в город Гатчину!

Как стало известно позднее, недобитая фашистская танковая колонна, не сумев с ходу преодолеть нашу оборону у противотанкового рва, свернула с Лужского шоссе на проселочную дорогу и устремилась к станции Суйда.

О том, что произошло на этой дороге, рассказал впоследствии наводчик полевого орудия Константин Омелянчук.

«Нашим оружейным расчетом командовал член партии, участник гражданской войны Василий Ефимович Финогенов. Восемнадцатого августа орудие было вы-

двинута на прикрытие дороги, которая вела от села Никольского к станции Суйда. Мы оборудовали площадку в овсяном поле, прикрыли орудие стожком сена. Утром 20 августа еще продолжали рыть окопы, ниши для снарядов, соорудили из березовых веток шалаш недалеко от огневой позиции, как вдруг услышали гул моторов. Он с каждой минутой нарастал. Мы немедленно изготовились к бою. Фашисты, видимо, не думали здесь, в овсяном поле, встретиться с нашим полковым орудием. Люки танков были открыты. Гитлеровцы, высунувшись в них, смотрели по сторонам. Стожок сена в поле ничем не привлек их внимания. И когда танки стали выходить из лощины и подниматься в гору, наш командир подал команду: «По головному бронебойным — огонь!»

Первый танк был подбит с первого выстрела. Машины шли друг за другом почти вплотную. Секунды — и запылали еще два танка. Остальные было попятиться, но нам удалось подбить еще один танк. И вот тут над полем закружились самолеты.

От взрыва бомбы взлетел на воздух наш шалаш. Командир орудия Финогенов, бойцы Павел Щербаков, Сергей Фадеев погибли. Подносчика снарядов Леню Александрова засыпало землей. Я бросился к нему, помог подняться на ноги, и мы снова встали к орудию. К нам подбежал Степан Желудев — и вовремя, так как к позиции приближался вражеский танк. И на этот раз мы не промахнулись. Первый снаряд разорвал гусеницу, второй угодил в моторную часть — и танк вспыхнул. Метким огнем мы подбили еще одну машину фашистов. После этого над нами снова появились самолеты. Нашу пушку взрывом бомбы перевернуло вверх колесами. Расчет отбросило в сторону. Я лежал оглушенный, засыпанный землей. Меня оттащили в сторону, в лес. Отсюда хорошо было видно, как очень осторожно четыре танка противника приблизились к станции Суйда и открыли огонь...»

Через несколько дней бойцы нашего батальона с гордостью читали в ополченческой газете «На защиту Ленинграда» рассказ журналиста о мужестве и стойкости этого артиллерийского расчета. «Железную выдержку, стойкость, высокое мастерство проявили сыны Ленинграда — командир Финогенов, помощник машиниста железнодорожных мастерских Константин Омелянчук, его боевые друзья — комсомольцы «Теплостроя» тов. Желудев и тов. Александров».

Поздно вечером мы с Тамарой доставили 12 раненых в нашу санчасть. В этом бою погиб командир орудия Владимир Хренов. Его сын Володя был тяжело ранен. Вышли из строя два наших орудия...

Помнится еще один бой за Варшавскую железную дорогу у деревни Химози, где оборонялась наша рота. Один из последних дней августа начался с минометного обстрела противником наших позиций. Не успели еще затихнуть взрывы мин, как вражеские автоматчики начали вести огонь из леса. Но первая попытка захватить деревню Химози и овладеть железной дорогой была отбита. И, как всегда при неудаче, фашисты еще больше рассвирепели. Шквал минометного огня повторился с нарастающей силой.

В течение этого дня нами были отбиты три атаки противника. Понесся большие потери, фашисты прекратили попытку захватить железную дорогу. Кроме того, их выбили из леса, и они были вынуждены отойти к станции Суйда. Но и наши потери были значительными. Мы втроем: Маша Андреева, Тамара Ануфриева и я — эвакуировали с поля боя 57 раненых. Среди тяжело раненых оказался наш политрук Степан Михайлович Степанян, которого вынесла с поля боя Маша Андреева (после замужества Прохорова).

Помнится, спустя много лет после войны на наших встречах ветеранов Степан Михайлович не раз вспоминал этот бой и горячо благодарил Марию Андрееву за спасение.

Большую утрату понесла наша сандружина 6 сентября в деревне Малое Замостье. Вражеская пуля оборвала жизнь Вали Кузьминой. Как выяснилось из рассказов очевидцев, большая группа фашистских автоматчиков, переодевшись в красноармейскую форму, напала на пулеметный взвод ополченцев на южной окраине деревни. Бойцам пришлось отбиваться гранатами. Но слишком неравны были силы в этой короткой схватке, и противник захватил деревню. Вскоре, однако, наши разведчики под командованием политрука Андрея Григорина вновь освободили ее от фашистов.

Владимир Михайлович Кочнев, повар 4-й роты, находившийся в это время в центре деревни, рассказал, что там произошло:

«Мы готовили обед для наших ополченцев. Мне помогала сандружинница Валя Кузьмина. И когда все было готово, на южной окраине деревни внезапно вспыхнул бой. Мы растерялись и не знали, что нам у

кухни делать. И вдруг за углом дома с глазу на глаз я встретился с фашистским автоматчиком. К сожалению, у меня, кроме кухонного ножа, ничего не оказалось. Я отбежал в сторону. За спиной раздалась короткая автоматная очередь, и моя помощница упала. Когда через несколько минут я склонился над ней, то увидел, что ее выющиеся волосы набухают кровью».

Хоронили любимую подружку на городском кладбище. На ее могиле девушки дали клятву мстить фашистским гадам, пока бьются их сердца.

И они выполняли ее.

В районе деревни Пижма шли жаркие бои. Военфельдшер Тамара Кибкало в первом бою под разрывами снарядов противника вынесла с поля боя семь тяжелораненых ополченцев.

На самой передовой линии находилась Нина Зубкова. Она быстро и умело оказывала помощь раненым. Когда превосходящие силы противника потеснили пулеметный взвод, его командир Костя Михайлов, несмотря на ранения, продолжал вести бой. Но вот он, обессиленный, потерял сознание. Нина взвалила его на свои плечи и вынесла из-под огня противника.

«Вражеской пулей я был ранен в ногу,— рассказывал командир роты лейтенант Даниил Косарев.— Не успел оглянуться, как возле меня появилась Вера Позднякова и перевязала рану. Когда я спросил, как она смогла так быстро прийти мне на помощь, Вера ответила:

— Дружинницы всегда должны появляться там, где нужно!».

Вера действительно была очень подвижной, она не только перевязывала раны, но и в перерыве между боями ходила в окопы брить бойцов. Чистых и опрятных похвалит, грязных пожурит.

Трудно сейчас представить, когда у повара первой роты Клавы Ивановой оставалось время для сна. Ночью она готовила завтрак, днем — обед, вечером — ужин. И так сутки за сутками под обстрелом противника. И неудивительно, что именно Клава одной из первых была представлена командованием батальона к награде за бои под Гатчиной.

А наша санчасть! Врачи Ира Юкавская, Вера Шеврановская, командир нашей сандружины Елена Глущенко, Вера Ефимова, Фаина Поспелова, Полина Павлова и другие девушки день и ночь были на ногах, оказы-

вая первую помощь тем, кто нуждался в срочной эвакуации в госпиталь.

Когда не хватало транспорта для перевозки тяжелораненых, девушки брались за носилки и несли неспособных двигаться бойцов до станции Татьянино, куда еще изредка подходили пригородные поезда.

К сожалению, в то грозное время мы были малоопытными, плохо знали азбуку войны. Наша санчасть, например, располагалась почти рядом с городским кладбищем, в двухэтажном деревянном доме, не имея рядом какого-либо укрытия. Штаб батальона находился в старой церкви городского кладбища. Здесь же на небольшой поляне день и ночь дымила штабная кухня, а рядом расположился продовольственный склад. Под открытым небом лежали ящики с боеприпасами.

Неудивительно, что вражеская разведка без труда обнаружила наше расположение. Вот почему 9 сентября рано утром первый бомбовый удар авиации противника был нанесен именно по кладбищу. Летели вверх вековые деревья, прямым попаданием авиабомбы снесло купол церкви.

К нашему счастью, санчасть не пострадала. Лишь только после этого была дана команда всем тыловым подразделениям и санчасти срочно переместиться в центр города, на проспект 25 Октября, в каменное здание бывшего Сиротского института.

В тот день я была ранена и отправлена в одну из ленинградских больниц. В октябре я снова вернулась в свой родной батальон, но ненадолго, так как 6 ноября меня сильно контузило и я снова оказалась в госпитале.

Прошли десятилетия. На традиционных встречах однополчан мы минутой молчания чтим память тех, кто не вернулся с поля боя, не увидел День Победы.

Под городом Пушкином оборвались молодые жизни врача нашей санчасти Ирины Николаевны Юкавской и сандружинницы Веры Поздняковой. От вражеской пули погибла отважная Полина Павлова. В последние дни войны на 22-м году жизни перестало биться сердце нашей дорогой Шурочки Соколовой, она похоронена далеко от родного города, под Нарвой, в братской могиле. Некоторые наши девушки после тяжелых ранений на всю жизнь остались инвалидами войны. Но все мы, отстаивая город Ленина от немецко-фашистских захватчиков, полностью отдавали себя победе над ненавистным врагом.

БОЕВАЯ ПЕРЕПИСКА

*Трудящимся Куйбышевского района
гор. Ленинграда*

**ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!
НАШИ ОТЦЫ И МАТЕРИ!
БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! ЖЕНЫ И ДЕТИ!**

Сегодня мы читали присланные вами письма. Сознание того, что вы с нами, что своим упорным, героическим трудом вы помогаете превратить подступы к нашему любимому городу в могилу немецко-фашистских разбойников, удесят�еряет наши силы.

Один из наших артиллерийских расчетов, находясь на переднем крае обороны, несмотря на обстрел вражеских танков и воздушную бомбардировку, самоотверженно вел огонь прямой наводкой по вражеским танкам. В этой героической схватке орудийный расчет в упор расстрелял и вывел из строя пять вражеских танков. Смертью храбрых погиб младший командир коммунист Финогенов. Самоотверженно вели себя т. Омелянчук, номерные тт. Желудев и Александров.

Мы уверены, что победим, ибо мы знаем, во имя чего народ поднялся на Великую Отечественную войну. Мы знаем, что наш тыл монолитен и крепок. Это вселяет в нас стойкость и мужество в борьбе с подлым врагом.

Мы ждем от вас удесятеренной энергии и организованности. Самоотверженно трудитесь. Давайте больше вооружения, боеприпасов.

Будьте бдительны. Беспощадно разоблачайте трусов. Крепите революционный порядок и дисциплину.

Мы даем клятвенное обещание:

Дратся с врагом стойко, самоотверженно, до последней капли крови защищать свою прекрасную, цветущую Родину, свой город, свои семьи, свою честь и свободу.

По поручению бойцов, командиров и политработников: *А. Васильев, В. Косарев, А. Максимов, М. Хаславский.*

(Газета «На защиту Ленинграда», август 1941 г.)

У ПОЛЕВОЙ КУХНИ

На войне совсем не легко. Потому что и опасно, и страшно. И несмотря ни на что, надо нести свою службу, выполнять все, что прикажут.

Мне кажется, самое трудное быть на войне поваром. Пищу для подразделения надо готовить при любых обстоятельствах. Непременно три раза в день. Всех досыта накормить. А нам по-бабьи хочется, чтобы каждый боец и командир перед боем или между боями с аппетитом поел. Чтобы все было горячее и вкусное.

Я служила в первой роте 267-го артпульбата и участвовала в тех первых боях под деревней Пижма, которые мне никогда не забыть. Для меня тот период был самым страшным, хотя походная кухня и находилась в густом лесу.

На опушке рядом окопы, в которых занимает рубеж наша рота. Я только что раздавала завтрак, как начался бой и стали поступать раненые. Военфельдшер Тамара Кибкало едва успевает оказывать первую помощь. Тех, кто может передвигаться, направляет в батальонную санчасть, а тяжелораненых укладывает на подводы. В это время возле кухни я вижу командира роты Косарева.

— Клава, — торопливо говорит он, — немедленно запрягайте лошадей — и как можно дальше отсюда!

Кругом рвутся мины, снаряды, пули сбивают ветки с деревьев. А ведь тут целое хозяйство: походная кухня с несколькими подводами с запасом продуктов на три дня, тяжелораненых семь человек, нас семеро, еще три подводы с имуществом...

Торопимся. А куда ехать? Впереди мелколесье, болото, торфоразработки. Просека к деревне Пижма уже отрезана. Там идет сильный бой. Одно на уме: как выполнить приказ командира и спасти раненых?

Я принимаю всю ответственность на себя: идем через лес! Обоз следует за мной. Тамара Кибкало ухаживает за ранеными. Местами приходится пробираться сквозь сплошные кусты. Начинают болеть ободранные руки. На мне ни ремня, ни пилотки — где-то потеряла. Но вот пора сделать и привал — наступает ночь.

С рассветом мы вновь направляемся в путь. Спе-

шим как можно дальше уйти от разрывов снарядов и мин, которые грохочут позади нас, наверно, на северной окраине Пижмы, где держит рубеж наша рота.

В лесу неожиданно встречаем нашего артиллериста Ивана Архипова. От него узнаем, что в неравном бою с фашистскими танками погиб на восточной окраине деревни Пижма весь расчет во главе с командиром Константином Попусом. Иван случайно остался жив. Теперь мы под защитой одного из тех, кто побывал в бою. Иду впереди, а Архипов прорубает дорогу для обоза. Вдруг из-за дерева выходит человек.

— Стой, руки вверх! — кричит он, вскидывая винтовку к плечу.

Я объясняю, кто я, а он все свое. Я показываю ему свои исцарапанные руки, а он не обращает на это внимания, и опять:

— Руки вверх!

— Ты что, очумел? — кричу я не своим голосом, а сама дрожу от страха.

Видно, он меня принял за диверсанта. Тем более что мой «воинский» вид в этот момент не внушал большого доверия.

— Там наши раненые, — указываю рукой в густой лес, где остановился обоз.

Когда мы подошли к обозу, боец увидел, что к чему, и крепко пожал мне руку, затем объяснил, как ближе выехать на дорогу.

Через некоторое время, когда в лесу показался про свет, а за ним и дорога, от пережитого у меня потемнело в глазах, и Тамаре Кибкало пришлось повозиться и со мной, чтобы привести в чувство.

Но вот и дорога, а там вдали виден и город. На сердце стало легче — все страшное позади. На дороге видим две легковые машины. Радуюсь, что сейчас отправим поскорей наших раненых в госпиталь. Из одной машины выходит среднего роста человек в военной форме, с двумя «шпалами» в петлицах. Оглядев нас, он строго спрашивает:

— Кто здесь старший?

— Я старшая. Выходим из окружения.

Поправляю гимнастерку и, волнуясь, докладываю о выходе нашего обоза из-под Пижмы. Он перебивает меня:

— Окружение! Наводите панику!

Тамара Кибкало, как положено, вскидывает руку к пилотке и докладывает:

— Товарищ командир, сопровождаю ополченцев, тяжело раненных в первом бою под деревней Пижмой.

Он смотрит внимательно на Тамару, у которой санитарная сумка залита кровью, постепенно смягчается и приказывает:

— Товарищ военфельдшер, вам здесь больше делать нечего! — И повернувшись в сторону Пижмы, откуда слышится гул боя, добавляет: — Там вы будете нужнее.

Ивану Архипову, у которого за поясом было две гранаты, командир приказывает следовать за ней.

Сдав в Гатчине раненых в нашу санчасть, я все не могу найти себе места. Меня одолевает одна мысль: «Как там под Пижмой, что с нашими? Ведь сутки ополченцы без горячей пищи...» И вдруг я вижу возле санчасти связного, присланного командиром нашей роты. Я тут же закладываю в котел двухсуточный паек на весь личный состав роты, разжигаю топку котла на ходу, и мы с ездовым Иваном Беляевым спешим быстрее выехать на Лужское шоссе. Миновав город, сворачиваем в деревню Химози, а там проселочной дорогой двигаемся в лес к железнодорожной будке. Здесь нас встречает командир роты Косарев.

«Кухня приехала!» — от окопа к окопу передается радостная весть. А для повара нет большей в бою похвалы. Я щедро наполняю котелки горячей пищей и радуюсь за бойцов. Радуюсь, что многие живы, здоровы и едят с аппетитом. Тамара Кибкало тоже вернулась. Она мне рассказала:

— Командир, который ругал тебя за панику, под Пижмой возглавил бой; повел ополченцев по открытому полю на Пижму, где в противотанковом рву залегли гитлеровцы. Они нас подпустили на близкое расстояние и открыли огонь. Потери наши были велики, погиб и сам командир, тяжело ранило Ивана Архипова. А цель не была достигнута.

Вот к чему приводят излишняя горячность и отсутствие опыта...

А я уже накопила некоторый военный опыт. В лошине на северной околице деревни Химози ночью я готовила завтрак, а чуть свет с горячей пищей появлялась в лесу. Там в это время наша рота сдерживала яростные атаки противника на железной дороге Гатчина — Суйда. И так день за днем, почти три недели героической обороны Гатчины...

Никогда не забыть тревожные сентябрьские дни отступления. Утром 12 сентября под огнем противника я накормила измученных в тяжелых боях ополченцев, а обед так и остался в походной кухне.

Поступил приказ отходить из Гатчины по дороге на деревню Романовку. Теперь мое положение было облегчено тем, что со мной не было раненых. Дымит кухня, а наша неторопливая лошадка даже не обращает никакого внимания на то, что от оружейных разрывов земля колыхается.

Мы сидим вдвоем на козлах походной кухни, а сердце так и замирает. Солдатам легче: кто пригнет-ся, кто в канаву ляжет, а мы у всех на виду, как прикованные к жестким сиденьям.

А тут то один, то другой боец подбежит вплотную к кухне, и начинается на ходу раздача горячей пищи. Кормлю свежей, душистой кашей, хорошо заправленной мясными консервами, а сама вглядываюсь в лицо каждого солдата. Нет, до самого Пушкина не увидела ни одного из своих.

Несколько суток потом томила в неизвестности. Где наши, что с ними? А тут на Пушкин налетели фашистские бомбардировщики. Бомбы крошат дома, памятники, дворцы. Что делать? И подались мы с походной кухней в Пулковое, а затем на Среднюю Рогатку.

По-видимому, я «родилась в рубашке», потому что именно здесь, на Международном (теперь Московский) проспекте, в недостроенном высоком доме, я встретила своих. Сколько слез и радости было в этот день! Я, моя походная кухня, Иван Беляев и неторопливая лошадка вновь в родном батальоне. Не было только с нами моей боевой подруги Тамары Кибкало. Она числилась в списках без вести пропавшей...

Вскоре, пополнившись, наш батальон занял оборону под самыми стенами оккупированного города Пушкина.

Здесь я вступила в партию. Работала поваром, связисткой и сандружинницей. Защищала вместе со всеми город Ленина. И здесь полюбила молодого лейтенанта Костю Михайлова. Он тоже отдал мне свое сердце.

Как-то раз моего друга направили в Ленинград за пополнением для личного состава батальона. Я не раздумывая поехала с ним. И в этот день мы оформили наш брак. Я сменила свою фамилию на фамилию мужа. В одну из наших встреч я ему сказала, что у нас будет ребенок. Костя был бесконечно рад.

Но судьба не пощадила нашу любовь. 19 января 1944 года, за несколько дней до снятия блокады Ленинграда, командира разведки батальона Константина Михайлова смертельно ранило. Спустя несколько дней в военном госпитале он умер.

Его хоронили на Пискаревском мемориальном кладбище в отдельной могиле. На гранитной плите выбита надпись:

Лейтенант
МИХАЙЛОВ К. К.
1912—1944 гг.

В марте 1944 года в боях под городом Нарвой я была тяжело ранена и контужена.

Теперь я уже бабушка. Сын наш Валерий пошел по стопам отца. Он закончил военную академию и служит в Советской Армии. А внука моего в честь деда назвали Костей.

Спустя много лет после войны в Ленинграде я встретилась с Тамарой Кибкало. У нее, как и у меня, растут внуки.

Много лет спустя после войны в Центральном архиве Советской Армии составители обнаружили наградной лист на повара первой роты Иванову Клавдию Никифоровну с представлением ее к ордену Красной Звезды. В коротком тексте сказано:

«В боях с германским фашизмом под Красногвардейском (Гатчина) в районе Большая Пижма проявила мужество и отвагу. В период боя 23 августа вывела из окружения в районе Большой Пижмы обоз с большим количеством продуктов, вещевым имуществом и 7 раненых бойцов; в то же время вела лично непрерывно разведку, тем самым обеспечила отход обоза без потерь».

В. А. БАЙДАКОВ,
политрук роты 2-й гвардейской ДНО

ЮЖНЕЕ ГАТЧИНЫ

Жаркий летний полдень. С Невы веет прохладой, уютна тень старых деревьев, разросшихся на Большом проспекте, в скверах — все точно так же, как и

неделю назад. Но белые бумажные перекрестья на стеклах да плакаты «Родина в опасности!» напоминают: идет война.

Война резко изменила наши планы. Выпускные экзамены, подведение итогов учебного года, мои директорские заботы о ремонте школы — теперь все это отодвинулось куда-то вдаль. 24 июня в школе был развернут военный госпиталь. А через несколько дней я вступил в ряды народного ополчения.

Представитель военкомата, проводивший запись добровольцев, сказал:

— Вы направляетесь в Свердловскую дивизию. Она еще формируется. Примете в этом участие.

Когда комплектование подразделений подходило к концу и была создана отдельная пулеметная рота, меня назначили туда политруком.

Пошел на Косую линию, где в одном из домов размещалась рота. Там уже находился ее командир — лейтенант Фоменко, молодой человек, только что окончивший военное училище. Первым взводом командовал его товарищ по училищу Королев. Три других взвода приняли командиры запаса Кузнечиков, Кожушко, Голубев. На вооружении роты состояло несколько станковых пулеметов и винтовки.

Стал я знакомиться с личным составом. Народ подобрался молодой, грамотный, энергичный, но, конечно, военные знания у большинства были слабые, а некоторые бойцы вообще никогда не держали в руках оружия. Решили мы с командиром немедленно приступить к занятиям.

Ранним утром подъем. Короткий завтрак на фабрике-кухне, что на углу Большого проспекта и Косой линии, построение и команда: «Запевай!» На пустыре возле Смоленского кладбища мы постигали азы военной науки.

Наша рота вошла в состав третьего стрелкового полка, укомплектованного в основном рабочими и инженерами Балтийского завода.

Когда дивизия была полностью сформирована, она получила наименование 2-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Наступила середина августа. Ранним утром мы шли по пустынному городу навстречу врагу, рвущемуся к Ленинграду. Безлюдны набережные Невы, мост Лейтенанта Шмидта, Театральная площадь, Садовая улица, Международный проспект. Не звучит обычная

команда «Запевай!»: мы не хотели нарушать покой горожан. Только мерно печатают шаг бойцы.

Три дня мы стояли в Московской Славянке.

Несколько раз над нами завязывались яростные воздушные бои: краснозвездные «ястребки» встречали летевшие к Ленинграду самолеты врага. Молодежь, видя эту воздушную карусель, загоралась: «Когда же мы в бой пойдем, товарищ политрук? Скорей бы!»

Мы, конечно, уже не те штатские люди, которые полтора месяца назад не умели «взять ногу», быстро окопаться, выбрать позицию для пулемета, метко метнуть гранату. Но проверить нашу выучку мог лишь первый бой. А час его все ближе и ближе...

И вот мы снова на марше. Двигаемся к Гатчине. Прозвучала команда остановиться. Отдыхаем на окраине совершенно безлюдной деревни вблизи Тайц. На дороге появляется женщина, пристально вглядывается в наши лица.

Вдруг к ней бросается командир взвода Голубев — такая неожиданная и радостная встреча с женой, возвращавшейся с оборонных работ!

Отдых был недолгим. Первый батальон и наша пулеметная рота получили приказ сниматься. Это последний переход перед боем, завтра нам предстоит атаковать врага.

— Шагом марш!

И вновь запылила под сотнями ног дорога. Выяснилось, что идем мы к деревне Сяськелево, расположенной западнее Гатчины. До нее километров тридцать. Расстояние не пугает, главное — успеть к рассвету следующего дня, чтобы своевременно вступить в бой.

Вечерело. Идем быстро, без остановок, через поля, луга, перелески, почти безлюдные деревни. Наконец привал.

— Как самочувствие? — спрашиваю пулеметчиков.

— Хорошее, товарищ политрук! — откликаются сразу несколько человек.

Комбат старший лейтенант М. В. Грунев собрал командиров и политруков рот. Короткое совещание. Нужно послать разведку. Сразу вызвался лейтенант Голубев. С двумя бойцами, уточнив маршрут, он уходит в густеющие сумерки. Грунев показывает по карте наш дальнейший маршрут, отмечает место, куда мы должны прибыть к рассвету. Подойти нужно скрыто, только так можно обеспечить внезапность атаки; всем быть в полной боевой готовности. Мы с Фоменко возвраща-

емся в роту, знакомим пулеметчиков с поставленной задачей.

— Становись! Шагом марш!

И снова колонна устремляется в путь. Идем молча, лишь сзади погромыхивают нагруженные повозки да изредка звучит приглушенная команда. Навстречу падается повозка с тремя ранеными красноармейцами — значит, враг уже близко.

Начинает светать, а конца лесу, кажется, не будет. Но вот появились какие-то просветы, открылось подернутое предутренней дымкой поле. Навстречу бегут дозорные:

— Впереди противник!

Комбат отдает команду:

— Ротам рассредоточиться, пулеметчикам занять боевые позиции!

Впереди поплыло дымное облако. Плотная серая завеса движется на нас, закрывая горизонт. Мы открываем огонь, и сразу же в ответ начинают рваться мины.

Огневая дуэль становится все ожесточеннее. Гитлеровцы то и дело возобновляют дымовую завесу, из-за этого трудно вести прицельный огонь. А команды атаковать все нет. Комбат, видимо, ждет обещанных танков. Я на левом фланге, рядом пулеметный расчет, бойцы ведут огонь, ловя просветы в сдуваемой ветерком дымной пелене. Вдруг рядом раздается рокот мотора, за изгородью появляется наш танк. Значит, сейчас пойдем в атаку. И в это время по цепи проносится: «Комбат ранен!» Осколок попал Груневу в голову, он потерял сознание, но вскоре пришел в себя. Первыми его словами был приказ: «Стоять насмерть!» Ополченцы вновь усилили огонь по врагу.

Бой длился уже несколько часов. Кончались боеприпасы, все больше становилось раненых и убитых. И в это время ветер унес последние клочья дыма. Мы увидели, как, подминая спелую рожь, на нас идут семь вражеских танков.

Уже дважды раненный, комбат Грунев, собрав все силы, крикнул:

— За Родину, за Ленинград! По танкам — огонь!

Две вырвавшиеся вперед машины ополченцы забросали бутылками с горючей жидкостью. Вновь над полем боя пополз теперь уже густой черный дым — горели гитлеровские танки, остальная пятерка попятилась назад. В этот момент пуля сразила комбата.

Немецкие автоматчики стали обходить батальон с

флангов. В лесу раздавались отрывистые очереди, взрывы гранат.

Передали команду отходить...

23 августа понесший большие потери батальон соединился в Тайцах с полком. От нашей пулеметной роты осталась лишь треть. Ранены лейтенант Фоменко, командиры взводов Королев и Кожушко, погиб командир взвода Кузнециков.

Отправив раненых в тыл, полк в тот же день выступил из Тайц. В районе деревни Романовка остановились на ночевку. Кругом кипела работа: строили дзоты, рыли противотанковые рвы и окопы, делали завалы. Ночью была хорошо слышна канонада, видны отдаленные сполохи — где-то за Гатчиной шел бой. Проплыли наши бомбардировщики, и вскоре до нас донеслись глухие взрывы.

Утром ускоренным маршем мы направились в Гатчину. Город был пуст, встречались лишь военные. Недолгий привал в старинном тенистом парке, где все напоминало о недавних мирных днях, — и снова в путь.

В соприкосновение с противником полк вошел на следующий день юго-восточнее Гатчины, возле деревень Пижма и Пустошка. Командир полка подполковник Васильев принял решение атаковать с ходу. Ополченцы с криком «Ура!» смело устремились на врага. Завязались рукопашные схватки.

Пули свистели прямо над головой, ссекая листву с молодых березок. Я упал на край противотанкового рва и сорвался вниз. Карабкаясь по отлогой стене, с трудом выбрался наверх и снова присоединился к цепям атакующих. Мы бежали, перескакивая через трупы в серо-зеленых мундирах, и видели, как гитлеровцы лихорадочно заводят машины на деревенской околице, переваливаются через борта кузовов. Бегут!

Но вот противник бросил в бой свежие силы. Вражеский огонь заставил ополченцев залечь. Завязалась артиллерийская дуэль. Под ее «аккомпанемент» мы начали спешно окапываться. Саперы на небольшом холмике за оврагом энергично сооружали блиндаж — КП полка.

Много жизней спасли в этот день наши сандружинницы Анна Зимина, работница завода металлоизделий, и ее боевая подруга комсомолка Мария Кузнецова. Под сильным пулеметным огнем Зимина вынесла тридцать семь раненых. Позже отважные девушки были награждены орденами. Одна из них оказала помощь и мне.

Вблизи разорвалась мина. Очнулся, вижу: подползает сандружинница, сама ранена в ногу. Хотя меня контузило и рассекло осколком лицо, после перевязки я смог вернуться в свою роту.

На этом рубеже ополченцам удалось задержать врага на несколько дней. Яростные бои шли непрерывно, кажется, за исключением одного дня, когда ударил сильный ливень. И без того перепаханная взрывами земля пусть ненадолго, но стала нашим союзником: ни пройти, ни проехать. Но на другой день солнце подсушило почву, и вновь на нас поползли танки, а за ними пошла пехота.

— «С-окол»!! «Сокол»! Дай огонька! «Кукушка»! «Кукушка»! Огоны!

Молодой командир стрелковой роты, надрываясь, кричал в телефонную трубку. Наша артиллерия и минометы почему-то молчали, а гитлеровцы уже вплотную подходили к окопам.

Мы подоспели с пулеметами, когда вражеские автоматчики появились чуть ли не у самых брустверов окопов. Расстреливали врага почти в упор.

Потом прорыв на другом участке, и пулеметчики бегут туда. Так и кочевали весь день.

Время от времени мы контратаковали. Вспоминаю одну из контратак.

Утро. Ветер недалеко от окопа покачивает колосья переспелой ржи, в небе стремительно проносятся ласточки, туман ползет по опушке леса, и кажется, что никакой войны нет. Но над головой свистит снаряд, второй, третий... Это наши начали артиллерийскую подготовку. Все заняли свои места. Пулеметчикам сейчас предстоит большая работа — поддержать огнем цепи атакующих.

Взвилась ракета.

— В атаку! Вперед!

И забыты прелести летнего утра. Тело собрано в один напряженный комок, сердце бешено колотится. Хотя артиллеристы поработали неплохо, гитлеровцы встречают нас плотным огнем. Меня обогнал расчет Соколова. Залегли, установили пулемет. Вот он подал свой голос. Но место выбрано неудачно — как бы не накрыли ребят...

В этот момент немцы открыли массированный огонь из минометов, цепи прижаты к земле, головы не поднимать. Подполз, морщась от боли, Аксенов.

— Что случилось?

— Товарищ политрук, Соколов и Голубев убиты. Я ранен, кажется, в бок.

Я добрался до разбитого пулемета. Уткнувшись в его станину, лежал Соколов, рядом — Голубев, осколок попал ему в голову.

Достал документы убитых, спрятал в карман своей гимнастерки партийный билет Голубева. Прощай, друг! Быстро отполз к Аксенову, наскоро сделал ему перевязку, оттащил в ближний овражек. Там уже скопилось несколько раненых, около них хлопотала сандружинница.

— Вы ранены, товарищ политрук?

— Нет.

— У вас все лицо в крови.

Оказалось, осколок разорвал кожу на лбу, я даже не заметил, когда это случилось. Выскочил из овражка, бросился вперед. Наши снова поднялись во весь рост и с криком «Ура!» ворвались в немецкие траншеи.

Скоротечный рукопашный бой. Как опишешь его? Короткие очереди автоматов, крики, прерывистое дыхание дерущихся людей, отдельные выстрелы, стоны, где-то совсем рядом взрыв гранаты...

Вечером я пошел на КП полка, разыскал секретаря партбюро А. А. Лебеда, передал ему партийный билет Голубева. Помолчали.

— Сколько ж теперь у тебя, политрук, осталось пулеметчиков?

— Да меньше, чем пальцев на руках...

— Маловато, — сказал парторг. — Крепись, мы должны выстоять...

На следующий день, отражая ожесточенные атаки, которые с перерывами длились несколько часов, мы потеряли еще двух человек.

Бои слились в одно яростное сражение, иногда не затихавшее даже ночью. Силы наши таяли. Мы все реже переходили в контратаки, с трудом удерживали занятый рубеж. Гитлеровцы почувствовали это и при мощной огневой поддержке стали вклиниваться в нашу оборону то в центре, то на флангах.

Наши два пулемета — все, что осталось после стольких дней боев, — были сосредоточены в центре. Боевую задачу нам сформулировали кратко: охранять КП полка, не допустить прорыва гитлеровцев на этом участке нашей обороны. Вместе с бойцами комендантского взвода пулеметчики несли круглосуточное дежурство.

Молодой лес, окружавший командный пункт, служил нам хорошей маскировкой. С другой стороны, он был удобным прикрытием и для гитлеровцев. В один из дней, прорвав цепь охранения, вражеские автоматчики появились между деревьями прямо у подножия холма, где помещался КП. Они даже не пытались подойти скрытно, шли в «психическую» атаку, ведя огонь на ходу. Пулеметчики действовали спокойно: несколько длинных очередей — и оставшиеся в живых побежали обратно.

На выстрелы выскочили из блиндажа начальник штаба полка Семенов, группа бойцов охраны. Мы бросились за убегающими гитлеровцами. Рядом со мной оказался смуглолицый невысокий солдат, один из тех, кто охранял КП, — его звали Ахмет.

Очередь... Другая...

— Смотри, Ахмет, вон слева!

Боец хладнокровно целится, чуть прищурив глаз. Выстрелил. Гитлеровец сполз на землю, держась за ствол молодой березки. К нему поспешил другой автоматчик, его Ахмет тоже взял на мушку. Вскоре стрельба в леске затихла.

Через два дня атака была повторена. Но в этот раз фашисты действовали более осторожно, не шли в полный рост. И снова на поляне перед КП скрестились очереди наших пулеметов.

...Время — под вечер. Густеют сумерки. Мы уже знаем, что фашисты все делают, даже атакуют, «по расписанию». На сегодня они вроде бы выполнили свою программу. И вдруг снова пальба. Новая группа «гостей» буквально вывалилась на поляну. У одного из наших пулеметов заело ленту. Мы с пулеметчиком одновременно схватились за гранаты, — гитлеровцы совсем рядом. «Лимонки» полетели в цель. Атака была отбита.

Начало темнеть. Наверное, на сегодня все. Я обошел посты, предупредил бойцов: ночь — союзник разведчиков, лазутчиков, надо быть начеку. Вернулся в шалаш. Не знаю, сколько прошло времени, слышу — стрельба. Выскочил наружу. Оказалось, гитлеровские автоматчики обошли КП и сейчас, видимо, двинулись к Малой Пижме, где размещался штаб полка. Связь с ним прервана.

Меня вызвали на командный пункт, приказали восстановить связь со штабом. С группой бойцов я ушел выполнять задание.

Быстро темнело, глаза различали стволы деревьев. Шли осторожно, готовые в любую минуту открыть огонь. Автоматчики не могли уйти далеко. И вдруг слышались их голоса. Шепотом дал команду сосредоточиться.

Я узнал это место. Метрах в сорока — пятидесяти от нас — большая канава, за ней дорога, ведущая в деревню. Очевидно, враг готовил здесь засаду. Мы подползли к канаве вплотную. Уже отчетливо была слышна немецкая речь. Я передал по цепи:

— Приготовиться! Огоны!

Через несколько минут ожесточенной перестрелки гитлеровцы рассеяны. Путь к штабу полка свободен. Отправив часть бойцов обратно на КП, я доложил комиссару о только что закончившейся схватке, предупредил о возможной опасности.

— Ясно. Отдыхайте, политрук.

Вместе с другими бойцами зашел в землянку, на нарах — свежее пахучее сено. Через несколько минут все крепко спали.

Утром возвратились на КП, получили подкрепление — примерно десяток бойцов. Узнали, что несколько гитлеровцев взяты в плен.

Я думал о школе. Первая учебная неделя для нас обычно самая волнующая. На переменах разговоры в учительской: о прошедшем лете, учениках, первых оценках, появившихся в журналах. Все мы — педагоги и ученики — постепенно входим в рабочий ритм, без него школьная жизнь невыносима.

Я вспоминаю, как на уроках рассказывал ребятам об Отечественной войне 1812 года, о Бородинской битве, о героях гражданской войны. Вот и на нашу долю выпало защищать Родину. И снова весь народ поднялся на врага. Кого только нет в батальоне — русские, украинцы, белорусы, татары, латыши! Буду сегодня проводить беседу — обязательно скажу об этом: когда поднимается народ, нет силы, которая могла бы одолеть его. Во мне вновь заговорил учитель истории.

Подъехала кухня.

— Поспешите, ребята! Немцы уже позавтракали, вас дожидаться не будут.

Казалось, они не торопились в этот день. Но вот тишину нарушил свист снаряда.

— Ложись!

Вокруг КП шквал огня. Давно противник так старательно не обрабатывал наши позиции. Пятнадцать

минут длился обстрел. Но вот замолкли последние взрывы. Мы выбрались из щелей, укрытий, вытряхивали песок из пилоток, карманов, проверяли оружие.

— Воздух!

Один за другим на нас начали пикировать бомбардировщики. От ударов бомб земля ходила ходуном: казалось, не выдержат барабанные перепонки, все плыло перед глазами.

И снова тишина. Она сдавливала виски, наваливалась тяжелым грузом. Я видел, как рядом мотал головой боец — тоже никак не мог прийти в себя.

— Байдаков! — словно сквозь вату донесся до меня голос комиссара полка. — Фашисты! Все, кто на КП, — в твоём распоряжении. Контратакуй!

Я сбросил шинель, выхватил из кобуры пистолет:

— Слушай мою команду! За мной, вперед!

Вскочив на бруствер окопа, увидел, как поднялись бойцы комендантского взвода. Гитлеровцы, отстреливаясь, начали пятиться. Припав на колено, бил им вслед из винтовки Ахмет, удачно метнул гранату Грицюк. Мы уже углубились в мелколесье. Здесь за каждым кустом таилась опасность, откуда-то с флангов ударил вражеский пулемет.

— Накрой его гранатой! — крикнул я бойцу, бегущему слева, и в этот момент мне обожгло ногу. Рядом как подкошенный упал Ахмет. Я вскочил, пробежал еще несколько шагов и почувствовал, что нога уже не слушается.

Так закончился для меня этот бой. На полуторке, в объезд пылающей Гатчины — над ней кружили вражеские бомбардировщики, — меня увезли в Ленинград, в госпиталь.

А наш полк, взаимодействуя с двумя другими полками дивизии, занимавшими позиции справа, еще продолжал сдерживать натиск врага. Ополченцы не только оборонялись, но переходили в контратаки и отбрасывали фашистов. Под Сяськелевом, на рубеже Пижма — Пустошка они сражались как герои. Многие навсегда остались там, на подступах к Ленинграду, отдав свою жизнь за наш любимый город, за Родину. Память о них вечна.

ВЕРНЫЕ ПРИСЯГЕ

Моя военная биография, как и биография многих моих сверстников фронтового поколения, стереотипна. Помню, 22 июня 1941 года, в воскресенье, мы с друзьями, выпускниками школы, идем на стадион имени В. И. Ленина. Здесь на 12 часов назначен футбольный матч.

Но в чем дело? Почему на площади у репродуктора собралось столько народа? По поручению Советского правительства выступал народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов. По мере того как смысл его слов доходил до толпы, менялись выражения лиц. Война!

Посмотрев друг на друга, не сговариваясь идем в школу. Связываемся оттуда с райкомом комсомола. У всех стремление примкнуть к своим старшим братьям, уже участвующим в пограничных боях.

Второй день войны. Подаю заявление в райвоенкомат. Но не сразу меня зачислили в армию. Сначала назначили старшим группы школьников Петроградского района по строительству аэродрома в городе Пушкине.

Вскоре нам, юношам, комсомольцам Петроградской стороны, выдали военную форму. Мы стали бойцами Красной Армии. В Ленинграде с первых дней войны развернулось мощное добровольческое движение. Заявления писали все, кто мог носить оружие,— мужчины и женщины, инженеры и рабочие, ученые, студенты, учащиеся ремесленных училищ и старшие школьники. Но зачисляли не всех.

Через месяц формирование дивизии народного ополчения в районе было полностью завершено. Численность ее составляла более 10 тысяч человек, из них 858 коммунистов и 1250 комсомольцев. Ей было присвоено наименование 3-й гвардейской дивизии Петроградского района. Говорят, что гвардейской она была названа по предложению К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова в честь добровольческих отрядов питерской Красной гвардии, героически защищавших город Великого Октября от белогвардейских полчищ.

Командиром дивизии назначили полковника В. П. Котельникова, комиссаром дивизии — коммунист

та с 1917 года, участника Октябрьской революции, полкового комиссара Д. И. Сурвилло. К сожалению, я не знаю фамилий других командиров, кроме командира 2-го стрелкового полка полковника А. П. Могильникова. Да и фамилии многих моих товарищей выпали уже из памяти.

В незабываемые критические для обороны Ленинграда дни начала свой боевой путь дивизия ополченцев Петроградской стороны. В августе 2-я стрелковая дивизия заняла рубежи обороны в районе Старого Петергофа, Ропши, Кипени, прикрывая Ленинград с запада.

Ожесточенные бои пришлось вести ополченцам 2-го стрелкового полка, в которых я участвовал. В ночь на 25 августа полк был переброшен в район Красногвардейска. Двигались пешим порядком лесными дорогами, без артиллерии. Марш был очень тяжелым, несколько раз колонну обстреливали вражеские самолеты. Утром, усталые, мы прибыли в город. Полк расположился на привал у дворца в парке. Было тихо, всходило солнце, на небе ни облачка. В полдень подразделения полка были выдвинуты южнее Гатчины с задачей наступать на деревню Пижма. Ранее на этом участке действовали ополченцы 2-й гвардейской дивизии Свердловского района, в основном это были рабочие Балтийского завода и студенты Горного института.

Деревня Пижма находилась на возвышенности, перед ней протекала речушка того же названия, и тот, кто владел этим населенным пунктом, получал известные преимущества. По всему было видно, что Пижма до нашего прибытия уже несколько раз переходила из рук в руки. Под прикрытием домов стояли орудия и минометы противника, хорошо просматривалось до десятка танков. Все говорило о том, что наши силы были неравны.

Во второй половине дня полк был стянут к лесу, что лежал напротив деревни. Наш батальон расположился левее проселочной дороги. От широкого поля с еще тлевшими стогами ржи тянуло гарью. На опушке леса дымились обугленные деревья, напоминая о прошедшем здесь недавно жарком бое. Рубежи, занятые полком, стали первым испытанием стойкости и мужества ополченцев. Нет секрета, что наша военная выучка была невысокой, но мы закалялись в ходе боев и стойко держали свои рубежи.

Атака была назначена на 17.00. Перед ее началом

в подразделениях прошли короткие комсомольские собрания. Я был комсоргом 7-й роты. Собрания в те дни удавалось проводить не часто, но проходили они боевито, с подъемом. Речь шла о личном примере комсомольцев в бою.

— Не бывать фашистам в нашем городе! Как бы они ни рвались, сколько бы ни бросали танков и самолетов! И если мы погибнем, другие займут наши рубежи, но гитлеровцы не пройдут! — как клятва звучали слова молодого бойца Владимира Петренко.

Решения собраний были короткими: «Пока бьются наши сердца, пока руки держат оружие — не пустим фашистскую сволочь в наш родной Ленинград!»

Время шло медленно, все с напряжением ждали начала атаки, до боли в пальцах сжимали приклады винтовок, единственная мысль сверлила мозг — не дрогнуть, дружно ринуться на противника.

В небо взвилась красная ракета — это был сигнал, и полк без артиллерийской поддержки двинулся в атаку. Батальону, который наносил главный удар, были приданы два орудия на конной тяге и пулеметный взвод. Но наши орудия так и не открыли огонь из-за сильного огня артиллерии противника. Когда закончился лес и ополченцы вышли на ржаное поле, командир батальона закричал: «Коммунисты, комсомольцы, вперед! За Родину! За город Ленина!»

Бойцы короткими перебежками стали быстро продвигаться по полю. Атаку поддерживали бойцы двух других батальонов, которые наступали справа от дороги из леса. Через все поле тянулся противотанковый ров, выкопанный руками ленинградских женщин. Под сильным артиллерийским и минометным огнем противника сюда и устремились атакующие. Противник перенес огонь на ров. Появились первые раненые.

Атака в лоб, без поддержки артиллерии, захлебнулась. Как-то быстро наступила ночь. Под утро ополченцы вновь начали готовиться к наступлению.

Третий батальон сосредоточился за железнодорожной насыпью, где и окопался. Подошли три танка, присланные для поддержки наступления. В 15.00 полк снова пошел в атаку. Третий батальон сумел зацепиться за окраину Пижмы. Два других батальона достигли противотанкового рва и там залегли. Над полем стоял крошечный ад. Полк нес значительные потери. Гитлеровцам удалось подбить два наших танка, но ополченцы — рабочие, инженеры, студенты, ученые Петроград-

ской стороны — стояли насмерть. Мы не дрогнули под натиском превосходящих сил врага, не испугались танков и «психических» атак, неоднократно предпринимаемых фашистами в течение дня, чтобы вытеснить ополченцев с окраины деревни и занятых позиций. Так же напряженно прошли второй день и ночь. Утром гитлеровцы вновь попытались выбить нас с занятого рубежа. Огонь был неистовым, и временами казалось, что противнику вот-вот удастся добиться успеха.

В разгар боя была создана группа из оставшихся в живых добровольцев 7-й роты для подавления вражеских огневых точек, которые мешали продвижению вперед бойцов батальона.

Группу возглавил комсомолец Алексей Решетников, в составе ее был коммунист сержант Григорьев. Мы проползли более пятисот метров до вражеского танка, закопанного в землю. Не чувствуя страха, не замечая разрывов снарядов и пуль, бросились на танк. Летят к цели две бутылки с горючей жидкостью, ловко брошенные Григорьевым. Танк вспыхнул, как большой костер. Глаза вдруг ослепило пламенем, и я потерял сознание. По счастливой случайности наступающие бойцы заметили мои торчащие из земли ноги, откопали и доставили полуживым в полевую санитарную часть.

Здесь я очнулся. Лежу на носилках, как оказалось, тяжело контуженный. Открыл глаза, и первое, что увидел, — это много людей в белых халатах, а среди них знакомого по портретам Маршала К. Е. Ворошилова, который беседовал с ранеными. Потом он говорил со мной. Запомнил на всю жизнь, как Климент Ефремович наклонился ко мне, крепко пожал здоровую руку, спросил: «Сколько лет тебе, боец? Откуда ты?»

Я ответил, что лет мне семнадцать и что я комсомолец с Петроградской стороны. К. Е. Ворошилов кивнул и с чувством сказал: «Молодец, комсомолец. Благодарю за храбрость».

Немало бесстрашных безымянных героев пало на поле боя. Но мы выстояли, не удалось врагу прорваться к городу и на этом участке. На смену нашим поредевшим рядам в бой вступил 3-й полк 2-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Молодость победила недуг, я выжил. В дальнейшем сражался против гитлеровцев, в тылу врага участвовал в разведке тех районов, где противник создавал мощную оборонительную полосу под кодовым на-

званием «Пантера». Был вторично ранен. Великую Отечественную войну закончил комсоргом отдельного пулеметного батальона в Курляндии.

Б. Н. СОКОЛОВ,

командир артвзвода 2-й гвардейской ДНО

СНАРЯДОМ И КАРТЕЧЬЮ...

Начиная эти короткие записки о прошлой войне, я не буду касаться моего вступления в народное ополчение. Сразу начну с прибытия в августе 1941 года на фронт, то есть на ту последнюю черту, дальше которой идти нельзя — там немцы. Это четвертый километр дороги Гатчина — Пижма — Сиверская.

Я — младший лейтенант запаса, помкомбата, а попросту — взводный, так как команду огневым взводом трехдюймовой батареи 2-й гвардейской дивизии народного ополчения Свердловского района города Ленинграда. Мне тридцать лет. Инженер-технолог. Сейчас у меня две трехдюймовые пушки, изготовленные, как написано на медных табличках, на «Казенных путиловских заводах» в 1902 году. К ним 16 снарядов — по 8 на орудие. На боку у меня планшет с картой и разными бумагами и пистолет ТТ, но без патронов, которых, как сказали, пока не подвезли.

Для обслуживания этих пушек в моем распоряжении человек тридцать бойцов — студентов первого курса Механического института. Только ездовые — пожилые бойцы, так как батарея на конной тяге. Студенты — совсем мальчики и военному делу не обучены. Правда, перед отправкой с ними немного позанимались строевой подготовкой и научили стрелять из винтовки в учебном тире. У меня военных знаний побольше, хотя боевого опыта, разумеется, нет.

В один из августовских дней на батарею появился командир дивизиона майор Лещенко и с ним худощавый симпатичный политрук Смирнов. С приездом начальства подвезли и снаряды. Майор походил, посмотрел, для порядка покричал. Смирнов, воспользовавшись тем, что майор чем-то отвлекся, хитро мне подмигнул и тихо сказал:

— У тебя порядок еще ничего. У других хуже. Только ты брось так технику лелеять! Ведь немцы вот-вот полезут.

Как раз в этот день я, воспользовавшись затишьем, проводил чистку и смазку орудий. Сказал он это так, мимоходом, а попал в точку. Действительно, я нелепо выглядел со своими заботами о чистоте и красоте пушек на самой передовой — нос к носу с фашистами.

На прощание майор дал строгое наставление:

— Людей распустил. Здесь тебе не мирное учение, а война. Еще раз такое увижу — смотри!

Потом, пожевав губами и показав вперед, добавил:

— А немцы твои вот в этом узком секторе: отсюда и досюда. А что они по сторонам делают, не твоё дело.

С тем и уехал.

На следующий день слева от нас атакует пехота: люди в полный рост идут по несжатому овсяному полю. Идут неуверенно, цепь изгибается. Впереди — полная тишина — немцы молчат и не стреляют. Это усиливает напряженность картины. Задаю себе вопрос: что я должен делать? Стрелять? Но накануне майор строго-настрого запретил мне соваться в стороны, чтобы там ни происходило. Моя задача — смотреть только за дорогой и дотом, правее ее.

Пока я раздумывал, пехота побежала вперед, хотя, пожалуй, до немцев еще далековато. Доносится слабое: «А-а-а!»

Немцы молчат.

Наши бегут дальше, потом опять переходят на шаг — видно, запыхались. Немцы по-прежнему молчат. Какая-то душная, звенящая тишина, только непрерывно слышится слабое: «А-а-а!»

Тишину вдруг разрывает треск пулеметов, но тоже негромкий — далеко. Где находятся немцы, не видно, порох-то бездымный. Пулеметные и автоматные очереди слышны пару минут, а затем все смолкает. И опять то же овсяное поле. И никого на нем нет.

Ночью к нам на батарею пришли двое из той понесшей большие потери пехоты: помкомвзвода Иванов и с ним низкорослый боец. По словам Иванова, немцы подпустили их совсем близко, а затем открыли огонь из десятка автоматов и пулеметов. Как он считает, их рота почти полностью погибла. Они двое целый день пролежали не поднимая головы в небольшом углублении. Были так близко от немцев, что разговор в их окопах слышался явственно. Ночью выползли и наткнулись на нас. Они очень просили оставить их при батарее. Хотя, как мне говорили, этого делать было нельзя,

я их оставил. Впоследствии Иванов оказался толковым человеком и ценным помощником.

Ночью нас неожиданно поднимают и отводят в Гатчину. Там, соединившись с остальной батареей, занимаем позицию на кладбище.

Пока переезжали, оборудовали позиции, рыли окопы — ночь почти миновала, и спать не пришлось. Однако все рады, что попали в город с надоевшего четвертого километра — нос к носу с немцами. Гатчина, прекрасный небольшой городок, сейчас производит странное впечатление. Она совершенно пуста. Можно войти в любой дом, в любую квартиру — все стоит на месте. Застланы постели, лежат ковры, висят люстры, за стеклянными дверками буфетов видна посуда. В сарайчиках даже хрюкают свиньи и гогочут гуси, а людей нет.

Кладбище, где мы стоим, сильно бомбили. Повсюду воронки и поваленные деревья. На некоторых памятниках — известные исторические имена: княгиня Волконская, генерал Драгомиров и другие. Как-то не вяжется обитель вечного покоя с солдатами, пушками, лошадьми.

Утром команда «К бою!» — начинается стрельба. Теперь все идет по строго уставным правилам. Так работать одно удовольствие, но всегда ли будет так? Ведь стреляем мы, а немцы нам не отвечают. Однако эти спокойные условия использую для обучения артиллерийских расчетов. Так студенты понемногу превращаются в настоящих солдат.

Ночью опять переезжаем на прежнюю позицию. Для маскировки передвигаться ночью хорошо, но очень трудно для людей. Человек не ночное животное и хорошо себя чувствует только днем. Ночью же самые обычные предметы: кусты, копы, бугорки — принимают причудливые очертания, настораживают. Идти трудно — вся дорога в ямках и выбоинах, местами приходится делать объезды. Вблизи не видно ни зги, только слышно, как фыркают лошади, шлепают и чавкают ноги, увязающие в грязи, да где-то ухают взрывы. Спереди и с боков небо прочерчивается желтыми, красными, голубыми параболами трассирующих пуль. И кажется, все они направлены именно в тебя. Холодно, знобко, сыро, и от мокрых ног, и от шинели, давно отсыревшей от непрерывно моросящего дождя. А еще оттого, что не спим уже не первую ночь. Кое-кто из пеших засыпает на ходу, а ездовые давно уже спят в седлах. Случается, что кто-нибудь шлепнется в яму или лужу с

кряхтением и тихой руганью, потому что громко разговаривать запрещается, поднимется и идет дальше. Так, чего доброго, можно наткнуться на немцев или на своих, которые, прежде чем разберутся, начнут стрелять.

Наконец, к рассвету, дошли до позиции. Поставили пушки, зарядные ящики, распрягли лошадей и повалялись спать — кто где стоял, даже охранение забыли поставить, а может быть, и поставили, да те тоже заснули. Проходит, должно быть, не больше получаса. Будит какой-то капитан:

— Кто такие? Почему спите, а охранения нет?

Спросонья что-то невнятно бурчу. Капитан решительно говорит:

— Поступайте в мое распоряжение. Сейчас же снимайтесь с места и следуйте за мной.

Пытаюсь пояснить, что нам приказано быть здесь. В ответ обычное: «Выполняйте приказ!» Порядки военные — спорить нельзя, а моих прямых начальников здесь нет. Поэтому берем орудия на передки и едем. К счастью, недалеко, с полкилометра вдоль фронта.

На поляне уже поставлена легкая четырехпушечная батарея, к которой капитан и присоединяет наши орудия. Впереди нас только жиденский кустарник, а дальше то же овсяное поле и немцы. Они теперь гораздо ближе. В предрассветной мгле хорошо видны брустверы их окопов. Вижу, что наше положение сейчас незавидное: мы почти на виду у немцев. Срочно приказываю своим окапываться, хотя на капитанской батарее этого никто не делает.

Капитан, подозвав своих лейтенантов и меня, ставит задачу. Стрелять будем по деревне Сализи, в двенадцати километрах отсюда, где предполагается скопление немцев.

Спросив, все ли готово, и получив удовлетворительные ответы, капитан подает команду, но не по-уставному — чувствуется, что из запаса пришел. Как могу, передаю команду на свои орудия, стараясь соблюсти устав. Стволы задираются вверх, такая дистанция почти предел для наших легких пушек.

Выслушав рапортчики, что заданная установка прицела поставлена, капитан нараспев командует:

— Залпом! — Затем, поднявшись на носки, выдыхает: — Огонь! — совсем как на параде.

Все орудия грохнули почти одновременно. Опять команда:

— Залпом! Огонь!

Еще один залп дали, следующий не успели. Немцы накрыли батарею сильным огнем минометов. Мои бойцы попрыгали в окопчики, я повалился в неглубокую канаву. Гром, треск, свист осколков, крики. От удушающего черного тротилового дыма тошнит. Все мысли только об одном: как бы еще вдавиться в землю хоть на сантиметр..

После я видел носы и щеки с вдавленными комочками земли. Должно быть, и мой нос был не лучше. Еще напасть: совсем близко от меня горка снарядов к нашим пушкам. Горячие осколки мин пробили гильзы, и оттуда во все стороны свищут голубые шпаги горящего пороха. Вот-вот у этого костра раскалятся снаряды и начнут рваться. Проходит несколько минут, и сразу становится тихо. Только со свистом догорает порох в гильзах. Заливаем снаряды водой — шипят, но не взрываются.

Вся прежде зеленая поляна покрыта черными лучистыми пятнами. Такие следы остаются от мин — едва коснувшись земли, они разбрызгивают вокруг осколки, срывают траву. Много раненых: одни лежат неподвижно, другие корчатся и стонут. Одна, но не моя, пушка с разбитым колесом лежит на боку. Мои люди все целы. Стреляли больше в самую середину батареи, а главное, выручили даже неглубокие, наспех отрытые окопы.

Капитан неподвижно лежит на спине. Рядом валяются карта и планшет. Фуражки нет. Сначала даже не ясно, что с ним. Кто-то показывает на маленькую ранку на лбу. А когда повернули, оказалось, что нет затылка. Осколок вошел в лоб и вырвал затылок и темя. Беру себе бинокль убитого — мертвому он не нужен.

На поляну верхом влетает адъютант из штаба:

— Почему прекратили огонь? Кто старший?

— Старший вот лежит. Куда стрелять, не знаем. Он командовал.

Немцы, увидев на батарее движение, повторяют налет. Адъютанта как ветром сдувает. Налет, слава богу, короткий: бросили десяток-полтора мин и успокоились. Опять тихо. Младший политрук обходит убитых и собирает черные футлярчики с формулярами.

Опять мы на прежней позиции. Пушки стоят в ровике, выкопанном по уставной схеме, и смотрят вдоль шоссе Гатчина — Сиверская на деревню Пижма. Перед

Пижмой множество различных укреплений: доты, эскарпы, противотанковый ров. Все это было выкопано и выстроено нами, но теперь захвачено немцами, которые удобно там устроились. Чуть-чуть позади нашей позиции, вблизи поворота дороги, стоят два огромных танка КВ. Стоят в сцепе, задом к немцам. Передний — сгоревший, а задний с огромной пробоиной в башне.

Позади пушек по моему указанию для всего расчета вырыли индивидуальные окопы. Однако солдаты явно предпочитают подкопы под танками, сделанные ими по собственной инициативе. Там они и спят. А моя спальня — в окопе, прикрытая от дождя низким соломенным навесом.

К нам прибыл корректировщик 105-миллиметровой батареи лейтенант Цицарев и с ним два телефониста. Цицарев, славный краснощекый парень, только что окончивший военное училище, — весельчак и певун. С ним на батарее стало веселее. Цицареву здесь все в новинку. Но больше всего его интересуют немцы, расположившиеся в доте, где у них, по-видимому, командный пункт. Он часто смотрит на них в бинокль и сообщает мне свои немного наивные домыслы и предположения. Однажды уже под вечер он заметил у дота какое-то движение. Действительно, немцев как будто прибавилось, и они стали довольно открыто ходить. Цицареву не терпится. Подтолкнув меня локтем, он кивает на дот:

— Послушай, давай пальнем в них!

В тон ему отвечаю:

— У тебя пушки потяжелее, ты и стреляй! Мне же приказано открывать огонь только в случае их прорыва в секторе дороги.

Цицарев, очень довольный, звонит на свою батарею. Телефон долго молчит, затем отвечает:

— Стрелять не будем, над нами все время висит воздушный корректировщик. Позови помкомбата — свяжем его с командиром дивизиона.

Расспросив, в чем дело, майор по своей привычке чмокает губами. Затем, как бы размышляя вслух, роняет:

— Попробуй потормозить их. Разрешаю тебе шесть снарядов. Зря только не швыряй.

Подав команду к бою, произвожу один прицелочный выстрел. Снаряд ложится дальше и немного в стороне, но разрыв какой-то слабый. Поправляю установку и команду сразу обоим орудиям:

— Два снаряда, беглый, огонь!

Теперь снаряды ложатся близко. Яркие вспышки — и дот закрывается дымом и пылью. Цицарев в восторге скачет:

— Попали, попали! Ура!

Потом ко мне:

— Слушай, давай еще! Разнесем их!

Я его охлаждаю:

— Ты, видно, забыл, чему тебя учили. На такой дот нужно не меньше сотни тяжелых снарядов, а наших легких и тысячи не хватит.

Немцы почему-то молчат. О результатах докладываю майору. Подумав, он резюмирует:

— Пощупали их — это хорошо. Но смотри теперь в оба. Они что-то затевают.

В сумерках постреляли с Цицаревым из пистолетов в цель — в консервную банку, благо патронов у Цицарева достаточно. На этом день и закончился.

Раннее ясное сентябрьское утро. Немного свежо от росы. Чудесное, доброе настроение. На свежем воздухе все хорошо выспались. Вдруг Иванов с тревогой обращается ко мне:

— Посмотрите, что это?

Впереди тянется высокий бруствер желтой земли, которого вчера не было. За ночь немцы перекопали дорогу и нарыли окопов. Теперь они гораздо ближе к нам. Сейчас, однако, все тихо, и немцы ничем себя не проявляют.

Обо всем этом мы сообщили по телефону в Гатчину, посоветовались, выставили дополнительных наблюдателей и стали готовить завтрак. Позади солдаты греют ведро воды, открывают консервы, режут хлеб.

Цицарев, какой-то сияющий, веселый, оборудовал столик из перевернутого снарядного ящика. Столик накрыл платком и разложил припасы. Я намазал кусок хлеба, ткнул ножиком в кусочек рыбы в консервной банке и...

Как-то особенно звонко, совсем рядом, ударил взрыв. Тут же второй, третий. Влетаю, именно влетаю, а не влезаю в подкоп под танками. По броне непрерывно стучит град то крупных, то мелких осколков, сливаясь в общий звон. От взрывов вздрагивает земля, и впечатление такое, что дрожащий и звенящий танк вот-вот сдвинется с места и раздавит нас. Вонючий тротилловый дым заползает в подкоп. Кого-то, лежав-

шего рядом со мной, рвет. Проходят минуты, и вдруг тишина. Какая-то мертвая тишина. Мгновение еще лежим неподвижно. Затем выползаем наружу. Командир первого орудия Жилин всплеском на высокой ноте вскрикивает:

— Немцы!

Впереди из-за бруствера появляются темные фигуры и где цепью, где порознь по дороге и полю идут к нам.

Кричу:

— К орудиям!

Никого подгонять не надо. Все по местам, все делается толково и быстро.

Командую:

— Шрапнелью — огонь!

Мелькает мысль, что нужно бы поставить дистанционную трубку, но нет ключей для ее установки. Их обещают нашему воентехнику выдать со дня на день. А без дистанционной трубки можно вести стрельбу только картечью. Впереди все закрывается пылью, картечь метет поля и дорогу, но до немцев, видно, не достает, они идут. Командую:

— Гранатой!

Но гранат очень мало. К тому же стрелять по цели гранатой с близкого расстояния малорезультативно. Получаются то перелеты, то рикошеты.

Немцы все ближе. Из-за бруствера выходит еще цепь. Подскакивает Иванов и кричит:

— Сколько ставить?

Он толково и быстро соорудил не то из гвоздя, не то из толстой проволоки подобие ключей для шрапнельных дистанционных трубок. Кричу:

— Шрапнелью, прицел... трубка... беглый огонь!

Ого! Теперь хорошо. Облачка разрывов закрывают цель. Некоторые немцы падают. Отлично видно, что у них началось смятение. Офицер, размахивая пистолетом, понукает остановившихся, ногой поддает залегших.

У нас общее оживление. На лицах улыбки. Делается как-то спокойнее, и в то же время появляется удаль. И я, выхватив пистолет, кричу:

— Так вас! Растак!

Еще выстрел, еще. Всплеснув руками, навзничь падает офицер. Немцы пьются и ложатся.

Опять заговорили их минометы. Однако теперь все хуже: первые же мины угодили прямо в орудия и лю-

дей. Кто успевает, опять бросается под танк. Теперь кроме мин нас обстреливают и чем-то более тяжелым. Танк звенит, как будто по нему бьют десятки молотов. Вдруг особенно оглушительный удар. Огромная машина подпрыгивает и оседает на бок. Кто-то сбоку держится и истошно кричит — должно быть, придавило. Задыхаюсь от дыма и пыли, уши словно заткнуты ватой.

Обстрел кончился. Вылезаем из-под танка все черные, землистые.

Кругом хаос. Все изрыто так, как будто позицию пропахали гигантским плугом. Первое орудие сиротливо накренилось на бок — разбито левое колесо. Несколько оставшихся снарядов разбросаны и смяты. В одной гильзе догорает порох. Беспорядочно лежат убитые. При первом обстреле пострадали только двое ездовых: одному раздробило ногу, а второму осколок попал в живот. Сейчас потерь много больше.

Подбегает Иванов и кричит:

— Стрелять нечем! Видите, где уже немцы? Что будем делать? Отходить?

Верхняя губа его распухла и посинела, а по лицу размазана кровь. Я и сам вижу, что снаряды кончились, а никакого оружия у нас нет. Не драться же с немцами кулаками. Но нет и времени для размышлений. Машу рукой:

— Снимайте затворы и пробирайтесь в Гатчину!

Сам прыгаю в окопчик, вытряхиваю из планшета карту и какие-то бумаги и рву их. Все делаю автоматически.

Выскакиваю из окопа. В двадцати — двадцати пяти шагах от меня в канаве лежат несколько человек в мундирах синевато-мышинного цвета. Слева двое, стоя на коленях, устанавливают пулемет. Все нацелено на Гатчину: туда, куда лежит мой путь. А я оказался у них в тылу.

Но опять времени для размышлений нет. Из-за танка выскакивает раскрасневшийся, с капельками пота на лице, крупный молодой немец в каске, сдвинутой на затылок. Руки его лежат на автомате, висящем на шее. Фашист налетает на меня. От неожиданности глаза его округляются и немного приоткрывается рот. В то же время руки его скидывают автомат.

Инстинктивно, не думая, тычу пистолетом в лицо фашиста. Выстрела не слышу, ощущаю в руке рывок. Фашист откидывается назад, конвульсивно всплескивая руками, падает.

Снова судьба не оставляет мне времени подумать. Пулеметчик, круглолицый, уже немолодой человек, резко поворачивается и удивленно и зло смотрит на меня. Мое появление сзади для него тоже неожиданность. Направляю пистолет и стреляю. Пулеметчик падает как по команде. Остальные тоже прижимаются к земле. Все лежат ко мне спиной, и ни один не смеет повернуться. Стреляю в другого. Ага, боитесь повернуться ко мне и вскинуть автомат! Лучше отлежаться, чем взглянуть смерти в глаза? Душу заливают радостное чувство. Так вас и надо давить и убивать. За этим вы и пришли сюда. Сейчас я господин над вами. Я стою в рост, а вы валяетесь передо мной. На мгновение приходит спокойная уверенность. Стреляю в третьего, четвертого...

Вдруг пистолет перестает вздрагивать. Дергаю его, рву — ничего. Голову пронзает мысль: кончились патроны. Недоуменно гляжу на маленький черный предмет, только что дававший мне такую исполинскую силу.

Отскакиваю за танк и перепрыгиваю через яму, в которой сидели телефонисты Цицарева. В два прыжка перескакиваю через шоссе и, согнувшись пополам, бегу по полю к пригорку, где редкий ольшаник. Воздух гудит и звенит от обгоняющих меня свинцовых шмелей и оттого кажется густым и плотным.

Стреляют теперь отовсюду, а я совсем на юру.

Вдруг меня догоняет Цицарев, а с ним несколько солдат. Бегут они плотной кучей и жмутся ко мне. Хочется крикнуть, да не хватает дыхания: «Что вы делаете? Бегите же врассыпную!» Но вот валится один, другой. Ойкнул Цицарев и упал.

— Что с тобой?

— Колено, колено!

— Беги как-нибудь!

— Не могу!

— Ползи!..

Влетаю в кусты и с разбегу бросаюсь в яму. Хоть немного отдышаться. Грудь, кажется, готова разорваться, дыхание тяжелое, с хрипом. Глаза заливают пот. По кустам бьет пулеметная очередь, сбивая на нас листья и ветки. Добежали только трое, да и то один с простреленным локтем. Жалко Цицарева, но что будешь делать в такой ситуации! Лежит он шагах в тридцати — сорока от нас и не шевелится. Должно быть, убит.

Понемногу в ложбине за ямой нас собирается че-

ловек шесть: командир первого орудия Жилин, серьезный, немногословный; студент в очках, круглолицый, почти как мальчик, Ваня Петрушков; черный как жук Деркач; тяжело раненный в руку политбоец Свиридок и еще кто-то.

Сидим в ложбинке, отдыхаем и осторожно, негромко окликаем потерявшихся. Подходят еще двое. Говорю:

— Немного передохнем и будем пробираться в Гатчину.

Потом спрашиваю:

— Где же вы были, когда я в немцев стрелял? Не видели, что ли?

Отвечают хором:

— Как, не видели! Видели, как вы одного немца у танка свалили и как по их отделению в канаве стреляли. Мы — кто под танками лежал, а кто — где. Когда вы разрешили отступать, то немцы сразу нас отсекали.

— А почему же не помогли, если были там?

— А чем помогать, оружия-то нет ни у кого.

Вдруг вспоминаю, что у меня оставалась еще одна обойма к пистолету, которую я не использовал. Но как я мог тогда перезарядить пистолет?

Пробираемся в Гатчину. Где продираемся через кусты, где перебежками. Судя по выстрелам, крикам и разрывам, похоже, что немцы нас опередили. Но где они, мы не знаем, а поэтому держимся подальше от шоссе.

Наконец впереди насыпь объездной железной дороги. Залегли и напряженно глядим: кто там, за насыпью? Рядом лежит Свиридок. Он громко охает и кричит. Чувствуется, что ему очень больно. Руку раздуло, и когда он ее не держит, она крутится в локте и болтается во все стороны. Но сейчас эти громкие охи и крикание могут нас выдать. Грозно шепчу ему:

— Молчи.

Свиридок отползает от меня подальше, но охать не перестает. Наконец положение проясняется — за насыпью наши. Одним броском добегает до насыпи, перемахиваем через нее и попадаем как раз в расположение своего дивизиона.

Докладаваю командиру дивизиона Лещенко. Сейчас, когда напряжение снято и организм расслабился, охватывает какое-то противное чувство, дрожу и непроизвольно стучу зубами. Одновременно наползает каменный сон, глаза закрываются сами. На войне замечал я такое же состояние и у других. Лещенко понимающе

смотрит и, толкнув рукой в плечо, кивком головы показывает:

— Иди в землянку и отдохни. Расскажешь потом.

В сознании почему-то застрекает мысль, что в армии не говорят: «спать». Там это слово не признают. В армии говорят: «отдыхать». Едва добравшись до землянки, мгновенно засыпаю. Сквозь сон слышу близкую орудийную стрельбу и сотрясающие землю сильные взрывы, подбрасывающие меня на топчане. Похоже на бомбардировку с воздуха. Однако не просыпаюсь.

Сколько проспал — не знаю: час, два, три? Очнулся от этого каменного сна и сразу не понял, где я и что со мной. Однако чувствую себя хорошо. По ходам сообщения иду разыскивать майора. Позиция временами сильно обстреливается, а отсюда отвечают две батареи. Похоже, что немцы насаждают на Гатчину с юга.

Майора я застал на наблюдательном пункте, врытом в железнодорожную насыпь. За те несколько дней, как я его не видел, Лещенко сильно похудел и выглядит смертельно уставшим. Даже в разговоре стал мягче, а от прежней ершистости не осталось и следа.

Воспользовавшись затишьем, майор садится и вопросительно смотрит на меня. Я начинаю длинно и обстоятельно рассказывать, так как все происшедшее кажется мне значительным и важным. Однако, немного послушав, Лещенко прерывает:

— Все это мне уже докладывали. А замполит твоих бойцов подробно опросил и мне рассказал. По-моему, ты поступил правильно и держался хорошо. Удачно, что по их цепи несколько раз шрапнелью бабахнули. Не будут так нахально лезть, а то больно осмелели.

Потом укоризненно покачал головой и, ткнув меня пальцем в грудь, продолжал:

— Что же ты, пентюх, сам ключи для шрапнельных трубок не сумел сделать? И воентехника не проверил? Если бы он был жив, я бы за эти ключи его сам расстрелял. Счастье твое, что Иванов тебя вовремя выручил. Где ты только такого толкового парня подобрал?

И, сморщив лицо и почесав щеку, добавил:

— Жаль, погиб! И говорят, прикончил-то его именно тот самый фашист, которого ты потом за танком трахнул!

Я, признаться, был удивлен осведомленностью Лещенко. Он знал о том, что произошло на полубатарее, не меньше меня самого. Вообще за короткое время совместной службы я проникся к нему большим ува-

жением. И разумеется, изменил о нем первоначальное мнение.

Лещенко умолк, пожевал губами и, показав рукой на Гатчину, сказал:

— Собери своих и иди в штаб. Там доложишь. Донесение я написал. Отправляйся ночью, сейчас не пройдешь, видишь, что творится. Впрочем, не знаю, продержимся ли мы до ночи.

Были совсем уже густые сумерки, когда я со всеми, кто остался от полубатарей, тронулся в путь. Идти нужно было через всю Гатчину и где-то искать штаб полка, а где именно — никто мне толком этого сказать не мог. Никто понятия не имел и о том, где сейчас немцы. Деревня Большая Загвоздка перед Гатчиной сожжена. Вся дорога в ямах, местами перекопана и изрыта большими и маленькими воронками. По дороге никто не встречается. Где-то вдали грохочет артиллерия и рвутся авиабомбы. Как всегда, теперь ночное небо повсюду прочеркивается параболами трассирующих пуль.

В Гатчине посреди площади горит собор. Думается, чему там гореть? А вог горит же. Может быть, там был склад? Пожар какой-то вялый, в багрово-дымных тонах. Слабо светятся окна, словно внутри теплятся свечи. Только из одного окна вылезает красный язык пламени и лижет стену. Ярким золотом пылает факел над подкупольным барабаном. Ограда искорежена и смята большим деревом, вырванным с корнями крупной авиабомбой и отброшенным к собору. В освещенном круге вокруг церкви лежат трупы.

Все это как-то неестественно и жутковато. Глядя на своих спутников, вижу, что и на них все это производит гнетущее впечатление. Пытаясь их подбодрить, говорю:

— Ну что тут особенного? Пожар как пожар. Сейчас пожаров много.

Однако чувствую, что вся эта картина — багровые окна собора, пламенеющий купол на фоне абсолютно черного неба, дерево, как будто само бросившееся к собору, и, наконец, раздутые трупы — ложится на душу тяжелым грузом.

Мы идем по темному городу смертельно усталые. Оставляем Гатчину. Надолго ли? Нет, мы еще вернемся, мы выйдем отсюда фашистов, изгоним их с нашей земли. Будет на нашей улице праздник!

ИЗ ДНЕВНИКА ОПОЛЧЕНЦА

В наш век документалистики фронтовые дневники и письма приобретают особый смысл. Если же это касается вопроса, десятками лет остающегося невыясненным, то появление чего-либо нового считается находкой.

В истории обороны Красногвардейска невыясненными вопросами продолжают оставаться действия 2-й гвардейской дивизии народного ополчения (ДНО) и отчасти 276-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона Красногвардейского укрепрайона. В литературе имеются описания лишь отдельных эпизодов, например в сборнике «Ополченцы» (Лениздат, 1975). Но этого, увы, мало, а время, годы уходят... Исключением является книга ветерана 267-го ОПАБ Н. А. Прохорова «В суровый час», посвященная этому батальону.

Занимаясь очерком о ленинградском архитекторе Борисе Николаевиче Журавлеве, я услышал от его вдовы, Нины Федоровны, неожиданное:

— Сохранился его военный дневник... Хотите посмотреть? Он пошел ополченцем во 2-ю гвардейскую дивизию, воевал под Гатчиной...

...Тетрадь малого формата, в черной твердой обложке. Двадцать пять страниц. Карандашные записи кое-где стерлись. В тексте — рисунки. (Какой же архитектор может обойтись без них?). Это — военные будни, обрисованные по дням и даже по часам, донельзя кратко (в этом трудность расшифровки), но они интересны не только для участников обороны Гатчины.

Страницы дневника проникнуты огромным зарядом энергии, оптимизма, веры в нашу победу. Нет сомнения — дневник будет изучаться историками.

Восполняя ряд пробелов, дневник не может устранить все «белые пятна» в обороне Гатчины с 20 августа по 13 сентября 1941 года.

Автор дневника Б. Н. Журавлев (1910—1971) — один из талантливейших зодчих Ленинграда, единственный из современных архитекторов осуществивший на Невском проспекте строительство двух зданий — Куйбышевского райисполкома (Невский, 68) и монументаль-

ного наземного павильона метрополитена имени В. И. Ленина на площади Восстания. Ему принадлежат также в содружестве с видными зодчими разработка проектов станций «Площадь Восстания» и «Фрунзенская», застройки четной стороны Московского проспекта и прилегающих к нему кварталов от «Электросилы» до парка Победы, проектирование гостиницы «Россия» и многих других сооружений.

4 июля 1941 года он с друзьями-архитекторами ушел в народное ополчение и был определен адъютантом командира 1-го полка 2-й гвардейской ДНО.

Записи изобилуют большим количеством фамилий и рядом сведений, без пояснений которых дневник неудобочитаем. Но он существенно дополняет историю обороны Гатчины, является своеобразной памяткой командира полка и носит практический характер. Все не представляющее интереса для широкого читателя мы опускаем. Ряд сокращений приходится «раскрывать» для удобства прочтения.

1-й стрелковый полк занял рубежи в середине августа на юго-западной и южной окраинах Гатчины, располагаясь между узлами обороны 276-го и 267-го артиллерийских дивизионов Центрального сектора Красногвардейского укрепрайона. В помощь 1-му полку были двинуты подразделения 2-го и 3-го полков, затем 3-й гвардейской и частично 4-й ДНО.

С 21 августа появляются первые регулярные записи:

«Полковник Денисов прибыл 17-го утром. 20-го начались обстрел и пожары. 1) Капитану Глухову, оперативный дежурный, — чаще спрашивать командиров батальонов по телефону о положении в их районах. 2) Предупредить комбатов — по телефону; если связь нарушится телефонная, держать посыльными — (в случае). 3) Часовых два — у нашего блиндажа и общий. 4) Полковника разбудить в 6 часов. 5) Оперативный дежурный — следить за патрулями, охрана и т. д. 6) В случае боя — разбудить».

Эта беглая запись сразу вводит нас в тревожную обстановку: немцы прорвались к внешнему обводу обороны Гатчины. Затем описания боев, взятия «языков» и отдельных эпизодов вытесняют записи поручений, которые можно запомнить. По свидетельству однополчан, адъютант командира полка был энергичным человеком. Никогда не падал духом, даже в часы ожесточенных обстрелов и бомбежек КП полка.

Он не имел военного образования. Командир полка, по согласованию с начальством, «привесил» ему «кубик». Военную форму Журавлев носил щегольски, таким его помнит архитектор-ополченец, командир саперной роты полка, Лев Савельевич Косвен.

Следует подчеркнуть: оптимизм был присущ большинству ополченцев. Остановить, разбить врага — так-ва, они считали, их задача. Боевой опыт появился не сразу, с ним во многие роты пришел негласный закон, о котором бывший рядовой 3-й гвардейской ДНО Владимир Петрович Мядзель, трижды раненный под Большим Замостьем, говорит: «У нас был уговор: кто победит, того расстреляем...»

Автор этих строк, бывший начальник инженерной службы Центрального сектора УРа, может подтвердить, что такой настрой господствовал во всем укреплении.

Испытанным средством для налаживания активной обороны было ведение разведки. В дневнике даются сведения о технике и вооружении, наименовании соединений и численности немецких войск, упоминаются деревни под Гатчиной: Пижма, Воскресенское, Большое и Малое Замостье, Пустошка и другие.

«23.8.41. <...> Два разведчика доносят: Воскресенское до 40 танков, за каждым 2—3 мотоцикла, 18 грузовиков, накрытых брезентом. От Воскресенского к Пижме 3 танка, на Воскресенское метров на 600. Приказ идти обратно, оставить в наблюдении 5 чел. Остальным возвратиться.

16-30. На Пустошку прошло 10 танков. Предупредить генерала Крылова, что нами заняты Пустошка, Большое и Малое Замостье. Пижму минировать поехала машина 18 часов.

25.8.41. Около 6-00 приказано командиру батальона 3-го стрелкового полка перейти в наступление. Оставлен командный пункт из-за обстрела. 7-15. Оборудован новый КП на железной дороге. Ружоч звонил 8-50. Противник занимает Малую Пижму малыми силами.

20-25. Приехал товарищ Ворошилов».

Активность разведки как нельзя лучше характеризует боевой настрой в полку. Бывшая сандружинница разведгруппы Тамара Ивановна Клыкова (Кудрявцева), студенткой Театрального института ушедшая в ополчение, вспоминает:

— Во взводы конной и пешей разведки направля-

лись комсомольцы из рабочих. Таскали «языков». Когда гитлеровцы начали штурм Красного Села, их боевые порядки стали плотнее, разведку стало вести трудно. Чтобы проникнуть в тыл, совершались большие обходы.

Н. Ф. Журавлева (Браташина), сандружинница 1-го полка, подтверждает, что в августе отвозила двух пленных в Смольный на допрос. В кузове грузовика находились стрелки, конвоировавшие немцев.

Пребывание Главкома Северо-Западного направления маршала К. Е. Ворошилова в Гатчине свидетельствует о значении, которое придавалось этим рубежам. День его пребывания совпадает с датой, приведенной в сборнике «Ополченцы» (с. 302—303).

В записях от 25 и 26 августа имеются интересные данные о политработе. Так, 25.8 приведен поименный список бойцов полка, что, по-видимому, говорит о расстановке на переднем крае наиболее крепких ополченцев, включая 6 комсомольцев. 26.8 находим запись: «Блехман Нахман Давидович, 267 артпульбат, 1-я рота, пулеметчик, член партии... (у противотанкового рва)».

Это похоже на анализ, сделанный после боя. По рассказам очевидцев, противотанковый ров был завален трупами оккупантов, попавших под огонь 1-го полка и 267-го ОПАБ. Получив отпор на Киевском тракте, противник пытался взять Гатчину штурмом с юга.

«30.8.41. 9-00. Артиллерийская и минометная стрельба. Наши удерживают высоты 85.0 и 85.3. В течение недели наши войска занимают оборону — около деревни Пижма».

«В течение недели» — сказано гордо, ибо враг остановлен. Каждый день имел тогда для нас большое значение.

Центральный сектор КУРа оперативно был подчинен 2-й гвардейской ДНО. Запись в дневнике от 4 сентября: «Наша основная задача — оборона Гатчинского сектора укрепрайона» — подтверждается подлинным боевым распоряжением командующего 42-й армией генерал-майора Ф. С. Иванова: на небольшом листке, вложенном в дневник, красным карандашом написано: «Товарищам Денисову, Крылову. Немедленно подчинить уровские батальоны командиру полка, а уровские роты — командирам стрелковых батальонов и немедленно увязать огонь. 5.9.41. Генерал-майор Иванов».

Описка, вкравшаяся в текст, показывает, в какой спешке написано приказание, сыгравшее, надо полагать, свою роль.

В дневнике упоминаются фамилии командиров: первого батальона — Ефимова, второго — Соколова, третьего — Дзюрковского, а также боевых групп — Никитина, Щукина, Кавецкого, Бармаша.

«30.8. 9-30. Дзюрковский передал: около 100 ранено, 50—60 убито. Шоссе не оседлано. Высота 85.3 окапывается. Два батальона пытаются справа и слева сойтись по дороге к Пижме, но не удастся, сильный огонь пр-ка.

31.8.41. На фронтах сравнительно тихо. Группа Дзюрковского убито 168, раненых около 300.

1 сентября 24-00. По сообщению войск, Валасники около 100 танков...

3 сент. Вчера вечером немцы концентрировали силы в р-не Пижмы и ее окружения. Наш артиллерийский огонь разогнал несколько колонн, зажег эшелон. Ожидалось наступление немцев, его не последовало. Около 13-00 налет авиации на перекресток железных дорог (около дома КП), 9 убито и 9 ранено, 2 лошади, бомбы сброшены там же в парке.

4 сент. Спокойно. Пр-к окапывается, делает окопы. Создан батальон капитана Никитина. 2-я дивизия имеет фронт 32 км (нормативно 24 км).

5 сент. 7-45. Нами взята Южная Пижма. Захвачен пленный, в Северной Пижме немцы. Командиру 267 батальона передать 400 автоматчиков в распоряжение командира дивизии.

12-25. Дзюрковского агаковали с трех сторон, выбили из Пижмы с большими потерями. <...> Кудрявцеву явиться в 6-00. Сброшена листовка».

Читателю ясно, что бои ополченцев против отборных гитлеровских частей идут на равных, Пижма переходит из рук в руки.

Кудрявцев служил полковым инженером.

Книга Н. А. Прохорова «В суровый час» (с. 54—57) вносит ясность в запись Журавлева от 5 сентября, где командиру 267-го ОПАБ приказано передать в дивизию 400 автоматчиков: 267-й батальон получил случайное пополнение—567 автоматчиков-вологодцев, прибывших с эшелоном и сразу попавших под удары авиации врага.

«На 6 сентября. Сегодня с утра Васильев, командир

3-го полка, должен соединиться с Дзюрковским и взять Пижму.

Около 12-00. Сильная стрельба со стороны немцев. Ими занята Северная и Южная Пижма. Около КП рвались снаряды. Порвана связь. <...>

По донесению, пр-к к Пижме стянул до 50 грузовых машин, около 200 чел. пехоты, кавалерию. Рота идет на нас. Идут на Большое Замостье.

Пустошка нами оставлена, ворвались до 100 немцев.

7.9.41. 10-00. От Южной Пижмы двигаются 300 немцев к Северной Пижме.

12-45. Пр-к с Пустошки наступает на север, против Южной Пижмы; концентрирует пехоту против Дзюрковского и мелкими группами просачивается на север. <...>

13-20. Пр-к занимает Пустошку. Принимаются меры к захвату Пустошки обратно. <...>

8 сентября. 8-10. На Пустошку идут 4 танка, в расположение 3-го полка идет сильная артиллерийская стрельба со стороны пр-ка. (Ночью пр-к пускал 10 танков.) На всех фронтах тихо».

...Тишина перед бурей. Перенос противником 9 сентября основного удара на Красное Село сопровождается усилением атак на Гатчину. Бои за Пустошку свидетельствуют, что враг не оставил намерений ворваться в город с юга и юго-востока.

«9.9.41. 7-40. Налет авиации. 58 самолетов, 8 эшелонов, сбито 2. 3 бомбы на 500 кгр, много мелких. Убиты 4 лошади. 4 пожара.

11-50. Налет авиации на район квартиры КП, воюющие сирены.

12-30. Пехота отходит. Корпиково, Северная Пижма взяты немцами. Бесперывная бомбежка. Потери огромные. Все откатываются. На КП иногда долегают отдельные пули. Бомба 500 кгр 5—6 метров от жел-дор. будки. В районе Торфяного поселка непрерывная бомбежка.

В р-не Северной Пижмы наши части разбомблены, отходят к северу. Пулеметный обстрел КП. Пр-к движется к КП. Батальон Никитина (южнее Замостья) нет связи. От Дзюрковского тоже нет связи.

К Северной Пижме подошел противник (высота 83.9).

Обстрел КП минометным огнем. Автоматчики немцы у КП. Бомбежка КП. 13-00. Пикируют, непрерывная бомбежка бипланами. Воюющие бомбы.

13-10. Левый фланг 1-го батальона отходит. Обстрел жел.-дор. полотна минами. По Гатчине—артиллерийский обстрел.

13-25. 11 самолетов пикируют и бомбят КП. Сыплется земля, погасла лампа. Ефимову приказано восстановить положение.

14-10. Ефимов — восстановил положение левого фланга..

5-45 [17-45?] Мы ушли из КП—совершенно разбит, связи нет, правый фланг батальона прочно держится. В деревне (Большая Загвоздка) у нас «кукушки»¹. Попов убит, Минин тяжело ранен, все спуталось. Часть людей отходит. Задерживаем и возвращаем. Зенитные пулеметы послали за жел. дорогу против пехоты. Мы на новом КП (в садике из 4-х труб).

23-45. 1-й батальон отошел метров на 700—800. Батальон Щукина. Левый фланг голый. Редкая стрельба, ракеты. С Никитиным связи нет. Из дивизии 100 чел., но без оружия.

10.9.41. 14-00. Никаких особых происшествий. Обстрел, летают самолеты, на переднем крае бои. На левом фланге группировка немцев до батальона. Сброшен парашют с листовками. Нам приданы 3 КВ (танки).

16-45. Танки идут с нашей пехотой в наступление, к станции Мариенбург послано 3 орудия ПТО.

11.9. 5-50. С рассветом наступление Дзюлковского, Никитина, 2 б-н тоже.

6-15. Щукин идет вперед, один танк выведен из строя.

6-30. Щукин ранен. 2-я рота отходит к опушке леса к жел. дороге от Париц, осталось 40 чел.

7-50. 1-й батальон восстановил положение. Пока нас не бомбят 2-й день. Нами подбито 2 танка и 1 орудие. Около нас мотодивизия СС, 36-я дивизия. Танковая дивизия.

15-30. Налет пикирующих воюющих бомбардировщиков, 21 штука. Сегодня непрерывный минометный огонь.

16-20. На Ефимова идет наступление по всему фронту. Непрерывный обстрел КП воюющими (через интервал 15—20 минут). Часто рвется связь.

6-45 [18-45]. Пр-к наступает. Артиллерийско-минометная стрельба. Авиация бомбит в сторону Гатчины. В спину КП «кукушки»¹.

7-40 [19-40] полковник дает обстановку. В поселке

¹ Замаскированные вражеские стрелки.

Рошалья кто-то есть, люди бродят по городу. У 1-го батальона правый фланг открыт. 1-й батальон обходят. Удлинить ему фланг до Рошалья. В городе пр-ка нет. Во 2-м батальоне пока ничего. Танки немцев проходят через него. Пехоту удерживают. На правом фланге тяжелое положение. От Пижмы к поселку перебежка пехоты, слева движутся (в р-не торфяного болота) 5 танков. Еще 3 танка прошли жел. дорогу».

После больших потерь противнику удалось взять Дудергоф (ныне пос. Можайский) и Тайцы, потеснить правый фланг 2-й гвардейской ДНО и 276-го ОПАБ. Гитлеровцы более двадцати раз бомбят и обстреливают КП полка, пытаясь нарушить управление, но КП, перемещаясь, продолжает действовать. Нельзя не отметить мужества полковника Денисова, его связистов и адъютанта, находящихся под бомбежкой и обстрелом.

«20-15. «Кукушка» бьет в двери КП. Мы представляем из себя мыс, с флангов нет ничего. Пришло сообщение Соколова из 2-го батальона, что он держится.

21-00. Минометная стрельба стихла. Ружейная — к 13-50 [0-50?]. Я вернулся с разведки, привез пулемет, бинокль, документы убитого.

12.9.41. Всю ночь пулеметная стрельба и минометный огонь. Утром огневые налеты воюющей машины на КП. В 7-00 заняли новый КП.

7-30. Донесение с кладбища. Там много «кукушек» и мало наших.

8-40. На кладбище наступают наши. По улице Чкалова бегут. Мы заняли оборону по улице Чкалова и по границе парка. Немцы у окраины Гатчины.

9-45. Немцы установили пушку у КП (будки) и бьют прямой наводкой по деревне Загвоздка. За станцией Гатчина (по сообщению саперов) наших нет никого.

9-50. Донесение 267 батальона — под ударами артиллерии отступили к церкви, у них 100—125 чел.

10-05. Соколов по телефону доносит, что рота окружена».

Командир полка Денисов ведет бойцов в контратаку. Нельзя равнодушно читать строки дневника, посвященные заключительным боям.

«11-50. Полковник организует контрнаступление. Из дивизии прибыло 60 чел. пополнения. Непрерывный артобстрел. Группа наступает около 120 чел.

14-00. Комбат Кавецкий поступает на Б. Загвоздку. УР обороняет северную часть Гатчины. Прибыли: 80

чел. от батальона Дзюрковского; 10 чел. — от 1-го батальона. Колпаны оставлены. Кладбище брошено.

3-й полк — штаб — Романовка.

20-20. Задача пока не выполнена».

В военно-мемуарной литературе не много найдется документов, подобных дневнику Б. Н. Журавлева. Он словно написан кровью. Денисову повезло на адъютанта: он относится с огромным чувством ответственности к несению службы.

Бесценные 26 дней стойкой обороны Гатчины были вырваны у врага доблестными ополченцами и кадровыми частями. В дневнике мы впервые прочитали о героических действиях командира 1-го полка Денисова и его комбатов. Бойцы полка и артпульбатовцы отходят с тяжелыми боями. Особо отличился политрук 267-го ОПАБ А. С. Григорин. Силы ополченцев иссякли. Гатчина под угрозой окружения. Прикрывая отход и эвакуацию раненых, Денисов пал на поле боя. В какой из контратак он погиб — неизвестно, но ополченцы утверждают, что видели его убитым. Накануне он приказал Журавлеву возглавить отходящую колонну.

Под адъютантом убита лошадь. Сандружинницы полка, среди которых его будущая жена Н. Ф. Браташина, извлекают его из-под лошади и отправляют в медсанбат.

Опираясь на дневник Б. Н. Журавлева и вложенные в него документы, мы можем сделать вывод о большой роли 2-й гвардейской ДНО в обороне Гатчины. Перед нами встают образы героических сынов Ленинграда, защитников Родины, ополченцев, во главе с Денисовым отражавших атаки превосходящих сил врага.

Дневник велся не в литературных целях, не для печати. Основная его задача — полезность, нужность для боевых будней командира полка. Дневник абсолютно правдив, и в этом его непреходящая ценность.

В конце дневника имеются рисунки, которые свидетельствуют о душевном настрое их автора. Они — своего рода эскизы к проекту памятника Победы над фашистской Германией.

...Огромный обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. Автор рисует деталь обелиска с барельефами, изображающими подвиги Советской Армии. По углам стилобата — на нем покоится обелиск — выразительные скульптуры: Мать-Родина со Знаменем Победы и фигура Героя, приветствующего потомка.

Эскизы выполнены в тяжелое время, после ухода

из Гатчины, возможно, в медсанбате. Они являют собой пример неиссякаемого оптимизма и уверенности в грядущей победе.

В. А. ЗАХАРОВ,
разведчик 267-го ОПАБ

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Хорошо запомнились первый поход в город Колпино, принятие присяги, ночной переход в Гатчину. Никто из нас, ополченцев, не мог подумать, что здесь нам придется встретиться лицом к лицу с врагом, который пытался с ходу овладеть городом Гатчина и с этих рубежей захватить Ленинград.

Так случилось, что Коля Красавин в первые дни боев на Лужском шоссе оказался в батальонной разведке, а мы с Микой Сивашинским — в ротной. Коля и Мика — мои одноклассники. У каждого из нас была своя мечта, своя заветная цель. Мика любил математику, успешно участвовал в городских олимпиадах, хотел быть ученым. Коля любил технику и собирался поступить в технический вуз, я увлекался авиацией, занимался в районном авиамodelьном кружке, еще больше любил спорт. Но судьба распорядилась иначе...

И вот наш первый выход, наше боевое крещение. В задачу входило выяснить, как близко находится противник. Времени дали на это двое суток. Мы прошли лесами 10—15 километров, но противника не встретили и, только возвращаясь назад, обнаружили в лесу недогоревший костер, брошенные каску и штык от немецкой винтовки. Значит, здесь совсем недавно побывал враг. Скорее всего это была немецкая разведка. Пройдя еще несколько шагов, мы вдруг услышали стоны, доносившиеся из кустов. Соблюдая все меры предосторожности, подползли к кустам и увидели нашего красноармейца. Он лежал на спине, лицо его было разбито так, что невозможно было различить, где глаза, нос, рот. Он был в сознании, но говорить не мог.

Мы с большим трудом доставили его в санчасть нашего батальона и уже позже узнали, что с ним произошло в тот день. Он, как и многие его товарищи, выходил из окружения из-под Луги, вдруг в лесу увидел немцев. Они схватили его, били прикладом и по-

гами, пытаюсь узнать какие-либо сведения о наших частях. Не добившись никаких результатов, они учинили над ним зверскую расправу.

С Колей Красавиным мы в эти дни встречались очень редко. Батальонная разведка непрерывно находилась в центре самых тяжелых боев, собирала разведданные, помогала нашим бойцам отражать атаки фашистов.

Много дней и ночей продолжались тяжелые бои за Гатчину. Каждый из нас делал все, чтобы выстоять, остановить, не допустить вражеские полчища в родной Ленинград. Сколько мужества и отваги было проявлено ополченцами в обороне города Гатчина!

Вспоминаю последние дни обороны. Враг окружил город с трех сторон. В ночь на 13 сентября 1941 года нам объявили приказ об отходе на новые рубежи. Мы, молодые бойцы, впервые взявшие оружие в руки, были очень удивлены тем, что оставляли город, за который около месяца вели упорные успешные бои, оставляли безымянные могилы своих товарищей, павших под стенами этого города...

Продвигаться можно было малочисленными группами, скрытно, лесами, а кое-где даже по-пластунски, так как бои уже шли под Ленинградом.

Меня судьба свела с одним солдатом, с которым на третьи сутки мы добрались до станции Дудергоф (ныне Можайское). Оглядевшись вокруг, поняли, что там уже был противник. Пришлось обходить станцию стороной. Мы миновали Красное Село и посчитали, что пересекли линию фронта, — по всей вероятности, в то время сплошной линии фронта еще не было. Мы видели, как порой с обеих сторон летели трассирующие пули. Самое трудное, страшное, как нам тогда казалось, осталось уже позади. Решили идти прямо по железнодорожному полотну. Силы были на исходе, очень хотелось есть. Сапоги казались пудовыми, каждый шаг стоил больших усилий.

Начало светать. Мы обошли станцию Лигово и направились в сторону Дачного. Повеселели, идем, разговариваем. У железнодорожного полотна солдаты рыли окопы. У окопа стоял командир в шинели серо-зеленого цвета, и фуражка на нем совсем не такая, как у наших командиров. Мы решили, что командиров одели в канадскую форму. Почему именно в канадскую? Да потому, что в наш батальон прислали однажды канадские винтовки и шинели.

Мы прошли почти всю территорию, занимаемую этой частью, никто нас не окликнул, не остановил. Впереди, метрах в ста, чернел кустарник. Вдруг из окопчика вышли двое, и один из них что-то сказал нам, показывая рукой в сторону, куда мы шли. И тут до меня дошло, что он у меня спрашивает по-немецки: куда, мол, вы идете, ведь там противник?

Я молчу, соображая, что делать. Если я вскину винтовку, немец может меня упредить. В это время мой товарищ побежал к кустарнику, и немцы повернулись в его сторону. Я воспользовался заминкой, выстрелил в немца и что есть духу побежал. Пробежал несколько шагов и упал, ноги будто одеревенели, а до кустов еще метров тридцать. Смотрю, из кустов выскочили двое, подбежали ко мне, подхватили под руки и потащили к кустам.

Это были наши разведчики. Вот что потом они нам рассказали: «Ведем наблюдение за противником и видим: вдалеке появились двое и открыто идут по полю. Наконец поняли, что это, по-видимому, наши, выходящие из окружения. Но как им помочь, предупредить? А они все идут и идут в нашу сторону. Четко различаем наши, советские полуавтоматические винтовки, которые только-только появились на вооружении. Подползли ближе, к вам навстречу, и стали ждать, а когда вас остановили, решили вас выручить».

Нас доставили в штаб одной части. Убедившись, что мы отходим из Гатчины, нам задали ряд вопросов. Мы рассказали нашему командованию, где находится противник, какие населенные пункты им заняты.

В Ленинграде я был направлен в школу радиоспециалистов Осоавиахима.

Трудное это было время. Холод, голод. Спали не раздеваясь. Но занятия проводились в холодных казармах регулярно. Занимались боевой и политической подготовкой, ходили в наряды. Закончили школу, вернулись на фронт. Я попросил направить меня в свой родной 267-й батальон, где начинал боевой путь. И вновь я оказался в четвертой роте. Но моих однокашников уже не было в живых.

Как-то раз мне представилась возможность навесить в Ленинграде родственников Коли Красавина и Мики Сивашинского, которые погибли в последние дни обороны Гатчины. Печальной была эта встреча...

Долгий, трудный и славный боевой путь прошли ополченцы нашего батальона до дня Победы: Ленин-

град, Карельский перешеек, Прибалтика... Но Гатчина, где я принял первое боевое крещение, где потерял лучших своих друзей, навсегда останется в моем сердце.

В. П. МЯДЗЕЛЬ¹,

пулеметчик 3-й гвардейской ДНО

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ ТОГДА

Кто-то очень правильно решил формировать ополченцев по принципу «знают друг друга давно». Наша часть состояла из жителей Выборгской стороны, и не просто Выборгской, а с проспектов Лесного и Карла Маркса, с улиц Выборгской, Оренбургской, Саратовской, Нейшлотского переулка, Ломанского. Все мы практически знали друг друга с детства, вместе росли, дружили, бывало, дрались, как и сейчас это делают мальчишки.

7 августа 1941 года наша рота — из 3-го батальона 1-го полка 3-й гвардейской дивизии народного ополчения — выступила из Ленинграда, от здания института имени Герцена, а уже 14-го побывала в боях у Кингисеппа.

Роту перебрасывали с места на место: то в Ропшу, то в Русско-Высоцкое, то в Петергоф. На первых порах бойцы не очень-то усердно занимались рытьем ячеек, окопов, траншей. Иногда даже доходило до конфликтов с младшими командирами. Но вот когда побывали «под огоньком», то тут нам уже никто не приказывал — лопатка стала нашим лучшим другом.

...После трудного дня 5 сентября приводили мы себя в порядок в деревне Тующи. В ночь сыграли тревогу и приказали занять боевые позиции тут же в деревне. Было тепло и безветренно, и только зарево от дальних пожаров да редкие взрывы снарядов наводили на тревожные мысли. Наши командиры обходили позиции, придирчиво все осматривали. Перед самым рассветом комсомольцев роты собрали в небольшом сарае. Политрук подробно обрисовал обстановку и призвал вести себя так же, как и в предыдущих боях.

Хотя и был наш политрук в военной форме, но вид имел сугубо штатский. Был он роста ниже среднего,

¹ В. П. Мядзель скончался в 1984 году.

коренастый и без всякой выправки, а человек все же бывалый и на войне не новичок. Как-то по-домашнему, но строго сказал нам: «Вот что, ребята мои, забудьте, что перед вами просто противник. Перед вами злобный, осатанелый бандит, вооруженный до зубов. Его цель — уничтожить все живое, русское, советское. Все вы дети Ленинграда, и настал ваш час постоять за свой город. Не скрою, обстановка очень тяжелая, но крепитесь, сынки мои...»

Еще во время формирования мы все не давали покоя политруку и требовали быстрее отправить нас на фронт. Меж собой даже высказывали опасение, что и на войне-то нам не удастся побывать, как потом смотреть в глаза людям? Толковали мы по-мальчишески, ведь было нам только по восемнадцать, да и то не всем: «Мы, мол, покажем фрицам, мы, мол, увидим их спины...» Да, все это потом было, но не скоро и не все это увидели.

Нам в первых боях везло, так как потери в роте были под Кингисеппом небольшие. Видимо, немаловажно все-таки, что наши командиры отделений были участниками войны с белофиннами и буквально «вколачивали» в нас все то, что знали и испытали на войне. Ну а после первого же боя мы и сами всё хорошо понимали.

Ранним утром командир роты скомандовал:

— Повзводно, с первого взвода, за деревню бегом марш!

У командира голос был подходящий, всем было слышно, да к тому же он рукой указал в сторону наших тылов. За деревней стояли грузовые машины, уже приспособленные для перевозки людей. Мы быстро расселись и тронулись в путь. Достигнув окраины Ленинграда, машины круто повернули направо, и, не сбавляя скорости, помчались в другом направлении. Люди, знавшие эти места, определили, что едем в Гатчину.

Выгрузились в деревне Романовка и, не ожидая команды, быстренько окопались, так как были слышны знакомые звуки боя. Осмотрелись: справа от нас на поле стоят зенитные установки, готовые к стрельбе частью по воздушным, а частью по наземным целям, около лесочка, что впереди, расположилось несколько тяжелых орудий, которые поочередно вели редкий огонь.

Остаток дня и ночь для нас прошли относительно спокойно. Но на передовой временами грохотало довольно сильно.

С утра 7 сентября занялись мы чисткой оружия, пополняли запас патронов, писали письма, а после обеда командир взвода Морозов вызвал меня, приказал вместо винтовки взять единственный во взводе автомат ППД, несколько гранат, а в противогазную сумку порекомендовал уложить патроны и харчи.

Как объяснил взводный, я в числе нескольких бойцов должен был сопровождать командиров роты и взводов, направляющихся на рекогносцировку местности и установление связи с соседями. Двинулись мы в сторону Гатчины. Добирались долго и с происшествиями. В самом городе было много разрушений, вдоль улиц стелился дым. Пустынно, лишь иногда пробежали группки бойцов в разных направлениях.

Наконец прибыли на командный пункт. Здесь кипела жизнь: приходили и уходили командиры, сновали связные, подъезжали машины. Часа через полтора вышли из какого-то полуподвала и наши командиры, на ходу закладывая карты в полевые сумки.

Тем же порядком двинулись обратно. По прибытии в подразделения командиры приказали бойцам внимательно осмотреть оружие, амуницию и проверить обеспеченность боеприпасами. Ночью от нашего взвода были выставлены парные патрули, которые имели задачу курсировать по определенному маршруту и задерживать всех, кто встретится. Нам было особо указано: не пускаться в объяснения с задержанными, а препровождать их в дом, указанный командиром взвода, ни на какие знаки различия и документы не обращать внимания, быть предельно осторожными и готовыми к бою.

8-го утром наши зенитные орудия на поле и тяжелые орудия у леса бомбила большая группа «юнкеров». Появлялись они неоднократно и сбрасывали бомбы в несколько заходов.

Говорят, что необстрелянному человеку в определенный момент кажется, что мина, снаряд, пуля летят непременно в него,—так уж устроена его психика. Страх, конечно, был, и многие, увидев отделяющиеся от самолетов капельки-бомбы, ложились на дно окопа и прятались с головой, а некоторые, выставив из окопа оружие, вели огонь по пикировщикам. Видимо, эти ребята пересиливали собственный страх.

С наступлением темноты 8 сентября опять были высланы патрули. Тогда мы впервые увидели, как над Ленинградом скрещивались лучи прожектора, что-то

горело. Зарево было хорошо видно — это немцы бомбили город. 9-го утром состоялось что-то вроде импровизированного собрания. Все, кто патрулировал, рассказывали остальным про ночную бомбежку Ленинграда, и сердца наши сжимались в тоске за жизнь родителей, братьев, сестер, любимых. Мы ведь понимали, что наблюдали не праздничную иллюминацию. Когда сам под огнем — это, конечно, страшно, но представление о том, что твои близкие в смертельной беде, — совсем другое, более глубокое чувство. Ненависть к врагу клекотала в нас, мы были готовы на все ради жизни своих близких.

Со стороны Гатчины грохотало и ухало так, что мурашки по спине бегали, и каждому думалось: что-то дальше будет?

Утро 10-го прошло без изменений, а после обеда нам приказали основательно заправиться боеприпасами и по отделениям двигаться по тропе левее деревни.

Погода стояла солнечная. Были мы при полной армейской выкладке и прошли-то всего с километр, а уже захотелось прилечь, снять амуницию и полежать не двигаясь.

Через некоторое время, перейдя через железнодорожное полотно, сделали привал. По привычке стали сразу же окапываться, но впервые поступила команда: только отдыхать.

Под вечер мы вошли в деревню Большое Замостье и разместились в домах. Потом подошла кухня. Мы поужинали и решили, что день закончен. Но вдруг сыграли подъем, и командир взвода повел нас к деревням Малое Замостье и Коргози.

Сначала все шли по дороге, а потом получили приказание двигаться по кюветам. Уже стемнело, когда мы услышали резкий окрик, потом другой, и длинная пулеметная очередь прострочила нашу дорогу. Мы залегли, на огонь не отвечали. Команды передавали по цепочке почти шепотом. Я услышал, что меня вызывают в голову цепочки. Командир взвода Морозов и помкомвзвода Кононов, накрывшись плащ-палаткой, уточняли что-то на карте. Оказалось, что от командира роты поступило приказание выслать головной дозор, и помкомвзвода вызвал меня, чтобы вместе выполнить задачу. Нам с ним это было не впервой.

Потихонечку двинулись в сторону Коргози. Внимательно прислушивались, так как давать сигналы было бесполезно: было очень темно. Один двигается, другой

слушает. Пройдет впереди идущий шагов 15 и залегает, потом другой к нему идет. Все же глаза как-то приспособились, постепенно стали кое-что различать. Мы знали, что на поле стоят огромные бурты торфа, и угадывали их по особой темноте, а потом на ощупь обходили их. Метров через 500—600 мы буквально вползли в поселок и залегли за каким-то плетнем. Впереди метрах в 100 стоял двухэтажный деревянный дом, от дома ближе к нам метров на 30—40 горели два небольших костерка, которые кое-что высвечивали. Мы увидели несколько мотоциклов с колясками и две танкетки. Возле дома разглядели броневинок, потом присмотрелись и заметили метрах в 20 от нас еще броневинок.

Мы терпеливо, около часа, лежали за плетнем. Наконец Коновалов кивнул в сторону: уходить.

Вдруг дверца ближнего к нам броневиночка открылась и вышел фашист, потянулся, направился к дому. Дверца машины осталась открытой, и что-то внутри светилось. Дима мне шепчет: «Давай гранату, я брошу свою и твою, а под шумок кинемся в сторону — и лежать трупом».

Броневинок был рядом, соблазн велик, и Димка не утерпел. Бросал он на учениях гранаты обычно классически, и на сей раз они точно полетели в проем дверцы машины. Мы нырнули в сторону, свалились в какую-то яму и затихли. Рвануло здорово, гулко. В поселке поднялась настоящая паника, строчили автоматы, пулеметы.

Мы с Димкой отползли назад еще метров 100 и опять залегли. У плетня горел броневинок. У дома бежали гитлеровцы. Они бесились около полчаса, а потом понемногу успокоились и лишь изредка давали одну-другую автоматную очередь.

Только я привстал, как левый рукав гимнастерки рвануло, и стало горячо чуть ниже подмышки, видимо шальная пуля задела. Боли не было, а саднило. Дима перевязал мне руку прямо по гимнастерке.

Когда пришли в расположение роты, руку мне промыли просто водой и перевязали, оказалось, что пуля оцарапала кожу.

11 сентября. Еще только угадывалось, что наступит утро, а нашу роту уже подняли. Состоялось нечто вроде совещания: как брать деревню. Решили атаковать без всякого шума. Главное — подойти как можно ближе, пустить в ход ротные минометы, затем бежать и

метров с тридцати бросать гранаты. Атаковать было решено двумя взводами, а третий оставить для прикрытия. Едва забрезжило, когда мы пошли по кюветам в сторону противника.

Дошли до того места, где ночью нас остановил пулемет. Подошла еще какая-то группа бойцов, и с ними командир со шпалой в петлице и с артиллерийской эмблемой. Он уже конкретно поставил боевую задачу. Посовещались командиры, сверили время, уточнили карты, и мы с Димкой повели группы нашим ночным путем, в обход того пулемета.

Не зря мы ротные минометы пустили в ход. Противника они спугнули, и он поспешно удрал.

Правда, ушли танкетки и один броневичок: видимо, экипажи были в машинах,— а мотоциклисты убежали так, без оглядки, мотоциклы завести не успели.

В общем, деревню мы взяли, но тут же нам приказали отойти на исходные позиции. Сперва мы, рядовые, на это досадовали, а потом имели возможность наблюдать интересное зрелище. Противник открыл по деревне плотный огонь из пушек и минометов. Дом был разбит и горел, мотоциклы разлетелись по частям во все стороны. Молотили так немцы по пустому месту минут 30, а потом появились ночные знакомые — танкетки, броневичок и около роты пехотинцев. На ходу они строчили наугад, а мы били из винтовок почти на выбор и еще приговаривали, как в кинофильме «Мы из Кронштадта», только со своими вариациями: «Ну, такие-сякие, кто еще хочет на Петроград? Ходи, гад воючий!» Вот здесь ротные минометы опять свое слово сказали. Было у нас их три штуки, и каждый израсходовал по пятнадцать мин.

Казалось бы, что немцам удалось отбить свое место ночевки. Но дальше они двигаться робели,— да, видать, мы их «понащелкали» порядочно. Ведь мы-то были для них вроде невидимок.

Приказали нам отойти назад еще метров на 100, и опять удалось увидеть неповторимую картину. Примерно в течение 30 минут над прежним нашим расположением прошли несколько «мессеров», покидали мелкие бомбы, построчили из пулеметов, а потом противник вновь открыл шквальный артиллерийский и минометный огонь по пустому месту.

Маневр, о котором толковали наши командиры там, в кювете, оправдался. По-видимому, противник рассчитывал, что все наши огневые точки подавлены, и

перешел в наступление. Два танка, броневичок, танкетки, более роты пехоты ринулись вперед. Вот где оказалась наша выдержка. Враг наступал, а мы молчали. Неожиданно заговорили наша артиллерия и ротные минометы. Был разбит немецкий танк, запылал броневичок, и фашистская атака захлебнулась. Трудно сказать, была ли команда или нет, я ее не слышал в этом грохоте, но когда противник под огнем нашей артиллерии повернул назад, то все ополченцы рванулись ему вслед. Бежали и кричали: «За Родину!», «За Ленинград!», «Бей гадов ползучих!», а некоторые в ярости выкрикивали и крепкие слова. Мы впервые здесь, под деревней Малое Замостье, испытали чувство своей победы.

В полдень наступило некоторое затишье: будто и войны нет. Наша рота и другие подразделения, которые участвовали в этой атаке, по-прежнему удерживали свои рубежи. И вдруг я был оглушен неожиданным ударом, в глазах потемнело.

Очнулся я в каком-то подполе. Все показалось мне знакомым и близким, точно я нахожусь у родных в деревне, где, бывало, забравшись в подпол, ползал по картофельным ямам, по ящикам и корзинам. Долго ли я лежал, нет ли — вдруг меня вновь кинуло в сторону. Взрыва я не слышал, лишь увидел брешь в стене, а через нее кусок улицы.

Положили меня, как и многих раненых, у плетня. Хорошо были видны разрывы мин и снарядов на дороге, ведущей в Коргози. По всему чувствовалось, что наши держатся на прежних рубежах. Поэтому было полной неожиданностью, когда кто-то крикнул: «Немцы!»

По дороге от Коргози на большой скорости мчались несколько мотоциклов с колясками. Из пулеметов мотоциклисты стреляли зажигательными пулями по крышам окраинных домов деревни Большое Замостье. Затем показалась танкетка, но без пехотного сопровождения. Когда она поравнялась с плетнем, наша сестричка не растерялась и бросила в нее две бутылки с зажигательной смесью, да еще кто-то гранаты бросил. Раздался взрыв, из танкетки повалил густой дым.

Нам за плетнем стало жарко и душно, и я снова потерял сознание. Очнулся позже, когда меня несли по тропинке к реке Ижоре, где находился медицинский пункт. Отсюда вместе с другими ранеными привезли в город Пушкин, а через день я был положен в гос-

питаль на углу Кировского проспекта и улицы Скороходова.

...Иногда заглядываю в справку, выданную мне военно-медицинским архивом после войны, в которой написано: «...множественные осколочные ранения...».

Таковыми были мои первые уроки войны. А впереди еще было много, много военных ночей и дней.

И. А. ЕВЛАХОВ

РУБЕЖИ СЛАВЫ

Гатчина затемнена. Подъезжая на грузовике к городу, мы не увидели ни одного огонька. Въехали в Ингенбургские ворота, и, едва свернули на улицу имени 7-й Армии, нас остановил патруль, раздался окрик:

— Стой! Ваши документы!

Генерал Крылов, сидя в кабине, открыл дверцу. Трое гражданских при свете фонарика проверили удостоверение. Я сидел в кузове с офицерами и заметил, что в патруле была женщина. Ее силуэт с берданкой за плечом словно сошел с полотна Дейнеки, изображающего питерскую работницу героических первых лет революции. По зову Красногвардейского горкома партии рабочие завода имени Рошала и других предприятий несли дежурство, поддерживая революционный порядок в городе.

Это было в ночь на 10 июля 1941 года. Новый враг, более грозный, чем белогвардейцы в 1918 году, рвался в Ленинград.

...Узел многих автомобильных и железных дорог. Фашисты вознамерились захватить его с ходу. Но Гатчина не только „узел дорог” — это неповторимой прелести город, с цепью прозрачных озер, красивыми парками, памятниками архитектуры, уютными жилыми домами.

В военно-мемуарной литературе Гатчине не слишком повезло. Из иных рассказов можно узнать, что после Лужского рубежа немецко-фашистские войска чуть ли не сразу оказались у Пулковских высот. Все это было далеко не так.

...Полутонный грузовик повернул на улицу Володарского и, минуя несколько кварталов, въехал во двор двухэтажной деревянной школы. Уже рассвело. Мы выскочили из кузова, разминая ноги. Генерал, бод-

рый, энергичный, вместе со встретившим нас офицером вошел в дом. С нами приехали начальник оперативного отдела укрепрайона майор Любимов и начальник строевого отдела старший лейтенант Неверов. Так оперативная группа штаба Центрального сектора Красногвардейского укрепрайона прибыла к месту назначения. УР включал Красносельский, Центральный — Красногвардейский и Слуцко-Колпинский секторы. Центральный располагался на юго-западном направлении, он и дал название КУРу¹, который представлял собою в плане огромную подкову, начинавшуюся у Финского залива и упиравшуюся в Неву.

Известна роль партийных органов Ленинграда во главе с секретарем горкома А. А. Кузнецовым в создании рубежей обороны. Они оборудовались силами трудящихся Ленинграда. Но доты, дзоты, крупные КП и НП² сооружали особые строительные бригады.

В июле и августе для обороны непосредственно Красногвардейска рубежи заняли три отдельных пулеметно-артиллерийских батальона (ОПАБ) — 267-й, 276-й и 270-й, а в середине августа — 126-й ОПАБ и 2-я гвардейская дивизия народного ополчения (ДНО).

Рвы и надолбы не являются непреодолимыми для танков, если они и подходы к ним не будут находиться под воздействием пулеметно-артиллерийского огня. В начале августа я получил указания от генерала В. А. Крылова проверить «предел» их проходимости и вызвал для этого два танка.

Тяжелый и средний танки испытывались на преодоление препятствий. Итоги подводились в акте с изображением танка, разрезов рва с указанием глубины и ширины по дну и по верху, с учетом диаметра надолб, их высоты. В создании рубежей нами были учтены выводы, сделанные в ходе испытаний. Так, например, были выявлены относительно тонкие деревянные надолбы, которые ломались и крошились под ударами корпуса танка и препятствием считаться не могли. Противотанковые рвы были неприступны для любого танка, если, конечно, перекрестный фланговый пулеметный огонь препятствовал саперам противника прокладывать проходы в стенах рва.

Проверка производилась на рубеже, занятом 267-м ОПАБ, а в дальнейшем и 1-м стрелковым полком 2-й гвардейской дивизии народного ополчения. Мы можем

¹ КУР — Красногвардейский укрепленный район.

² КП — командный пункт; НП — наблюдательный пункт.

теперь с достоверностью сказать, что именно эти ополченческие части показали в обороне Гатчины наибольший героизм и стойкость, нанеся неприятелю большие потери.

Задачей 2-й гвардейской ДНО, имевшей 11 тысяч бойцов, являлись создание и защита между урвскими узлами обороны полосы сооружений полевого типа. Нужно было сделать ее по возможности непрерывной, придать ей глубину. Полным ходом шла боевая подготовка ополченцев. Включились в нее и приданные нам кадровые артиллерийские, саперные части, связисты. Значение этой подготовки трудно переоценить.

Мы пользовались топографическими картами для нанесения своих огневых точек и инженерных заграждений. Генерал Крылов, видя трудности дела, заказал аэрофотосъемку в крупном масштабе. Она лежала на полу, занимая полкомнаты. В выполнении схемы помогал чертежник ополченец Гаврилов, студент Академии художеств.

Во главе обороны Красногвардейска стояли способные, инициативные командиры и начальники. Весьма значительна, в частности, организаторская и воспитательная работа, проводимая в укрепрайоне комендантом Центрального сектора генерал-майором В. А. Крыловым. Генерал был страстным противником рутинерства и шаблона, большое значение придавал разведке.

Крылову было за пятьдесят. Невысокого роста, сухощав, с небольшими жесткими усиками. 16 июля в Красной Армии был введен институт военных комиссаров и политруков и генерал сразу перевел к себе в кабинет военкома сектора старшего батальонного комиссара Копенкина, но это было не формальной данью приказу — мы и раньше видели их вдвоем, обсуждавшими тот или иной вопрос. Крылов держал тесную связь с Красногвардейским горкомом партии и горисполкомом.

Комиссар Копенкин имел за плечами боевой опыт. Получил орден в советско-финляндской войне 1939—1940 годов. Не любя официальных разговоров и суеты, он, как правило, редко вызывал к себе военкомов батальонов и политруков рот — сам бывал в подразделениях сектора УРа.

Обязанности начальника штаба выполнял майор Любимов, начальник оперативного отдела. Это был грамотный, вдумчивый штабной офицер. Мешки под глазами говорили о болезни сердца, однако никто не

слышал от него жалоб. Весомая его роль в организации взаимодействия между артиллеристами УРа и 2-й гвардейской ДНО.

Штаб сектора находился первое время в деревянной школе, но вскоре переместился на старое кладбище на улице Карла Маркса, где был ряд землянок.

На новом месте штаб попал под ожесточенную бомбежку. Сыграла в этом роль, очевидно, и моя неопытность. Строительный батальон, приданный нам для сооружения КП, начал работу во время перехода штаба. Свежие выбросы земли демаскировали наше расположение. Только неточность бомбежки немецких летчиков помогла избежать тяжелых последствий. Вечером того же дня (21 августа) мы перешли на КП, расположенный близ Красносельской дороги.

...Гатчина горела от вражеских снарядов и авиабомб. Мы вышли из землянок. Генерал, взобравшись на перекрытие землянки, отдавал приказания о порядке следования на новый КП. Стемнело. Гарь от пылающих домов висела над городом.

То, что фашистская агентура следила за помещением штаба УРа, выяснилось позже, когда в районе Малой Загвоздки наш генерал едва не был убит в спину выстрелом диверсанта. Позже была обстреляна машина генерала.

Обязанности принимать многотысячные отряды ленинградских трудящихся и расставлять их на оборонные работы лежали на мне, как ответственном за инженерную службу Центрального сектора. Чем ближе подходил фронт, тем труднее было это делать. Эшелоны на станцию Гатчина-Балтийская приходили уже только по ночам. В помощь мне был придан небольшой отряд моряков-курсантов.

Запомнилась одна из августовских ночей. Мы ожидали поезд, в небе висели на парашюте сброшенные противником ракеты, освещая все мертвенно-ярким светом. Рядом был аэродром, и никто не знал, с какой целью устроена иллюминация. Подошел поезд. Нам удалось до начала бомбежки развести людей по участкам, на которых намечались строительные работы.

Центральный сектор УРа имел по фронту несколько десятков километров, и передвижение без транспорта было затруднено. На автобазе у станции Гатчина-Варшавская я поинтересовался, нельзя ли взять во временное пользование полуторку.

— Берите любую! И шофера дадим!

Я еще не отрешился от «гражданских» настроений и опешил, когда к нам подъехал полутонный грузовик. По обе стороны кабины были два цилиндра, куда загружались деревянные чурки. От них по-домашнему несло запахом самовара. Чурки давали газ, на котором работал мотор. В наши дни такая машина вызвала бы удивление, но в те годы газогенераторные машины нас выручали. Генерал скептически отнесся к моему приобретению, но понимал, что без машины не обойдешься.

4-й танковой группе гитлеровцев удалось со стороны Молоосковиц выйти к Гатчине. Встреченные огнем и контратаками 2-й гвардейской ДНО и уровских батальонов, они не смогли ворваться в город. Но на другом участке фронта к 29 августа немцам удалось выйти на окраины Колпина, на наиболее близкое расстояние к Ленинграду, и линия фронта с юга изгибалась почти под прямым углом, на вершине которого — Гатчина.

Сентябрь золотил деревья, с севера дышали холодные ветры. «Узел узлов» — так назвал Гатчину начальник инженерных войск фронта Б. В. Бычевский — встал на пути оккупантов как скала, и разрушить эту скалу враг с ходу не сумел.

«Тяжело в учении — легко в бою», — суворовская мудрость стала наглядней, когда с 21 августа начались упорные бои. Массовые оборонные работы пришлось прекратить. Генерал направлял меня, как и других офицеров штаба, с поручениями на передовую. Я знакомился в натуре, как инженерные сооружения «держали экзамен» в бою. Но самым радостным было общаться с людьми — командирами и бойцами народного ополчения, видеть их доблесть. Они делали все как можно лучше, выполняя свой долг до конца.

Если бы младшему лейтенанту Н. И. Демьянову, окончившему университет и проработавшему год в Арктическом институте, ранее сказали, что он будет командовать 267-м отдельным артпульбатом, численность которого иногда доходила до 2300 бойцов, почти до штатного состава полка, то он не поверил бы. Волевой, немногословный, обладающий «секретом» воздействия на бойцов своим поведением, и прежде всего непоказной храбростью, он завоевывал авторитет. Генерал Крылов, поставив его на трудный участок, не ошибся. При отходе из Гатчины Демьянова тяжело ранило.

Комиссаром батальона был Ф. И. Казначеев, за участие в зимних боях 1939/40 года на Карельском пере-

шейке награжденный орденом. Его не зря называли отцом батальона. Ему отлично были знакомы все гарнизоны дотов и дзотов.

Командир и комиссар вместе с парторгом Н. Х. Митьковцем сплотили батальон. Разведка в тылу врага, возглавляемая политруком А. С. Григориним, приносила сведения о перегруппировках противника. В донесениях сообщалось, что немцы собирали урожай хлебов в Волосове, сгоняли скот и т. д. Подобные факты, ценные для характеристики повадок оккупантов, немедленно использовались для бесед с воинами.

Убедившись в невозможности взять Гатчину с фронта, гитлеровцы 9 сентября, накопив крупные силы, начали наступление на Красное Село. Несмотря на героическое сопротивление 3-й гвардейской ДНО, бригады морской пехоты и ОПАБов Красносельского сектора УРа, фашистам на третий день с огромными потерями удалось прорвать линию обороны наших войск и захватить Дудергоф, а затем Красное Село и Тайцы; правый фланг 2-й гвардейской и 267-го ОПАБ был потеснен, и положение резко ухудшилось. Подвижные части неприятеля проникли к Большому Виттолову, под Пулковку и перерезали дорогу Ленинград — Гатчина. Над защитниками Гатчины нависла угроза окружения.

Тревогу вызывал 267-й батальон, обойденный с севера. В ночь на 11 сентября генерал Крылов направляет меня туда. На командном пункте ОПАБ в парке «Зверинец» я не застал ни души. Все подразделения, а также, по-видимому, и тылы были брошены на закрытие брешей, которая образовалась на правом фланге. В штабной землянке горели керосиновые лампы. На длинном столе лежали недоеденные остатки скромного ужина. 276-й батальон состоял из василеостровцев — рабочих завода имени Козицкого, других предприятий района и студентов ЛГУ имени А. А. Жданова. Вместе с правофланговыми ротами 2-й гвардейской дивизии уровский батальон почти весь погиб в бою, но врага с севера в Гатчину не пропустил. Пал на поле боя командир батальона Бауман. Был убит и комиссар батальона Друян. Капитан Бауман пошел в ополчение, будучи преподавателем химико-технологического института. Он участвовал в первой мировой войне драгуном, служил артиллеристом в Красной Армии. По словам архитектора-ополченца В. Д. Кирхоглани, который оказывал командиру батальона помощь в строительстве

рубежей, капитан Бауман говорил: «Или я буду убит, или мы остановим врага... Иного пути нет!»

В лесу я пересек линию Балтийской железной дороги, увидел лежащий на боку паровоз с тендером. От паровоза шел пар, он был еще теплый. Рядом зияла воронка от бомбы. Я вышел на опушку леса к ротному КП. Рассвело. Вдалеке — деревня Поккизен-Пурсково. По улице слонялись гитлеровцы. Их было видно из перископа с наблюдательного пункта командира роты. Допотопной конструкции немецкие бипланы не спеша упражнялись в бомбометании, сбрасывая бомбы на дот и на передний край нашей обороны на околице деревни. Купол другого дота облеплен фашистскими вояками. Как сообщил командир роты, в доте остался гарнизон. Нас разделяло полукилометровое ржаное поле. Резервов у ротного командира не было, и оказать помощь гарнизону окруженного дота было нечем. Я вернулся на КП сектора и доложил обо всем генералу.

Героически сражался с врагом на подступах к Красногвардейску командир 1-го полка 2-й гвардейской дивизии народного ополчения полковник Виноградов. Он, участник гражданской войны, пал в одной из контратак под Пижмой. Свидетельства бывшей сандружинницы полка Н. Ф. Журавлевой проливают свет на исполненную драматизма историю гибели полковника Виноградова. Главнокомандование Северо-Западного направления имело основание быть недовольным ходом боев за Пижму, и нужно было вникнуть в ту обстановку, чтобы понять, что побудило Виноградова самому повести бойцов в контратаку.

Обстановка сложилась так, что на рассвете 13 сентября 1941 года штаб Центрального сектора покинул КП и вышел на Красносельскую дорогу. Произошел характерный для тех дней эпизод. Бойцы комендантского взвода поймали лазутчика, который подстерегал уход штаба. Его допросили и по приказанию генерала Крылова расстреляли.

Мост через Ижору. Красивые Мозинские ворота из пудостского камня — последнее напоминание о Гатчине. Ни один выстрел не нарушает тишину. Враг пока не подает признаков жизни, но через короткое время бои возобновляются.

Мы разместились за рекой Ижорой на позициях 270-го ОПАБ, на рубежах которого вчерашние ученики 8-й спецшколы, готовящей артиллеристов, в скоротечных огневых схватках 13—14 сентября нанесли враже-

ским танкам и пехоте чувствительные потери. 270-й батальон, сформированный из трудящихся Смольнинского и Володарского районов, хорошо показал себя в бою.

В истории обороны Гатчины много поучительного. Она внесла заметный вклад в защиту подступов к Ленинграду в первые месяцы войны.

И. И. МУРОМЦЕВ,

связист 267-го ОПАБ

ДОРОГОЙ НАШ КОМИССАР

Помнится солнечное утро 9 сентября сорок первого года в городе Гатчина. Мы во втором этаже деревянного дома у городского кладбища. Побрились, умылись и, сменив подворотнички, готовились к завтраку. Каша да жирные щи из котла надоели, захотелось просто картошки с сочным лучком и укропчиком из хозяйского огорода. А всего этого было в достатке.

И вдруг кругом загрохотало так, будто стало небо рушиться вместе с землей.

— А, черт! — ругнулся у плиты Капорский, человек многоопытный, любивший повозиться на кухне. — Все равно не уйду, назло доварю. Ты беги под церковь к связистам.

Не дожидаясь ни повторения приказа, ни картошки с луком, надеваю шинель, противогаз, хватаю винтовку и лечу вниз со всех ног. На улице все меркнет в дыму и пыли. Творится невообразимое. Рядом горит деревянная дача. Над крышами остервенело воют, как ишаки, самолеты. Ухают, резко бьют взрывы.

Вот и надежный подвал под колокольной. Аккумуляторная лампочка освещает стены, кирпичные своды. Телефонистка, усиливая голос до крика, вызывает:

— «Дон», «Дон»! Я — «Волга»! «Дон»! Как слышишь? Я — «Волга»...

Здесь узел связи нашего батальона — по-нашему, коммутатор. Его только что перенесли сюда из каменной часовни, в которой девушки-телефонистки дежурили круглосуточно. Связисты выучены работать молниеносно. Они на своем боевом опыте уже знают, что и от них также зависит успех каждого боя — успех всего батальона. Имуществом связи — кабелем, аппаратами, радиостанциями — батальон обеспечен неплохо. Во взводе связи имеется своя грузовая машина, две двуколки

с лошадьми. Неутомимый Капорский по ночам отправляется в город, разыскивает там резервы и привозит необходимое взамен выбывших средств связи.

За все предыдущие двадцать дней обороны Гатчины кладбище, где находится КП и штаб батальона, впервые оказалось под таким страшным ударом.

Командир взвода связи Виноградов, наклоняясь всем корпусом к телефонистке, вслушивается в ее призывы с таким напряженным вниманием, будто все зависит теперь только от этих призывов. И когда телефонистка произносит: «Рота не отвечает», — он выпрямляется и посылает линейщиков на обрыв. Связь то и дело прерывается, но связисты, сбиваясь с ног, находят обрывы проводов и под огнем врага восстанавливают линию.

Во взводе у нас линейщиков человек двадцать. Это В. Н. Николаев, П. В. Дерябин, А. А. Иванов, М. Ф. Финогенов, А. А. Титов, Н. А. Шатарков, Р. М. Михайлов, И. П. Осадченко, П. А. Приндич, Н. И. Захаров и другие. Все они добровольцы-ополченцы, как и весь личный состав батальона. Подавляющее большинство их впервые в боях. Сейчас они заняты своим делом.

С котелком в руках в подвал вбегает Капорский и сообщает о доваренном-таки завтраке.

— Начальник связи! — обрывает его строгий голос из полутьмы.

Капорский оставляет мне ложку и котелок и быстро идет на зов. Выслушав приказание, он уходит наверх, где рядом с церковью находится радиостанция.

Человек, пославший Капорского на радиостанцию, — это комиссар нашего 267-го артпульбата Филипп Иванович Казначеев. Все эти дни он страдает от раны, полученной в первом бою 20 августа на Киевском шоссе. Тогда он с группой коммунистов навязал гитлеровцам бой. Смелая вылазка комиссара, первым ринувшегося на врага, предотвратила окружение наших дзотов. Комиссар преподал нам урок мужества и отваги.

С этого дня начался подвиг Казначеева. Он отказался от госпиталя и все эти дни руководит боями, противопоставляя остервенелому натиску врага, рвущегося на пролом, маневр, поиск разведки, засады. Командир батальона младший лейтенант запаса Николай Иванович Демьянов военного опыта не имел. Видя это, Филипп Иванович, участник гражданской и финской войн, взял часть руководства боевыми действиями на себя.

У него железная воля. И от нас требует строжайшей дисциплины, беспрекословного подчинения, выполнения любого приказа. В то же время он справедлив, чуток и добр. Никакая опасность его не страшит, и он идет первым туда, куда посылает других. Орден Красного Знамени на его темной гимнастерке гипнотизирует нас, как высокий знак подвига и героизма. Мы преклоняемся перед ним, любим его и готовы идти с ним в огонь.

В подвал с линии возвращается Соколов, человек лет сорока, всегда спокойный и исполнительный, показывающий пример нам, молодым. Он прислоняется к кирпичной стене, говорит, что его ранило. Девушки поспешно разрывают на нем шаровары. Осколок снаряда пробил ногу Соколову насквозь, но на выходе под кожей застрял. Крови почему-то нет вовсе. Девушка, бинтуя Соколова, успокаивает его, хотя тот равнодушен и абсолютно спокоен. Она ему ласково, точно маленькому ребенку, говорит:

— Потерпи, дорогой. Сам пришел — значит, кость цела, не задета.

— Отправить сейчас же в санчасть и — немедленно в госпиталь! — приказывает комиссар из своего закутка.

...Виноградов, получив от комиссара указание, сует мне бумажку, свернутую в трубочку, и говорит, что это новые позывные и их немедленно надо доставить на КП. Без позывных, как известно, не может быть скрытной от врага связи. Они часто меняются и присылаются из штаба УРа. Оставив помкомвзвода Михайлова за себя, Виноградов приказывает мне идти следом за ним.

Но вот и ограда, под которую подлезаем с ловкостью кошек. Виноградов пристально изучает пространство от кладбища до насыпи железнодорожной ветки Гатчина — Тосно. Там правый фланг второй роты — слабое место на ближних подступах к городу из-за недостаточного полевого заполнения. А впереди, у Красного Хутора, много дней идут ожесточенные бои, и на помощь батальону туда не один раз направляются ополченцы с Балтийского завода, с Петроградской стороны. В этих боях стойко держит свой рубеж и наша первая рота. Теперь комиссар, видимо, опасается за этот участок: противник вот-вот может атаковать клад-

бище в обход второй роты. Вот он и послал сюда Виноградова заблаговременно на разведку. Вернее, на рекогносцировку. Сил больше нет, чтобы закрыть эту дыру, саперам и связистам, возможно, придется пойти сюда на поддержку.

Виноградов продолжает всматриваться в недалекую опушку леса, а я столбенею от ужаса — в руках у меня нет ничего. Нет бумажки, свернутой в трубочку. Наверное, выронил, когда увертывался от осколков. Или волной вырвало, унесло...

— Товарищ командир, я потерял позывные...

Виноградов прерывает рекогносцировку, смотрит на меня так, будто не понимает того, что я сказал. Потом смотрит в упор, точно впервые видит меня. Брови у него сходятся над переносицей, он ими дергает, как всегда, когда напряженно обдумывает что-либо, и наконец говорит тихо, внушительно:

— Что-о-о?!

— ???

— Слушай сюда! — громко шепчет он так, что все становится ясным. — Умри, но найди.

Очертя голову, ни живой ни мертвый, несусь опять под разрывы, не пережидая налета. «Засыпало — не засыпало? — сверлит в голове. — А не засыпало, так разве найдешь в этом аду. Где шли, где петляли?.. Ничтожество! В глазах всех, в глазах комиссара... А, пусть убивают...»

Иду. Лихорадочно стараюсь припомнить, где шли, мимо каких могил пробирались. Смотрю вовсю по сторонам. И осколки меня не берут. И нет нигде позывных. Как провалились. Вот и стена церкви видна сквозь кусты. Но что это белеет на насыпи свежей жирной земли? Неужели мои позывные? Они! Как с неба упали. Дорогие мои... Беру их, точно святыню. Мчусь сломя голову к Виноградову. Никогда в жизни так быстро не находил, что терял.

— На! — зло сую ему в самый нос позывные, однако удерживаюсь от еще худшего — от последнего слова, которое чуть было не сорвалось с языка. — Засунь их в планшетку свою, — добавляю, в бессилии облакачиваясь об откос...

И здесь надо заметить, что так фамильярно к Виноградову, да и к другим, я не обращался больше ни разу. А с ним вместе довелось пройти всю войну, и много еще было всего. Виноградов, в свою очередь, также с первого дня, как, впрочем, и все командиры,

и в первую голову комиссар, обращался с нами всегда по-товарищески, с уважением. И когда Казначеева заменил Яков Ильич Альтшуллер, а комбатом стал кадровый командир Николай Ильич Мельников, ополченческий дух дружбы, товарищества, взаимного уважения, воспитанный Казначеевым, свято поддерживался и в страшные дни в блокадном кольце, и на Нарвском плацдарме — словом, на всех трудных и долгих дорогах войны. Что говорить, коллектив у нас был дружный, сплоченный, как одна большая семья. Да и после войны все мы, под руководством Виноградова прошедшие много дорог, и другие наши однополчане на встречах до сих пор соблюдаем такт и субординацию — всегда, несмотря ни на что, при любых обстоятельствах.

Итак, когда я сунул Виноградову бумажку, удержавшись все-таки от последнего слова, он не взял позывные, а сгреб меня мощной рукой за шиворот, приподнял как перышко вместе с оружием, как следует встряхнул и толкнул по траншее вперед на КП.

...Бежим цепочкой за Виноградовым, человек десять — двенадцать, мимо огородов Загвоздки, разматываем за собой кабель. Именно это направление нашей атаки он и обозревал из хода сообщения, когда я обнаружил, что потерял позывные. Потому и вернулся за людьми. Видать, обстановка здесь становится все напряженнее, если уж и часть связистов в дело пошла. Мы теперь знаем замысел командования и очень хорошо — свой маневр. Открыто бегаем по насыпи железной дороги Гатчина — Тосно и не торопясь выбираем себе удобное место. Впереди, за поляной, метрах в трехстах, начинается лес. Туда, как донесли разведчики Григорина, между первой и третьей ротами пробрались фашисты и накапливаются для атаки, в обход второй роты, на Загвоздку и на кладбище. Виноградов, высокий, в длинной кавалерийской шинели, с наганом в руке, расхаживает среди нас, приказывает зорко следить за опушкой, на глазах у противника перебегает с позиции на позицию. Вслед за недалекими выстрелами, донесшимися из-за леса, за нами и левее нас, над рубежом второй роты, рвутся снаряды, изредка шлепает на землю шрапнель. Мы держим на прицеле опушку, усмиряя зуд нетерпения, ждем первой в жизни «психической». Но атаки все нет. Виноградов докладывает комиссару обстановку, опустившись на одно колено у

аппарата. Маневр наш удался. Враг, видимо, принимает нас за новое подкрепление и не решается атаковать. Мы возвращаемся скрытно, где пригибаясь, где по-пластунски.

Новый налет. На этот раз «юнкерсы» пикируют на церковь. Удары сотрясают здание, раскачивают свод, стены, пол под ногами. Они подбрасывают, встряхивают, мнут каждый сустав, каждую клетку тела. Из кирпичного свода, будто вода из пробоин, брызжет красный песок — впервые видишь такое. В аккумуляторном свете он ходит ржавой волной. Он скрипит на зубах, лезет в нос, начинает душить. Пусть под снаряды и мины, только бы скорее наверх, вон из этого страшного подвала. Своды вот-вот лопнут, как скорлупа, стены и потолок обрушатся... Люди ждут последнего удара, который положит конец всему.

И он раздается — этот последний удар. Рядом, снаружи, у самой стены. Летят кирпичи. Сбивают коммутатор и телефонистку. Сразу светлеет. Сил нет больше терпеть. Вот-вот начнется самое страшное — паника. Раздается чей-то раздирающий душу вопль, перенести который, кажется, невозможно... Но его вдруг обрывает выстрел нагана. Пуля бьет в свод. От кирпичей летят брызги.

— Молчать! — окрик режет ножом. — Паникеров буду стрелять!

Держась за стол, в углу стоит комиссар. Лицо его бело как полотно. Оно искажено гневом, а может быть, болью. Нога у него забинтована. Он один, когда рушился над головой потолок, сумел сохранить выдержку. И этот окрик, и выстрел были необходимы, чтобы вернуть людей к действительности, вселить в них присутствие духа. И мы отрезвели. Мы стали безразличны к разрывам, сотрясающим помещение, абсолютно спокойны. Хочется страшно курить.

Нет, свод не рухнул. Он и на этот раз устоял. Это, оказывается, выбило кирпичи, которыми под штукатуркой было замуровано окно в наш подвал. Поэтому стало светлее. Виноградов приказывает мне и самому пожилому во взводе Исаеву:

— Окно заложить!

В подвале на носилках девушка, почти что подросток. Ее лицо нежно-розовое. На ногах стерильная марля. Она все больше и больше краснеет, словно губка,

пропитываясь кровью на глазах. Впервые вижу такую яркую, чистую кровь. Ни звука не вырывается из ее губ, только слезинки бегут из больших глаз. Может быть, она не осознала еще, что с ней случилось. Не каждый, даже самый волевой человек может выдержать то, что выпало на долю этой милой и по-детски скромной девушки. Она была на помосте, на высоком клене и держала связь с ротами. А внизу, под деревом, рвались снаряды и мины. И ни убежать, ни укрыться. Осколки изрубили обе ступни, а она продолжала выполнять приказ. Это Аня Сохоненко. Капорский снял ее с клена, а на ее место направил Нину Голдобину.

Такие наши чудесные девушки — радистки и телефонистки. Это студентки института связи, пришедшие в батальон в день его формирования на улице Плеханова. Вот их имена: Нина Трофимова, Ольга Жондецкая, Тамара Садовникова, Нина Володина, Неля Сейфулмулюкова, Тамара Иванова, Вера Лучинина, Лена Кушнерова, Аня Сохоненко, Нина Голдобина, Галя Свиридова, Надя Морозова, Валя Кузьмина, Аня Ефремова, Тамара Тюленева, Зоя Зенькова и другие. Они сами пошли в ополчение, и уже только в этом был их подвиг. Они нежные, терпеливые и выносливые. На их глазах и все мы держимся как подобает, не теряем достоинства, всегда подтянуты, аккуратны. Трогательны их забота и внимание к нам. Они берут под защиту каждое существо. Известно, как прятали на марше, но притащили с собой из-под Колпина маленького щенка. Называют его Шинелькой, отогревают по ночам под шинелями у себя в ногах и берут для него на кухне обед. Кормят с кухни также Ромео и Джульетту — так они называют двух лошадей взвода связи, чистят их, заплетают им гривы. Удивительные они, наши боевые подруги, и мы перед ними трепетно, целомудренно преклоняемся, сочувствуем им — нам нелегко, а им каково...

По приказу командира втроем бежим по линии в третью роту — это Осадченко, Приндич и я. Рота седлает Лужское шоссе — прямую дорогу через Гатчину на Ленинград. Это там 20 августа в первом бою был ранен наш комиссар. Связь с этой ротой нарушается часто. Не один раз создавалась угроза ее окружения. Но рота стойко держит рубеж. В третьей роте три мои товарища по институту, три Виктора — Куликов, Пукинский и Богданов. Пукинского я видел три дня назад, и он обещал мне немецкий кинжал. Бежим с

телефонным аппаратом и катушкой запасного провода по улице Солодухина, сворачиваем влево по железной дороге, и вдруг слышим одиночные выстрелы из окна деревянного дома, что по другую сторону линии. Бьют в нас. Решаем, что это «кукушка» или десант. Открываем огонь из-за штабеля шнал. Летят стекла со звоном. Выстрелы прекращаются. Следуем дальше.

Станция пуста и чиста — ни вагона, ни паровоза. Будто корова языком все слизнула. На искореженных, перепутанных нитях рельсов желтеет куб масла, и ни единой дощечки от ящика. На мгновение волнует, как наяву, вкус хлеба со сливочным маслом. Принцип говорит, что его неплохо бы прихватить. Но как дотащить? Слева у железных пакгаузов — воронки, огромные, как вулканы, с песчаными осыпями. Хором воют тяжелые мины, бухают, будто в железных бочках. Проворно прячемся от осколков в воронках. На песке, перед носом, маленькая птичка со сложенными крылышками, и ни капельки крови — словно спит. Приходит на ум — значит, убивают не только осколками.

Обстановка в этот день меняется молниеносно. Командный пункт, пока мы ходили на линию в третью роту, был срочно переведен в центр города, в трехэтажное каменное здание бывшего Сиротского института. И только мы вернулись с линии, Виноградов приказывает:

— Слушай сюда! Мигом на ЗКП¹. Одна нога тут, а другая там. Чтобы РБ и Жондецкая были на КП немедленно.

— Есть Жондецкую с рацией доставить на КП! — повторяю приказ и несусь, не чувствуя ног, что есть духу.

За церковью на поляне идет ход сообщения на ЗКП. Он полон желтой воды. Лезть в воду не хочется, и я иду верхом. Свистнули пули — одна, другая. От торфопереработок, из-за левого флага второй роты, бьет пулемет. Там в кустах видны вспышки коротких очередей. Нагнувшись, вхожу в блиндаж ЗКП.

Под прочным накатом тихо, надежно, как дома. Жондецкая у рации с толстым журналом в руках. Девушка эта на удивление спокойная, невозмутимая и со своей станцией ни на час не расстается. Это лучшая из радисток, и ей доверена главная станция.

— Ольга, — говорю ей, влезая в блиндаж, — срочный приказ. Сматывай скорее антенну.

¹ Запасной командный пункт.

— Не могу,— отвечает и от страниц не отрывается: видать, самое интересное место.

— Ты что это?! Виноградов мне приказал доставить тебя и РБ на КП. Казначеев требует,— вру вдобавок для убедительности.

— Все равно не могу. У меня связь через десять минут.— И снова за книгу.

— Немцы же рядом. Пулемет бьет по твоему блиндажу...

— Вот и иди наблюдай. А я свяжусь с УРом и упакую.

У входа в блиндаж залегая, веду наблюдение. Пулемет продолжает бить короткими очередями по холму нашего блиндажа — принимают ЗКП за огневую точку и хотят ее подавить. Открываю огонь. Бью экономно. Закладываю вторую обойму — в патронташах уже неполные две пачки. Стреляю только по вспышкам. Заряжаю третью обойму. Точно в тире. Совсем не то, что сидеть в подвале под бомбами. А, сволочь, умолк. Это тебе не бомбы сверху бросать безнаказанно. И в первую минуту досадно становится, что поединок так легко и скоро кончился. Влезаю в блиндаж, говорю:

— Ольга, сматывай к чертовой матери шарманку свою.

— Не ори, видишь, упаковываю. Сними антенну.

Стаскиваю с блиндажа провода, берем упаковки и выходим. Я наставляю:

— Давай, Ольга, на полусогнутых по траншее сзади меня, упаковки может пробить.

Во дворе дома на проспекте, где наш КП, опираясь на палку и отставив забинтованную ногу, стоит Казначеев и ждет нас с нетерпением. Он вне себя — впервые вижу его таким. Он не приказывает, а кричит:

— Связь мне быстрее!

Радистка возится с упаковками и антенной. Я докладываю обстановку.

— Товарищ комиссар,— говорю от волнения не по уставному пространно,— мне кажется, что фашисты бьют от торфоразработок из пулемета по кладбищу...

— Кажется...— говорит он резко и недовольно.— Вам все еще кажется.— И добавляет потише: — Знаю. Противник пытается обойти нашу оборону с востока.

Позднее стало известно, что здесь, в районе торфоразработок, противнику удалось обойти рубеж обороны второй роты, захватить деревню Малое Замостье, устремиться на восточную окраину кладбища. Комис-

сар Казначеев, предвидя это, своевременно бросил последние силы — саперный взвод. Три атаки фашистов на восточной окраине кладбища были отбиты, и врагу до конца дня не удалось на этом участке ворваться в центр города. В тяжелых и неравных боях более тридцати саперов и их командир С. И. Крылов погибли.

— Дайте первого! Срочно! — кричит в трубку комиссар, усаживаясь прямо на плиты двора и морщась от боли. — Немедленно! Товарищ первый, с вами говорит Казначеев... Да, держимся. Все опорные пункты в наших руках... Обстановка? Обстановка тяжелая. Особенно с левого фланга. Сегодня особенно трудно. Всюду. Вы знаете наши возможности. Необходима ваша поддержка. Немедленно. Срочно.

Слушает, а лицо все больше бледнеет.

— Не может этого быть... Товарищ генерал, дорога закрыта. Будем стоять. До последнего патрона...

Обстановка, которая сложилась к исходу дня 11 сентября на правом фланге обороны, на стыке с нашим соседом в районе летного поля, была угрожающая. Как видно, пал Балтийский вокзал. Дом, где находятся КП, штаб и тылы, обстреливается из пулемета. Виноградов ведет нас занимать оборону. На асфальте спирали сорванных проводов, повален столб с изоляторами на перекладине, горит грузовик. Посреди проспекта меня сильно ударяет по кисти левой руки. Я как подкошенный падаю, и моя винтовка дребезжит по асфальту. Вскрываю, хватаю винтовку — и в подворотню, следом за всеми. Осадченко ждет меня. Он говорит:

— Ты же ранен!

Смотрю: кисть в темной густой крови, наливающейся пузырем. Боли нет. Осадченко разрывает свой инд-пакет, обматывает мне руку, бинт пропитывается быстро насквозь. В подворотню за нами возвращается Виноградов.

— Обратно! — кричит, увидев окровавленный бинт у меня на руке, и дергает бровями. — Быстро в санчасть!

— Не пойду, — кричу я, — хватит!..

— Слушай сюда... — сквозь зубы шепчет он мне.

— Товарищ командир! — перебиваю его, так как не хочу уходить от товарищей. — Товарищ командир, я могу стрелять. Рука не болит. Это же левая.

— В санчасть! — выталкивает меня из подворотни Виноградов.

Итак, не сумев совершить ничего героического, я вышел из строя в самый напряженный момент. Вчерашняя студентка, а теперь врач батальона Вера Шафрановская, перевязывая руку, говорит, ссылаясь на строгий приказ, что меня, как и всех раненых, завтра утром отправят в Ленинград. Рука у меня, мол, сильно повреждена, температура высокая. Однако в такой обстановке, честное слово, все это кажется странным: будто нет кругом смертей и одна забота у всех — наше здоровье.

Ночью Нина Трофимова рассказала, что наши держатся на прежних рубежах. Небольшой десант противника, проникший в дворцовый парк, уничтожен силами нашей разведки. Она предлагает мне папиросу, но не хочется ни есть, ни курить. Трофимова — самый удивительный человек в нашем батальоне. Она — наша, можно сказать, Ярославна, и ее знают все, любят, как родную сестру. Черные брови с изломом на слегка смугловатом красивом лице, задумчивый взгляд. Свою заботу, душевную теплоту, доброту она дарит не только мне одному. Для всех она точно мать, и мы уважительно называем ее по имени-отчеству — Ниной Тихоновной. Я с ней знаком еще по рабфаку, когда внимание этой интересной, умной девушки, беседы с ней наполняли душу счастьем и мужской гордостью. Нам посчастливилось пройти с ней всю войну, постоянно ощущая ее щедрую доброту и заботу. И когда после войны она трагически погибла, мы словно осиротели.

Вскоре приходит Виноградов, потемневший, хмурый, усталый. Даже неловко — внимание, будто к герою. Опустившись на койку возле меня, он трет ладонью и сурово спрашивает о самочувствии.

— Рука начинает немного побаливать, — отвечаю, оправдываясь, словно в чем виноват, — да температура. Пустяки.

— Четвертая рота не отвечает, — говорит он, помедлив. — Ребята все на позиции, устали. Ты мог бы сходить?

— Конечно, схожу. Я хорошо отдохнул.

Поживее вскакиваю, встряхиваюсь, чтобы сбросить озноб, запахиваю потеплее шинель.

— С тобой Садовникова пойдет. Она только что отдежурила, сама вызвалась.

— Да могу и один, ночью тихо. Пускай отдыхает.

— Нет, — говорит Виноградов, от усталости закрывая глаза. — Нельзя. Они тоже шныряют в темноте...

Слушай сюда... Там где-то, на капустном поле... мины установили... Смотри, осторожно...

Тамара Садовникова — девушка тоже романтическая. Высокая, стройная, с сильными ногами, с чудесными волосами и волевым симпатичным лицом, с лукавым, загадочным взглядом,— ловкая, боевая. Она не мирится с обмундированием и иногда наряжается в цветную блузку и лыжные шаровары. Уж как только ей удается избегать гнева нашего комиссара — просто не знаю. Видимо, умеет не попадаться на глаза. Требует же он выправки и соблюдения формы одежды беспощадно и в любой обстановке.

Тревожная ночь. На черном небе красные пятна пожаров. Далеко, в стороне Ленинграда, висят яркие звезды, и оттуда доносятся тревожные глухие звуки разрывов. Мы не можем понять, что это значит, ибо неподвижных ракет видеть не приходилось еще. По шоссе на Ленинград бьет артиллерия. Наши тоже изредка отвечают.

Присоединяюсь булавками к линии — коммутатор работает, а рота молчит, ни слуху, ни духу. Эта рота стоит у нас как бы в тылу и заслоняет шоссе на случай прорыва с северо-востока в город; в больших боях еще не участвовала. У капусты, голубеющей неубранными кочанами, присоединяюсь еще — та же история. Я говорю спутнице:

— Тут где-то минные поля. Ты жди здесь, а я пойду дальше.

— А, двум смертям не бывать, и чему быть, того не миновать. Пошли вместе,— говорит бодро Тамара и устремляется первой на капустное поле.

Не забываю ни на мгновение, что в любую минуту может подбросить, ощупываю провода от кочерыжки к кочерыжке. Тамара, как ангел-хранитель, следует бок о бок со мной, воодушевляет своим бесстрашием. В шалаше над канавой горит фонарь. У аппарата дежурного нет. Коммутатор отвечает, значит, линия исправна.

— Черт бы побрал...— громко ругаюсь,— лазаем по минным полям, а на проводе «летучая мышь»! Дрыхнут без задних ног...

— Надо же хоть ночью поспать,— отвечает властный голос.

В пререкания не вступаю. Но так и хотелось сказать: а как же себя в эту ночь чувствуют те, кто без отдыха день и ночь отражает атаки противника?

12 сентября нас, раненых, спешно отправляют из Гатчины в Ленинград. На нашей машине — имущество связи, три или четыре девушки, пожилые Исаев и Дерябин и я. Вот и развилка: налево — дорога на Красное Село, направо — на Пушкин. Мы идем по средней, прямой как стрела, на Пулковое. В Пулкове мы увидели необычное зрелище: всадники, повозочные что есть силы нахлестывают лошадей, друг друга оттесняют к обочинам. Но вдруг как обрезало — на шоссе ни души, хоть шаром покати. Что же все значит?

А ночью, когда только что мало-мальски согрелся под шинелью в каком-то хлеву на соломе, вдруг слышу:

— Эй, связисты!

Выбегаю. Топилин приказывает:

— Едем в Гатчину. К твоим связистам на выручку.

В кузове два-три бумажных мешка с сухарями, гранаты, несколько ящиков с патронами. Нас человека три или четыре. Чувствую: коченеют от встречного ветра пальцы правой руки. Думаю: надо же будет стрелять. И патроны, гранаты им там нужны позарез. Топилин-то знает — он начальник артснабжения. Там теперь каждый патрон, каждый человек, способный стрелять, на вес золота. Грею дыханием пальцы правой руки и, обнимая винтовку, левую, в бинтах, запикиваю поглубже за пазуху. Спешу привести себя в боевой вид.

Но, сбегав со склона, машина вдруг останавливается. Топилин выскакивает из кабины и бежит вперед. Там, в отсветах зарева, на шоссе броневик. По взмахам руки Топилина видно, что он с кем-то в броневике разговаривает. Затем возвращается, минуту-другую стоит, наклонив голову, у переднего колеса и говорит:

— Все! Дорога Гатчина — Ленинград перерезана... Здесь линия фронта.

Произошло это 12 сентября.

З. Г. КОЛОБАНОВ,

командир роты 1-й танковой дивизии

БЫЛО ЭТО ТАК...

13 сентября 1941 года, рано утром, я получил по радио сигнал: «Танки — ко мне, мы окружены». Уточнив переданный мне приказ, я дал команду вывести танки из укрытия.

Позднее мы узнали, что три наших танка КВ — мой, старшего лейтенанта Дегтярева и младшего лейтенанта Ласточкина последними покидали деревню Малые Колпаны после тяжелых оборонительных боев за Красногвардейск.

Как только мы вывели машины из укрытий, гитлеровцы открыли по ним сосредоточенный артиллерийский и минометный огонь, который сопровождал нас от Малых Колпан до северной окраины города.

Танки на большой скорости прошли по улицам Красногвардейска. В парке шла автоматнo-пулеметная стрельба — ночью немецкие автоматчики просочились на западную окраину города и начали там закрепляться. В городе было пусто, горели постройки.

Когда танки вышли на северную окраину города, мы увидели на дороге большой обоз. Стояли повозки с имуществом, с ранеными, походные кухни, зенитные установки. Пришлось осторожно вести свои машины по обочине.

Как только люди увидели танки, бросились к нам. Что-то кричали и показывали руками в направлении головы колонны. Мой танк встретил капитан, фамилии которого не запомнил. Он сказал, что утром немецкие танки захватили шоссе, идущее от Гатчины на Пулково. Нужно немедленно спасти штабную документацию и прорываться на Пушкин.

Я дал экипажам команду грузить ящики с документами в машины. Капитана-штабиста посадил в свой танк. Сам с командирами танков и механиками-водителями вышел к голове колонны. Нужно было проскочить мост через реку Ижору и метров 200 по Пулковскому шоссе, затем свернуть направо на проселочную дорогу, идущую на Пушкинское шоссе.

Дорога, изрытая глубокими воронками, в серой дымке утреннего тумана еле просматривалась. Она была усеяна разбитыми телегами, искореженными артиллерийскими орудиями, убитыми людьми и лошадьми.

По-видимому, еще накануне вражеская авиация настигла и расстреляла одну из колонн, отходивших из Гатчины на север.

Я тут же дал приказ: «Танкам на предельной скорости, с обходом воронок и завалов, двигаться за мной». За мостом, пройдя метров четырехста, мы встали в кювет и открыли орудийный огонь по немецким огневым точкам. Под его прикрытием обоз на большой скорости проскочил опасный участок, повернул направо и вы-

шел на проселочную дорогу, ведущую на Пушкинское шоссе.

Когда уже казалось, что беда минула, со стороны Гатчины к нам стала приближаться небольшая колонна фашистских танков. Я приказал Дегтяреву и Ласочкину продолжать обстреливать огневые точки на шоссе, а сам обрушил огонь на фашистские танки, которые, в свою очередь, повели стрельбу по обозу. Бой шел до тех пор, пока в дымке не скрылись последние повозки обоза. Только тогда наши танки двинулись к Пушкину.

И какова же была наша радость, когда мы увидели, что длинный обоз стоял в полной безопасности и ждал нас! Люди окружили танкистов, предлагали свои услуги, записывали наши фамилии, пожимали руки, сестры и санитары плакали от радости. Так были спасены люди, последними покидающие Гатчину.

Мы потерь не имели. Правда, тяжелые танки КВ получили повреждения, но они двигались и готовы были принять новый бой за город Ленина.

Н. Г. МИЛАШ.

бывший наводчик орудия 270-го ОПАБ

БОЙ НА РЕКЕ ИЖОРЕ

Вместе с Владимиром Алексеевичем Берчиковым, полковником в отставке, мы перебираем час за часом события того памятного для нас обоих дня — 13 сентября 1941 года. На листке бумаги чертим схему расположения обороны нашего 270-го артиллерийско-пулеметного батальона. Опушка леса, обширное картофельное поле. Впереди виднеется деревня Романовка, что на берегу Ижоры, дорога, ведущая на Бугры и далее на Пушкин. Наши огневые позиции расположены совсем недалеко друг от друга: моя — на опушке леса, на фланге четвертой роты, его — чуть правее, уступом назад, на фланге второй роты. Таким образом, немецкие танки и пехота, которые вытянулись из Романовки, оказались для меня справа, для Берчикова — прямо по фронту.

Тогда, более сорока лет назад, мы не знали друг друга, хотя постоянно находились где-то рядом. Встречались, безусловно, в коридорах 8-й специальной артиллерийской школы, где учились — он в восьмом клас-

се, я — в девятом, вместе ходили летом в поход, когда школа выезжала в артиллерийские лагеря под Лугу, пришли в один и тот же час в старинное здание бывшего института народов Севера, в Александро-Невской лавре, где формировался наш батальон.

В литературе о народном ополчении Ленинграда довольно подробно рассказано о подвиге ленинградцев, которые в трудную для нашего города годину взяли в руки оружие и самоотверженно сражались на Лужском рубеже, под Кингисеппом, под Гатчиной, на многих и многих участках ленинградской обороны. Но меньше известно о школьниках, которые вместе со старшими товарищами участвовали в тех памятных боях. Я думаю, что это была вынужденная мера, когда командование разрешило шестнадцати-семнадцатилетним учащимся 8-й специальной артиллерийской школы, по сути допризывникам, вступить в народное ополчение. В 270-м батальоне нас было около ста человек.

Специальные артиллерийские школы — их в Ленинграде было пять — готовили молодежь для поступления в военные училища. Мы знали строй, материальную часть артиллерии, умели стрелять из винтовки. Поэтому, попав в батальон, мы сразу же стали выгодно отличаться от других ополченцев и выправкой — уж что-то, а военную форму мы носить умели, — и знанием основ военного дела. Многие спецшкольники были назначены на должности младших командиров, а один из нас — старшина батареи Яковлев сразу же стал командиром взвода.

После двухнедельного обучения нас направили под Гатчину на позиции, подготовленные ленинградскими «копниками». Когда мы пришли к Романовке, здесь уже был вырыт противотанковый ров, построено несколько добротных артиллерийских дотов и дзотов. В июле и августе это был глубокий тыл, и наше пребывание на позициях казалось чем-то бессмысленным и для многих даже огорчительным. В самом деле, где-то идут бои, а мы живем на опушке леса, в тишине и безопасности. В небе поют жаворонки, недалеко, в деревне Лукаши, мычит корова, крестьяне занимаются своим извечным делом — работают в поле. Все были глубоко убеждены, что немцы сюда не придут. А если так, то зачем мы здесь?

Приближение фронта мы почувствовали в конце августа, когда на наших глазах советский истребитель таранил вражеский самолет. Взяв в плен опустившихся

на парашютах летчиков, мы впервые увидели врага. По дороге на Пушкин отходили разрозненные подразделения наших частей, шли ленинградцы — «окопники», беженцы. Иногда они забредали на нашу огневую позицию. Рассказывали о боях под Лугой, южнее Гатчины, с надеждой смотрели на нас — устоим ли?

— Устоим! — бодро отвечали мы.

— Такие молоденькие, — сокрушались женщины.

— Ничего, девчата, мы — спецы.

И все же не верилось, что здесь, в сорока километрах от Ленинграда, будут бои. Это казалось невероятным.

У меня в записной книжке сохранились фамилии бойцов нашего расчета. Командир орудия — Юрьев, учащийся девятого класса, наводчик — я, учащийся девятого класса, правый — Сухарев, рабочий, замковый — Купцов, учащийся восьмого класса, заряжающий — Филиппов, рабочий. На огневую то и дело наведывались товарищи из других взводов — Журавлев, Макеев, Мартышев, Соколов, Коновалов, Харитонов — все спецшкольники.

Семидесятишестимиллиметровая полковая пушка, которую нам привезли прямо со склада, новенькая, пять винтовок, станковый пулемет — наше вооружение. Нас — пятнадцать человек. Никто, в том числе и несколько ополченцев, что постарше, в боях не участвовал. Больше того, зная материальную часть, зная, как навести орудие на цель, как подготовить снаряды, мы не имели практических навыков — лишь несколькими из нас довелось сделать два-три выстрела из пушки на стрельбах под Лугой, когда были в летних лагерях.

Утро 13 сентября встретило нас необычной тишиной. Дорога на Бугры, такая шумная еще вчера, была пустой. На огневую пришел начальник артиллерии батальона, сообщил, что в Романовке немцы и чтобы мы подготовились к стрельбе.

— А мы в это время, — рассказывает В. А. Берчиков, — уже видели немецкие танки. Они подошли к Романовке справа. Видели и пехоту, которую привезли на автобусах. Знали мы также и о том, что противник продвинулся по шоссе Гатчина — Ленинград и находился к этому времени у нас справа и в тылу.

Берчиков рассказывает, что еще накануне он с группой бойцов был под Гатчиной, участвовал в бою, в котором был тяжело ранен его товарищ Евгений Кокорев, тоже спецшкольник.

Начальник артиллерии ушел. Мы же, подготовив снаряды, стали ждать.

Пасмурная погода, но не холодно. Тихо.

Во второй половине дня, ближе к вечеру, из Романовки стала выдвигаться колонна противника. Легкие танки, артиллерийские упряжки, повозки, на которых сидят пехотинцы. Солдаты, без головных уборов, без касок, рукава тужурок засучены по локоть, о чем-то оживленно переговариваются, смеются, — прямо-таки не в бой направляются, а на свадьбу. И не случайно ведь. Взяв Гатчину, сломив сопротивление наших отступающих частей на реке Ижоре, немцы думали, что путь к Ленинграду открыт. Тем более что по главной магистрали Гатчина — Ленинград им удалось продвинуться на много километров вперед.

По приказанию старшего сержанта Юрьева я связался по телефону с командиром роты.

— Что делать?

Как сейчас помню его голос и слова, сказанные тогда:

— Чему вас только в школе учили! Если это наши — пусть идут себе, если немцы — открывайте огонь.

Прежде чем навести орудие, я долго выбирал цель. Через панораму видел веселых «фрицев» — это слово только-только появилось в солдатском лексиконе, — маленькие, точно игрушечные коробочки танков. Сколько их — не сосчитать: они выползают и выползают из Романовки.

— Огонь, черт побери! — кричит Юрьев с дерева, где он выбрал себе наблюдательный пункт.

Снаряд разорвался на дороге, рядом с танком. Было такое впечатление, что попал. Но нет. Танк продолжал двигаться. Второй снаряд накрыл цель. Танк остановился, его пушка как была направлена вперед — так и замерла. Немцы соскакивали со своих повозок, с других танков. Артиллеристы стали разворачивать две пушки в нашу сторону...

Этот бой — первый в нашей жизни — помнится, как отдельные эпизоды: иногда быстрые, моментальные, иногда мучительно долгие, полные растерянности и страха. Вот где-то сзади, на опушке, почти там, где находился наш дот, разорвались два вражеских снаряда. Вот разорвались два снаряда впереди. Вилка. Это-то мы, спецшкольники, хорошо знали — сейчас снаряды разорвутся на нашей позиции. У нас — первые раненые. Замолчал наш «максим»,

И вот мы уже в землянке. Проходят секунды, а мне они кажутся вечностью. Мы мучительно думаем, что делать. И сообща принимаем самое правильное решение — ведь нас все же чему-то учили в спецшколе: перетащить пушку на запасную позицию. Это удалось успешно сделать. Наше преимущество было в том, что огневая позиция находилась в поле, среди невысоких кустиков. Вражеские же артиллеристы и танкисты считали, видимо, что мы стреляем с опушки, — туда они и били непрерывно.

Вновь открываем огонь. Цели как на ладони — до них не более восьмисот метров. Ни одного снаряда мимо. Подавили еще одно вражеское орудие. Загорелся дом, куда угодил один из наших снарядов, — из дома стали выскакивать солдаты.

— Я помню этот пожар, — говорит В. А. Берчиков. — Мы думали, что дом подожгли немцы, — он горел до ночи.

В том бою мы выпустили семьдесят снарядов — все, что были завезены на огневую позицию. Последние снаряды выпущены уже тогда, когда у пушки остались мы вдвоем: я — у панорамы, а шестнадцатилетний Купцов был и подносчиком снарядов, и заряжающим, и замковым. К сожалению, в том бою доты нашей роты не могли поддержать нас — их амбразуры были направлены в другую сторону.

Мне трудно сказать, какой урон был нанесен врагу, сколько подбито танков, сколько уничтожено живой силы противника. Уже позже, будучи командиром взвода, участвуя во многих боях, я всегда затруднялся точно определить потери врага. Да это порой и невозможно было сделать. Итоги этого боя сейчас, спустя много лет, я вижу в другом: нам удалось остановить вражескую колонну, заставить противника развернуть боевые порядки, вступить с нами в артиллерийскую дуэль. Иными словами, мы выиграли время.

Мы дождались командира роты, который привел с собой более сотни бойцов. Дождались командира артиллерийского взвода, который распорядился подтянуть на фланг роты еще две полковые пушки, поднести снаряды для нашего орудия. Нас, раненых, отнесли в санчасть, а на другой день мы были отправлены на машине в Ленинград.

Мне приходилось читать в мемуарах о том, что расстояние от Гатчины до Пушкина противник преодолел с ходу — без боев. Это не так. Ему не раз приходилось

разворачивать боевые порядки, вступать в бой даже в тех местах, где, казалось бы, уже нет нашей обороны. Но между Гатчиной и Пушкином были рубежи обороны, и те же Бугры были взяты им с боем и не сразу. На его пути были две роты 270-го артиллерийско-пулеметного батальона, которые продержались два дня — а это не так уж и мало.

В сентябре приказом командования учащиеся нашей спецшколы были отозваны с фронта; продолжили учебу в девятом и десятом классах, были эвакуированы на Большую землю, где получили полноценное артиллерийское образование. Но многие сложили головы под Романовкой. До многих приказ о демобилизации не дошел, и они продолжали, после лечения в госпиталях, служить на Ленинградском фронте.

Сейчас иногда встречаюсь с Володей Соколовым — он прослужил много лет в армии, продолжает работать; где-то в Ленинграде живет и работает наш школьный старшина Яковлев. Вот познакомился с Берчиковым — в 1942 году подо Ржевом он был тяжело ранен. А потом много лет служил в милиции — в уголовном розыске.

АВГУСТ ЯРКОВЕЦ

РАССКАЗ ОПОЛЧЕНЦА

Года из памяти не выжгут
Названия сел укрепрайона,
Таких, как Красный Хутор, Пижма,
Где бились артульбатальоны,
Где ополченцы и матросы,
Студенты — год назад из детства —
Стояли насмерть, без вопросов,
У Гатчины — Красногвардейска.
К деревне маленькой — Пустошке
Фашисты прут напропалую.
Мы по неубранной картошке
Идем навстречу
в штыковую.

Наш комиссар — он ранен трижды —
Не покидает батальона...
Мы снова отбиваем Пижму —
Опорный пункт укрепрайона.
Нас обошли на правом фланге,

ПАТРИОТЫ ДЕЙСТВУЮТ

И. Г. ЛЮБЕЦКИЙ,

журналист

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Евгений Мартынович Повассар. Гатчинцы старшего поколения хорошо знали этого физически крепкого, жизнерадостного и красивого человека. Незадолго до Великой Отечественной войны он был избран секретарем Красногвардейского райкома партии. Его знали не только по горячим речам на собраниях и партийных активах города и района, но и по многочисленным необходимым людям делам. Это был руководитель, который вместе с гатчинцами жил, учился, мужал и вместе с ними воплощал в жизнь предначертания партии.

Росла и набирала сил наша Советская Отчизна, росли и ее сыновья. В конце 1929 года молодого комсомольца литейщика завода имени Рашаля Евгения Повассара призвали в ряды Военно-Морского Флота. Ему повезло. Служба молодого моряка началась на одном из лучших боевых кораблей Черноморского флота — крейсере «Коминтерн». Железная воинская дисциплина, высокая выучка, верность лучшим традициям русского флота, царившие на корабле, были хорошей школой для новичков. Коммунисты-моряки вскоре обратили внимание на старательного и расторопного старши-

ну-машиниста 5-й боевой части корабля комсомольца Евгения Повассара. Его принимают в партию, а еще через два года единодушно избирают секретарем партийной ячейки БЧ-5. Суровая морская закалка, основы крепкого воинского товарищества, полученные здесь, наложили свой отпечаток на всю его последующую жизнь. Когда окончилась действительная служба, гатчинцы вновь увидели своего земляка на улицах города в черном флотском бушлате и фуражке-мичманке. Теперь рядом с ним часто видели молоденькую подружку, которую лихой моряк привез из города русской морской славы — Севастополя.

Партийная организация знаменитой в ту пору граммофонной фабрики, или, как ее называли, «граммофонки», где стал работать Евгений Мартынович, очень скоро присмотрелась к молодому коммунисту и избрала его своим секретарем. Еще через год он был назначен директором артели «Красный партизан», а затем на коммуниста была возложена еще более ответственная обязанность — руководство партийной организацией района. Неутомимость в работе, высокая идейность, бескомпромиссность и партийная принципиальность сочетались в нем с большой душевной теплотой, внимательностью и любовью к людям.

— Когда началась война, Евгений перестал бывать дома и я его почти не видела, — вспоминает жена Повассара Людмила Николаевна. — Хорошо помню нашу последнюю встречу, когда он прибежал из райкома проводить меня и сына в эвакуацию. Сильно исхудавший, со впалыми от бессонницы глазами, он долго держал на руках сына, потом обнял меня и сказал, чтобы я не беспокоилась, так как скоро мы увидимся. Но увидеться нам так и не пришлось...

С начала Великой Отечественной войны на плечи секретаря Красногвардейского райкома партии Е. М. Повассара обрушилась огромная работа. Получилось так, что один за другим в ряды действующей армии было призвано большинство секретарей, заведующих отделами и инструкторов райкома и горкома. Оставшиеся работники партийного аппарата, в основном женщины, просто физически не справлялись с теми делами, которые нужно было выполнять. Дыхание войны уже отчетливо доносилось до Красногвардейска.

Вот что рассказывает бывший инструктор организационного отдела райкома партии, член КПСС с 1932 года, Антонина Ивановна Михайлова:

— Евгений Мартынович Повассар сутками не уходил с работы. В дневное время он ездил по району и побывал буквально во всех колхозах. Фронт неумолимо приближался, и необходимо было готовить к эвакуации людей, технику и огромное количество колхозного скота.

Уточнение маршрутов следования, подбор людей для сопровождения животных, организация питания и сотни других вопросов, связанных с эвакуацией, требовали большого напряжения сил.

Не помню, чтобы хоть один раз, приехав из района, Евгений Мартынович пожаловался на усталость. И ведь здесь, в городе, у него было не меньше забот. Нужно было налаживать на местных предприятиях производство большого количества инструмента для оборонительных работ, развернутых у стен Красногвардейска, ежедневно выступать на Балтийском и Варшавском вокзалах перед мобилизованными в ряды Красной Армии жителями города и района.

А сколько энергии ему пришлось потратить для обеспечения транспортом работников дворца-музея, занятых эвакуацией огромных коллекций картин, уникальной дворцовой мебели, старинного оружия, книг и т. д. и т. п.! Не нужно забывать, что почти весь транспорт тогда был мобилизован для нужд Красной Армии.

В ночное время в райкоме кипела также работа. Сюда по вызову приходили коммунисты, комсомольцы, активисты различных общественных организаций и предприятий города и района. Евгений Мартынович подолгу беседовал с каждым из них. Он формировал ядро будущих партизанских отрядов, которым надлежало в случае оккупации района уйти в лес.

Немало времени и сил отнимала повседневная работа с командным составом истребительных отрядов, занимавшихся поиском, вылавливанием и уничтожением фашистской агентуры, в изобилии засылавшейся гитлеровской разведкой в прифронтовой город. В июле — августе и начале сентября 1941 года не проходило такой ночи, чтобы патрулировавшие по городу наряды не обнаруживали и не обезвреживали фашистских агентов, ракетчиков, подававших условные знаки авиации противника о важнейших оборонных объектах Красногвардейска и дислокации наших воинских частей.

Особенно трудно было с оружием, и нужно было видеть, как радовался он каждой вновь приобретенной

винтовке или ящику гранат! Хранилось оружие здесь же, в здании райкома...

Рассказ А. И. Михайловой дополняет проживающая ныне в Гатчине Антонина Антоновна Тихонова. Ветеран партии, член КПСС с 1926 года, А. А. Тихонова в 1941 году работала на должности заведующей торговым отделом горисполкома. Она хорошо знала Е. М. Повассара.

«Когда началась война,— рассказывает Антонина Антоновна,— под Красногвардейском развернулись оборонительные работы. В первых числах июля меня назначили начальником продовольственного снабжения на строительстве одного из участков Красногвардейского оборонительного рубежа. Здесь работали двадцать пять тысяч ленинградцев и двенадцать тысяч жителей нашего города и района. С помощью Е. М. Повассара мы раздобыли необходимое количество полевых кухонь. Поварами на этих кухнях работали женщины, ранее трудившиеся в системе общественного питания города.

Котловое довольствие было трехразовым. Утром и вечером работавшим выдавали хлеб, кашу с мясом и чай, обед состоял из первого и второго. Так как погода стояла очень жаркая, по личному указанию Е. М. Повассара мы начали производство хлебного кваса.

Очень скоро в списки 37 тысяч питавшихся в нашей системе пришлось добавить еще изрядное количество пайков. Произошло это следующим образом.

Однажды (это было, если мне не изменяет память, в первой декаде июля) Евгений Мартынович пригласил меня поехать с ним в район строительства оборонительных рубежей. Было жаркое, послеобеденное время. Первая и вторая смены людей уже поели и трудились на земляных работах.

Вдруг Евгений Мартынович приказал шоферу остановить машину у одного из наших пищеблоков. Я успела заметить, как от походных кухонь, словно стая испуганных воробьев, метнулась в близлежащие кусты группка ребятишек.

— А что здесь дети делают? — строго спросил Евгений Мартынович, подойдя к полной раскрасневшейся женщине в белой поварской куртке.

— Прямо беда с этой ребятней, Евгений Мартынович,— расстроенно произнесла повариха и рукавом халата вытерла слезы.— Матери здесь работают, а они, голодные, рядом в кустах «дежурят». Как только обед

кончается, они тут как тут. Если что остается, мы им отдаем. Знаем, что нельзя. Знаем, что время военное и каждый кусок хлеба на учете...

Повариха еще что-то говорила, а я с испугом смотрела на внезапно побелевшее лицо секретаря.

— Антонина Антоновна, — очень строго обратился он ко мне. — Приказываю, слышите, приказываю кормить приходящих сюда детей наравне с работниками оборонительных работ! Нет, говорите, приказа? Вот вам приказ! — И он, вынув из полевой сумки блокнот, написал своим размашистым почерком распоряжение о дополнительных пайках, специально для детей.

Мы сели в машину и поехали дальше. Евгений Мартынович, расстроенный увиденным, долго молчал, а потом, извинившись за допущенную резкость, сказал:

— Мы, Антонина Антоновна, воюем за этих самых детишек, за их жизнь, за наше будущее.

Много лет прошло с той поры, много событий в моей жизни вычеркнуто из памяти беспощадным временем, а этот эпизод запомнился навсегда. В нем — вся суть незаурядной личности этого замечательного человека, настоящего коммуниста-ленинца...»

Как видим, нет особой необходимости объяснять, почему именно Евгений Мартынович Повассар был рекомендован Ленинградским обкомом партии на должность первого секретаря объединенного районного и городского комитета партии.

20 августа 1941 года в девять часов утра в помещении райисполкома прибыли секретарь обкома партии М. Н. Никитин и заведующий орготделом С. М. Залыгин. Здесь состоялся чрезвычайный объединенный пленум райкома и горкома партии. Коммунисты единогласно избрали первым секретарем райкома Е. М. Повассара. Председателем райгорисполкома был избран Я. С. Ленкевич.

Работа пленума проходила в тот момент, когда стены здания райисполкома сотрясались от мощных взрывов авиабомб и снарядов противника. Шел уже второй день боев на Красногвардейском рубеже...

Весной 1943 года Людмила Николаевна, находившаяся в эвакуации в Сибири и только что схоронившая двух малолетних сыновей, получила «похоронку». В ней сообщали:

«Командир отряда Повассар Евгений Мартынович в бою за социалистическую Родину, верный военной

присяге, проявив геройство и мужество, был убит 20 марта 1943 года и похоронен на поле боя».

Долгое время «похоронка» была, по сути дела, единственным официальным документом, рассказывающим о смерти бывшего секретаря Красногвардейского райкома партии. Прошло много лет, прежде чем автор этих строк собрал разрозненные документы и воспоминания немногих очевидцев, по которым удалось восстановить историю жизни и смерти этого замечательного человека.

Первым отправным документом послужил отрывок из письма уполномоченного штаба партизанского движения Ленинградского обкома ВКП(б) на Волховском фронте П. Р. Шевардалкина М. Н. Никитину об организации партийно-массовой работы в оккупированных районах области в августе 1942 года:

«20 августа 1942 года

...В Красногвардейский, Красносельский и Служский районы заброшена группа Павловцева, но красногвардейцев в этой группе совершенно нет. Учитывая исключительную важность Красногвардейского района, через который проходят основные коммуникации на Ленинград, мной составляется специальная группа для Красногвардейского района.

Руководителем группы будет Беляев или Повассар, договоренность есть с тем и другим. Оба дали согласие. Если будет получено Ваше разрешение на Беляева, то он пойдет руководителем, а Повассар его заместителем.

Если же Беляев будет использован на что-нибудь другое, то руководителем пойдет Повассар...»¹

В опубликованном в печати сборнике Института истории партии Ленинградского обкома КПСС (Ленинградское отделение института истории СССР АН СССР) «В тылу врага» (Лениздат, 1981) имя Евгения Повассара упоминается неоднократно.

Например, в документе под номером 56 (из докладной записки М. Н. Никитина в Ленинградский обком ВКП(б) о подпольной работе в оккупированных фашистами районах области) на странице 192 есть такие строки: «Вышли из тыла на связь с обкомом ВКП(б) и находятся в пути следования в Ленинград вторые секретари Псковского горкома партии т. Михайлов и райкома т. Акатов. Находятся с отчетом в Ленингра-

¹ ЛПА, ф. О-116, оп. 11, д. 21, л. 34—37.

де вышедшие из тыла первый секретарь Шимского РК ВКП(б) т. Беляев и секретарь Красногвардейского РК ВКП(б) по кадрам т. Повассар. В ближайшее время они направляются обратно в тыл с партгруппой».

Буквально на следующей странице этой книги говорится: «...Группой секретаря Красногвардейского РК ВКП(б) т. Повассара проведены индивидуальные и групповые беседы в ряде деревень Оредежского, Батецкого, Шимского и Новгородского р-нов, которыми охвачено около 300 чел.».

Чтобы яснее представить, на какие ухищрения способны продажные службы информации империалистических государств для обмана общественности, следует вчитаться в следующий документ тех лет (№ 71, с. 249): «Одновременно с террором фашисты применяют для одурманивания населения всевозможные методы агитации и пропаганды. Во всех населенных пунктах развешена масса всевозможных плакатов, листовок, хорошо технически оформленных, в красках, на плотной, хорошей бумаге, а также выпускают[ся] газеты «Лужский вестник», «Правда» и т. д., ряд журналов. В них описывается все лживо до последней буквы. В августе 1941 г. на одном из плакатов были изображены немецкие войска, вступившие в г. Ленинград, и группа немецких офицеров, сфотографированных на Исаакиевском соборе. Когда же оказалось, что это преждевременно и фашистам не удалось попасть в Ленинград, плакат был немедленно изъят. Плакатами снабжаются систематически все старшины».

Горячие слова партийной пропаганды, донесенные советскими партизанами до населения, делали свое дело.

В документе под номером 74 (с. 265) сказано: «Никто не верит лживым сообщениям фашистских газет. В Порхове был такой случай. На одном из собраний фашистский агитатор хвастался успехами германской армии, клеветал на Советский Союз, убеждал слушателей, что победа будет за немцами. В конце собрания один старик попросил слова и задал вопрос агитатору: «Я регулярно читаю ваши газеты, тому, что пишется в них, и тому, что вы говорите, надо верить. Но вот я взял ваши же данные о возможном численном составе Красной Армии, подсчитал по вашим сводкам количество убитых красноармейцев и командиров, и у меня получилось, что в Красной Армии осталось на 1 сентября 14 бойцов и командиров. Тогда разрешите спросить, с кем же вы воюете до сих пор в России?» Немец

вместо ответа хотел избить старика, и только дружное вмешательство всех присутствующих помешало [этому]...»

Сейчас известно, что в трудные дни фашистского вторжения секретарь Красногвардейского райкома формировал партизанские отряды. С последним из этих отрядов он уходил из Гатчины накануне оккупации и был ранен. Товарищи доставили Евгения Мартыновича в один из ленинградских госпиталей.

Дальше о его судьбе нам рассказал бывший командир Оредежского партизанского отряда, ныне персональный пенсионер республиканского значения Иван Георгиевич Болознев.

Весной 1942 года по приказу начальника Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитина к нему в отряд был назначен заместителем комиссара секретарь Красногвардейского райкома партии Е. М. Повассар.

«...Получив в штабе задание действовать в районе Новинка — Вырица — Сиверская — Дивенская, — рассказывает И. Г. Болознев, — мы в начале марта 1942 года двинулись в тыл врага. Шли Дорогой жизни, а дальше на Тихвин и Будогощь. Прибыли через три дня в Малую Вишеру. Здесь на партизанской базе я впервые встретил секретаря Красногвардейского райкома партии Евгения Повассара. Уже не помню, по каким обстоятельствам он оказался на базе один, без своего отряда. По указанию М. Н. Никитина его назначили в наш отряд заместителем комиссара. Это меня очень обрадовало, так как в отряде появился второй человек, имеющий опыт борьбы в тылу врага.

Пока я решал хозяйственные вопросы, занимался обеспечением отряда продовольствием, боеприпасами, снаряжением, Евгений Мартынович обучал бойцов партизанскому искусству: отрабатывали хождение на лыжах, переползание, стрельбу, бросание гранат, подрывное дело. Несмотря на то что это, казалось, не комиссарское дело и об этом его никто не просил, Евгений горячо взялся за дело, вкладывая в обучение всю душу и страсть коммуниста. Конечно, за несколько дней обучить многому было невозможно, но основы военного дела он товарищам дал.

...Задание у нас срочное, обстановка напряженная, доучиваться решили по ходу дела. По следам 2-й ударной армии, прорвавшей линию немецкой обороны в районе Мясного Бора, мы вышли в деревню Остров

Оредежского района... При спуске с насыпи я налетел на пень и разбил колено левой ноги настолько, что не мог стоять. Первыми на помощь пришли Повассар и боец Скиба; поддерживаемый ими, я кое-как прошел километров пять...

Следующий привал был уже около Варшавской железной дороги. Разведкой установили, что дорога и особенно расположенный в двух километрах от нас мост усиленно охраняются. Тем не менее мы решили заминировать полотно дороги и взорвать его. Поскольку передвижение для меня было сильно затруднено, выполнение операции по минированию возложили на Повассара. Несмотря на сильную охрану дороги, Повассар с группой подрывников к утру заложили мину под рельсы. Поезда ночью не ходили. Утром показался эшелон с юга, от Луги. Но двигался он очень медленно, с остановками, как бы ощупью. Это было вызвано сигналом от моста: охранники, видимо, что-то заметили. Мы ожидать следующего эшелона не могли и произвели взрыв, как только паровоз подполз к мине. Одновременно со взрывом обстреляли эшелон и охранников у моста. Так как многие из нас были вооружены автоматическими винтовками СВТ, имели большой запас патронов и стреляли много, то у врага создалось впечатление значительных партизанских сил. Фашисты заняли оборону и преследовать нас в лесу не решились. К вечеру мы были у деревни Чаша. Обстреляв с ходу расположившихся в деревне немцев, мы ушли на дорогу Бурелом — станция Чаша. Здесь устроили засаду, обстреляли проходивший крупный обоз. Неделию кружили мы в этом районе, перестреливаясь с фашистами то на «Варшавке»¹, то на Вигебской железной дороге, то на проселочных дорогах, попутно перерезая телефонную связь.

В это время уже шло сильное таяние снега. Болота, озера и речки, даже овраги наполнились водой. Передвижение на лыжах и без лыж стало чрезвычайно трудным. Продовольствие кончилось, боеприпасы были на исходе. У бойцов, не привыкших к партизанским трудностям, настроение стало падать. Комиссар — из преподавателей института — выбился из сил, политработой не занимался. Вся политрабога легла на плечи Повассара. У него же на каждом привале находилось что-нибудь сказать бойцам, воодушевить их, поднять боевой дух.

¹ Варшавская железная дорога.

В конце апреля мы вернулись в деревню Остров, Сырость, холод, тяготы походной жизни не замедлили сказаться на моем здоровье. У меня начался открытый туберкулезный процесс. М. Н. Никитин приказал мне выйти на базу в Малую Вишеру. В поселке Тесовострой я передал отряд Евгению Повассару, обменялся с ним личным оружием, вручил ему автомат ППС и распрощался с ним, как оказалось, навсегда. В памяти моей он остался как храбрейший и искреннейший человек, преданный Советской Родине коммунист...»

В октябре 1972 года в газете «Гатчинская правда» был опубликован очерк о Евгении Повассаре. А спустя некоторое время в редакцию пришла учительница 10-й гатчинской школы Валентина Ивановна Нилова.

«Прочитала вашу газету, увидела фотографии и вспомнила этого человека, — рассказала Валентина Ивановна. — В годы войны возле нашего прифронтового поселка Хвойная Новгородской области находился полевой партизанский аэродром. К нам часто заходили на отдых и ночевку люди, увешанные советским и трофейным оружием. Мы, дети, к этому уже привыкли, как к обычному явлению, и, конечно же, едва ли сумели бы запомнить и отличить кого-нибудь из этих людей отдельно. Но случилось так, что однажды (это было осенью 1942 года) к нам в избу вошел широкоплечий русоволосый военный. Я как раз нянчилась с маленьким братишкой, который очень капризничал, так как был голоден. Мама в это время была на работе. Военный сбросил с плеча вещевой мешок, положил на лавку автомат и полевую сумку и подошел к нам.

— По какому случаю такой громогласный рев? — весело спросил он и сделал братишке «козу». Потом взял братишку на руки и несколько раз подбросил его к потолку. Братишка от удивления замолчал и лишь замусолил во рту свой кулачок.

— Знаете что, ребята, давайте-ка с вами кашу варить, что-то мне есть захотелось, — вдруг сказал военный и развязал свой вещмешок.

Уже через полчаса мы с дядей Женей (так он называл себя) сидели у печки и заворуженно смотрели, как закипает на огне чугунок с пшеничным концентратом. Когда каша сварилась, он разложил содержимое чугунка на две тарелки, подал их мне и брату. Обжигаясь и кашляя, мы стали торопливо глотать кашу. А дядя Женя лишь смотрел на нас какими-то странными глазами и гладил головку братишки. В рот он тогда

не взял ни крошки... Когда вечером пришла с работы мама, дядя Женя поднялся и сказал, что ему пора идти на аэродром.

— Татьяна Петровна, очень прошу вас, сохраните, пожалуйста, вот это.— И он передал маме объемистый пакет.— Здесь некоторые мои личные документы и записи. После войны обязательно вернусь за ними. А если не вернусь, то уничтожьте...

После войны хозяин пакета так к нам и не приседал. Пакет хранился в нашем доме лет двадцать, пока не затерялся где-то при перестройке дома. Простить себе этого не могу. Ведь на пакете четким, размашистым почерком были написаны имя и фамилия его владельца — Евгений Повассар».

Осенью 1942 года Евгений Повассар получил чрезвычайное задание. Он был назначен комиссаром большого партизанского отряда особого назначения. Командовал отрядом Франциско Гуйон¹, двадцатидвухлетний испанец-комсомолец.

Впрочем, здесь будет уместно предоставить слово начальнику штаба Волховской партизанской бригады В. П. Самухину, автору книги «Волховские партизаны».

«...Центральный штаб направил его отряд (Гуйона.— Сост.) на Волховский фронт потому, что там стояла присланная генералом Франко испанская «Голубая дивизия». Партизаны-испанцы помимо диверсионной должны были вести политическую работу среди франкистских солдат.

По своему составу батальон был интернациональным. Кроме испанцев, составлявших около трети бойцов, в него входили русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины и представители других национальностей. Из 133 бойцов батальона подавляющее большинство было коммунистами (63) и комсомольцами (44). Партизан хорошо вооружили и экипировали.

Несмотря на все трудности, партизаны Гульона вели активные боевые действия в Кингисеппском, Волосовском, Красногвардейском и в северной части Лужского района. Они подорвали 11 воинских эшелонов противника, уничтожили из засад 3 автомашины, систематически минировали железные и шоссейные дороги, рвали связь, вели разведку...»

Теперь мы вновь обратимся к свидетельствам очевидцев.

¹ В ряде цитируемых ниже отрывков из документов — Гульон.

В годы гитлеровской оккупации в Гатчине работала маленькая больничка для местного населения. Хирургом в ней была Анна Михайловна Дашенко, ныне, к сожалению, покойная.

Дашенко рассказала автору этих строк многое о жизни в оккупированном городе. Ей, например, удалось завязать «деловые отношения» с некоторыми унтер-офицерами и солдатами из состава «Голубой дивизии» после проведенных сложных хирургических операций, когда она спасла жизнь нескольким военнослужащим из этой дивизии, переброшенной с Волховского участка фронта под Ленинград.

«Осенью и зимой 1942/43 года,— рассказывала Анна Михайловна,— я была свидетельницей ряда групповых потасовок между солдатами и офицерами из испанской «Голубой дивизии» и военнослужащими немецких частей, расквартированных в нашем городе. Вначале я думала, что это обычные хулиганские выходы пьяной солдатни. Однако через некоторое время один из знакомых унтер-офицеров испанцев, владевший русским языком, по большому секрету рассказал мне интересную новость. Оказывается, его землякам стало известно, что в блокированном Ленинграде находится много испанских детей, вывезенных советскими моряками и спасенных от гибели в период гражданской войны в Испании. „Представьте себе весь ужас наших артиллеристов, сеньора Анна, когда они вдруг узнали, что ведут огонь по собственным детям,— сильно волнуясь, говорил унтер-офицер.— Они прямо заявили старшему командованию, что ни один снаряд не будет больше выпущен по Ленинграду. И вообще сейчас почти все наши солдаты и офицеры считают наше пребывание здесь трагической ошибкой. Нас попросту подло обманули...“»

Здесь не нужна какая-то особая проницательность, чтобы увязать воедино факты, послужившие главной причиной, по которой гитлеровскому командованию пришлось поспешно отказаться от услуг своих испанских союзников. По-видимому, семена правды, умело посеянные бойцами интернационального отряда Франциско Гуйона и Евгения Повассара в тылах испанской «Голубой дивизии», дали свои всходы...

Далее в своей книге В. П. Самухин сообщил о больших потерях в отряде Гуйона, о смерти радиста, из-за чего прервалась связь с Большой землей. «Остатки батальона 19 марта сорок третьего года,— пишет он,—

вышли в советский тыл в районе Мясного Бора. При переходе фронта был ранен комбат, погиб комиссар батальона Е. М. Повассар».

О последних днях жизни и борьбы Повассара более подробно рассказал в своей книге «На земле опаленной» Михаил Абрамов. Перед началом Великой Отечественной войны Абрамов был какое-то время редактором «Красногвардейской правды». В годы войны он был назначен редактором газеты «Партизанская месть» 5-й партизанской бригады, которой командовал Герой Советского Союза К. Карицкий. В своей книге автор использовал дневниковые записи военных лет. Некоторые из них есть необходимость привести.

«24 февраля. Мы с Сосиным и Поповым в секрете. Замаскировались. Вдали хорошо просматривается редкий болотистый бор. Тропа, идущая в лагерь, под обстрелом. Позиция удачная. Уже несколько суток идет мокрый снег пополам с дождем. Полушубки — хоть выжимай. Ноги сырые.

Метрах в пятистах от нас показалась группа людей. Знали, что разведчик Иванов с ребятами ушли в деревню. Не он ли идет? Ушли пятеро, а тут людей больше. В чем дело? Наверное, немцы. Хотя и вечерело, но они вполне могли, попав на наш след, пожаловать в лагерь. Изготовились. Попов побежал в лагерь, чтобы предупредить. Вот группа уже приблизилась метров на сто — сто пятьдесят. Впереди идет Иванов, идет не спеша, за плечом винтовка. Следующий за ним ведет лошадь. Становится более или менее ясно, возвращаются наши, прихватили лошадь. Все-таки — пища. Но что за посторонние идут с Ивановым?

И тут я узнал среди спутников Женю Повассара — старого гатчинского друга. Окликнуть? Нельзя. Секрет есть секрет. Дождались смены.

25 февраля. Проговорили с Повассаром почти всю ночь. Он комиссар испанского отряда. С ним пришли командир испанского отряда Франциско Гульон и еще четверо испанцев.

Отряд был сформирован из юношей-испанцев. Дети республиканской Испании выросли и возмужали на советской земле и теперь сражались с фашизмом за свою вторую родину».

И вновь строчки из дневника: *«27 февраля. Я не знал, что по-латышски или по-эстонски «повассар» значит весна. Видимо, отсюда и фамилия Евгения — Повассар. Женя — светловолосый, коренастый — полная*

противоположность Гульону — тонкому, высокому, с черными как смоль волосами.

Повассар — весна. Скорее бы наступила весна! Где ты, мечта всех партизан — чернотроп? Чтобы шел — и никакого следа.

28 февраля. У Повассара — день рождения. Пошли с ним к ручью, который уже начинал журчать по-весеннему, образовав во льду промоину. Женя достал из кармана два больших сухаря, полуобглоданную баранью кость и две парафиновые горелки в баночках. Из этого парафина ребята с помощью парашютной тряпки ловко выжимали жалкие граммы спирта. Повассар добыл таким путем граммов двадцать. Развели водой, выпили по глотку, пососали баранью кость, погрызли сухарей.

Это у Повассара были последние запасы. С потерей радистов они потеряли, понятно, и связь со штабом. Их искали. Было и нам задание — найти отряд Гульона. Искали, но безуспешно. И вот Иванов наткнулся на них в районе деревни Дубровицы.

2 марта. Кониная, как ни экономно ее расходовали, кончилась. Осталось немного ржи. Рябков сидит у пня и обухом топора дробит в тряпке рожь. Дмитриев с Сергачевым лежат около костра и строят планы будущих квартир. Вполне серьезно рассуждают, словно с войной уже покончено и им предоставлено право выбирать, сколько занять комнат, какую завести обстановку... Даже зло берет. Иван Дмитриевич говорит: «Ты, Миша, не сердись. Мечтая, мы отдыхаем». Может быть, и так.

6 марта. Вспоминаются слова Никитина: «Вам не придется воевать...» Умный человек, он, наверное, говорил, сам себе не веря. Находиться в тылу у врага и не воевать! Он, конечно, понимал не хуже любого из нас, что здесь каждый шаг — война...

Вчера на наш лагерь, где мы встретились с Повассаром и Гульоном, напал большой отряд карателей. Отходя, мы несколько раз занимали оборону, но все неудачно. Открытые болота с редкими лесистыми островками давали карателям возможность окружать нас. Сковывают руки раненые, дает себя знать истощение. Одним словом, гнали нас километров пятнадцать.

В этот день кое-кто из нас проклинал и партизанских интендантов. Кто-то из них на Хвойлинской базе додумался послать нам тонкие, изящные беговые лыжи. Наступил неаккуратно такой лыжей на пень или ко-

рень — и она пополам. На первом или втором переходе все беговые лыжи вышли из строя. А снег до пояса. Далеко ли оторвешься от хорошо откормленных лыжников-карателей, идущих без груза, налегке.

Лыжа у меня лопнула перед тем, как выйти из болота, поросшего редкими сосенками. Впереди — высота, огибающая болото. Но добраться до нее трудно. Фашисты дышат в спину. Они уже почти не стреляют. Они жаждут живых трофеев, хотят поймать. Вот уже по спине, полушубку скребут каратели, пытаюсь ухватить за воротник. В какой-то миг Янковский (из первой бригады) пригнул мою голову к земле, повалил на снег, а сам ударил из автомата. Я увидел только ноги преследователей и дал по ним несколько очередей. Оставшиеся в живых каратели отскочили и залегли. В тот же момент наши заняли оборону на высоте по краю болота и открыли огонь. Группа из восьми-семи человек начала обход карателей справа. Они не выдержали: под огнем подобрали раненых и убитых, уволокли их на санитарных «лодочках». Все же одного убитого забыли вместе с ручным пулеметом. По документам это был парень из Новосибирска. Как этот сибиряк стал предателем и дошел до того, что стрелял по своим? Об этом документы ничего не рассказали. Судя по следам отступления, убитых и раненых у карателей было много.

Наши потери: убиты двое, ранены четверо. Самое страшное в том, что радиста одной из разведгрупп, заброшенной к нам за неделю перед этим, каратели взяли живым вместе с рацией.

Командир бригады Кириллов и комиссар Кондратьев пропали, исчезли. Самые тщательные поиски на всем пути от прежнего лагеря до последнего места боя не дали результатов.

Недосчитались мы в тот день и Повассара с Гульбоном. В последней стычке с врагом они прикрывали отход.

Таким был полный драматизма день 5 марта 1943 года. Моего спасителя Янковского я никогда не забуду.

На такой драматической ноте М. Абрамов заканчивает свой дневник, в котором рассказывалось о его последней встрече с Евгением Повассаром. Как разворачивались события с того памятного дня — 5 марта 1943 года — до трагической гибели комиссара, мы долго не знали. И лишь летом 1981 года были найдены документы, рассказывающие об этом. Работая над ма-

териалами о Великой Отечественной войне в Институте истории партии Ленинградского обкома КПСС, ветеран партизанского движения в Ленинградской области Сергей Георгиевич Сидоров обнаружил отчет партизанского отряда имени К. Е. Ворошилова. Того самого интернационального партизанского отряда, которым командовал Франциско Гуйон (а не Гульон, как ошибочно было написано в книге М. Абрамова) и где комиссаром был Евгений Повассар.

Вот несколько выдержек из этого интересного документа:

«10 октября 1942 года группа из 7 человек (Гуйон, Гомес, Викторов, Обухов, Фрейксас, Хименес, Семенов) установили мину и 5 килограммов тола на железной дороге со станции Веймарн на Котлы (кв. 98.98). 11 октября в 9.00 на этой линии взорвался и пошел под откос товарный эшелон из 40 вагонов с грузом...»

«11 октября в 23 часа 30 минут группа лейтенанта Борладына (бойцы Мартин, Тарасенко, Матвеев и Рунно) установила на Варшавской ж. д. в районе Низовка — разъезд Низовский 4 мины и 7 зарядов тола.

В 0 часов 15 минут 11 октября подорвался поезд, идущий на Ленинград, в составе 50 вагонов...»

«14 октября 1942 года группа лейтенанта Песового (бойцы Жиль, Пантелеев, Асоро) заминировала Варшавскую ж. д. в 3 километрах севернее станции Низовская. Установлены 2 мины. В 2 часа 40 минут пошел под откос эшелон, шедший на Ленинград, в составе 60 товарных вагонов и платформ (из них 4 пассажирских).

В 10 часов 15 октября взорвался эшелон, шедший на Лугу. Дорога на этом участке после крушения не работала около суток...»¹

В середине сентября 1983 года автор этих строк просил работников Института истории партии Ленинградского обкома КПСС попытаться разыскать дополнительные документы о военной судьбе Е. М. Повассара.

Автор сердечно благодарит работников института за их внимание к его просьбе. В результате большой поисковой работы ими в течение сентября — ноября был обнаружен ряд документов о первом секретаре Гатчинского (Красногвардейского) райкома партии.

Нельзя без волнения читать, например, скупые

¹ ЛПА, ф. О-116, оп. 1, д. 815, л. 28—29.

строки радиogramм, отправленных Ленинградскому штабу партизанского движения радистом отряда имени Ворошилова.

В первой же радиogramме сообщается, что «с 29.9 по 28.10.42 г. спустили под откос на Варшавской железной дороге 7 эшелонов (и один не уточнено). На Балтийской железной дороге 1 эшелон и северо-восточнее станции Веймарн 1 эшелон. Всего 10 эшелонов, при этом уничтожено 9 паровозов и до 130 вагонов». (Радиogramма № 2928 от 2.11.42 года).

Из десятков других радиogramм вырисовывается довольно подробная картина боевых действий отряда. Сообщаются фамилии и имена бойцов, погибших при исполнении своего долга во время почти непрерывных боев с гитлеровскими оккупантами и их прихвостнями, подробности героических дел отдельных партизан.

В радиogramмах сообщается о трудном положении с продовольствием, содержатся просьбы выслать в указанные квадраты самолеты с оружием, боеприпасами, снаряжением. Регулярно докладывается о передислокации отряда, указываются населенные пункты, возле которых разгорались жаркие бои с карателями.

Особое чувство вызывает радиogramма с таким текстом:

«Гульон на постройку танка собрал 6100 рублей». (Радиogramма № 189 от 14.1.43)

Подумать только! Находящиеся в исключительно тяжелом положении, почти без продовольствия и боеприпасов, партизаны находят в себе силы жить теми же думами и устремлениями, что и все советские люди за линией фронта! И даже участвовать в благородном патриотическом почине советского народа по сбору средств на постройку боевой техники для нашей армии.

Сухие факты и цифры партизанского отчета, лаконичные строки радиogramм дают почти зримую картину мужества и героизма этих замечательных людей.

Далее из отчета и радиogramм следует, что после нападения 5 марта 1943 года на партизанский лагерь крупного карательного отряда фашистов бой длился более суток. Под натиском превосходящих сил врага партизаны начали отступать. Сильно поредевший отряд Гуйона и Повассара прикрывал отход и поэтому нес наибольшие потери. После отрыва от карателей в район старой партизанской базы собрались лишь шестеро: Гуйон, Повассар, Гомес, Сухишин, Семенов и Альберка. Их положение было поистине отчаянным.

Не было продуктов, не было боеприпасов. Они приняли единственно правильное решение идти к линии фронта и пробиваться к своим на Большую землю. Этот изнурительный девятидневный поход по раскисшим от таявшего снега болотам и лесам отнял, казалось, у людей все оставшиеся силы. Тем не менее 19 марта 1943 года остатки отряда перешли линию обороны противника в районе Мясного Бора. К сожалению, в самый последний момент, уже на нейтральной полосе, гитлеровцы обнаружили партизан и открыли по ним шквальный пулеметный огонь. Перед самыми окопами наших передовых подразделений замертво упали комиссар отряда Повассар и партизан Альберка.

...Здесь, у новгородской деревни Арефино, в общей братской могиле спят вечным сном наш земляк Повассар и сын солнечной Испании, бесстрашный боец-интернационалист Альберка.

При переходе линии фронта был тяжело ранен и Франциско Гуйон. Ранение было смертельным. В сентябре 1944 года он скончался. 22 сентября 1944 года в газете «Комсомольская правда» был опубликован некролог, в котором сообщалось: «Франциско Эрнесто Гуйон. В возрасте 25 лет в результате тяжелой болезни скончался в Москве героический и самоотверженный сын Коммунистической партии Испании...» Некролог подписали Долорес Ибаррури, Урибес, Модесто, Листер, Видиэлья, Матеу, Претель, Кордон, Сахиес, Тагуэнья, Перегрин, Ортеса, Люис Гуйон.

С малых лет Франциско Гуйон принимал активное участие в борьбе испанского народа против фашизма. В первые же дни войны 1936—1939 годов Франциско Гуйон участвовал в штурме мадридских казарм. Он был участником защиты Мадрида. К моменту окончания войны в Испании он имел уже звание капитана.

Прибыв в Советский Союз, Гуйон здесь работал и учился, проявляя во всем, что он делал, огромный энтузиазм и высокую дисциплинированность.

После нападения гитлеровских полчищ на Советский Союз Франциско Гуйон добровольно вступил в партизанский отряд и мужественно дрался против немецко-фашистских захватчиков. За свое героическое поведение Франциско Гуйон был награжден орденом Ленина и медалью «За оборону Ленинграда».

И наконец, последний документ, который хотелось бы привести. В архиве Института истории партии обкома КПСС хранится наградной лист на батальонного

комиссара, секретаря Красногвардейского РК ВКП(б) Е. М. Повассара, в котором он посмертно представлен к награждению медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

В представлении к награде начальник отдела кадров Ленинградского штаба партизанского движения капитан П. Матвеев (в настоящее время Петр Григорьевич Матвеев является председателем Ленинградского объединенного совета ветеранов партизанского движения, членом бюро Ленинградской секции ветеранов Великой Отечественной войны) сообщает:

«Тов. Повассар Евгений Мартынович с первых дней Великой Отечественной войны принимал активное участие в деле организации партизанских отрядов. Партизанский отряд под его командованием только в двух операциях на железной дороге Батецкая — Новгород, Батецкая — Оредеж 25.5.42 года уничтожил 110 метров железнодорожного полотна и 2940 метров телеграфо-телефонной связи. 18.7.42 года на железной дороге Батецкая — Новгород взорвал воинский эшелон, в результате чего уничтожено: паровоз и 18 пудмановских вагонов с живой силой и боеприпасами. Уничтожено 80 солдат и офицеров.

При активном участии т. Повассара группой партизанского отряда т. Гуйона около станции Луга 12.8.42 года был подорван товарный поезд противника, состоящий до 60 вагонов.

10.10.42 года в районе станции Низовская был пущен под откос эшелон противника, состоящий из 50 вагонов с военным грузом. Во всех боевых операциях т. Повассар проявлял доблесть, мужество и отвагу.

Достоин представления к правительственной награде — медали „Партизану Отечественной войны“ I степени».

В графе «Заключение высшего начальника» стоит приписка: «Достоин правительственной награды — медали «Партизану Отечественной войны» I степени. Начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Никитин. 17 мая 1943 года». (ЛПА, ф. О-116, оп. 4, д. 460).

...Память о героях не умирает. Она, эта память, подобна лучу света от погасшей звезды, который все летит и летит сквозь пространство и время.

Н. А. ПРОХОРОВ,
зам. командира 267-го ОПАБ

ПАРНИ ИЗ ДЕПО

[По следам одного поиска]

Они остались там, где их застал последний бой,— в окопах, траншеях, дзотах на южной окраине Гатчины. Они сдерживали ожесточенные атаки озверелых фашистов, рвавшихся через Гатчину к городу Ленина в августе—сентябре сорок первого года. Они — это воины Ленинградского ополчения.

Весной 1970 года красные следопыты Гатчинской школы № 4 обнаружили в обвалившемся, поросшем густой травой окопе, куда в послевоенные годы редко, по-видимому, кто заходил, останки неизвестного ополченца.

Рядом лежали пробитая навылет фляга солдата, покрывшийся ржавчиной штык, солдатский ремень, ботинки. К сожалению, как ни старались следопыты, перебирая землю по крупцам, медальон с фамилией погибшего воина не нашли.

И вот здесь, на месте кипевшего когда-то боя, собрались мы, ветераны войны, студенты Ленинградского индустриального техникума, комсомольцы и пионеры, чтобы проводить прах к месту братского захоронения, на развилку дорог у деревни Пижма.

Звучит траурная мелодия, приспущены боевые знамена Ленинградского ополчения. Короткий митинг окончен. Под звуки троекратного ружейного салюта в свежую могилу опускается красный гроб. От партийных, советских и общественных организаций ложатся венки, живые цветы — знак глубокой признательности тем, кто отдал свои жизни на этой обильно политой кровью гатчинской земле.

«Неизвестному ополченцу» — высечено на мемориальной плите, которую возлагают на могильный холм, рядом с братским захоронением ополченцев Балтийского завода.

Молча расходятся местные жители, рабочие совхоза «Новый свет», школьники, пенсионеры.

Ветераны-ополченцы и студенты Ленинградского индустриального техникума размещаются в автобусах. Направляемся в город, который нам стал близким и родным с той памятной осени сорок первого.

Н. Н. Степанов.

В. М. Ганкевич.

М. А. Фишман.

Ф. И. Казначеев.

Экипаж танка. В центре — командир танковой роты З. Г. Колобанов.

Е. М. Чеплюкова.

Нина Трофимова.

К. Н. Михайлова.

Б. Н. Соколов.

В. П. Мядзель.

Начальник связи лейтенант В. А. Капорский дает задание связистам.

Группа ветеранов-ополченцев Балтийского завода, бывших участников боев под Пижмой.

В. А. Захаров.

Б. Н. Журавлев.

Е. М. Повассар.

И. Г. Любецкий.

Сергей Степанов.

Игорь Рыбаков.

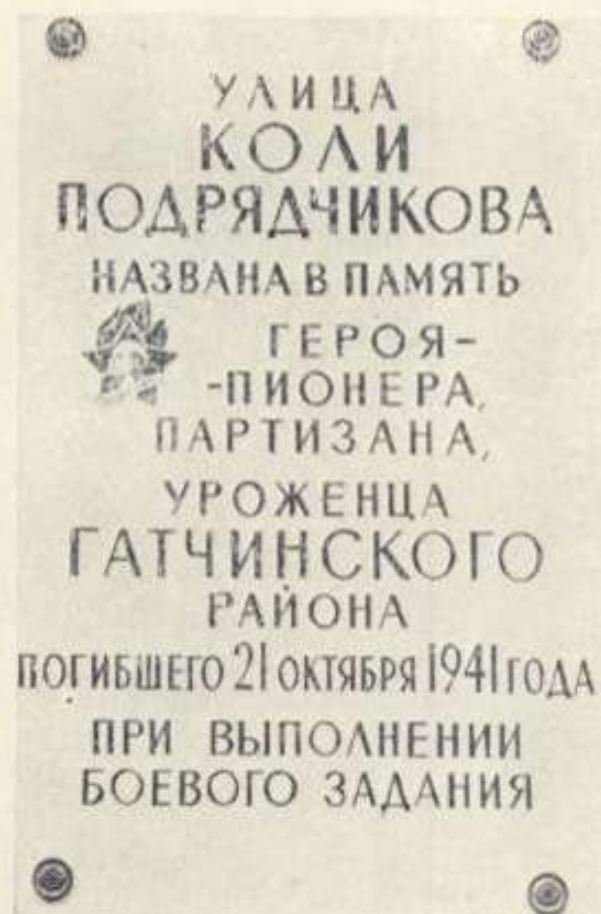
Памятная доска на улице Игоря Рыбакова в Гатчине.

Коля Подрядчиков.

Александра Дрынкина.

*Памятная доска на улице
Коли Подрядчикова в Гатчине.*

Надежда Федорова.

Игорь Иванов.

Иван Максимков.

М. В. Олейникова.

М. Н. Гринкин.

Belanntmachung

Folgende Personen aus Gatchina und Marienburg wurden wegen offener deutschfeindlicher Betätigung zum Tode durch Erschießen verurteilt:

1. Drinkina Schura,	geb. 23.4.1906 verurteilt durch Gatchina 5
2. Dimitriwa Valentina,	- 23.2.20 - Marienburg 41
3. Fedorowa Nadjesda,	- 24.6.21 - Marienburg 24
4. Patapowa Jewdofija,	- 5.2.21 - Marienburg 17
5. Schilowa Kolia,	- 28.10.20 - Marienburg 5
6. Merendrow Nikolai,	- 29.11.24 - Marienburg 24
7. Iwanow Igor,	• 5.1.15 - Marienburg 12
8. Klotchkow Igor,	• 5.1.24 - Marienburg 24
9. Lowinsky Konstantin,	• 25.1.12 - Marienburg 14
10. Mawrinets Boris,	- 22.7.10 - Marienburg 10
11. Makinfott Igor,	- 6.1.19 - Marienburg 11
12. Semakow Michail,	- 14.10.24 - Marienburg 4
13. Golow Boris,	22.4.10 - Marienburg 6
14. Stepanow Sergei,	- 18.1.15 - Marienburg 11
15. Tschernitsch Jurij,	- 21.5.19 - Marienburg 14

Das Urteil wurde am 30. Juni 1942 vollstreckt

Marienburg am 1. Juli 1942

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В Гатчине и Мариенбурге из-за активной антигерманской деятельности, следующие лица приговорены к расстрелу.

1. Дринкина Шура,	р. 23.4.1906	г. Гатчина, Ленинград	р. 5
2. Дмитриева Валентина,	- 23.2.20	- - Ленинград	- 41
3. Федорова Надежда	- 24.6.21	- - Ленинград	- 24
4. Патапова Евдокия,	- 5.2.21	- - Гатчина	- 17
5. Шилова Катя,	- 28.10.20	- - Ленинград	- 5
6. Александров Николай,	- 29.11.24	- - Ленинград	- 24
7. Иванов Игорь,	- 5.1.15	- - Гатчина	- 12
8. Ключев Иван,	- 5.1.24	- - Ленинград	- 24
9. Ловинский Константин,	- 25.1.12	- - Ленинград	- 14
10. Мавринский Борис,	- 22.7.10	- - Ленинград	- 10
11. Максиннов Иван,	- 6.1.19	- - Ленинград	- 11
12. Заваленов Михаил,	- 14.10.24	- - Ленинград	- 4
13. Соколов Борис,	- 22.4.10	- - Ленинград	- 6
14. Степанов Сергей,	- 18.1.15	- - Ленинград	- 11
15. Чернышков Юрий,	- 21.5.19	- - Ленинград	- 14

Приговор приведен в исполнение 30 июня 1942 года.

Гатчина 1 июля 1942 года.

Заставляющий и СЛ

МЕСТНЫЙ КОМАНДАНТ.

Объявление о расстреле комсомольцев-подпольщиков.

П. Н. Быков.

П. Т. Васильев.

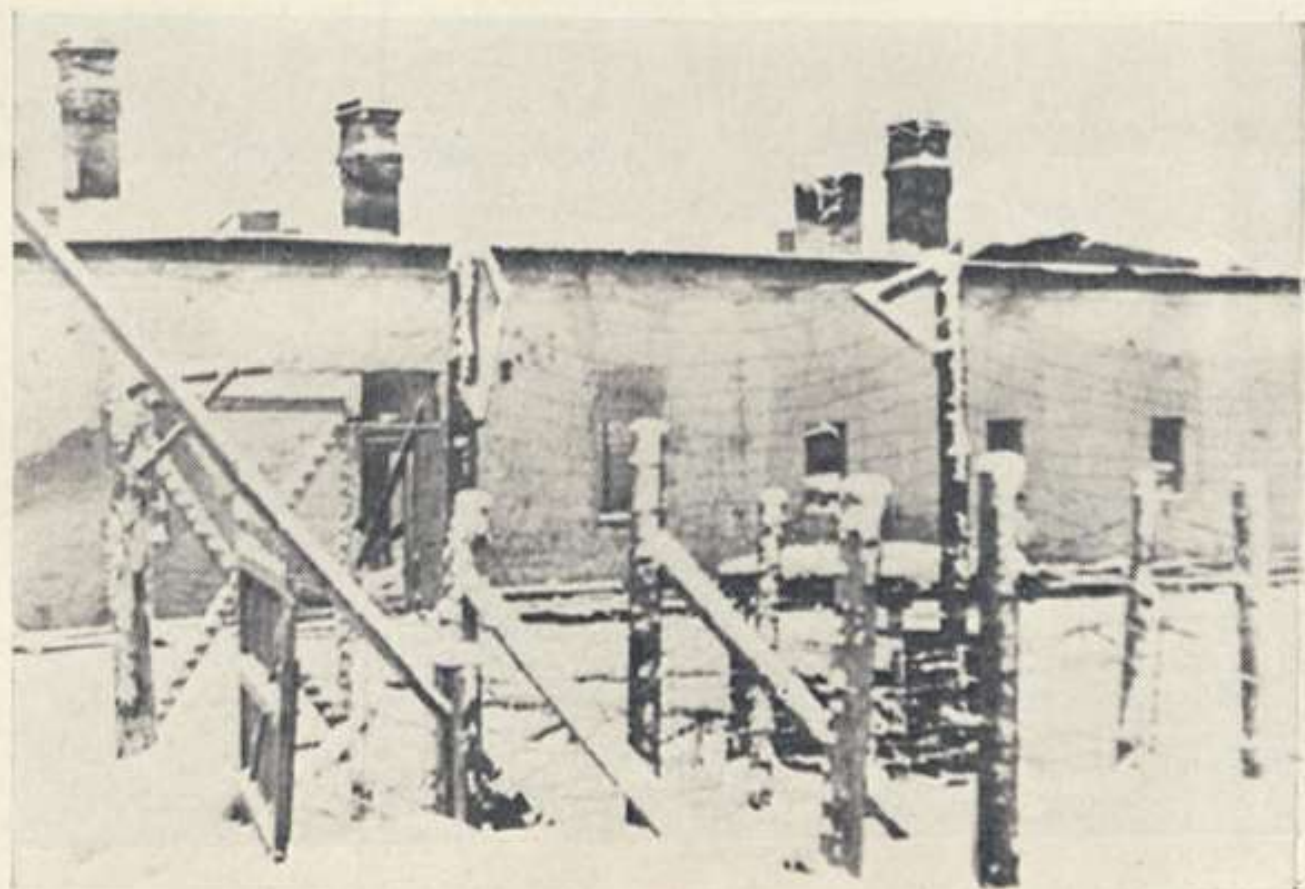
Памятник в парке Сильвия на месте расстрела комсомольцев-подпольщиков Гатчины.

Н. П. Со́йгу.

Н. А. Голубев.

Фашистский концлагерь в Гатчине. Фото 1944 г.

П. П. Баченин.

Е. П. Соѳгу.

А. П. Андреев.

А. В. Батлук.

Герой Советского Союза В. Н. Гречишкин.

И. Ф. Марченко.

М. Н. Колокольцев.

Н. А. Прохоров.

В. К. Зайончковский.

В. Г. Анисимов и А. В. Ефремов.

Сидевший рядом бывший минометчик Вячеслав Козлов трогает мою руку:

— Почему бы нам еще не сделать доброе дело! Вот у этого дота,—показывает он на хорошо сохранившееся железобетонное сооружение на развилке шоссе дорог Гатчина — Кингисепп,— в последний день обороны погиб полностью наш минометный расчет. В боевой обстановке мы вскоре захоронили шесть человек. Я хорошо помню это место.

— Нужно перезахоронить в братскую могилу этих героев,— вмешивается в разговор Михаил Штейн, преподаватель индустриального техникума.

Это предложение поддержали ветераны.

И вот мы вновь в Гатчине, чтобы, вооружившись лопатами, вместе с представителем горвоенкомата двинуться к доту. Весь день мы рыли землю, но останков минометчиков так и не обнаружили.

На второй день руководители одной строительной организации, откликнувшись на нашу просьбу, выделили экскаватор. Поиски и на этот раз не принесли успеха. По-видимому, Вячеслав Козлов запомнил, где почти тридцать лет назад он и его товарищи предали земле погибших воинов.

К концу дня к нам подошла пожилая женщина.

— Милые мои,— тихо проговорила она.— Разве можно перерыть всю нашу землю? Здесь каждый окоп, каждая ямка хранят память о наших защитниках. Я пережила все ужасы тех лет. Советую вам обратиться к Кате.

Мы с недоумением посмотрели на милую старушку, нам было непонятно, о какой Кате идет речь.

— Екатерина Павловна Сойту. Она живет сейчас в Эстонии. Вот кто укажет места, где зарыты наши бойцы.

Михаил Штейн подошел ближе к старушке и спросил:

— А вы нам не подскажете адрес Кати?

Так неожиданно мы получили адрес Екатерины Павловны Сойту.

ПИСЬМО ИЗ ЭСТОНИИ

Екатерина Павловна Сойту (ныне Косякова) нам писала:

«Здравствуйте, уважаемые ветераны!

Получила ваше письмо. От всей души благодарю вас за память. Я очень тяжело переживаю подобные воспоминания, особенно ужасы первых дней после отступления наших войск, бивших врага целый месяц на подступах к Гатчине. Мне тогда исполнилось 16 лет, была комсомолка, училась в Колпанской школе, которую и окончила в июне 1941 года. Была в младших классах пионервожатой, активно участвовала во всех школьных делах.

Начну с 13 сентября 1941 года. Фронт тогда отодвинулся дальше, в сторону Пушкина и Павловска. Нужно было убирать тела погибших в боях наших солдат... Не было, пожалуй, рва и канавки, где бы не лежали убитые. Бойцы и командиры дрались с оккупантами до последнего дыхания. Много было сгоревших, обуглившихся трупов. Досталось и врагу. Тысячи фашистских завоевателей нашли себе смерть на окраинах Малых и Больших Колпан. Вдоль Киевского и Кингисеппского шоссе сплошняком валялась разбитая фашистская техника. Хоронили мы советских воинов и при фашистах. Но днем это было рискованно делать. Когда стемнело, мой отец и брат Иван отправлялись отдать последний долг нашим героям. Меня они с собой не брали. Отец говорил:

— Нельзя рисковать, ты девчонка, и так слишком много горя выпало на нашу родительскую долю.

Однако в последующие дни я принимала уже участие в захоронении погибших бойцов. Это была ужасная работа. Мы хоронили там, где их застал последний час в бою. Документы некоторых погибших уцелели, можно было разобрать имя, фамилию и откуда кто. Наш отец записывал все это в блокнот. Но большую часть фамилий невозможно было разобрать, документы вместе с одеждой сгорели. Все записанные имена отец хранил, как драгоценность, и нам завещал.

— Помните, дети, война не бесконечна,— говорил он,— она должна кончиться. И обязательно нашей победой. Мы должны сохранить имена этих героев и потом сообщить при первой возможности родственникам...

Я понимаю вас, дорогие ветераны. Вы занимаетесь перезахоронением останков, но перекопать всю землю невозможно... С моей точки зрения, я бы поставила рядом с дотами в центре нашей деревни один памятник — «Неизвестному солдату». Один на всех.

...В Гатчине казнен мой родной брат Иван, который вместе с отцом хоронил тогда бойцов.

Мой отец Павел Иосифович Сойту всю жизнь, начиная с подросткового возраста, проработал машинистом на железной дороге в Гатчине. Там же работал его отец Иосиф Гаврилович Гаврилов. У него были сыновья: Александр, Павел — мой отец, Иван, Гавриил и одна дочь — Екатерина. Александр, Иван и Екатерина были коммунистами.

В начале 1940 года отца по болезни перевели на инвалидность. В тяжелые дни оккупации у нас часто появлялись в ночное время разные люди; отец переодевал бежавших из плена наших солдат, кормил чем мог, давал полезные советы, а ночью уводил в лес. Но тяжелые недуги, голод, который мы испытывали, его не пощадили. Он умер 23 марта 1942 года.

Хочу рассказать немного о брате Иване. Когда началась война, ему было 18 лет. Иван учился в железнодорожном училище в Ленинграде. Будучи на оборонительных работах на Лужском рубеже, попал в окружение и пробрался домой, где скоро нашел своих единомышленников. Пришлось ему работать в пожарной охране в депо. Здесь у них была подпольная группа.

Попад в оккупацию, он сразу же решил, что надо действовать. И он не ждал. После отступления наших войск на огневых позициях было оставлено много патронов, гранат, снарядов, тола, бутылок с горючей жидкостью. Все это он собирал и прятал в одном окопе в нашем огороде. Однажды я решила туда заглянуть и обнаружила, что окоп был пуст.

Когда я спросила у брата, кто же унес все собранное, он сказал:

— Запомни, тебе об этом знать не надо!

Я не сомневалась, что брат переправил все это нужным людям.

Ивана дважды — в июне 1942 и в феврале 1943 года — брали фашисты и увозили к себе, пытались сделать из него немецкого наемника, и оба раза ему удавалось бежать из сборного пункта.

Однажды, это было в июне 1943 года, фашисты при обыске (а их у нас производили очень часто) схватили его, избili до полусмерти и в бессознательном состоянии выбросили на улицу. Мы и наши соседи были бессильны что-либо сделать. Все это совершалось под дулами автоматов. Но когда изверги удалились, мы с мамой и двоюродной сестрой принесли Ваню домой. Он не мог даже стоять, лежал на животе целый месяц. Потом при нашей помощи стал немножко приподниматься. Он

шептал: «Только бы мне встать на ноги. Узнают гады еще русского Ивана. Дорого вам это будет стоить».

Лечили его как умели. Мама в гражданскую была сестрой милосердия...

Ваня выжил, встал на ноги. Вновь уходил, пропадал по несколько дней, потом возвращался, с нами говорил очень мало. Только просил мать: «Мама, не расстраивайся, так надо, иначе я не могу».

Как я узнала, что мой брат был связан с группой подпольщиков, которая действовала в депо Гатчина-товарная? Это уже после войны. «Гатчинская правда» писала тогда о парне, который приносил рукописные листовки в депо. Имени его не назвали, но указывали, что парень был блондином, среднего роста. Это был Иван, мой брат. В той же газете писалось о Павле Тимофеевиче Васильеве. Этот парень был нам двоюродным братом, его мать, тетя Настя, являлась приемной дочерью в семье моей мамы. До войны они жили в городе Пушкине. У Павла была сестра Евгения, но она успела эвакуироваться из Пушкина до оккупации города. А Павел с матерью, его бабушка в октябре 1941 года пришли в Гатчину и поселились напротив нашего дома в чердачной комнате.

Павел устроился на работу в депо, скоро нашел единомышленников и подключился к деятельности подпольной группы. Он и Иван были как одно целое. По ночам писали листовки, а утром население города уже было знакомо с сообщениями Советского Информбюро. Когда фашисты были разбиты под Сталинградом, на второй день об этом стало известно всему населению города, несмотря на то что оккупанты держали свое поражение в секрете.

Внезапно Павел ослеп. Не знаю точно, по какой причине. И мой брат помогал ему во всем.

Павел Васильев и слепой не сидел сложа руки. Он по-прежнему сочинял стихи, частушки на злободневную тему, а Иван записывал их и распространял среди населения. Но не довелось нашим парням, ни Ивану, ни Павлу, увидеть радость Победы. Иван был схвачен 23 октября 1943 года у железнодорожной платформы, когда меня с матерью увозили в неизвестность. Павел был арестован позднее. Оба они погибли.

Мой старший брат Саша в первые дни войны ушел на фронт, добровольцем. Был разведчиком, награжден медалью «За отвагу». А Победа его застала в госпита-

ле на Украине. К сожалению, теперь его уже нет в живых.

На всю жизнь запомнился тот день, когда нас, мирных гатчинцев, увозили с родной земли. Ночь, день и еще ночь нас везли в закрытых вагонах в неизвестность. Не давали ни есть, ни пить. Куда шел эшелон, никто не знал. Наконец открыли вагоны. Была еще ночь. Выгнали, как скот, из вагонов и погнали лесом по бездорожью. Дети плакали, старики идти не могли, падали, отставали, а позади раздавались автоматные очереди. Сколько наших людей в ту ночь осталось лежать на дороге! Но мы с нашей мамой выдержали. Наконец дошли до места назначения. Это был концлагерь «Клога» в Эстонии.

Однажды сюда приехали белофинны на корабле под шведским флагом и купили нас, оставшихся в живых, как самый дешевый товар. Нас не считали за людей, нужны были дешевые рабочие руки.

В общем, много пришлось испытать горя, пока не кончилась война.

Куда девался блокнот отца с именами бойцов — об этом я вам тоже расскажу. В наш дом в Малых Колпанах попало два снаряда — один в боковую стенку, а другой в крышу, при этом обвалился потолок на кухне. Когда мы вернулись из леса, после отступления наших войск, то, конечно, в первую очередь начали ремонтировать дом. У нас было несколько томов одного из первых изданий Сочинений В. И. Ленина. Вот в эти книги мы и вложили имена погибших героев. Сами книги отец спрятал на потолке, возле окна чердака, засыпав их песком.

Я знала, что придет время, когда я должна буду вспомнить завет отца.

Но какие-то бездушные люди, иначе я не могу их назвать, зная, что хозяева могут вернуться после войны, и не имея на то разрешения, разобрали наш дом и перенесли на новое место. Где теперь искать книги, имена героев, не знаю.

Очень сожалею, что мне не пришлось присутствовать на торжественном открытии памятных досок на двух дотах в Малых Колпанах. Я приехала недель позже с 17-летним сыном, чтобы показать те места, о которых я так много рассказывала своим детям, а у меня их трое. Мы почтили память павших минутой молчания, обошли доты, у которых когда-то горела земля. Взгля-

нули издалека на наш дом, на две березки, которые когда-то посадил наш дед...

С глубоким уважением к вам

Екатерина Павловна Сойту-Косякова».

ВСТРЕЧА У ДОТА

Письмо Екатерины Павловны Сойту привело нас снова в небольшую деревню Малые Колпаны, близ Гатчины, к домику, где она провела свое детство, к тем двум березкам, воспоминание о которых у нее осталось на всю жизнь.

Вместе с ответственным секретарем Гатчинского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры В. И. Злыгостевым останавливаемся сначала у центрального дота, где в августе — сентябре 1941-го фашистские танки тщетно пытались прорвать нашу оборону. Этот дот, как и другие доты военного времени, по решению Гатчинского районного Совета народных депутатов взят под охрану с целью увековечения подвига его защитников.

Бронированная амбразура нацелена на Кингисеппское шоссе. Темный, как гранит, дот и сейчас выглядит грозным, неприступным. На лобовой стороне десять выбоин с торчащими из них ржавыми прутьями арматуры. Надежное было укрытие, если прямые попадания вражеских снарядов оставили лишь незначительные следы. Над амбразурой на бронзовой плите выгравировано: «В этих дотах с 20 августа по 13 сентября 1941 года стояли насмерть ополченцы Куйбышевского района города Ленинграда — бойцы 267-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Вечная слава героям — защитникам Гатчины!»

Чуть выше амбразуры укреплена отлитая из бронзы и увеличенная в десять раз памятная медаль «Народное ополчение Ленинграда», которой награждались после войны ветераны-ополченцы.

Да, эти доты выполнили свою задачу: дорога на Гатчину была закрыта. Опустевшие, они стоят как свидетели и участники отгремевших боев. Ни дождь, ни мороз — ничто не трогает их бетонные стены. Они останутся стоять навечно, как памятники Великой Отечественной войны.

От дота к центральной улице тянется молодая березовая аллея, высаженная учащимися Большеколпанской

школы. Возле дота в праздничные дни встречаются с ветеранами войны трудящиеся, здесь школьников принимают в пионеры, в комсомол.

В нескольких десятках метров от дота, в конце аллеи, видим старый дом, который, должно быть, сохранился с довоенных лет.

— Давайте зайдем,— предложил я Василию Ивановичу,— здесь, по-видимому, живут старожилы.

Мы не ошиблись. Нас приветливо встретил и пригласил в дом хозяин, Иван Николаевич Сучков. Он много лет проработал в Гатчинском депо машинистом, в настоящее время на заслуженном отдыхе. Член партии, участник Отечественной войны, отмечен многими наградами.

Знакомим Ивана Николаевича и его жену Людмилу Александровну с письмом Екатерины Павловны.

Василий Иванович довольно долго читал вслух это письмо, а когда закончил, хозяйка дома, вытирая платком глаза, сказала:

— Бедная Катя! Сколько она и ее мать пережили! А ведь никогда она об этом не говорила.

— Вы спрашиваете о семье Сойту? — перебил расстроенную жену Иван Николаевич. — Все они потомственные железнодорожники. Я хорошо знал, например, Александра Иосифовича, коммуниста с 1917 года, участника революционных событий в депо Гатчина. Я был его учеником, когда поступил в депо. Последние годы жизни он работал в Витебском отделении Октябрьской железной дороги в Ленинграде, награжден знаком «Почетный железнодорожник» и именными часами от наркома путей сообщения.

Мы внимательно рассматривали фотографию, на которой Александр Иосифович снят в форме железнодорожника, в белом кителе, на петлицах виднеется большая звездочка.

Стали подсчитывать, сколько же семья Сойту — отец, сыновья — проработали в депо Гатчина, получилась внушительная цифра: свыше ста пятидесяти лет.

Подходим к дому, где до войны жили Екатерина Павловна и ее мать.

Во дворе, возле сарая, нас встретили три довольно пожилые женщины. К одной из них обратился Василий Иванович:

— Скажите, это дом, где во время войны жила семья Павла Сойту?

— Да,— подтвердила одна.— А что вас интересует?

— Нас интересует лишь одно: когда вы переносили этот дом на другое место, не находили ли на чердаке книги, засыпанные песком, в них лежали списки погибших бойцов за вашу деревню. Куда они подевались?

— Нет, нет,— в один голос заговорили женщины,— никаких книг мы не видали.

Огорченные неудачей, мы вышли на улицу.

Возле дома № 61 нас остановил Иван Николаевич:

— Здесь живет Виктор Сойту, который в годы войны был в оккупации.

— Это не родственник Екатерины Павловны?

— Нет, у нас до войны в Малых и в Больших Колпанах проживало много жителей с фамилиями Сойту, как в других деревнях Ивановых или Петровых.

Виктор Иванович Сойту довольно подробно рассказал о своем соседе Иване Сойту.

— Я лично видел, как в октябре 1943 года, когда фашисты загоняли мирных жителей Гатчины в товарные вагоны, чтобы вывезти на чужбину, Иван был схвачен полицейскими. Так ему и не удалось проститься с матерью и сестрой. Его поташили к мотоциклу, где сидел за рулем фашист с автоматом.

— А что стало с Иваном? — спросил Василий Иванович.

— Точно утверждать не буду, но у нас в деревне ходил слух, что повесили фашисты Ивана на городской площади, как партизана.

Покинув дом Виктора Сойту, мы направились к дому № 52.

Лев Александрович Голубев, как и Иван Николаевич Сучков, нас встретил любезно. Он показал свой большой старинный дом, где, как утверждал, в прошлом веке была почтовая станция. По отлогой деревянной лестнице мы поднялись на второй этаж, в летнюю комнату с двумя окнами.

— Здесь,— пояснил Голубев,— в годы войны жила тетя Настя, которую воспитала мать Екатерины Павловны Сойту. Она жила здесь вместе с сыном Павлом Васильевым. В этой комнате слепой Павел был предан соседом, а затем расстрелян.

У СЕСТРЫ ГЕРОЯ

Дальнейший поиск сведений, могущих пролить свет на судьбу Ивана Сойту и Павла Васильева, привел нас в Ленинград, на квартиру сестры Павла — Евгении Ти-

мофеевны. И мы узнали много интересного от этой обшительной, умной женщины.

Евгения Тимофеевна подошла к шкафу, вытащила объемистый альбом, в котором бережно хранятся семейные фотографии, и начала свой рассказ:

— У Павлика была короткая, но я бы сказала, славная жизнь. Он родился в 1915 году в городе Гатчине. Вот посмотрите...— С довоенной фотографии на нас смотрит красивое, выразительное лицо двадцатичетырехлетнего парня.

— Наш отец в гражданскую воевал в рядах Красной гвардии против белогвардейских банд генерала Юденича. Был комиссаром полка. Взгляните на это фото.— На старой, пожелтевшей, но довольно хорошо сохранившейся фотографии изображены двое военных.— Этот, в длинной шинели,— наш отец, а рядом — прославленный герой гражданской войны, путиловский рабочий, комиссар Иван Иванович Газа. Его именем в Ленинграде назван проспект.

В те грозные времена, когда мы месяцами не видели своего отца, мама купила нашей бабушке в Новгородской области небольшой домик, и мы, дети, почти все время проводили там. Наша бабушка! Сколько забот проявляла она о нас! Особенно любила Павлика. Она рассказывала ему о крепостном праве, пела старинные песни, следила, чтобы он рос крепким, здоровым. Четыре класса сельской школы Павлик окончил с отличием. Рыбалка, лес, сенокос, качели, зимняя горка, дружба с мальчишками и девчонками — таково было его детство. Он любил мастерить и сам сделал себе лыжи, на которых добирался до школы.

Брат всегда гордился своим отцом, хотел быть похожим на него. В 1927 году отца перебрасывают в Малую Вишеру. Туда двинулась и наша семья. Но вскоре мы все переехали в город Пушкин, где Павлик окончил восемь классов. Здесь в 1934 году трагически погиб наш отец.

После окончания ФЗУ Ижорского завода Павел работал слесарем в механическом цехе, затем мастером этого же цеха. В свободное время он писал стихи, прибаутки, дружеские шутки, которые часто исполнялись на вечеринках у братьев Левшевых. Эти вечера были удивительно веселыми. Один брат играл на мандолине, другой — на гармонии, а Павлик — на балалайке.

И вдруг неожиданно нагрянула война.

Не помню, в какой день мы расстались с Павлом. Он

работал в ночь на Ижорском заводе, затем приехал домой и лег отдыхать. А я рано утром поехала в Ленинград, в институт. В то роковое утро город Пушкин был занят немцами, вся наша семья оказалась в оккупации.

О судьбе своих родных я узнала только после войны, в 1945 году.

А тогда мама, Павлик и бабушка обрели пристанище в Малых Колпанах, у Павла Иосифовича Сойту, в семье которого наша мама воспитывалась со дня рождения. От нее я и узнала о трагической гибели Павлика и Ивана Сойту.

Оккупанты угнали все население города Пушкина в Гатчину. Здесь мама и Павлик устроились на железную дорогу: мама уборщицей, а Павлик слесарем. Вот тогда у Павла с Иваном Сойту и установилась дружба. И как рассказывала мама, они оба собирались вместе уйти к партизанам.

Осенью 1941 года, когда выпал первый снег, Павел вместе с Иваном отправились в город Пушкин, в тот дом, где мы жили. Там оставались кое-какие вещи, которые можно было обменять на продукты. Среди вещей, привезенных парнями на санках, был маленький детекторный приемник. Я хорошо помню, как еще в 1928 году Павлик самостоятельно собрал его из мелких деталей и очень радовался, когда в наушниках раздавался голос Москвы.

Мама не раз видела, как по ночам Павлик и Иван удалялись в сарай, а оттуда, бодрые и возбужденные, скрытно возвращались домой. Мама о многом догадывалась. А утром, придя на работу, она, как и другие рабочие мастерских, узнавала свежие новости о положениях на фронтах.

В депо сгорела водокачка, вышла из строя электростанция, портился водопровод, взлетел в воздух склад боеприпасов... Мама сердцем чувствовала, что ее сын и Иван причастны к этому. Но никогда ни о чем у Павлика не спрашивала. И лишь однажды, когда Павлик стал слепнуть, а потом и окончательно лишился зрения, он сказал: «Мама, скоро придут наши, и я снова увижу свет». И признался, что не раз вместе с товарищами совершал диверсии.

Ослепнув, Павел не пал духом. Он ходил с сумкой на плечах и с палкой в руке от деревни к деревне под видом нищего, поднимал настроение крестьян, говорил, что скоро, наконец, фашистам придет крах, пел сочиненные им антифашистские песни.

А когда был арестован гестаповцами Иван Сойту, Павел тут же сочинил новое стихотворение. Смысл его был таков: стая волков напала на нашу землю, терзает самых верных людей. Но не будет зверям пощады, скоро выгонят их с нашей земли...

Эту песню не раз по вечерам пела в Малых и Больших Колпанах молодежь, но нашелся предатель. Павла арестовали. Затем дошел слух, что он расстрелян.

Во время ареста Павла гестаповцы обнаружили тексты одной из песен, написанные рукой Ивана. А в сумке, с которой Павел ходил по деревням, мама нашла блокнот. Он остался у мамы. Спустя много лет после войны к нам зашел пожилой человек и назвал себя Гринкиным Михаилом Николаевичем. В блокноте, который у меня выпросил Гринкин, косым почерком вверх и вниз, а иногда вперекрест Павлик записывал названия деревень и очень неразборчиво некоторые фамилии и имена.

Евгения Тимофеевна достала из альбома еще одну фотографию.

— Вот на этом снимке Павел снят в 1938 году в городе Пушкине вместе со своими товарищами.

На нас смотрят жизнерадостные парни и девушки, сбившиеся плотной группкой.

— Евгения Тимофеевна, — спросил я, — а кто из них жив?

— Обо всех не могу сказать, а о двоих знаю. Слева стоит друг Павла, Александр Левшов, а рядом с ним Лида Кудряшова, они живут в Пушкине. — Затем, немного подумав, добавила: — В Пушкине же живут еще два человека, которые вместе с Павлом работали в годы оккупации в Гатчине. Это Павел Быков и Карп Авласенко. У меня есть их адреса, хотя я с ними никогда не встречалась.

Вскоре нам удалось встретиться с одним из тех, кого назвала Евгения Тимофеевна, с ветераном войны, очень обаятельным человеком, много лет отдавшим работе в органах милиции, другом юности Павла Васильева — Александром Левшовым.

Встреча с Александром Степановичем была непродолжительной, он поглядывал на часы — торопился на работу, но и те минуты, которые он нам уделил, пролили свет на некоторые стороны жизни Павла Тимофеевича Васильева.

— С Павлом я был знаком всего три года. Но на всю жизнь запомнил его как замечательного человека и

патриота. Как-то раз у моего брата собрались друзья. Комната была на первом этаже и очень сырая. Обои отставали от стен, постоянно были покрыты мокрыми разводьями. Павел спросил у брата, почему такая сырость. Ильюша ответил, что изоляция кирпичных стен плохая, здесь раньше была кузница. Павел взял карандаш и на обоях написал:

Раздувая мех кузнечный,
Кузнец усердно здесь ковал,
А крепко сложенный, беспечный,
Молотобоец помогал.

Мы все рассмеялись. По предложению Павла был организован субботник. Комната брата стала сухая.

Павел любил сочинять стихи. Не знаю, почему он их не посылал в редакцию нашей газеты. Он был хорошим товарищем. Я никогда не слышал от него каких-либо непристойных слов. Жил он в то время в подвальной комнате, и мы часто собирались у него. У нас был даже свой струнный оркестр. Иногда играли в домино, шахматы, ходили коллективно в кино, а летом проводили свой отдых в парке.

В 1939 году я окончил техникум, и меня направили в Мурманскую область. Не знал я тогда, что последний раз вижу Павла.

ТАК МУЖАЛА МОЛОДОСТЬ

Вскоре мы снова посетили город Пушкин, чтобы увидеть тех, кто работал рядом с Павлом Васильевым в депо в оккупированной Гатчине.

Перед нами сидели два пожилых человека. Карпу Тарасовичу Авласенко перевалило за восемьдесят, а Павлу Николаевичу Быкову только что исполнилось пятьдесят восемь. Каждый из них прошел тяжкие испытания. Оба встретили войну в городе Пушкине. Обоим пришлось жить и работать в оккупированной Гатчине. Павлу Быкову на заключительном этапе войны выпала честь с оружием в руках принять участие в разгроме врага под Берлином. Здесь в последний день войны он был ранен. После выздоровления участвовал в составе 2-го Дальневосточного фронта в освобождении Маньчжурии, в разгроме Квантунской армии. Вторично был тяжело ранен. В свои двадцать с небольшим лет стал инвалидом Отечественной войны. За ратные подвиги награжден орденом Отечественной войны I степени и дважды медалью «За отвагу».

У Карпа Тарасовича после войны сложилась трудная жизнь. От большой семьи, которую он имел до войны, не осталось никого.

— Павел Николаевич,— обратились мы к Быкову,— расскажите, как вы впервые познакомились с Павлом Васильевым.

— С Павлом Тимофеевичем я познакомился при необычных обстоятельствах. В начале ноября 1941 года. Время было очень тяжелое, люди голодали. Я ходил по домам: где дровишек наколешь, где водички поднесешь, лишь бы как-то прокормиться. И вот однажды рискнул — вскрыл вагон и влез в него. А там стояли ящики с консервами. Я только стал набирать в мешок банки — и вдруг человек идет. Лезет прямо в вагон. Я не раздумывая ломиком треснул его по башке. Он упал и по-русски выругался. Вижу, что это наш паренек. Хорошо, что его спасла зимняя шапка.

— Ну и здорово ты меня огрел,— проговорил паренек, поднимаясь на ноги.— Теперь и до дому не дойти.

С этого дня мы с Павлом крепко сдружились: он пушкинский и я пушкинский.

Мы решили весной искать партизан и уйти к ним. Но обстоятельства сложились иначе. На нашем пути встретился Михаил Николаевич Гринкин. Он был моим соседом по Рабочей улице и как-то раз пригласил меня к себе домой. Разговаривали откровенно. Я рассказал ему о себе, о Павлике Васильеве, с которым мы решили бежать к партизанам.

— Зачем бежать, если тут, в тылу противника, можно оказать нашей Родине важную помощь в борьбе с оккупантами,— улыбнулся Гринкин.

Я увидел, что это настоящий человек, советский патриот. О встрече с ним я рассказал Павлу Тимофеевичу. И мы решили остаться в Гатчине.

Вскоре Михаил Николаевич пригласил нас к себе домой. Он дал нам с Павлом первое ответственное задание. Втроем тщательно разработали план, по которому и действовали.

Ночью, когда погода была выюжная и падал снег, мы с Павлом взяли необходимый инструмент, вышли на Нарвскую ветку. Павел был физически очень сильный. Мы разобрали стыки рельсов, вырвали костыли. Павел лапой отодвинул на несколько сантиметров рельс. Замаскировали это место снегом. Затем двинулись дальше и разобрали стыки на ветке между станциями Балтийская-пассажирская и Балтийская-товарная. После это-

то прошли через кладбище и Малую Загвоздку на Тосненско-Мгинскую ветку. Разобрали рельсы таким же методом, замаскировали и направились на Варшавскую ветку. За деревней Химози, где глухой лес близко подходил к железнодорожному полотну, разобрали стыки рельсов, вытащили костыли из шпал. Павел отодвинул рельсы в сторону, и мы пошли домой.

В депо мы пришли, как всегда, рано утром. Я работал дотемна, хотя от усталости инструмент валялся из рук.

В то время фашисты еще не были напуганы рельсовой войной, и поезда шли ночью без мер предосторожности. Правда, опасаясь нашей авиации, в прифронтовой полосе эшелоны проходили без сигнальных фонарей на стрелках.

В ту ночь произошло четыре крушения. На Нарвской ветке сошел с рельсов состав с живой силой противника. На пассажирской Балтийской ветке — состав с цистернами, на Тосненско-Мгинской линии пошел под откос эшелон с тягачами, артиллерийскими системами и танками. На Варшавской дороге — пассажирский поезд с солдатами.

Среди фашистов началась паника. По железной дороге стали патрулировать дрезины с автоматчиками и собаками. На какой-то период «рельсовую войну» пришлось прекратить.

Впоследствии, когда подпольщиков стало больше, Михаил Гринкин давал нам задание выводить из строя паровозы во время так называемого среднего ремонта. В тот момент, когда вынимался золотниковый поршень для чистки и замены компрессорных колец, наши парни через паропроводные отверстия опускали в главный цилиндр какой-либо металлический предмет. Через известное время паровоз, подвергнутый такой операции, выходил из строя. Причину можно было определить только при ремонте главного цилиндра, а этот ремонт производился лишь в самой Германии.

В диверсионную деятельность включались все новые и новые рабочие депо. Это Сергей Градов, работавший котельщиком, слесари Иван Евлюхин, Иван Лебедев, Николай Голубев и другие молодые парни.

Все наши парни догадывались, что я имею связь с руководителем подполья, но никто, кроме Павла, точно не знал, с кем. Да и не расспрашивали. Я передавал задания, и ребята их выполняли. Конечно, ребята знали Михаила Николаевича как Григорьева — столяра, кото-

рый работал рядом с нами, но о том, что он руководит всеми делами, никто и не подозревал.

Полностью мне открылся Михаил Николаевич летом 1942 года,— продолжал свой рассказ Павел Быков.— Мы находились на берегу Химозинского озера. Тогда он мне сказал: «Павлуша, если я погибну, ты должен обо всем, что мы делаем, доложить генералу Кожевникову в «большой дом» на Литейном и в обком партии товарищу Алексееву».

Рассказал Гринкин и о себе. В начале войны он работал в Осьминском районе Ленинградской области секретарем райкома партии. При комплектовании подпольной группы на случай оккупации района фашистами он был назначен помощником командира партизанского отряда в тылу врага. Но вскоре был срочно вызван в обком партии. После завершения краткосрочных курсов его командировали снова в Осьминский район для организации подрывной деятельности в тылу врага.

Осенью 1941 года в районе станции Семрино Гринкин перешел линию фронта. У него в кармане лежал паспорт на имя Григорьева — таков был его партизанский псевдоним. Однако около города Павловска, в деревне Местелево, он был схвачен полевой жандармерией и вместе с другими арестованными направлен в лагерь для гражданского населения в Гатчину.

Заключенных использовали на различных работах за стенами лагеря. И однажды Гринкину удалось совершить побег. Так как у заключенных этого лагеря не отбирали паспортов, Гринкин вскоре устроился в Гатчинское депо столяром.

— Когда мы впервые увидели Михаила Николаевича в депо, он настолько был истощен, что трудно было поверить, что перед нами живой человек.

В один из ноябрьских дней паровоз притащил на запасной путь два груженных вагона. Мы с Евлюхиным вскрыли один и увидели в нем ящики со снарядами. Вагоны стояли без охраны, и у нас сразу же созрела мысль поджечь их. Решено было совершить диверсию ночью.

Однако днем была объявлена воздушная тревога. Несколько наших самолетов сбросили бомбы на эшелоны, стоящие недалеко от депо. Как всегда во время налета, немцы во главе с комендантом депо Зайдером бросились в бомбоубежище.

Решение у нас созрело моментально. Захватив смоляной факел и фляжку с горючим — а запас этих материалов у нас всегда под рукой,— мы бросились по опу-

стевшим путям к вагонам. Гудели самолеты, рвались авиабомбы, надрываясь, ревели сирены. Все это благоприятствовало нашему замыслу. Мы облили горючим один из ящиков со снарядами, бросили в него зажженный факел и побежали.

Налет окончился, и немцы стали осторожно выходить из бункеров. Горели подожженные авиабомбами эшелоны, валил густой дым из вагона, в котором мы оставили факел. Внешне все выглядело так, будто и этот пожар вызван бомбежкой.

Зайдер, видимо, не знал, что находится в вагоне, и приказал своим подчиненным потушить пожар и разъединить вагоны. Фашисты вооружились кто чем мог и со всех ног бросились выполнять приказание. Рвение это, возможно, объяснялось тем, что несколько дней назад им пришлось бороться с пожаром в вагоне, тоже подожженном нами, где находились ящики с вином. От жары бутылки лопались, вино текло из всех щелей, и немцы, подставляя под разноцветные ручейки ведра, набирали в них хмельную влагу. Вдруг и сейчас в вагоне окажется вино!

Когда фашисты приблизились, раздался чудовищный грохот. Взрывная волна разметала стоящие рядом железнодорожные составы. Зондерфюрера Зайдера и его подчиненных разнесло в клочья. Погибла значительная часть фашистского отряда, обслуживающего депо.

В октябре 1943 года — в это время Павел Васильев уже был слепой — Гринкин дал нам задание выбрать момент и поджечь подвижную электростанцию, которая обеспечивала электроэнергией депо и все службы станции. Николай Голубев, Иван Евлюхин и я стали наблюдать, как ведут себя дежурные механики. И вот однажды вечером мы увидели, как механик вышел из помещения электростанции и пошел к водокачке за водой. Иван и Николай остались на страже, а я заскочил в вагон. Магериалов для поджога не потребовалось. Топилась печка-временка. Я схватил совок, набрал раскаленных углей, сыпнул под агрегат и дал ходу. С Рабочей улицы мы наблюдали, как над вагоном взвился факел огня. Больше шести дней не было электроэнергии ни в депо, ни в других службах, пока не привезли новый агрегат.

Вскоре Михаил Николаевич дает нам новое задание — уничтожить водокачку. Доски, которыми была обшита водокачка, сохли года полтора, и поэтому, когда мы с Голубевым, воспользовавшись тем, что дежурный пошел получать обед, заскочили в помещение, облили

их из фляжки керосином и подожгли, пламя мгновенно охватило водокачку. Она сгорела на виду у всех.

— Павел Николаевич! Из письма Екатерины Павловны Сойту нам стало известно, что Павел Васильев ослеп. Когда это случилось?

— С ним произошло это в 1943 году, была уже осень. Сказались, по-моему, недоедание, нервное напряжение, работа, связанная со сваркой... Начал Павел слепнуть постепенно. Вначале он жаловался, что у него в глазах какой-то туман. С каждым днем ему становилось все хуже. Михаил Николаевич нашел врача-окулиста. Я водил Павла к нему. Врач осмотрел и сказал, что не может ничего сделать, так как требуется лечение в клинических условиях.

Вечерами осторожно мы навещали Павла, приносили ему продукты. Много раз пересылали передачи через мать Павла, она работала в депо в бригаде по обтирке паровозов. Когда Павел был зрячим, он приходил на работу с новостями о положении на фронтах. Мы были в курсе всех событий.

Однажды я и Карп Авласенко посетили Павла, он очень обрадовался нашему приходу и познакомил с сидящим у него пареньком, назвав его Толиком и представив как соседа и родственника. Теперь, говорит, все новости от него будет передавать Толик. Это был Иван Павлович Сойту.

В сентябре 1943 года Павла навестил М. Н. Гринкин и, возвратившись, рассказал, что Павел очень нервничает. Просил дать ему гранаты и подвести к серьезному объекту — он его взорвет вместе с собой. Гринкин как мог его успокаивал. Но через несколько дней Толик передал записку Ивану Евлюхину. В ней Павел с той же просьбой обращался к нам, записка была написана рукой Ивана Сойту: «Парни, посодействуйте мне, дайте сделать последнее доброе дело, чтобы помнили нас эти дикари». Павел всегда фашистов звал дикарями. После этого мы втроем — Михаил Николаевич, Карп Тарасович и я — навестили Павла. Михаил Николаевич долго говорил с ним и убедил, что те сводки, которые он принимает и доставляет нам, сильнее всякого взрыва.

Сводки Совинформбюро о положениях на фронтах, сатирические стихи, эпиграммы на оккупантов и их прихвостней через Ивана Евлюхина поступали к нам ежедневно. Население узнавало всю правду о положении на фронтах, которую фашисты пытались скрыть от населения города.

Нужно сказать, что плечом к плечу с нами против врага выступали еще многие советские патриоты. Не подозревая, что рядом действует подпольная группа, они по собственной инициативе, как только представлялся удобный случай, тормозили ремонт паровозов, портили все, что можно испортить, и не попадались при этом в лапы тайной полиции.

Методы диверсионной группы непрерывно совершенствовались. Мы научились заворачивать в масляные тряпки гранаты, которые подбрасывались затем в уголь. Вместе с углем гранаты попадали в топку паровоза, где взрывались.

В других случаях гранаты особым способом прикреплялись к внутренней стороне дверей товарных вагонов. На станции назначения граната разрывалась, убивая солдат, которые открывали двери. В вагоны поездов, следовавших в сторону фронта с различными грузами, незаметно помещался хитроумно устроенный факельный заряд, который в пути следования медленно горел. Огонь постепенно приближался к месту, специально облитому горючим, и возникал пожар.

— Павел Николаевич, как вы думаете, почему вам удавались диверсии?

— Прежде всего, конечно, сказался жизненный опыт Михаила Гринкина. Опыт участия в гражданской войне против белогвардейцев в Сибири и на Дальнем Востоке. Выдержка, бдительность, умение распознавать изменников и предателей — а такие у нас в депо были — помогали Гринкину правильно оценивать обстановку. Мы были в беде страшной, но сам Гринкин не падал духом, всегда воодушевлял нас. Большая заслуга Михаила Николаевича Гринкина состоит в том, что он вовремя подобрал в нашу патриотическую антифашистскую группу таких парней, как Павел Васильев и Иван Сойту, которые информировали нас, а мы оккупированное население Гатчины об истинном положении на фронтах. Нужно отметить также, что за двухлетнюю деятельность нашей группы в нее не проник ни один предатель.

— Как же вам удавалось распознавать агентов гестапо, которые засылались в депо или вербовались среди рабочих?

— В 1942 году, месяца не помню, но было очень холодно, в депо появился человек с рыжей бородой в старом военного образца полушубке. Отрекомендовался сбежавшим из лагеря военнопленным. Он беседовал с

Павлом Васильевым и спросил его, есть ли возможность устроиться в депо, найти жилье. Павел сказал нам тогда, что этот тип ему не по душе, в нем есть что-то наигранное и слишком мало он истощен. Вскоре вдруг из дома номер 16 по Рабочей улице (ныне улица Матвеева, дом 20) переселяют в другое место трудовую семью Алексеевых, а в этом доме вдруг появляется совершенно незнакомый местным жителям человек с рыжей бородой и с ним человек, одетый в морской бушлат. Этот факт не прошел мимо нас. Гринкин дал мне указание наблюдать за незнакомцами, благо я жил по соседству.

В дом № 16 стали заходить какие-то незнакомые люди, а также некоторые рабочие нашего депо. Часто здесь совершались попойки, раздавались слишком веселые песни. Это насторожило нас. Гринкин был обеспокоен.

Вскоре все прояснилось. На кухне, где готовилась пища для немецкого персонала, работала подсобницей Марина Мухина. Вместе со своим отцом, рабочим депо, она жила в том же доме, что и Гринкин. Марина, конечно, не догадывалась, что ее сосед — руководитель патриотической подпольной группы, но видела в нем честного советского человека, пользующегося большим доверием у рабочих.

В один из вечеров Марина зашла к Гринкину.

— Михаил Николаевич, — спросила она, — вы знаете, что в депо среди рабочих есть осведомители и предатели?

Гринкин неопределенно пожал плечами:

— Возможно, и есть.

— Следовало бы предупредить людей, чтобы они были осторожнее.

— Но для этого нужно знать фамилии агентов.

— Я знаю, — прошептала Марина и бросила быстрые взгляды по сторонам, хотя в комнате, кроме них, никого не было. — Вот...

Девушка передала Гринкину скомканный лист бумаги. Михаил Николаевич разгладил его ладонью и прибавил огонька в керосиновой лампе. Здесь было около десятка фамилий, торопливо написанных карандашом. Некоторых из этих людей Гринкин уже давно подозревал в сотрудничестве с фашистами, но не имел достаточно убедительных данных. Оказались в списке и люди, которым, казалось, можно было доверять.

Михаил Николаевич вопросительно посмотрел на Марину.

— Повар Вилли очень глупый, суший чурбан. Пришел денщик Соколова-Крюкова получать продукты на его тайных агентов, работавших в депо. При старом поваре это делалось в секрете от меня. Повар уходил в кладовую и там по списку с глазу на глаз передавал денщику продукты. Вилли же взял список и сказал денщику, чтобы он зашел завтра. Потом позвал меня и попросил (ведь я умею писать и немного читать по-немецки) подготовить к следующему дню продукты согласно этому списку. Я исполнила все, что сказал Вилли, и одновременно сняла копию со списка.

— Спасибо, Марина,— сказал Михаил Николаевич и крепко пожал руку девушке.

Теперь у нас был список тайных агентов, работающих в депо. Мы довели его до членов нашей группы, а также некоторых рабочих, которым можно было довериться.

Все это полностью нейтрализовало деятельность немецкой контрразведки во главе с Соколовым-Крюковым, тем самым мужчиной с рыжей бородой. Разоблаченный агент уже не страшен.

Подпольная группа снова начала активизировать свою деятельность.

Затем удалось разоблачить еще одного агента. Он в тот день работал на регулировке подшипников, а я находился на котле, набивал сальник. К нему подошел напарник, который числился в списке агентов. Разговора я полностью не слышал, расслышал только слово «дед». Как только напарник отошел, я спрыгнул с котла на площадку — и в упор:

— Ну, Жора, и ты ссучился?

Это был мой школьный товарищ Жора Петров. Он покраснел и сознался, что его «дед» вербанул. Когда я доложил Гринкину об этом факте, он дал мне задание укрепить дружеские отношения с Петровым. С этого времени я стал вращаться в среде агентуры как «друг» Петрова.

В конце 1943 года произошли события, которые потрясли нас и Гринкина. На той улице, где жили Иван Сойту и Павел Васильев, проживал слесарь депо Осинович, который, по нашим данным, был одним из предателей. Он не раз слышал, как молодежь по вечерам вполголоса пела патриотические песни. Да и сам порой подпевал, чтобы создать видимость «своего» человека.

Постепенно выяснял, что многие из этих песен сочинял слепой Павел Васильев.

Одного за другим Павла Васильева и Ивана Сойту схватили гестаповцы и бросили в тюрьму. Я как «друг» фашистского агента Петрова не раз бывал на пьяных вечеринках, где собирались подонки «деда» Соколова-Крюкова. Однажды в пьяном угаре «дед» проговорился, что арестованный слепой «выкинул необычный номер». Десять дней и ночей подвергали гестаповцы Павла жестоким пыткам, но не добились от него ни единого слова. И вот наконец вызывает его на допрос гитлеровский офицер. Павел, улучив момент, вцепился майору в горло и стал его душить. Перепуганный и рассвирепевший гестаповец, выхватив пистолет, в упор разрядил в Павла всю обойму.

Как погиб Иван Сойту, нам не удалось установить. Но после арестов Павла и Ивана других членов нашей группы не тронули. Мужественные патриоты предпочли смерть предательству.

В январе 1944 года, когда гул орудий явственно доносился до Гатчины, оккупанты поспешно стали эвакуировать депо. Уходили два эшелона — один на Шяуляй, другой на Ригу. Я попал с Михаилом Николаевичем в Ригу. А в Гатчине мы оставили Георгия Разина, чтобы он с приходом наших войск проинформировал командование о нашей деятельности в тылу врага, передал данные о фашистской агентуре.

Михаил Николаевич Гринкин уже под Ригой перешел линию фронта. Он передал отчет о нашей деятельности в Гатчине. В одной из служебных поездок его машина наскочила на противотанковую мину. До апреля 1945 года он находился на излечении в госпитале. После войны был направлен в город Гатчину на должность заместителя директора мебельной фабрики. Сейчас его уже нет в живых.

Георгий Разин выполнил задание и продолжал работать в депо Гатчины.

Фашистские агенты были задержаны и понесли суровую кару.

Один из активных подпольщиков нашей группы слесарь Иван Иванович Евлюхин был призван в действующую армию. Погиб в последние дни войны под Берлином. Другие члены группы — Виктор Смирнов, Николай Голубев, Сергей Градов, Иван Лебедев, Михаил Мамонтов — после войны честно трудились в народном хозяйстве, в разное время покинули нас навсегда.

Таисия Васильевна Быкова, моя двоюродная сестра, во время войны потеряла ногу, живет в Ленинграде. Марина Гавриловна Мухина, до войны студентка юридического института, живет в городе Харькове. Наш электрик Георгий Евгеньевич Разин, один из помощников Михаила Гринкина, уехал на свою родину в Молдавию. Мы вдвоем: Карп Тарасович Авласенко, которому в 1984 году перевалило за восемьдесят, да я, инвалид войны, живем в родном городе Пушкине.

Мы часто собираемся с Карпом Тарасовичем у меня дома, вспоминаем годы войны, нашего боевого друга Михаила Гринкина, ставшего для нас вторым родным отцом.

ПАМЯТЬ НАРОДНАЯ

Когда очерк о парнях из депо был уже написан, когда автор, встретившись с группой рабочих — ветеранов депо, смог сопоставить приведенные им факты и воспоминания очевидцев событий сорокалетней давности, произошла еще одна встреча — с человеком, который оказался живым свидетелем трагической гибели Ивана Сойту. Фамилия его Баченин. Зовут Петр Павлович.

— В центре Гатчины, на старой базарной площади, и сейчас стоит двухэтажное кирпичное здание, — начал рассказ Петр Павлович. — В годы фашистской оккупации бургомистр города по заданию гитлеровских военных властей организовал в этом доме гробовую мастерскую.

Рядовых фашистского вермахта закапывали в землю в том, в чем застигала их смерть: в мундирах или в шинелях. Для господ офицеров и унтер-офицеров существовали привилегии — они отправлялись к праотцам в гробах.

Мастерская работала бойко, без выходных — десять — пятнадцать гробов в сутки, триста — четыреста в месяц.

Когда мы забивали гвозди в гроб, который через несколько часов должен был принять очередного фашистского обер-лейтенанта или гауптмана, думалось: гроб тебе понадобился?! Ну что ж, это единственное, на что советский человек не пожалеет труда!

Но главное дело заключалось в том, что нашу мастерскую гатчинские патриоты превратили в перевалочную базу для отправки к партизанам пополнения и оружия. И мы, участники подпольной борьбы, стремились

вести себя так, чтобы не навлечь подозрения гитлеровцев.

Петр Павлович был настолько увлечен своими воспоминаниями о прошлом, что мы не могли его ограничить лишь одним вопросом, хотя нас прежде всего интересовала судьба Ивана Сойту.

— Возглавлял нашу небольшую подпольную группу Василий Васильевич Кириллов — коммунист, до войны — председатель колхоза в деревне Косково Волховского района. В качестве представителя партизанского отряда Василий Васильевич часто появлялся в Гатчине.

Я не располагаю полными данными о нашей группе, — продолжал Петр Павлович, — в целях конспирации нам не полагалось расспрашивать друг друга, чем каждый из нас занимается. Что касается меня, то по заданию Кириллова я выступал в роли хозяина конспиративной квартиры. Жил я там же, где размещалась гробовая мастерская, на втором этаже.

Рядом находились полиция и комендатура. Трудно было предположить, что в центре города, на виду у фашистского начальства, прячутся партизаны, между тем дело обстояло именно так.

Кириллов иногда приводил ко мне военнопленных. Рядом был базар, на котором всегда толпилась масса народу, и поэтому в дом можно было проникнуть незамеченным. Военнопленные прятались у меня под кроватью со спущенным до полу подзором, на случай если кто-нибудь из посторонних неожиданно войдет в комнату. В часы, когда я был на работе, военнопленных оберегали жена и сын.

К мастерской часто подъезжали машины с досками, отсюда же отправлялись грузовики с гробами и отходами древесины. В этой суеде можно было привезти во двор и увезти со двора все, что угодно. Это обстоятельство умело использовал наш руководитель подпольной группы, созданной в гробовой мастерской, Николай Бабкин. На складе мастерской и на чердаке хранились оружие и одежда для партизан.

Наша патриотическая, но опасная работа в гробовой мастерской продолжалась до глубокой осени 1943 года. Затем по указанию Василия Кириллова Николай Бабкин, Соколов и я ушли в лес к партизанам. Остался, как видите, жив, лишился ноги, награжден... — Он с гордостью показывает медаль «Партизану Отечественной войны», выданную ему после войны.

Трагически сложилась судьба Василия Кириллова. По свидетельству бывшего командира 12-й партизанской бригады А. А. Ингинена, Кириллов был выдан предателем, и фашисты его расстреляли.

Мы познакомили Петра Павловича с письмом Екатерины Павловны Сойту, которая до сих пор не знает подробностей гибели своего брата Ивана.

— Его повесили гитлеровцы на базарной площади.

— Вы в этом убеждены?

— Да. Наши окна выходили на базарную площадь. Здесь фашисты для устрашения населения устроили публичную виселицу. Вешали почти ежедневно по 2—3 человека. Это вызывало глухое возмущение среди населения. Вешали по всякому поводу. На груди дощечка: «партизан», «комиссар», «саботажник»...

И вот однажды рынок был оцеплен полицией. Прекратилась торговля. Людей сгоняли к виселице. Я выскочил на улицу. Со стороны комендатуры под конвоем вели молодого человека, оборванного, окровавленного. Он еле передвигал ноги. На его груди висела дощечка с надписью «партизан».

Из-за гула голосов присутствующих трудно было разобрать, что огласил обер-лейтенант. Одно услышал: «...русский Иван...» Многие, особенно женщины, отворачивались, когда совершалось фашистское злодеяние. И только на второй день после казни мы точно узнали, что это был Иван Павлович Сойту из деревни Малые Колпаны.

До позднего вечера-затянулась наша беседа, позволившая поставить точку в долгом поиске людей и событий, поиске, вызванном очень подробным, взволнованным письмом Екатерины Павловны Сойту.

Впрочем, поставлена ли точка? Ведь список погибших пока еще не найден. И возможно, когда-нибудь обнаружится блокнот Павла Иосифовича Сойту и мы узнаем имена многих неизвестных героев, павших в боях за Гатчину, за Ленинград.

* * *

Не удалось уйти от возмездия тем, кто в годы оккупации в Гатчине, продавшись гитлеровцам, выдал им сотни советских патриотов.

Органы государственной безопасности выявили этих изменников и передали в руки правосудия.

Далеко от нашей Родины, в Чехословакии, был задержан ярый враг, бывший бригадир службы путей

Гатчинского депо, один из ближайших помощников обер-лейтенанта Соколова-Крюкова, некий И. Камзолов, выдавший гестаповцам многих подпольщиков Гатчины.

Отщепенец, предавший в 1943 году активных участников подпольного движения Павла Васильева и Ивана Сойту, слесарь депо Осипович был задержан органами милиции летом 1945 года в Ленинграде.

Позднее был задержан и предан суду военного трибунала провокатор Черников. С его помощью в январе 1944 года, за несколько дней до освобождения нашими войсками Гатчины, в Суйдинском лесу были схвачены и расстреляны Николай Васильевич Разумихин и Ефим Ефимович Костенко — руководители подпольных групп в Гатчине.

Не избежали суровой кары и другие изменники нашей Родины. В разное время они были осуждены военным трибуналом на длительные сроки лишения свободы.

И. Г. ЛЮБЕЦКИЙ

НЕПОКОРЕННЫЙ ГОРОД

13 сентября 1941 года начался отвод наших частей из сдавленного немецкими бронированными клещами с трех сторон Красногвардейска. С тяжелым сердцем оставляли бойцы и командиры пылающий город.

Днем, когда на проспекте 25 Октября показались гитлеровские мотоциклисты, они были буквально сметены пулеметным огнем из двухэтажного дома на углу Советской улицы и проспекта. Свой последний бой за город вела группа бойцов-ополченцев 267-го ОПАБ во главе с политруком Григориним...

Бесстрашные бойцы из группы прикрытия сражались до тех пор, пока из города не ушли все наши подразделения.

Дальнейшая судьба бойцов и командира этой группы практически неизвестна. Гатчинские старожилы рассказывали, что на второй или третий день после оккупации города гитлеровцами был повешен на городской площади политрук Григорин, а несколько раненых воинов из его отряда были брошены в концлагерь. Разыскать их следы пока не удалось...

Оккупировав старинный русский город, захватчики днем и ночью расстреливали его жителей и военнопленных. На целых 866 дней над городом и районом опусти-

лась черная беспросветная ночь, именуемая «новым порядком».

Согнав в Красногвардейск (ближайший тыловой город) десятки тысяч жителей — советских людей из прифронтовой полосы — Урицка, Стрельны, Красного Села, Петергофа, Пушкина и других населенных пунктов и городов, фашисты начали систематически и планомерно уничтожать их. По данным комиссии по расследованию зверств немецко-фашистских захватчиков по Ленинградской области, на территории Красногвардейска гитлеровцами было уничтожено свыше 40 тысяч мирных жителей.

В городе находился огромный концлагерь под названием «Дулаг-154». Филиалы этого концлагеря располагались на территории бывшего военного аэродрома, на улицах Хохлова, Рощинской, в полуразрушенных помещениях бывшей граммофонной фабрики и других местах. Здесь каждый день от голода и холода погибали сотни людей. Ежедневными были и публичные расстрелы на глазах у жителей.

Свыше 7 тысяч человек погибли в концлагерях, расположенных в районе села Рождествена. В селе Никольском гитлеровцы зверски убили 850 больных, находившихся на излечении в психиатрической больнице имени Кащенко. Палачи в белых халатах вводили в вены больных фенол...

В Красногвардейске и его ближайших окрестностях был размещен огромный аппарат разведывательных и карательных подразделений и организаций, нацеленных на город Ленина. По планам гитлеровцев, эти подразделения должны были наводить «новый порядок» после планируемого ими захвата Ленинграда. А пока... пока различные зондеркоманды, подразделения гестапо, СД, абвера и разведшкол проходили свою кровавую «практику» здесь, по месту «временной» дислокации.

Кроме этого, в Красногвардейске был создан отдел пропаганды, который подчинялся непосредственно управлению пропаганды группы армий «Север». Около 150 опытных пропагандистов, имевших в своем распоряжении звуковые кинопередвижки и радиофицированные автомобили-вездеходы, денно и ночно разъезжали по городу и району, раздавали специальную литературу и показывали фильмы, прославляющие величие и непобедимость III рейха.

Специально завербованная гитлеровцами агентура из числа предателей, набранных из местного населения,

докладывала гестапо о всех, кто проявлял свои симпатии к Советской власти.

Не случайно поэтому в Ленинградском штабе партизанского движения Красногвардейский (Гатчинский) район считался самым трудным для подпольной работы в Ленинградской области. Почти все попытки направить сюда из Ленинграда людей для развертывания партизанской борьбы и сбора сведений разведывательного характера кончались неудачей.

И тем не менее в задавленной фашистским террором, истерзанной и окровавленной Гатчине боролись, погибали, но не сдавались советские люди.

Об их героической борьбе, их действиях и поступках очень многое становилось известным из рассказов очевидцев, а иногда лишь десятки лет спустя, после того как были обнаружены, систематизированы и переведены на русский язык архивы гитлеровских спецслужб, захваченные нашими войсками в Прибалтике.

Вот один из этих документов:

«Политическая полиция и СД
Управление оперативного
отдела
Подразделение Зайдель
1 июля 1942 года

С п е ц с о о б щ е н и е

по вопросу об организации партизанской группы
в Красногвардейске

26 июня 1942 года задержанная чинами полевой жандармерии за кражу женщина, назвавшая себя Верой, была передана в подразделение в связи со сделанным ею заявлением о желании дать показания по поводу образования партизанской группы в Красногвардейске».

Далее в немецком документе сообщается, что большая группа молодых жителей города и военнопленных решила, похитив у гитлеровцев автоматы и пулемет, уйти в леса к партизанам, чтобы с оружием в руках сражаться с оккупантами.

Командир подразделения СД штурмбанфюрер СС в своем рапорте по начальству докладывал, что всю группу ему удалось раскрыть и уничтожить.

30 июня 1942 года в парке Сильвия были расстреляны: Алексей Орлов, Алексей Николаев, Александра

Дрынкина, Александр Гололобов, Алексей Куприянов, Анатолий Баринов, Борис Соколов, Борис Мавринский, Валентина Дмитриева, Василий Раевский, Григорий Горбачев, Екатерина Шилова, Евгений Крушельницкий, Евдокия Потапова, Константин Ловинецкий, Михаил Завалейков, Иван Ключев, Иван Максимков, Игорь Иванов, Михаил Матвеев, Михаил Лебедев, Юрий Черников, Николай Александров, Надежда Федорова, Сергей Степанов.

Объявления комендатуры на немецком и русском языках об этом расстреле были развешены на стенах домов в тот же день. Однако фамилии военнопленных в объявлении не указывались. Изучая другие документы, советские чекисты ознакомились с протоколами допросов всех членов этой группы. И каждый протокол — это молчаливый свидетель огромного мужества и достоинства советских людей.

Кто же такие эти 25?

Как рассказывают оставшиеся в живых очевидцы и трофейные документы, это были самые обыкновенные молодые люди, волей различных обстоятельств оставшиеся на временно оккупированной фашистами земле.

Выросшие в Советской стране, воспитанные партией и комсомолом в духе уважения к человеку — хозяину своей судьбы и своей жизни, они не могли без острой тоски и боли смотреть, как иноземные захватчики нагло и жестоко попирали все нормы человеческой морали, достоинство и честь советских людей.

Отсюда их ненависть к поработителям, к «новому порядку», который те пытались ввести на нашей родной земле.

Именно это побудило их к активным действиям.

Как мы уже говорили, гитлеровцы согнали в Красногвардейск большое количество жителей из городов и населенных пунктов, расположенных непосредственно у линии фронта под блокированным Ленинградом. Именно по этой причине здесь оказалась довольно большая группа юношей и девушек из Пушкина. Были среди них Александра Дрынкина, Екатерина Шилова, Игорь Рыбаков и ряд других молодых людей.

Шура Дрынкина — комсомолка, жена командира Красной Армии Андрея Дрынкина.

Очень скоро маленькая комната Шуры в доме на улице Радищева превратилась в своего рода штаб сопротивления. Наиболее частыми гостями здесь были

Екатерина Шилова, Валентина Дмитриева, комсомолка Евдокия Потапова.

Чтобы как-то поддержать умиравшую с голода семью, Дуся Потапова нанялась на работу в немецкий полевой госпиталь. Здесь же работала Валя Дмитриева.

В комнате у Шуры и было принято решение вначале связаться с советскими военнопленными, а затем, похитив у врага оружие, попытаться бежать из города и связаться с партизанами.

Через некоторое время Дусе Потаповой и Вале Дмитриевой удалось познакомиться, а затем привлечь в свою группу двух пленных советских воинов — Алексея Куприянова и Алексея Николаева, работавших в том же полевом госпитале.

Шура Дрынкина через военнопленного Михаила Матвеева связалась с группой военнопленных, работавших на городском хлебозаводе. Это была огромная удача. Похищаемый на пекарне хлеб советские патриоты сразу же стали передавать наиболее слабым узникам гитлеровских концлагерей. Ценой этого же хлеба приобреталась гражданская одежда, кое-какие медикаменты.

Группа Дрынкиной разрасталась. Зимой 1941/42 года к ней примкнул Сергей Степанов, боец народного ополчения из Ленинграда. Когда часть, в которой он служил, была разбита под Лугой, ему удалось вырваться из окружения и, переодевшись в гражданскую одежду, пробраться в Красногвардейск.

В трофейном гестаповском документе Степанов упоминается как руководитель группы из десяти человек. Так оно в сущности и было. Возле Сергея объединились заместитель политрука Игорь Иванов, рядовые Иван Максимков, Николай Александров и другие военные. Все они числились на бирже труда как рабочие разных специальностей, и все страстно мечтали вернуться в ряды Красной Армии и беспощадно бить врага.

Как выяснилось впоследствии, связь группы Сергея Степанова с группой Шуры Дрынкиной была установлена через Надю Федорову...

Одной из наиболее ярких фигур комсомольского антифашистского подполья в Красногвардейске, несомненно, была Надя Федорова. Надя — местная жительница. В 1941 году она работала продавцом хлебобулочного отдела продовольственного магазина, который размещался в доме № 1 на Советской улице. Невысокого роста, с озорной, обаятельной улыбкой, девятнадцатилетняя девушка была заводилой среди местной молодежи,

непременной участницей всех спектаклей драматического кружка клуба имени Некрасова.

Комсомолка Надя Федорова оставалась в Красногвардейске, собирала данные о передвижении воинских частей в ближнем тылу гитлеровцев и передавала их в разведуправление фронта. Поэтому вначале устроилась работать кладовщицей на фашистский аэродром.

Кто знает, может быть, природное актерское дарование и позволило этой хрупкой миловидной девушке умело держать себя в волчьем логове, играть роль этакой бездумной красивой куклы, которая не прочь пофлиртовать и провести вечер в обществе летчиков люфтваффе.

Можно себе представить, какие тяжелые испытания выпали на долю этой девушки-патриотки. Ведь для того чтобы выполнить наказ Родины, она должна была не вызывать абсолютно никаких подозрений у гитлеровцев. Мило улыбаться солдатне и офицерам и в то же время глубоко ненавидеть и презирать их,— сознаемся, дело не простое.

Еще горше и труднее было выносить косые взгляды горожан, хорошо знавших Надю...

Однако Надя Федорова оказалась хорошим конспиратором. Даже родители, проживавшие на окраине города, ничего не знали о ее подпольной деятельности. Хорошо понимая, что в случае провала ее отец и мать будут расстреляны как соучастники, Надя якобы порвала с ними и поселилась отдельно, в комнате на втором этаже дома № 25а по улице Герцена.

Эта комната впоследствии сыграла памятную роль в истории 25 комсомольцев-подпольщиков. Здесь Надя регулярно встречалась со своими товарищами и получала от них самые необходимые разведданные, которые по одной ей известным каналам попадали затем в осажденный Ленинград. К сожалению, более точными фактами об этой стороне деятельности Нади Федоровой мы сейчас не располагаем.

Однако кое-какой свет именно на это обстоятельство проливает трофейный документ. Начальник службы СД в Красногвардейске доносит начальству: «Некая Надежда Федорова — 24.9.21, работавшая последнее время в комендатуре немецких летчиков, имела постоянную связь с Ленинградом... Несмотря на длительные допросы, очные ставки и перекрестные допросы, она настойчиво молчала...»

Далее в документе сообщаются мотивы того, почему именно Надя Федорова возбудила такой обостренный интерес к себе со стороны контрразведывательных органов противника.

Оказывается, во время обыска в ее комнате гитлеровские ищейки обнаружили фотокарточку одного из тайных агентов СД. Более того, из трофейных документов отчетливо явствует, что у фашистской контрразведки были и другие сведения о Федоровой. В частности, в одном из них сообщалось: «...большое количество записей военного характера было передано Надей в Ленинград через двух ее подруг».

Кто они, эти две подруги? К сожалению, мы ничего о них пока не знаем...

«Она настойчиво молчала...» Нетрудно догадаться, что стоит за этой строчкой фашистского палача в черном мундире.

Мы уже говорили о том, в каких необыкновенно трудных условиях приходилось работать советским патриотам в оккупированном Красногвардейске. И тем не менее разведуправление Ленинградского фронта даже в самый напряженный момент осени 1941 года получало отсюда разведданные, порой особой важности.

Многие читали, по-видимому, мемуары Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления». В своих воспоминаниях Г. К. Жуков пишет, что, собираясь выехать по приказу Ставки Верховного Главнокомандующего из осажденного Ленинграда, он доложил 6 октября 1941 года по прямому проводу в Москву, что противник переходит к обороне и даже начал отвод из-под города на Неве большого количества мотомеханизированных и танковых колонн. Маршал предположил, что их перебрасывают на московское направление.

Нет необходимости говорить о том, какое огромное значение для судьбы нашей Родины имело такое предположение. Ошибка здесь была, как говорят, смерти подобна. Значит, были у Маршала какие-то веские доводы, факты и доказательства. Одним из таких доводов, несомненно, были данные нашей авиационной разведки. Однако есть и другие.

Начальник Инженерного управления Ленинградского фронта генерал-лейтенант Б. В. Бычевский в своей книге «Город-фронт» (М., Воениздат, 1963, с. 105) так пишет о событиях тех октябрьских дней:

«Посидел с час над картой, нанес зоны работы частей и объекты. Потом решил пойти к начальнику разведотдела П. П. Евстигнееву. Кто-кто, а он-то должен знать, чего можно ждать в ближайшие дни от противника.

Петр Петрович сверял донесения из войск с протоколами опроса пленных и данными агентурной разведки. Его лицо и спокойный голос, как обычно, не выражали и тени тревоги. Рассказал ему о директиве, но он, как говорят, и ухом не повел.

— Что все-таки дальше, Петр Петрович? Выдохнут-ся ли немцы?

Евстигнеев молчит, глядя на ворох карт на столе. Потом поднимает глаза:

— Третьего дня получил донесение от одной разведчицы из-под Пскова. Много мотопехоты идет от Ленинграда на Псков. А там она сворачивает на Порхов — Дно.

— Перегруппировка, что ли?

— Возможно, возможно, — задумчиво говорит Евстигнеев. — Вчера подтверждение к тому донесению получили.

Он роется в бумагах, вытаскивает одну, читает. Меня раздражает нетерпение. За своим столом Петр Петрович похож на ученого, неторопливо изучающего древние рукописи, хотя совсем близко ползают скорпионы и фаланги. Я знаю: торопить его в такой момент бесполезно — и терпеливо жду, что он скажет дальше.

— Командующему доложил, что все это очень похоже на переброску войск от Ленинграда, — роняет наконец Евстигнеев.

— Из Красногвардейска партизаны тоже доносят, будто немцы грузят танки на платформы.

— Так это же хорошо! — не утерпел я...»

Не беремся категорично утверждать, что именно от Нади Федоровой были получены нашим разведуправлением такие важные сведения. Но и отрицать такое предположение тоже нельзя...

Однако вернемся вновь к трофейным документам.

В другом из них следователь штурмшарфюрер СС сообщает, что Надю Федорову допрашивали трижды. Между допросами к ней в камеру подсаживали женщин-provokаторов. Все тщетно!

Во время первого допроса следователь пишет, что

пытался заставить Надю рассказать об организаторе группы советских военнопленных Александре Дрынкиной.

Надя отвечает: (цитируем документ): «С Шурой не имела ничего общего, и потому не могу говорить о ее делах...»

На вопрос о связях с Ленинградом она заявляет: «У меня нет связи с Ленинградом, никакого задания оттуда я не получала и сообщений туда не передавала».

А вот и заключительные показания истерзанной пытками Нади Федоровой: «То, что требуют от меня сказать, я не скажу. Если даже станете убивать меня, я все равно буду все отрицать».

И наконец, самое последнее: «Никаких показаний давать не буду».

Теперь приведем показания советских военнопленных, работавших на хлебозаводе. Связь с ними поддерживали Александра Дрынкина, Екатерина Шилова и Валентина Дмитриева.

«Евгений Крушельницкий,— записывает в протоколе допроса Мюллер,— военнопленный, говорит: «Да, девушки время от времени приходили к нам. Я с ними танцевал, играл на гитаре. О планах побега ничего не знаю».

Примечание: Это неправдоподобно. Он был посвящен во все планы, но не хочет никого выдавать.

Василий Раевский, военнопленный, дает такое же ложное показание, как и Крушельницкий. Он тоже пытается уверить, что с девушками только танцевал и ни о каких планах побега не слышал. Вообще на все заданные на допросе вопросы Раевский заявил, что он ничего не знает.

Григорий Горбачев, военнопленный. Дает такие же показания, как и его предшественники. Верить ему нельзя.

Александр Гололобов, военнопленный, также все отрицает.

Анатолий Баринов, военнопленный, говорит то же, что и допрошенные ранее.

Показания военнопленных неправдоподобны, хотя и одинаковы. Очевидно, военнопленные договорились между собой в камере «Дулага-154», где сидели одну ночь из-за отсутствия у нас свободных помещений».

Военнопленный Иван Максимков на все вопросы следователя заявил следующее: «Да, я хотел уйти в лес

для того, чтобы перейти на сторону красных. Я знал, что меня сразу же призовут в Красную Армию, я этого хотел...»

...На требования следователя назвать имена сообщников Максимков ответил: «Я ведь получу пулю в лоб. Зачем же мне впутывать в это дело еще и других?»

Их расстреляли 30 июня 1942 года у каменной стены парка Сильвия. Они опоздали с уходом в партизаны всего на два дня. Когда уже были собраны оружие и боеприпасы, продовольствие и медикаменты.

Выдала комсомольцев-подпольщиков та самая Вера, о которой сообщал своему начальству гестаповец в полковничьей форме.

Почти четверть века шли по следу предательницы наши чекисты и в конце концов поймали ее.

В декабре 1967 года в Гатчинском Доме культуры начался открытый судебный процесс по делу предательницы, который всколыхнул весь город. На вечернем заседании судебной коллегии Ленинградского областного суда 18 декабря 1967 года был оглашен приговор, по которому она была приговорена к высшей мере наказания — расстрелу.

У фигуры коленопреклоненной девушки из бронзы всегда цветы. Сюда, к могиле 25 комсомольцев-подпольщиков в парке Сильвия, всегда идут люди, чтобы отдать дань уважения и восхищения тем, кто не склонил своей головы перед врагом, навсегда остался верен Родине...

Наиболее многочисленной и организованной была в городе подпольная группа, руководимая Николаем Васильевичем Разумихиным. В ее составе насчитывалось свыше ста человек. Большая часть группы (в том числе и ее руководитель) была схвачена и расстреляна фашистами в декабре 1943 года. Буквально за три недели до освобождения города.

В последние годы была проведена большая работа по установлению всех подробностей и фактов деятельности подпольных антифашистских групп в оккупированном Красногвардейске. Более десяти лет своей жизни отдали этому кропотливому и трудному делу Г. А. Ярошенко и другие товарищи. Они лично встречались и беседовали почти со всеми оставшимися в живых

участниками антифашистского сопротивления, изучили тысячи трофейных документов. Результаты этой работы были опубликованы 10 апреля 1965 года в «Ленинградской правде», затем в газете «Правда». В этих статьях рассказывалось о том, как в оккупированном Красногвардейске, так же как и в ряде других захваченных врагом городов, жили и боролись с ненавистным врагом советские люди.

Ряд материалов об этой борьбе, написанных гатчинским журналистом А. С. Арьевым, был опубликован на страницах «Гатчинской правды». Некоторые из них частично использованы в этом очерке.

Однако вернемся к группе Н. В. Разумихина. Николай Васильевич до войны работал теплотехником в военно-строительной организации, носившей название «Мехадор». Он имел брönю и не подлежал призыву во время войны в армию. Однако, когда враг подошел к стенам города, советский патриот подал заявление с просьбой зачислить его в партизанский отряд.

Партизанский отряд, куда понал Разумихин, был переброшен в район деревни Ящера. Не имеющие боевого опыта партизаны сразу же потерпели неудачу. Гитлеровцам удалось схватить и уничтожить командира отряда коммуниста Ситцева, комиссара Пиногорова и многих рядовых бойцов.

Н. В. Разумихину, бывшему начальнику ОТК «Мехадора» П. П. Явдосюку и бывшему работнику торфопредприятия «Гатчинское» С. К. Шапошникову удалось поодиночке уйти от погони и после долгих мытарств устроиться на жительство в Красногвардейске.

Вот как о событиях той суровой поры рассказывает сам Явдосюк, проживающий ныне в Гатчине. После войны он долгие годы работал в Гатчине, сейчас — на заслуженном отдыхе. Петр Павлович Явдосюк — член КПСС, награжден орденом Отечественной войны II степени.

«Я расстался с Красногвардейском всего два месяца тому назад. А когда вновь вернулся сюда — не узнал города. Он словно пригнулся к земле и стал каким-то черно-землистым, словно раздавленный чьей-то огромной ногой. Пустые глазницы окон с резкими бельмами фанеры вместо стекол, грязные, давно не метенные улицы вызывали щемящее чувство пустоты и тревоги в груди.

Особенно резали глаза совершенно неуместные в этом исконно русском городе нелепые таблички с над-

писями на немецком языке — «Кирхенштрассе», «Берлинерштрассе» и т. п. Все заборы были сплошь увешаны плакатами и объявлениями военного командования на русском и немецком языках. И почти каждое такое объявление и плакат заканчивались стереотипной фразой: «За неисполнение — смертная казнь».

В переулке у здания бывшей милиции осенний ветер раскачивал тела повешенных. Таблички на груди казненных говорили, что это партизаны. По грязным тротуарам, с опаской оглядываясь по сторонам, торопливо спешили редкие прохожие.

Два чувства царили в моей душе, — вспоминает Петр Павлович. — Первое из них — глубокая боль за то, что сотворили гитлеровцы с моим прекрасным городом, и второе — неумное желание немедленно мстить фашистам за позор и надругательство...

Через несколько дней после прибытия Явдосюка в город к нему на квартиру зашла незнакомая девушка, назвавшаяся Дусей. В записке, которую она передала, было написано: «Приходи сегодня на улицу Радищева, в дом № 1. Николай».

«Эта записка буквально всколыхнула меня, влила новые силы, — вспоминает Явдосюк. — Я сразу же узнал руку Николая Васильевича Разумихина, с которым мы дружили много лет.

Все знавшие Николая уважали его за честность, трудолюбие, большой жизненный опыт, умение ладить с людьми. В свое время он был председателем сельсовета в Осташковском уезде Тверской области и председателем колхоза в родной деревне Залучье, который сам же в 1930 году организовывал вместе с братом Иваном. Во время войны с белофиннами Разумихин служил на боевом корабле Балтийского флота».

Здесь, в доме № 1 на улице Радищева, и состоялась первая организационная встреча гатчинских партизан-подпольщиков. Кроме Разумихина, Явдосюка, Шапошникова на ней присутствовал Василий Павлович Блинов, до войны работавший в гатчинской конторе «Молокосоюза». Все они хорошо знали друг друга.

Разговор сразу зашел о задачах оставшихся в живых бойцов партизанского отряда в условиях оккупированного фашистами города.

— Партия оставила нас в тылу врага для борьбы. Будем продолжать ее.

В тот же день было принято решение создать в городе антифашистскую группу сопротивления, спло-

-тить вокруг нее тех, кто был готов вступить в смертельную схватку с оккупантами.

Через несколько дней мы собрались снова. По предложению Разумихина было решено дать антифашистской группе наименование «За Родину!». Руководителем ее стал Разумихин.

Поскольку гитлеровцы беспощадно расправлялись с теми жителями города, у которых в паспортах не было специальных отметок городской комендатуры о месте работы, мы решили зарегистрироваться на бирже труда. Бскоре меня и Сергея Кузьмича Шапошникова направили оттуда слесарями в ремонтные мастерские, созданные оккупантами на базе МТС в Больших Колпанах. Разумихин таким же путем стал водопроводчиком при городской управе. Там он вовлек в подпольную группу комсомольца Игоря Рыбакова — переводчика комендатуры.

С этого времени комната Разумихина стала своеобразной штаб-квартирой местных патриотов. Обычно подпольщики собирались здесь раз в неделю по субботам. Расставив на столе кружки с морковным чаем и разложив колоду карт (на случай внезапного обхода военной жандармерии или местных полицаяв), они решали в этом месте все насущные проблемы.

Когда Николаю Васильевичу требовалось срочно встретиться со мной, он прибегал к помощи Дуси, дочери Филиппа Денисовича Белоконева, своего соседа по квартире. Той самой Дуси, которая принесла мне тогда ту памятную записку.

Белоконев и все члены его семьи сочувствовали подпольщикам и охотно выполняли наши поручения.

Сам Филипп Денисович в часы, когда у Разумихина проводились совещания, выходил на улицу и, делая вид, будто усердно подметает тротуар или просто отдыхает на скамейке, внимательно наблюдал, не появятся ли полицаи или фельджандармерия. Сам он работал кочегаром в котельной гестапо на Красноармейском проспекте и не раз передавал подпольщикам ценные сведения.

«С первых дней своего существования, — рассказывает Явдосюк, — наша подпольная группа решила всеми доступными ей средствами рассказать гатчинцам правду о положении дел на фронтах, для того чтобы хоть в какой-то степени нейтрализовать действия, которые оказывала на жителей города насквозь лживая гитлеровская пропаганда.

Мы отлично знали, что нам грозит за распространение или даже просто хранение советских довоенных газет или тех, которые сбрасывались над оккупированными территориями.

Однажды нам стало известно, что в лесу за торфопредприятием «Гатчинское» советские самолеты сбросили какие-то листовки или газеты. С огромным трудом Разумихин, Шапошников и я пробрались в лес (по пути нам нужно было очень осторожно обойти строго охраняемый часовыми штрафной концлагерь, расположенный на территории бывшего торфопредприятия). И какова же была наша радость, когда после нескольких часов лазанья по заснеженному лесу в наши руки попал номер «Правды»!

Да-да, самой настоящей «Правды», да еще с информационным сообщением о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. От радости мы плясали и целовали друг друга...

Всего в тот раз нами было собрано около 70 экземпляров газеты. Это был специальный выпуск, издававшийся для населения территорий, временно оккупированных врагом. Часть номеров мы расклеили на улицах. Остальные были розданы населению. Среди них оказался и один экземпляр с характерной отметкой — масляными пятнами. Дело в том, что в рабочий ящик, в котором Разумихин переносил газеты, была им случайно положена плохо закупоренная бутылочка с растительным маслом. При переноске масло разлилось, и немного пострадал один из номеров газеты.

Представьте себе наше ликование, когда через несколько дней знакомый Разумихина под строжайшим секретом дал ему почитать тот самый номер «Правды». Судя по состоянию газеты, она уже побывала в сотнях рук.

С тех пор номера советских газет и листовок часто появлялись на стенах домов и заборах города.

Расклейкой листовок с сообщениями Советского Информбюро на улице Карла Маркса нередко занимался сам Разумихин. Как водопроводчик городской управы, он имел ночной пропуск и, пользуясь темнотой, умело избегал нежелательных встреч с военными патрулями и полицией.

Подпольщики, кроме того, распространяли листовки и газеты среди рабочих ремонтных мастерских, служащих городской управы, военнопленных...

Однако наиболее действенной формой борьбы с оккупантами был саботаж.

Мы всячески тормозили ремонт гитлеровской техники, которая поступала в мастерские. Фашисты кричали: «Вы, русские, не умеете работать, вы технически неграмотные люди!» В ответ рабочие сокрушенно качали головами и продолжали волынить.

Однажды в мастерские пригнали четыре гусеничных трактора. Приказали срочно отремонтировать. Тракторы были нужны для переброски батареи дальнобойных пушек на позиции для обстрела Ленинграда.

— Не дожидаться вам, фрицы, своих тракторов, — решили слесари и, разобрав машины, безнадежно испортили дефицитнейшие детали, которые нельзя было достать.

— Ничего не можем сделать, — сказали потом рабочие начальнику мастерской, — давайте запасные части.

Долго стояли разобранные тягачи. Наконец командование приказало из всех четырех машин собрать хотя бы один трактор. Сборку этого тягача мы затягивали, как только могли, и закончили лишь тогда, когда почувствовали, что дальнейшая оттяжка сможет вызвать подозрение.

Но вряд ли фашистские трактористы обрадовались отремонтированной машине. Двигатель был собран с таким расчетом, чтобы вкладыши коленчатого вала расплавились через несколько часов работы.

В 1942 году мастерские были переведены на Советскую улицу, в цехи бывшей артели «Юпитер». Объем работы здесь сразу увеличился и появились новые рабочие. Среди них были чертежник Ефим Ефимович Костенко и инженер с Ижорского завода Анастасия Семеновна Евтушенко, которые вскоре приняли деятельное участие в работе группы сопротивления. В том же 1942 году к подпольщикам примкнул заместитель управляющего гатчинским лесхозом Григорий Трофимович Гаврюшин.

Когда группа «За Родину!» пополнилась людьми, было решено приступить к вооруженной борьбе с оккупантами. Требовалось оружие. Поиски начались немедленно. За торфопредприятием, где летом и осенью 1941 года проходила линия нашей обороны, можно было разыскать винтовки и ручные пулеметы».

Один из участников антифашистской группы Евгений Сергесвич Татаринцов в своих воспоминаниях рассказывает, что однажды, это было в 1942 году, Николай Ва-

сильевич Разумихин предложил ему отправиться за город, захватив с собой лопаты.

«В пустынном, защищенном от посторонних взглядов кустарнике мы стали рыть землю. Здесь, как объяснил Разумихин, находился ров, в котором были зарыты вместе с оружием тела погибших красноармейцев. Мы действительно обнаружили останки бойцов и оружие. Я откопал и передал Разумихину более 20 винтовок».

Позднее подпольщики еще не раз наведывались в эти места. Найденные винтовки тщательно очищались от земли и ржавчины, густо смазывались, заворачивались в пропитанные маслом тряпки и прятались в тайник, вырытый в лесу в полутора километрах от деревни Замостье.

Вторым источником пополнения оружия и боеприпасов стали огромные немецкие склады в Орловой роще. Инициатором этой дерзкой акции стал Г. Г. Гаврюшин, которому, как заместителю управляющего лесхозом, подчинялась группа лесников.

После тщательного знакомства с «кадрами» лесхоза он вызвал на откровенный разговор лесника Петра Семеновича Федосеева и его сослуживцев.

— Я убедился, что вы честные советские люди, — сказал как-то Гаврюшин лесникам. — А если так, то вы должны помочь мне достать оружие и боеприпасы.

И когда лесники дали согласие работать на подпольщиков, был составлен подробный и детально разработанный план операции.

Основывался этот план на том, что фашистская охрана, сосредоточившая главные усилия на том, чтобы в рощу не проникали посторонние люди, будет, конечно, обращать гораздо меньшее внимание на лесников, имеющих специальные пропуска и к тому же живущих в самом центре охраняемой зоны. Кроме того, у них были коровы, они часто ездили в город на базар для того, чтобы обменивать молоко на хлеб и другие продукты.

Как оказалось, молочные бидоны были отличными контейнерами для перевозки в город патронов и гранат, похищаемых отважными людьми из немецких складов.

Всего было похищено около тысячи гранат и несколько десятков тысяч патронов. Временным складом для боеприпасов стал сарай дома № 20 по улице Солодухина.

Зимой на санях с картофелем лесники привезли в

город из леса несколько винтовок и ручной пулемет системы «Дегтярев-пехотный».

Кроме оружия и боеприпасов нужно было и продовольствие. Николаю Васильевичу Разумихину удалось привлечь к подпольной работе Анну Ивановну Панкратову и Николая Васильевича Мельника, работавших на продфуражных складах фашистского гарнизона.

«По заданию Разумихина,— рассказывает Анна Ивановна,— я систематически похищала различные продукты и передавала их Мельнику. Тот, в свою очередь, переправлял их Разумихину. Затем оружие, боеприпасы и продовольствие передавались в руки военнопленных и партизан».

Только в 1943 году из оккупированного фашистами Красногвардейска ушли к партизанам три группы военнопленных общим количеством более ста человек. Третьей группе не повезло. Пробираясь через лес, она наскокила на засаду гитлеровцев и вынуждена была принять неравный бой. Среди патриотов были убитые и раненые. Один из членов этой группы был взят гитлеровцами в плен и стал на них работать. Именно это обстоятельство сыграло впоследствии роковую роль для подпольщиков.

Из презрения к этому человеку мы не называем его имени и фамилии, хотя они известны.

Вернувшись в город, предатель сообщил подпольщикам о том, что ему якобы не удалось прорваться к партизанам. По заданию гитлеровцев он выяснил фамилии некоторых руководителей подпольной группы. Все они, и в том числе Николай Васильевич Разумихин, были казнены фашистами...

Лично руководил операцией по захвату отважных гатчинских патриотов заместитель начальника отдела 1-Ц по контрразведке при штабе 18-й немецкой армии зондерфюрер Мейснер. Имя этого военного преступника было упомянуто на судебном процессе в трибунале Ленинградского военного округа в 1970 году.

«...20 патриотов, захваченных в новогоднюю ночь, были привезены на станцию Сиверская. Допросы вел Мейснер. Он потом жаловался, что, несмотря на все старания, ему не удалось расшифровать дневник руководителя гатчинского подпольного комитета. Фашистский контрразведчик рвал и метал: «Бандит шифр не открывает, а сами мы его пока не расшифровали». Уча-

стники подполья были расстреляны. За ликвидацию гатчинского подпольного комитета Мейснер был награжден серебряной медалью с мечами»¹.

Совершенно случайно спасся Петр Павлович Явдосюк. Как-то летом 1943 года его товарищам удалось подслушать разговор надсмотрщика ремонтной мастерской Дубельмана с немецкими солдатами из охраны о том, что Явдосюка должны сегодня арестовать за агитационную работу среди рабочих...

— Товарищи предупредили меня об этом в самый последний момент,— вспоминает Петр Павлович. — Я уже было подходил к проходной мастерских. Пришлось немедленно повернуть обратно. Шестого июня 1943 года я вместе с двумя военнопленными бежал из Красногвардейска. Возле деревни Замостье мы взяли из тайника винтовки и топографическую карту, которую специально на такой случай похитил у фашистов переводчик комендатуры Игорь Рыбаков.

Сохранился рассказ участницы подпольного движения в Красногвардейске инженера Анастасии Семеновны Евтушенко о том, как местные патриоты передавали партизанам продовольствие и боеприпасы.

«Осенью 1943 года Николай Васильевич Разумихин поручил мне доставить в лес партию продуктов. В пропуске, которым меня снабдили, указывалось, что мне, жительнице города, разрешается посетить своих знакомых в деревне Жабино.

Разумихин сказал, что в 12 часов дня около платформы Татьянино меня будет ждать возчик с подводой, запряженной белой лошастью. «Вы его узнаете еще и потому,— сказал Разумихин,— что он в это время будет поддерживать лошадь. Подойдя к возчику, спросите: «Скажите, пожалуйста, где дорога в деревню Большая Загвоздка?» Возчик должен ответить условной фразой: „Садитесь, поедем вместе“».

Все произошло точно так, как говорил Николай Васильевич. На подводе были мешки с хлебом и сухарями. В одном из мешков были спрятаны патроны. Ни моя внешность, ни мой пропуск не вызвали никаких подозрений у солдат контрольного поста, и мы благополучно выехали из города. Недалеко от деревни Жабино подвода свернула в лес, и там в укромном месте у небольшого ручейка мы сложили мешки прямо на траву,

¹ Николаев Н. Карьера доктора Мейснера. — Звезда, 1971, № 11, с. 154.

замаскировав их ветками и сушняком. Как я потом узнала, возчиком был один из наших товарищей — Николай Карпов».

Одной из последних крупных акций подпольной группы, руководимой Николаем Васильевичем Разумихиным, было бегство из города 75 военнопленных грузин. Непосредственно руководил этой операцией Василий Павлович Блинов.

Осенью 1943 года военнопленные на нескольких немецких автомашинах выехали из города якобы для полевых работ. Игорю Рыбакову для этого случая удалось изготовить специальные пропуска.

Операция была подготовлена очень тщательно, но тем не менее гитлеровцы всполошились и известили о бегстве военнопленных свои гарнизоны. Советских бойцов возле деревни Ящера встретили каратели. Завязался ожесточенный бой. С обеих сторон были убитые и раненые.

Несмотря на большое численное превосходство противника, группе советских бойцов удалось вырваться из окружения и влиться в состав 12-й партизанской бригады, которой командовал Александр Адольфович Ингиен.

Партизанский командир хорошо запомнил этот эпизод...

К этому времени на счету подпольщиков уже были сотни листовок, расклеенных на улицах города, сбор оружия и боеприпасов, акты саботажей в механических мастерских и на городской водокачке, подающей воду в различные тыловые организации немецкой армии, снабжение гражданской одеждой и фиктивными документами советских военнопленных, бежавших из гитлеровских лагерей смерти.

Как мы уже говорили, всего в подпольной группе, руководимой Николаем Васильевичем Разумихиным, и других группах насчитывалось свыше ста человек. В живых, как мы уже говорили, осталось менее половины...

Свой посильный вклад в борьбу с общим врагом внесли красногвардейские врачи-подпольщики, которые немало сделали для спасения жизней советских людей.

Особенно тяжелым было положение советских военнопленных.

Об условиях, в которых содержались военнопленные, сообщают документы комиссии по расследованию зверств гитлеровцев в оккупированной Гатчине. С целью

массового истребления раненых военнопленных лагерная администрация практиковала отправку раненых, которые могли самостоятельно передвигаться, в тыл «для дальнейшего лечения». Группы раненых в 100—200 человек под охраной конвоиров совершали пешие переходы из одного лагеря в другой и через некоторое время возвращались обратно окончательно истощенные и вскоре погибали. За малейшие нарушения установленных правил военнопленные подвергались зверским пыткам и казням. Расстрелы следовали за расстрелами. Ежедневно из ворот лагерей выезжали автомашины, доверху нагруженные страшным грузом — телами погибших бойцов Красной Армии.

Зимой 1942 года в результате истощения военнопленных и антисанитарных условий, в которых они находились, в лагерях вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Смертность от этой болезни составляла, по данным очевидцев, только по лагерю «Дулаг-154» сто сорок — сто семьдесят человек в день.

Для того чтобы остановить эпидемию, немецкое командование стало уничтожать больных. Начались массовые расстрелы. Одновременно ряд барачных больниц фашисты предали огню. Так, 24 ноября 1941 года в лагере на территории граммофонной фабрики был сожжен барачный блок, где находились 170 больных военнопленных. Очевидцы этого злодеяния Вера и Мария Бордюковы рассказывают, что пленных, которые пытались выскочить из пылающего здания, фашистские солдаты расстреливали из автоматов. Только в лагере «Дулаг-154» по приказу начальника штаба майора Малинеуса и его подчиненных — начальника 3-го отделения капитана Краммера, следователя того же отделения лейтенанта Багхорна и других было повешено 200 военнопленных, расстреляно 650, сожжено 1500. В этом же лагере умерло от истощения и пыток 17 210 человек.

В лагере, находящемся в артиллерийских казармах, погибло от голода и расстреляно 1300 пленных и т. д.

Осенью 1941 года, опасаясь возникновения массовых эпидемий среди местного населения города, гитлеровское командование разрешило открыть гражданскую больницу. В ней могли лечиться только те лица, которые имеют специальные отметки в паспортах, сделанные военной комендатурой. Однако работающие в гражданской городской больнице советские врачи (больница размещалась в домах № 26—28 по улице Карла Маркса, а ее инфекционное отделение — за городом, в рай-

оне Орловой рощи) стали делать все, что было в их возможностях, чтобы в обход этого указания властей облегчить судьбы военнопленных и жителей города. И видимо, не только военнопленных и жителей.

Есть многочисленные свидетельства, например, о спасении врачами десятков раненых и больных партизан, которых местное население окрестных деревень под видом своих родственников привозило в город. Однажды в больницу были доставлены два тяжелораненых советских парашютиста, которые были заброшены нашим командованием в тыл врага для подрыва железнодорожного моста через речку Ижору. Так как содержать их в городской больнице было крайне опасно, патриоты отправили их в инфекционное отделение, куда фашисты боялись нас сунуть из-за страха заразиться. Здесь бойцов вылечила и поставила на ноги врач инфекционного отделения Зоя Константиновна Сурьянинова. Затем оба парашютиста благополучно перешли линию фронта и вновь стали бойцами Красной Армии.

Десятки советских женщин и юношей спасла от угон в фашистскую неволю хирург городской больницы Анна Михайловна Дашенко.

Очень нелегкая судьба выпала на долю этой замечательной женщины. Капитан медицинской службы, хирург 20-го отдельного санитарного батальона 177-й стрелковой дивизии Анна Михайловна Дашенко оказалась в тылу гитлеровской армии под Лугой с большой группой раненых бойцов и командиров этого соединения.

Распределив наиболее тяжелых раненых среди местного населения, она попыталась пробиться с остальными к нашим частям. Много дней и ночей пробивался малочисленный отряд под ее командованием на север, к Ленинграду. Под городом Пушкином все оставшиеся в живых командиры и бойцы при переходе линии фронта попали в фашистскую неволю. В том числе и она.

Так капитан медицинской службы Дашенко оказалась в концентрационном лагере в Красногвардейске. Лагерь был расположен в «красных казармах» и предназначался только для командного состава Красной Армии. Условия содержания военнопленных здесь были ужасными.

Автору этих строк приходилось неоднократно встречаться и беседовать с Анной Михайловной. Ее находчивости, стойкости и мужеству можно только позавидовать.

Для того чтобы вырваться из концлагеря, Дашенко успешно сделала сложную операцию одному гитлеровцу. Слух о небывалом таланте ее как хирурга быстро распространился не только в концлагере, но и в городе. Как рассказывала сама Анна Михайловна, во время нахождения в лагере, располагая лишь простыми ножницами, перочинным ножом, пилой-ножовкой и бутылкой кристаллического марганца, она сделала сотни операций нашим военнопленным.

За оказание помощи офицеру германской армии Дашенко была выпущена из концлагеря и после регистрации на местной бирже труда стала работать «на воле».

«Однажды,—рассказала Анна Михайловна,—ко мне в больницу пришел взволнованный юноша.

— Доктор, меня угоняют в Германию,—охрипшим голосом произнес он.—Я не хочу, не могу туда ехать. Если вы не поможете мне — покончу с собой.

„Ну вот,—сначала подумала я,—теперь еще и провокатора ко мне подослали...“

Однако весь облик юноши, его лихорадочно блестящие глаза и отчаяние, с которым он говорил со мной, свидетельствовали об искренности.

— Чем же я могу помочь вам, молодой человек? — спросила я.

— Сделайте какую-нибудь операцию, доктор. Ну, пальцы на руках отрежьте. Все равно в Германию не поеду...

— Сестра, готовьте больного к операции,—немного подумав, сказала я.—Будем удалять аппендикс...

Когда операция уже была сделана и я зашивала рану, дверь в операционную открылась и вошел военный врач гитлеровец. Я похолодела.

— Что у больного? — спросил он по-немецки.

— Гнойный аппендицит,—кое-как по-немецки объяснила я.

Врач-офицер сдернул со стеклянной пластинки марлю и внимательно рассмотрел отросток. (Буквально полчаса тому назад я сделала операцию одной женщине и на всякий случай не выбросила его.)

— Все в порядке, фрау, продолжайте свое дело,—процедил офицер и шагнул из операционной в коридор, где его ожидали два вооруженных автоматами солдата из полевой жандармерии.

„Слава богу, пронесло!“ — устало подумала я и опустилась без сил на табуретку.

Наверное, из-за этого страшного случая я на всю жизнь запомнила фамилию юноши — Корсак».

Здесь мы прервем воспоминания Анны Михайловны Дашенко, чтобы рассказать о следующем.

В местной газете в 1965 году были опубликованы материалы о деятельности врачей-патриотов в оккупированном городе. И вот буквально через несколько дней в редакцию пришло письмо от бывшего пациента Дашенко — Евгения Корсака, о судьбе которого она не знала более 20 лет. Вот текст этого письма:

«В редакцию газеты „Гатчинская правда“

Недавно я прочел в газете „Гатчинская правда“ статью под названием „Герои в белых халатах“ и счел своим долгом написать вам.

Я один из тех, кого советский хирург Анна Михайловна Дашенко спасла от гитлеровских концентрационных лагерей. Меня зовут Евгений Николаевич Корсак. В июне 1943 года гитлеровцы в спешном порядке стали вывозить в Германию трудоспособную молодежь, проживающую на захваченных фашистскими войсками территориях Советского Союза. Эта горькая участь ожидала и меня.

Получив повестку с приказом явиться на сборный пункт, я решил пойти на любую крайность, лишь бы не оказаться в лапах фашистов. Я опасался не только каторжных работ, но и того, что гитлеровцы могли заставить меня воевать против моей Родины.

И вот я у хирурга Дашенко. Зная, что Анна Михайловна истинный советский врач, я был уверен, что она поймет побуждения, которые заставили меня обратиться к ней с необычной просьбой.

Лежа в больнице после операции (хирург Дашенко удалила аппендикс), я узнал, что Анна Михайловна спасла от фашистского рабства не только меня.

После войны я окончил железнодорожный техникум, строил на Севере железные дороги, сейчас работаю на Ленинградском метрополитене имени В. И. Ленина.

Я — член Коммунистической партии Советского Союза.

Всем, чем я стал, я обязан Анне Михайловне, ибо благодаря ее подвигу мне удалось избежать страшной участи узника гитлеровских концлагерей и остаться живым. У меня двое детей. Я сохраняю статью о моей спасительнице Анне Михайловне Дашенко, когда дети под-

растут, прочту ее им, чтобы они знали, как поступают советские люди в тяжелые для Родины дни.

Е. Корсак,

старший дорожный мастер станции метро „Балтийская“.

По словам той же Анны Михайловны, наиболее успешная работа врачей по спасению советских людей стала возможна лишь тогда, когда их подпольную группу объединил бывший военнопленный военврач III ранга Балтфлота Николай Александрович Поклонов.

Человек с большим жизненным опытом, Поклонов еще до революции служил в царской армии военфельдшером. После 1917 года был арестован за революционную пропаганду среди солдат колчаковской армии и брошен в тюрьму в Чите. Освободившись, Поклонов ушел к партизанам. В Забайкальской партизанской дивизии имени Каратеева он сражался с белогвардейцами до полного их разгрома. В 1932 году он окончил Иркутский медицинский институт, работал врачом и в 1941 году был призван на Балтфлот, служил на острове Хиума, где и попал в плен.

Пройдя ряд концлагерей, Поклонов оказался в Красногвардейске, исполнял обязанности врача в «Дулаге-154». Отсюда с помощью подпольщиков и переводчика военной комендатуры Игоря Рыбакова он был выпущен из-за колючей проволоки и даже стал главврачом гражданской больницы.

«Николай Александрович был немногословен, немного замкнут,—вспоминает Дашенко.—Однако за каждым его поступком, каждым словом чувствовалась огромная сила воли, целеустремленность, знание людей.

Сразу стало легче работать и нам, врачам, и младшему персоналу. Неся ему на подпись тот или иной нужный подпольщикам документ, мы уже были уверены, что все будет в порядке.

Среди персонала городской больницы отличалась бесстрашием и хладнокровием Марианна Васильевна Олейникова.

Жила Марианна Васильевна со своей старушкой матерью в Суйде, в доме № 30 по Вокзальной улице, и каждый день ездила на работу в Красногвардейск. Именно это обстоятельство сослужило нам хорошую службу. Через нее мы передавали партизанам большое количество медикаментов и изготовленных в городе поддельных документов для снабжения ими убежавших советских военнопленных. Очень хорошо было и то, что до-

мик Марианны Васильевны был на краю поселка, рядом с лесом».

Все, о чем здесь рассказывается, единодушно подтверждают также бывший экономист Гатчинского механического завода (ныне «Гатчинсельмаш») Валентина Александровна Макина, жители поселка Суйда (где проживала в то время Олейникова) Александр Степанович Митрофанов и учительница Ольга Степановна Романова, ленинградец Федор Степанович Шатров и другие.

В частности, вот что написал житель Ленинграда Сергей Михайлович Васильев:

«В годы войны я жил в поселке Высоко-Ключевой (ст. Суйда). В один из моих приездов в Гатчину (Красногвардейск) Федор Степанович Шатров, учитель из города Пушкина, познакомил меня со своим бывшим учеником Игорем Рыбаковым, работавшим переводчиком у коменданта Гатчины. Шатров сказал мне, что Рыбаков — истинный советский человек и мы найдем с ним общий язык.

Однажды осенью 1942 года Рыбаков сообщил, что знает людей, готовых бороться против фашистов, и предложил мне принять участие в работе подпольной патриотической группы, предупредив, однако, что я пока не буду знать никого из подпольщиков, кроме него, Рыбакова.

В этой группе имелись подпольные радиоприемники, по которым регулярно принимались сводки Совинформбюро и через надежных людей распространялись среди населения.

В декабре 1942 года Рыбаков сообщил мне, что в его руках была секретная сводка службы СД по району Гатчина — Сиверская, в которой, в частности, указывались фамилии предателей, завербованных фашистами для слежки за местным населением в поселке Высоко-Ключевой.

Рыбаков назвал имена гитлеровских агентов и просил меня предупредить жителей поселка, чтобы они остерегались этих людей. От Игоря я получал советские листовки на русском и на немецком языках. Последние подбрасывались немецким солдатам.

Весной 1943 года Рыбаков назвал мне руководителя гатчинских подпольщиков-патриотов. Это был Николай Васильевич Разумихин. В мае того же года я имел конспиративную встречу с Разумихиным и Рыбаковым. Они предложили мне выполнить роль связного с группой со-

ветских патриотов на станции Суйда. Возглавляла эту группу зубной врач Марианна Васильевна Олейникова.

Деятельность суйдинских патриотов была разнообразна. Они вели агитационную работу среди населения, распространяли листовки с текстами сводок Совинформбюро, выявляли провокаторов.

Дом Олейниковой, стоявший на краю поселка, оказался удобным местом для организации перевалочного пункта для военнопленных, уходивших в партизанские отряды.

Многие беглецы из лагерей находили себе приют у Марианны Васильевны. Здесь их лечили, переодевали, снабжали продовольствием, удостоверениями личности.

Дом Олейниковой был также местом, где подпольщики встречались с представителями партизан. Марианна Васильевна передавала им продукты, одежду, собранную у населения, медикаменты и перевязочные материалы, которые получала от главного врача Гатчинской городской больницы Николая Александровича Поклонова».

Кроме перечисленных нами подпольщиков в городе также действовали антифашистские подпольные группы Федора Ивановича Кирсанова, Михаила Николаевича Гринкина и других.

Отдельно хотелось бы остановиться на Игоре Рыбакове. Как видно из вышесказанного, Рыбаков был организатором ряда подпольных групп.

Игорь родом из Пушкина. Его мать Вера Николаевна с мая 1919 года полковой врач Красной Армии. За ее плечами 3 года боевых действий в составе 6-го стрелкового полка 2-й Петроградской бригады. С 1925 года она работает врачом в Пушкине.

Отец Игоря Алексей Александрович Рыбаков — кадровый командир Красной Армии. Его военная биография началась еще до Великой Октябрьской социалистической революции.

Выпускник физико-математического факультета Петербургского университета Алексей Рыбаков пошел в первую мировую войну на фронт добровольно. В феврале 1916 года при окружении и разгроме армии генерала Самсонова под городом Августовом (Восточная Пруссия) прапорщик 20-го армейского корпуса Алексей Рыбаков попал в немецкий плен и находился там 3 года. За это время он в совершенстве изучил немецкий язык (и много лет спустя обучил ему сына Игоря).

В годы гражданской войны Алексей Рыбаков уже

командир Красной Армии, он кончает Военно-инженерную академию РККА и затем преподает в ней. Воспитанный отцом и матерью в духе высокого советского патриотизма, Игорь пытается пойти по стопам отца, стать командиром Красной Армии. И вдруг страшный удар — медицинская комиссия обнаруживает у него туберкулез...

Осенью 1941 года фашисты арестовывают больного юношу и, принимая его за военнопленного, бросают в концлагерь в Красногвардейске. Что же теперь? Смерть? Бесславная гибель в неполных двадцать лет? Нет, никогда не бывать этому! Он будет бороться с чужеземным захватчиком! Как? Какими методами? Время покажет. А пока... пока он будет «выслуживаться» перед лагерным начальством.

Вскоре гитлеровские чины замечают красивого, старательного и аккуратного юношу. Да он еще и немецким языком владеет свободно. Это очень хорошо. И Игоря назначают на должность переводчика у начальника лагеря. А затем гитлеровцы доверяют ему более высокий и ответственный пост — переводчика при военном коменданте города.

Многое из того, что сумел сделать советский патриот, находясь в самом фашистском логове, известно: сотни наших людей обязаны ему жизнью. Следы деятельности Игоря Рыбакова, советского патриота, мужественного и отважного человека, прослеживаются буквально во всех операциях, совершенных подпольщиками в оккупированном городе. Руководители и участники подпольных групп так или иначе связывают с его именем все свои действия. Ничего лишь не было известно об участии Рыбакова в деятельности 25 комсомольцев-подпольщиков, расстрелянных фашистами 30 июня 1942 года в парке Сильвия.

Был или не был связан с этой группой Игорь?

В какой-то мере, наверное, сможет ответить на этот вопрос следующий любопытный факт.

5 мая 1975 года в «Гатчинской правде» был опубликован фотоснимок, присланный из Москвы полковником-инженером в отставке Г. Ольдерогге. Ольдерогге родом из Гатчины, он автор ряда краеведческих материалов об этом городе. Снимок сделан в 1933 году, на нем среди третьеклассников Детскосельской средней школы — Игорь Рыбаков.

Спустя месяц в редакцию пришло письмо из города Пушкина, в котором одноклассница Игоря Т. И. Федю-

кина рассказала о дальнейшей судьбе многих изображенных на фотографии ребят. Она, в частности, писала, что третья на снимке от учительницы девочка — это Катя Шилова. Та самая Екатерина Шилова, которая была расстреляна гитлеровскими палачами в числе других комсомольцев-подпольщиков.

Как известно, все они погибли, не выдав своих товарищей. Погибла и Катя Шилова, не предав своего одноклассника. Уж кому-кому, а ей-то, по-видимому, хорошо было известно, кто снабжал подпольщиков и военнопленных необходимыми документами. Таким образом, цепь замкнулась. И от этого становится еще более зримой и привлекательной личность Игоря Рыбакова, комсомольца и верного сына нашего народа.

Гатчинцы свято чтут светлую память о тех, кто смело вступил в борьбу с фашистскими захватчиками и сложил свои головы за свободу и независимость советского народа.

Именами подпольщиков названы улицы в Гатчине и населенных пунктах района, многие пионерские дружины.

* * *

Когда очерк о героях гатчинского антифашистского сопротивления был уже подготовлен к печати, ко мне зашел Сергей Георгиевич Сидоров, заместитель председателя Гатчинского городского совета ветеранов партизанского и подпольного движения, и рассказал, что среди документов, находящихся в архиве Ленинградского областного совета партизанского движения, он обнаружил анкету бывшего партизана — подпольщика Б. М. Матвеева.

В этой анкете, заполненной еще в 1972 году, Матвеев сообщал, что начиная с октября 1941 года по июнь 1942 года он систематически выполнял задания Надежды Федоровой.

Работал Борис Маркович тогда на станции Гатчина Балтийская-Товарная слесарем-ремонтником. На эту работу его устроила Надя. Ей же он постоянно докладывал о том, что видел сам и что видели его товарищи.

Сейчас Борис Маркович живет в Ленинграде, работает во ВНИИ телевидения. За бесстрашие и мужество, проявленные им в годы войны, награжден орденом Отечественной войны I степени и медалью «За отвагу».

И вот Б. М. Матвеев в Гатчине.

— Хорошо помню один такой разговор,— говорит Борис Маркович,— который состоялся во второй половине февраля 1942 года. Все железнодорожные пути в это время были забиты эшелонами с войсками противника, их танками, орудиями и самолетами под брезентом на платформах.

Кто-то из моих приятелей железнодорожников сказал, что не сегодня завтра эти эшелоны уйдут в неизвестном направлении.

— Ну что же ты не узнал, когда отправятся эшелоны? — ругала меня Надя.

— Поди сама узнай, если ты такая умная, — не выдержал я. — Спроси прямо у военного коменданта станции. Он тебе враз выложит.

— И узнаю, и спрошу, — рассмеялась неожиданно Надя и, натянув мне на нос кепку, убежала.

А на следующий день станция была буквально разнесена в клочья тяжелыми снарядами наших дальнобойных батарей. Один из снарядов угодил прямо в огромные раскрытые ворота депо и, разорвавшись в середине здания, вывел из строя несколько отремонтированных здесь паровозов...

Слушая взволнованный рассказ Матвеева, Сергей Георгиевич Сидоров неожиданно перебил товарища:

— Борис Маркович, на днях ленинградский писатель-документалист Николай Виссарионович Масолов подарил мне книгу «По ломкому льду», которая только что издана в Москве издательством политической литературы. Есть в этом документальном сборнике и рассказ Н. В. Масолова «Перепелка». Смотрите, вот здесь...

«Поздним февральским вечером 1942 года, — начал читать Б. М. Матвеев, — когда над затемненным Ленинградом металась злая выюга, оперативный дежурный штаба Краснознаменного Балтийского флота доложил командующему:

— Товарищ адмирал, нашими радистами перехвачена странная радиограмма из района Гатчины.

— Почему странная? — поднялся из-за стола Трибуц.

— Давалась открытым текстом. Дважды упомянуто, что передает какая-то «перепелка». А в конце три слова: «Прощайте. Надя с аэродрома».

— А что передала эта «перепелка»?

Оперативный дежурный протянул Смирнову радиogramму:

— Текст неполный, путанный, но точно приняты слова: «На товарной станции необычное скопление воинских эшелонов».

— Говоришь, «перепелка»? Видно, плохо пришлось тебе, полевая пичужка, — голос комфлотом утратил обычную резковатость, — раз открытым текстом постучалась к своим.

— Быть может, провокация? — предположил Смирнов.

— Исключено. В штабе Кюхлера хорошо знают, что наши пушки за сорок километров не бьют. Ну, а воздушное прикрытие Гатчины у них вполне достаточное. — Трибуц на некоторое время задумался, а затем твердо сказал: — Достать станцию нужно. Поставим задачу перед Дмитриевым, авось со своими комдивами что-либо придумает.

Через минуту в телефонной трубке раздалось:

— Слушаю, товарищ командующий.

На проводе был генерал-майор Дмитриев — командир самого мощного артиллерийского соединения флота...

...Фашисты с первых дней оккупации ввели в городе особо жесткий режим для местного населения.

Но ни драконовские меры военной комендатуры, ни высокая степень концентрации войск вокруг Гатчины не обеспечивали оккупантам нужного порядка.

Кто-то поджег казарму артиллеристов, кто-то взорвал цистерну с бензином на аэродроме, кто-то уничтожил ночной патруль вблизи квартиры коменданта... С каждым новым месяцем счет таких происшествий рос.

...Многого из хождения девятнадцатилетней разведчицы «по ломкому льду» мы и сейчас не знаем. А тогда, в феврале 1942 года, благодаря разведанным из ее последней радиogramмы удалось добиться блестящих результатов. 19-я отдельная тяжелая железнодорожная батарея моряков обрушила огонь своих мощных орудий на указанную цель.

Комбат майор Меснянкин пошел на исключительный риск — подогрел полузаряды для увеличения дальности полета снарядов. И они накрыли фашистские эшелоны. Бой велся (мне довелось участвовать в нем) под шквальным обстрелом из пушек и минометов наших позиций. Но моряки не дрогнули и выполнили задачу, поставленную комфлотом. Более недели гитлеровцы не могли наладить движение...»

— В книге, товарищи, — взволнованно продолжил

он, — говорится о деревне Большие Вязищи, что под Порховом. Именно сюда переехали отец и мать Нади из Гатчины. Это произошло зимой 1941—1942 гг. Поздней осенью 1942 года я добрался до этой деревеньки и передал им трагическую весть о гибели Нади. Ее мама не перенесла этой утраты. Она очень любила Надю...

С 15 октября 1942 года по 10 января 1944 года я находился в партизанской бригаде имени Моисеенко. Потом служил в полковой разведке в действующей армии. 10 июня 1944 года был тяжело ранен...

Мы попросили Бориса Марковича рассказать подробнее о всех обстоятельствах его жизни, связанных с первым годом оккупации Гатчины гитлеровцами.

— Ну, во-первых, почему я остался в Гатчине. Дело в том, что мое детство не было, как теперь обычно выражаются, безоблачным. Очень рано умерла мама, и отец женился на другой женщине, которая сразу же за что-то невзлюбила меня. Я ей платил тем же. И вполне понятно, что все это сильно осложнило мое существование. Довольно часто ночевать приходилось на чердаке или у добрых людей. В нашем доме еще жила Мария Прудникова, которая иногда подкармливала меня. Однако чаще всего я бывал в большой и дружной семье Федоровых.

Чего уж теперь скрывать, мне очень нравилась Надя. Однако мне было всего пятнадцать лет, а ей восемнадцать...

Наверное, она, Надя, да еще больной ревматизмом отец, которого я тоже любил, и удерживали меня около дома.

Возвращаясь вечером с работы, я постоянно заходил к Наде и рассказывал о том, что видел и слышал. Очень часто заставал у нее незнакомых мне девушек и парней. Конечно, подсознательно я чувствовал, что Надя занята каким-то очень серьезным и опасным делом. Ну, зачем же ей в конце концов нужны были сведения о передвижении немецких воинских эшелонов?

Осталась для меня загадкой и та настойчивость, с которой Надя посылала меня с приятелями в Зубровский лес. С кем мы должны были встретиться? Какую посылку должны были передать нам, пацанам, неизвестные люди?

Сейчас я думаю, что это могло быть питание для радиостанции или, может быть, новый шифр. Иначе зачем же было нужно ей передавать радиограмму о боль-

шом скоплении воинских эшелонов на Гатчинском железнодорожном узле в открытую? А может, у нее просто не было времени и возможности закодировать свое очередное донесение?

Все это лишь догадки. Ответы на все эти вопросы Надя унесла с собой в могилу...

Хорошо запомнилась мне последняя неделя моего пребывания в Гатчине. В конце июня 1942 года к нам на квартиру прибежала Надя.

— Нужно немедленно уходить из города, — сказала она нам с отцом. — Меняйте на хлеб все, что можно, и ждите моего прихода. Завтра в ночь мы уйдем.

— А что случилось, Надя? — спросил я.

— Плохо, Боря! Очень плохо! За мной следят фашисты!

Я впервые увидел обычно жизнерадостную девушку такой подавленной и встревоженной.

Потом она ушла, и мы ее не видели около недели. А 30 июня 1942 года на заборах и стенах домов появились объявления оккупационных властей, в которых сообщалось о казни Нади Федоровой и ее товарищей...

В ту же ночь мы с отцом бежали из города.

Мы приехали сначала в Лугу, а затем через три месяца мне одному (отец отстал по пути) с огромными трудностями удалось добраться до деревни Большие Вязищи.

С тех пор прошло более сорока лет. Однако память вновь и вновь возвращает меня к тому страшному времени, к моим гатчинским товарищам военных лет, к Наде.

Откуда только взялись силы у этой девятнадцатилетней девушки ходить ежедневно по самому краю пропасти? Какие чувства испытывала она в те минуты, когда открытым текстом выстукивала на ключе своего передатчика слова: «...Мои позывные „перепелка“»?

Она же наверняка знала, что подписывает себе этим смертный приговор...

Мы будем помнить о тебе, Надя, всегда.

Будущие поколения тоже...

РАЗГРОМ

В. М. ГАНКЕВИЧ,

*полковник, доктор исторических наук, профессор,
бывший помощник начальника оперативного отдела
штаба Ленфронта*

КРУШЕНИЕ «СЕВЕРНОГО ВАЛА»

К первым числам января 1944 года войска 2-й ударной армии, снятые с Снявинского участка обороны, полностью и незаметно для врага были передислоцированы через Финский залив на Ораниенбаумский плацдарм. В состав этой армии вошли занимавшие здесь оборону части Приморской оперативной группы. Под командованием генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского войска готовились к переходу в наступление.

Переброска целой армии со средствами усиления через Финский залив в условиях начавшегося ледостава была настоящим подвигом, который совершили героические моряки Краснознаменного Балтийского флота под командованием адмирала В. Ф. Трибуца.

Для того чтобы ввести в заблуждение противника о направлении предстоящего наступления войск с Ораниенбаумского плацдарма на правом его фланге, в районе Копорья демонстрировалось сосредоточение наших войск якобы для нанесения удара в направлении Котлы — Кингисепп. Авиация совершала частые разведывательные налеты на Кингисеппском направлении, велась разведка боем, а советские разведчики распростра-

няли в тылу противника слухи о предстоящем наступлении из района Копорье. Все это помогло дезориентировать командование группы армий «Север», в связи с чем к Копорскому участку Ораниенбаумского плацдарма в начале января были подтянуты танково-гренадерская дивизия СС «Нидерланд» и танково-гренадерская бригада СС противника.

К наступлению от Пулкова готовились и войска 41-й армии. Ее вторые эшелоны скрытно, по ночам, размещались на южных окраинах города, в крупных зданиях, с тем чтобы в дальнейшем без лишних потерь ночью выйти на исходные рубежи для наступления.

Так же как и во 2-й ударной, перед наступлением был назначен новый командующий 42-й армией. Им стал генерал-полковник И. И. Масленников.

11 января 1944 года в Смольном на заседании Военного совета Ленинградского фронта, где присутствовали командующие и начальники штабов армий, были подведены итоги подготовки к операции и командующий фронтом генерал армии Л. А. Говоров назначил срок перехода в наступление 2-й ударной армии и 42-й армии. Было принято также обращение Военного совета фронта к воинам — участникам наступления под Ленинградом, призывающее разгромить врага и избавить город от блокады.

Наступление войск Ленинградского фронта с двух направлений назначалось на разное время: 14 января — 2-й ударной армии с Ораниенбаумского плацдарма, а 15 января — 42-й армии из района Пулковских высот.

Утром 13 января 1944 года из Шуваловского дворца под Ленинградом, где в это время размещался штаб фронта, мне было приказано выехать на командно-наблюдательный пункт 42-й армии, куда перед наступлением должен прибыть с Ораниенбаумского плацдарма командующий фронтом генерал армии Л. А. Говоров.

Был сильный мороз. Едва тронулись, как в моем «виллисе» заглох мотор, который, видимо, плохо еще прогрелся, и завести машину никак не удавалось. Послал водителя в транспортную роту штаба фронта за другим транспортом. Но все машины оказались в разгоне и пришлось пересесть в коляску мотоцикла.

Сержант А. Калинин быстро вел мотоцикл, ловко объезжая на улицах города выбоины от разрывов вражеских снарядов. При въезде на Литейный мост со стороны Военно-медицинской академии он резко затормозил и крикнул: «Ложитесь!» И одновременно метрах

в тридцати от нас на мосту разорвались один, а потом второй снаряды. Другие снаряды разорвались правее и левее моста, подняв в воздух фонтан воды и битого льда.

Один из снарядов попал в вагон трамвая № 9, поднимавшегося на мост. Многие пассажиры, ехавшие после работы в ночную смену с предприятий Выборгской стороны, погибли. Их изувеченные тела взрывной волной были выброшены на проезжую часть. Послышались крики, рыдания женщин, стоны.

Противник как бы предчувствовал свою скорую гибель и вел ожесточенный круглосуточный обстрел разных районов города, особенно часто он обстреливал мосты, соединяющие северную часть города с южной.

После первых разрывов снарядов нужно было быстрее проскочить мост, и А. Калинин дал полный газ. Несколько раз, проезжая по улицам города, мы попадали под разрывы тяжелых снарядов врага. Два раза при обстреле на Литейном и Московском проспектах въезжали даже в подворотни. Пока добрались до Средней Рогатки, прошло немало времени.

Отсюда до самых Пулковских высот, где находился КП командующего 42-й армией, идущее от города шоссе было с боков и сверху закрыто маскировочными сетями. Это делалось в связи с тем, что противник со стороны Финское Койрово и окраин города Пушкина днем просматривал единственное шоссе, идущее от Ленинграда к Пулкову, и открывал прицельный огонь даже при передвижении мелких подразделений или одиночных машин.

Гитлеровское командование продолжало верить в несокрушимость «Северного вала» — мощной оборонительной системы, сооружаемой на подступах к Ленинграду на протяжении двух с лишним лет. Враг имел здесь в обороне около трех тысяч орудий разных калибров и свыше двух тысяч минометов. Только в районе Колколово на огневых позициях противника было сосредоточено около двухсот пятидесяти орудий, в районе Красного Села — более трехсот.

Под командованием генерала армии Л. А. Говорова на Ленинградском фронте к этому времени было тридцать три дивизии, три стрелковые бригады, значительное число артиллерийских, инженерных и других частей. Войска фронта поддерживала при наступлении 13-я воздушная армия, которой командовал генерал С. Д. Рыбальченко, и авиация КБФ. Этим силам проти-

востояли фашистские войска 18-й армии группы «Север», которые по своей численности были примерно равны войскам нашего фронта.

14 января, в девять часов двадцать пять минут утра, командующий фронтом Л. А. Говоров, находившийся к этому времени на командном пункте 2-й ударной армии, отдал приказ открыть огонь.

Земля содрогнулась от сокрушительного артиллерийского удара. Заговорили тяжелые морские орудия фортов крепости Кронштадта. Гул артиллерийского огня доносился и до Пулковской высоты. Почти одновременно открыли огонь артиллерия 42-й армии и корабли флота, стоявшие в замерзшей Неве.

Спустя час пять минут артиллерийская подготовка окончилась, и на Ораниенбаумском плацдарме в небо взвились ракеты — сигнал к наступлению. Взрели моторы танков, искусно замаскированных в непосредственной близости от врага. Завязались ожесточенные бои за опорные пункты — Порожки, Перелесье, Зрякино... Враг отчаянно сопротивлялся, но части 2-й ударной армии успешно продвигались вперед, нанося фланговый удар по войскам 18-й армии противника.

Перелетев через Финский залив на самолете По-2 в морозный туман, генерал армии Л. А. Говоров в тот же день направился на КНП штаба фронта, размещавшийся на южной окраине города, а затем на КНП 42-й армии.

15 января, в девять часов двадцать минут, по его приказу артиллерия вновь открыла ураганный огонь. Над Пулковской высотой, где находился наш командно-наблюдательный пункт, с воем проносились тысячи снарядов разных калибров. Поле боя на всем фронте перед Пулковскими высотами заволело густым дымом. Войска первого эшелона 42-й армии стремительно выходили на рубеж атаки. Низко над Пулковом, почти на бреющем полете, шли на бомбежку наши краснозвездные самолеты.

Когда артиллерийский огонь был перенесен в глубину обороны врага, мощное «Ура!» прокатилось справа и слева от Пулкова — это поднялись в атаку наши стрелковые части, впереди которых шли танки и самоходные орудия.

На главном направлении удара наступал гвардейский корпус под командованием Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Н. П. Симоняка. Командующий фронтом Л. А. Говоров внимательно следил за разви-

тием операции. Он заметил, что на левом фланге 30-го гвардейского корпуса увлеченные боем танкисты оторвались от наступающей пехоты. Воспользовавшись этим, гитлеровцы тотчас же предприняли попытку отсечь пехоту от танков и перешли в контратаку. Генерал армии Л. А. Говоров приказал немедленно связаться с Н. П. Симоняком и указать ему на угрозу его левому флангу. Но командира корпуса на КП уже не было. Сев в бронемашину, он умчался туда, где произошли неполадки, и отдал нужные распоряжения. Контратака врага была отбита, и наступление корпуса успешно продолжалось.

Пулковское шоссе в этот день напоминало дорогу с двусторонним движением. В сторону Ленинграда двигались транспорты с ранеными бойцами и офицерами, а навстречу им шли маршевые роты, танки и орудия на механической тяге для развития наступления.

Успешно наступал и корпус генерала Н. В. Хазова в обход городов Пушкина и Павловска, где особенно отличилась при овладении Александровки 85-я стрелковая дивизия полковника К. В. Введенского. Боясь попасть в окружение в районе Пушкина — Павловска, противник, сдерживая наши части, начал отводить свои войска с сильно укрепленных позиций, разрушая при отступлении все, что можно.

Убедившись в успешном развитии операции, в ночь на семнадцатое января генерал армии Л. А. Говоров покинул КНП 42-й армии, направился в штаб фронта в Шувалово, откуда и продолжал осуществлять руководство войсками.

К этому времени перешли в наступление от Синявина дивизии 67-й армии, которые вскоре овладели важным железнодорожным узлом и городом Мга.

Хотя Воронья гора у Дудергофа, где находилась мощная группировка тяжелой артиллерии врага, обстреливавшая больше двух лет город, еще не была взята нашими войсками, но, проезжая ночью через город в штаб фронта, мы не заметили ни одного разрыва вражеских снарядов. Гитлеровцам было уже не до кварталов Ленинграда. Весь огонь своих орудий они направили по наступающим войскам Ленинградского фронта.

С 17 января для жителей города наступили дни, когда, не опасаясь артобстрелов, они могли спокойно выходить на улицы.

На штурм Вороньей горы пошла 63-я гвардейская дивизия полковника А. Ф. Щеглова (в последующем Ге-

дой Советского Союза, генерал армии). На самый трудный участок комдив выдвинул полк А. Г. Афанасьева, укомплектованный хорошо физически тренированными бойцами и командирами.

Гвардейцы карабкались по обледенным склонам горы, используя альпинистское снаряжение, забрасывая траншеи противника гранатами и переходя нередко к рукопашным схваткам. Отличные физкультурники старший лейтенант Ивлеев, лейтенант Жудков, сержанты Филиппов, Серeda, Ракитовский, Шведов, Афанасьев, ефрейтор Борисов и ряд бойцов во главе с капитаном Массальским, преодолев отчаянное сопротивление фашистов, которые не успели снять с позиций дальнобойные орудия, первыми захватили вершину Вороньей горы.

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, командир батальона капитан В. Г. Массальский был удостоен звания Героя Советского Союза. Многие воины, штурмовавшие гору, отмечены высокими правительственными наградами. За успешное руководство частями при прорыве сильно укрепленной обороны противника и личную храбрость звание Героя Советского Союза было присвоено также командиру 63-й гвардейской дивизии полковнику А. Ф. Щеглову и начальнику артиллерии дивизии полковнику Ф. А. Буданову.

Успех боев на Вороньей горе ускорил продвижение наших войск на Красное Село. Почти сутки продолжался штурм Красного Села. Ворвавшись в город, наступающим пришлось вести бои за каждую улицу, за каждый дом. 19 января Красное Село было освобождено от врага.

Упорные бои шли за Кипень, Ропшу и Липицы.

Еще 18 января, когда расстояние между частями 42-й и 2-й ударной армий составляло в этом районе 16—18 километров, командующий фронтом поставил им задачу соединиться на рубеже Кипень — Русско-Высоцкое, окружить и уничтожить петергофско-стрельнинскую группировку противника.

108-й и 122-й стрелковые корпуса 2-й ударной армии, которыми командовали генерал-майоры М. Ф. Тихонов и П. А. Зайцев, стремительно продвигались в восточном направлении. Одновременно на запад продолжали наступать войска 42-й армии. В бой был введен и 123-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Г. И. Анисимова, усиленный двумя танковыми полками и артиллерией.

Сокрушая противника, подразделения 462-го полка

168-й стрелковой дивизии 108-го корпуса 2-й ударной армии и подвижная группа 42-й армии, в которую входили две танковые бригады и два самоходно-артиллерийских полка, в 23 часа 19 января соединились в районе Русско-Высоцкое, а рано утром 20 января и остальные войска двух армий соединились в районе Ропши.

За шесть дней нашего наступления было прорвано два мощных оборонительных пояса, замыкавших кольцо блокады Ленинграда. Войска Ленинградского фронта продвинулись в глубину обороны противника более чем на двадцать километров, освободив Пушкин, Павловск, Петергоф, Красное Село и другие населенные пункты. Враг потерял только убитыми более 20 тысяч солдат и офицеров. Петергофско-Стрельнинская группировка 18-й армии противника была разгромлена.

Москва тогда салютовала доблестным войскам Ленинградского фронта за одержанную победу.

Но впереди еще Гатчина. Это был один из самых мощных укрепленных узлов противника в системе его «Северного вала».

Вражеское командование прилагало отчаянные усилия, чтобы остановить наступление советских войск на Гатчину. Командир 11-й немецкой дивизии, оборонявшей город, ставил задачу своим частям удержать его во что бы то ни стало.

Немецким войскам был передан категорический приказ из ставки Гитлера, запрещающий дальнейший отход от Ленинграда. Командир 50-го армейского корпуса отдал войскам письменное распоряжение, в котором указывалось, что необходимо «по приказу фюрера держать позиции во что бы то ни стало и предупредить об этом всех офицеров».

Однако расчеты немецко-фашистского командования были опрокинуты. 43-й и 108-й стрелковые корпуса 2-й ударной армии и 123, 117 и 110-й стрелковые корпуса 42-й армии, отражая контратаки противника, овладели рядом населенных пунктов и устремились к Гатчине.

К исходу 25 января 123-й стрелковый корпус 42-й армии завязал бои на северо-западной окраине Гатчины, а дивизии 117-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор В. А. Трубачев, вышли к северо-восточной окраине города, и начался штурм.

120-я стрелковая дивизия полковника А. В. Батлука ворвалась в Гатчину и вместе с другими частями стала очищать от фашистов улицу за улицей.

К 10 часам утра 26 января Гатчина была полностью освобождена, а оборонявшаяся в ней 11-я пехотная дивизия противника полностью разгромлена.

Бои шли и днем и ночью. Это требовало громадного напряжения сил войск и штабов. Из штабов армии в Шуваловский дворец, где размещался штаб Ленинградского фронта, поступали донесения о занятии нашими частями новых населенных пунктов, разгроме немецких дивизий, активных боевых действиях партизанских бригад в тылу врага, и все эти данные, обобщенные в оперативной сводке, после просмотра начальником штаба и командующим фронтом оперативный отдел немедленно по телеграфу через узел связи передавал в Москву, в Генеральный штаб.

26 января Москва салютовала войскам Ленинградского фронта, овладевшим городом Гатчина. После взятия Гатчины гитлеровские войска, почти девятьсот дней осаждавшие Ленинград, понесли огромные потери в живой силе и технике, были отброшены на шестьдесят пять — сто километров от города, и таким образом блокада Ленинграда была полностью снята. Об этом и доложил Военный совет Ленинградского фронта 26 января Верховному Главнокомандующему маршалу И. В. Сталину.

Считали, что по случаю полного освобождения Ленинграда от блокады будет издан приказ Верховного Главнокомандующего и зачитает его по Центральному радио, как обычно, Юрий Левитан, а затем Москва будет салютовать войскам Ленинградского фронта. Поэтому командование фронта занималось положенными ему делами, так как наступление войск продолжалось и шли ожесточенные бои.

Но с приказом о победе под Ленинградом и артиллерийским салютом произошло неожиданное.

27 января утром я возвратился в Шувалово из очередной поездки в войска. Не успел еще снять шинель, как был вызван к начальнику оперативного отдела генерал-лейтенанту А. В. Гвоздкову. Он приказал мне никуда не отлучаться из его кабинета, а сам с членом Военного совета А. А. Ждановым уехал на Воронью гору посмотреть на артиллерийские батареи гитлеровцев, обстреливавшие Ленинград. Командующий фронтом задержался в войсках 42-й армии, а начальник штаба генерал Д. И. Гусев заболел. Его заменял мой начальник генерал А. В. Гвоздков. Было приказано генерала Гусева не беспокоить.

Проведенные без сна сутки дали себя знать, и, сидя за столом, я слегка задремал. Внезапно раздался пронзительный звонок. Подняв трубку, я узнал голос начальника узла связи штаба фронта.

— Товарищ генерал, Ставка требует командующего фронтом, начальника штаба или вас на провод,— докладывал он, очевидно полагая, что разговаривает с генералом Гвоздковым.

Нечасто бывало такое, чтобы в штабе фронта не оставалось никого из высшего командования. Внеся ясность, я назвал свою фамилию, звание и должность.

— Москва требует вас на провод,— чуть погодя передал начальник узла связи.

Я вошел в комнату, где размещался узел связи. Телеграфистка протянула мне ленту: «У аппарата генерал-майор Гунеев. Ставка интересуется, где командующий фронтом, начальник штаба или его заместитель, где члены Военного совета».

Я подробно сообщил о местопребывании командования. Аппарат замолчал. Видимо, генерал Гунеев докладывал кому-то из Ставки текст, переданный с нашего узла связи. В штабе фронта хорошо знали генерала Гунеева: он ведал в Генеральном штабе Ленинградским направлением.

Но вот аппарат снова заработал:

«Примите приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина о снятии блокады и вручите его Военному совету».

Дальше шел текст приказа, адресованного генералу армии Л. А. Говорову и члену Военного совета генерал-лейтенанту А. А. Жданову. В нем говорилось о заслугах войск Ленинградского фронта по разгрому немецко-фашистских армий у стен города: в результате умело подготовленной и проведенной операции прорван «Северный вал», враг отброшен от города и тем самым снята девятисотдневная блокада Ленинграда. Верховный Главнокомандующий отметил героизм и стойкость ленинградцев, оказавших большую помощь войскам фронта...

В знак признания партией и советским народом больших заслуг ленинградцев в годы Великой Отечественной войны Верховный Главнокомандующий предоставил право Военному совету фронта в связи с полным снятием блокады отдать приказ и произвести в Ленинграде артиллерийский салют.

Здесь же, на узле связи, я соединился с командующим 42-й армией, где находился генерал армии Гово-

ров, и доложил о получении приказа Ставки. Вскоре все командование фронта прибыло в Шувалово. Началось заседание Военного совета, на котором обсуждался текст приказа войскам фронта.

Вечером 27 января 1944 года город Ленина и вся страна услышала по радио долгожданную весть о полном снятии блокады: диктор, чеканя каждое слово, торжественно читал приказ командующего войсками Ленинградского фронта Л. А. Говорова, скрепленный подписями членов Военного совета генерал-лейтенантов А. А. Жданова и А. А. Кузнецова, генерал-майора Н. В. Соловьева и начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Д. Н. Гусева. Приказ этот в радиокомитет на улице Пролеткульта поручили доставить мне.

В двадцать часов на берегах Невы в честь великой победы под Ленинградом прогремели двадцать четыре залпа из трехсот двадцати четырех орудий. Ликование ленинградцев было безмерным. Никто не стеснялся слез радости. Город Ленина вздохнул полной грудью — он отвоевал право на мирную созидательную жизнь.

Часть телеграфной ленты переговоров со Ставкой генерал Гвоздков вручил мне:

— Это вам на память.

В ответ на требование Москвы подтвердить о вручении Военному совету фронта приказа Ставки я тогда продиктовал телеграфистке:

«Я горжусь тем, что мне выпала высокая честь принять приказ Верховного Главнокомандующего о разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом. Приказ вручен Военному совету».

Храню я этот телеграфный бланк как бесценную реликвию битвы за Ленинград в годы Великой Отечественной войны.

Многие писатели и поэты посвятили вдохновенные строки салюту над Невой по случаю великой победы под Ленинградом.

И в ночи январской, беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.

Эти замечательные строки принадлежат поэтессе Анне Ахматовой.

Б. В. БЫЧЕВСКИЙ,

*генерал-лейтенант,
бывший начальник Инженерного управления Ленфронта*

РАЗГРОМ

...Каждый новый день сражения невольно заставлял обращаться к прошлому многих участников начального периода войны под Ленинградом. Готовясь к штурму Гатчины, мы вспоминали, как много сил вложили ленинградцы в создание Красногвардейского укрепленного района. Все, что там строилось,—противотанковые рвы, сотни бетонных и деревокаменных огневых точек,—рассчитано было на круговую оборону города.

Сейчас, перед наступлением, рассматривая наши старые оперативные карты, естественно, ни командующий фронтом генерал армии Говоров, ни командарм 42-й Масленников не склонны были благодарить инженерных начальников за их прошлую деятельность. Да и нам не ко времени было хвалиться прочностью укреплений, построенных в сорок первом году и оказавшихся у врага.

Командующий фронтом молча постукивал карандашом по карте, на которой в накладку к тому, что немцы понаделали в Гатчине за два с половиной года, я нанес и сооружения нашего бывшего укрепленного района.

Алексей Александрович Кузнецов постарался смягчить хмурое настроение командующего.

— Меня тоже поблагодарите за это, Леонид Александрович,—пошутил он.

— Благодарю... — Говоров усмехнулся, показал карандашом на карту. — Особенно за бетонные доты по берегам Ижоры. Немцы обязательно используют их в предмостной позиции. Саперам же теперь и штурмовать придется.

— Что же делать, это своя каша, самим и расхлебываться,—вздыхнул я. — Немцы здесь в лоб-то не лезли, обходили тогда Гатчину.

В серых глазах Говорова блеснул злой огонек. Он встал из-за стола.

— Теперь будет наш, русский вариант.

Решение командующего направить Вторую ударную армию на Кингисепп для наступления в глубину обороны немцев меняло первоначальный план ликвидации Гатчинского узла усилиями обеих армий.

Нетерпеливый командарм 42-й генерал-полковник И. И. Масленников поначалу решил до предела использовать 30-й гвардейский корпус. Сразу же после взятия Дудергофских высот он приказал генералу Симоняку продолжать наступление на Тайцы — Гатчину.

— С ходу ворветесь, гвардейцы! — подбадривал он командиров.

А Симоняка охватили сомнения. Он почувствовал какую-то странную раздвоенность. Здравый смысл опытного командира подсказывал одно, а червячок честолюбия нашептывал другое.

Шесть суток непрерывного боя и особенно атаки Дудергофских высот и Красного Села вымотали входящие в его корпус дивизии Щеглова и Романцова. Серьезные потери понесла и 45-я дивизия Путилова. Очень опасно сорваться, переоценить себя, возможности солдат, офицеров...

Сказать об этом командарму напрямую?

Но так не хотелось бы лишать свой корпус чести и славы взятия Гатчины! Говоров и Жданов прямо сказали, что именно это событие знаменует собой полную ликвидацию блокады Ленинграда, окончательный разгром фашистов под городом Ленина...

А что, если предложить командарму вариант, разрешающий мучившие его сомнения? Пусть ему подчинят свежую дивизию из корпусов второго эшелона, нацеленных на охват Гатчины с востока и запада. Он двинет ее сразу на Тайцы, перешагнет этот опасный порог в Гатчину. Тем временем приведет немного в порядок своих гвардейцев для непосредственного штурма города — «узла узлов».

— Мудрый же вояка Николай Павлович, — оценил этот ход Дмитрий Николаевич Гусев, получив неожиданное решение Масленникова о спешной переброске 120-й дивизии из 117-го стрелкового корпуса генерала В. А. Трубачева в Дудергоф. — И дивизию себе выбрал подходящую — Батлука. Еще с Синявинских высот ее помнит. Не иначе быть Симоняку командармом, если Леонид Александрович не придержит, — добавил Гусев шутливо.

Узнал я обо всем этом под Красным Селом, встретив на дороге командира 120-й стрелковой дивизии полковника А. В. Батлука. Его части уже сосредоточивались на Дудергофских высотах, когда произошли снова изменения. Батлук сказал, что подчинение его дивизии Симоняку только что отменено.

— А почему? — спросил я. Старый опыт говорил, что не только в штабе, но и в дороге можно узнать важные оперативные новости.

— Говоров, кажется, вмешался в решение Масленникова и Симоняка. Еду вот в штаб. Сегодня уже дважды меняли задачу дивизии.

— А какая сейчас?

— И старая, и новая. Пойду на Гатчину через Тайцы, только самостоятельно. Похоже, что корпус Симоняка выведут в резерв.

Он рассказал, что Николай Павлович Симоняк неожиданно изменил свое первоначальное решение и приказал вдруг ему немедленно сделать рокировку на восток, обходя Гатчину километрах в восьми.

— Отсюда с Дудергофских высот я своими частями наступать буду, — объяснил Симоняк новое решение.

Но тут уже возмутился Батлук. Его дивизия прошла тяжелейшим маршем из Рыбацкого до Дудергофа по занесенным дорогам, сосредоточилась по приказу того же Симоняка для удара на Тайцы и Гатчину, и вдруг такая рокировка! Да еще под огнем противника. Батлук послал в штаб армии офицера уточнить новую задачу, а там оказался Говоров, и он вызвал его к себе для доклада.

— Кажется, невеселым был разговор, — добродушно усмехнулся Батлук. — Офицер доложил, что командующий фронтом вначале что-то бурчал себе под нос про бездельников, когда слушал его, а потом сказал командарму: «Штаб фронта четыре месяца готовил дивизию Батлука, а вы даже не захотели взять на себя труд по-человечески организовать ее ввод в бой».

Было ясно, что 30-й гвардейский корпус нуждается в основательном пополнении, в отдыхе, а штурм Гатчины — дело серьезное. Говоров смотрел и дальше — такой ударный кулак, как дивизии Симоняка, понадобится ему в ближайшее время под Нарвой.

Вскоре 120-я дивизия Батлука приняла участок наступления от дивизии Щеглова и осталась в составе корпуса генерал-майора В. А. Трубачева.

В то время когда Батлук нацелился на Гатчину с севера; на другом участке, восточнее ее, для перехвата дорог из Пушкина вводилась 201-я дивизия 117-го корпуса. Ею командовал полковник В. П. Якутович. А к юго-западу от Гатчины, на стыке с частями Второй ударной армии, командир 123-го корпуса генерал-май-

ор. Г. И. Анисимов ввел в бой 291-ю дивизию генерала В. И. Зайончковского.

По всей линии железной дороги и по шоссе от Пушкина на Гатчину и далее на Волосово — Кингисепп шли ожесточенные бои. Штаб фронта делал вывод, что командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Кюхлер пытается всеми мерами предотвратить катастрофу своего «Северного вала».

В Гатчине кроме 11-й пехотной дивизии собралось много различных «боевых групп» из охранных полков, артиллерийских и саперных частей. Здесь были и шестиствольные реактивные минометы. За их скрипучий, истошный рев наши солдаты прозвали их «ишаками». К 22 января к Гатчине подошли 12-я танковая дивизия и отдельный полк с «тиграми». Во всем секторе 42-й армии до стыка с дивизиями 2-й ударной армии генерала Федюнинского было и еще не менее шести пехотных дивизий немцев.

Бои за Гатчину начались, по существу, в тот же день, когда левое крыло 42-й армии штурмовало Пушкин, а гитлеровцы уже отходили из района Мги. Но в Гатчине командующий 18-й армией противника Линдеман решил сопротивляться упорно, стремясь выиграть время на отвод главных сил своей армии. Видимо, в жертву и была принесена 11-я пехотная дивизия, усиленная различными подразделениями.

Вечером 22 января мы с начальником инженерной службы 42-й армии Кирчевским привезли командиру 117-го стрелкового корпуса В. А. Трубачеву последнюю схему разведанных армейскими саперами минных полей и дотов вокруг Гатчины. Застали у него командующего артиллерией фронта Г. Ф. Одинцова и М. С. Михалкина — командующего артиллерией 42-й армии. Обстановка складывалась острая. Трубачев рассказал, что прошлой ночью один из полков Батлука, используя отряды лыжников, ворвался в Тайцы, истребил там вражеский гарнизон и сразу пошел к реке Ижоре, рассчитывая форсировать ее с ходу.

Но сейчас Батлук докладывает, что 289-й полк, не дойдя до реки, напоролся на очень плотные минные поля и сильный огонь, прикрывающий их. Продвижения больше нет. Ночью будут делать проходы.

Когда мы посмотрели на карте положение передовых частей дивизии Батлука, то стало ясно. — они уперлись в предмостную позицию, где находились и бетонные до-

ты нашего старого укрепленного района. Говоров был прав — немцы использовали их.

Дальнейшие события под Гатчиной разворачивались не так быстро, как нам хотелось бы. Генералу Михалкину пришлось подтягивать тяжелую артиллерию; Кирчевский вызвал батальон штурмовой инженерно-саперной бригады с термитными шарами и дымовыми гранатами, а также минеров из 52-й бригады А. П. Шубина. Приходилось еще до штурма самого города прорывать предгатчинские укрепления.

Батлук торопился, нервничал. Он обещал командарму ворваться завтра в Гатчину и застрял. Приданный ему танковый полк шел из Дудергофа и засел в болоте. Не подошла на новые позиции и тяжелая артиллерия. Батлук не стал ждать этих средств усиления и ввел в бой второй полк, рассчитывая все же пробиться через реку Ижору. Но и 23 января успеха не было. Удалось взорвать три бетонных дота, сделать проходы в минных полях, но прорыва не получилось.

84-й штурмовой саперный батальон старшего лейтенанта Блохина, понесший серьезные потери при штурме Вороньей горы с дивизией Щеглова, поредел еще больше. Кирчевский решил выводить его в резерв и попросил у меня свежую часть. К Ижоре подошел гвардейский понтонный батальон майора Гуляницкого, провел разведку будущих переправ и начал прокладывать пути для войск.

Только 24 января обозначился настоящий прорыв. Воздушная армия генерал-лейтенанта С. Д. Рыбальченко нанесла сильный бомбовый удар по северо-западной окраине Гатчины, а подошедшая тяжелая артиллерия разрушила бетонные доты. В бой вместе с пехотой и тяжелыми танками вступили 6-й и 7-й батальоны 52-й инженерно-саперной бригады Шубина. Они взорвали минные поля и уничтожили шесть бетонных огневых точек вместе с гитлеровцами. В это же время 291-я дивизия Зайончковского подходила к Гатчине с северо-запада, а 201-я дивизия Якутовича — с востока. Бои шли и ночью — лыжные отряды выходили в тыл всего Гатчинского узла, отрезая отход гитлеровцам из города.

Самый напряженный бой 25 января выдержали 289-й и 538-й полки 120-й дивизии Батлука, прорываясь с севера через предмостную позицию и реку Ижору. Штурмовым группам с термитными шарами и зарядами взрывчатки пришлось уничтожить 12 долговременных сооружений с гарнизонами, отказавшимися сдаться.

Днем на командный пункт 42-й армии в Дудергофе приехали Говоров с Кузнецовым, как раз тогда, когда Батлук донес, что два полка его дивизии ворвались на северную окраину Гатчины и ведут там уличные бои. Полк второго эшелона, 543-й, под командованием подполковника Ф. И. Галеева пробился к юго-восточной окраине города.

Теперь и полки дивизии Зайончковского вступили в огневое взаимодействие с полками Батлука. Вечером ее части овладели поселком Рошалья. Штурмовые группы пробивались к Гатчинскому дворцу, 201-я дивизия Якутовича, выйдя на реку Суйда с востока, оседлала дороги из Гатчины на юг — на Сиверскую и Вырицу, уничтожив часть 11-й пехотной дивизии немцев, пытавшихся выскользнуть из окруженного города.

Ночью на командном пункте 42-й армии уже каждый час отмечался короткими донесениями Трубачева, Батлука, Зайончковского. Они отражали и скоротечность, и ожесточенность боя внутри горящего города:

«...Противник выбит из кладбища... Бой идет в развалинах депо... Вышли на вахт-парадную площадь».

Начальник штаба армии генерал Г. К. Буховец смеялся:

— Стоило выбивать из кладбища! Пусть бы и остались там. А вот «вахт-парад» — это здорово! Помнит Батлук историю...

Понтонеры Гуляницкого вышли на реку Ижору. Поверх льда вода — противник успел взорвать плотины и перемычки. Но Ижора не Нева. Ветераны Невской Дубровки Журавлев, Кривенцов, Сурогин, Фоменко и Воронов справились с наводкой мостов быстро, да и пехота не ждала — бросилась в ледяную воду, чтобы уже через несколько минут оказаться среди горящих зданий Гатчины.

Рано утром 26 января я был на мосту через Ижору. В Гатчине еще горели дома, там еще взрывались отдельные фугасы, но по шуму боя было ясно, что он уже затихал. Гатчина наша!

По мосту оттуда шли раненые. Понтонеры спрашивали у них, останется ли хоть что-нибудь от музеев.

— Люди останутся, — сурово ответил лейтенант с забинтованными руками.

К 10 часам утра с гитлеровцами было покончено. Трубачев назначил полковника А. В. Батлука комендантом освобожденного города.

Почерневшие стены дворца еще лижет пламя. Из

подвалов и землянок на окраинах начали выходить изможденные женщины и старики. Молодых среди них нет: кто в партизанах, кто угнан в рабство. Сколько страданий выпало на долю тех, кто не успел уйти! За два с половиной года гитлеровцы превратили город-музей в загаженный прифронтовой кабак. Почти ежедневно они вешали на площади партизан или тех, кого подозревали в помощи им, сжигали в бараках пленных красноармейцев...

Сражение разрасталось. Впереди следующий этап операции: на Кингисепп, Лугу, Нарву!

А в Смольном Говоров и Жданов в этот вечер рассматривали план сплошного разминирования территории Ленинградской области.

27 января. Сегодня в Ленинграде будет салют. А. А. Жданов сказал Г. Ф. Одинцову, чтобы салютовали столькими орудиями, сколько можно собрать. Установленный статут для такого случая разрешено нарушить. Вчера Москва салютовала Ленинграду по случаю взятия Гатчины двенадцатью залпами из ста двадцати орудий...

Георгий Федорович собрал 324 орудия для салюта двадцатью четырьмя залпами.

Можно ли забыть этот вечер! И город, и фронт — все с захватывающей дух радостью слушали приказ Военного совета фронта об итоге двенадцатидневных боев:

«...Освобождено более 700 населенных пунктов, враг разгромлен и отброшен от Ленинграда по всему фронту на 65—100 километров. Наступление продолжается... Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

...Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстаивали наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для победы все свои силы...»

К восьми часам вечера почти все ленинградцы вышли на улицы, площади, набережные. Никто не хотел оставаться дома.

Раздались первые залпы салюта. На улицах стало вдруг светло от белых, зеленых, красных ракет. Многие ленинградцы, мужеством и стойкостью которых восхищался весь мир, плакали.

А. В. БАТЛУК,

*генерал-майор,
бывший командир 120-й стрелковой дивизии*

ШТУРМ ГАТЧИНЫ

В конце апреля 1943 года штаб Ленинградского фронта сформировал на базе 11-й и 142-й отдельных стрелковых бригад 120-ю стрелковую дивизию. Три месяца бойцы занимались боевой подготовкой. Одновременно полки, сменяя друг друга, занимали позиции на правом берегу Невы на рубеже Невская Дубровка — устье реки Черная.

В один из августовских дней дивизия, вошедшая в состав 67-й армии, форсировала Неву. Скрытно, под покровом ночи, мы сменили 268-ю стрелковую дивизию. В последующие дни развернулись ожесточенные бои, в ходе которых дивизия вырвалась из болот на высоты в районе Рабочего поселка № 6 и, отражая многочисленные контратаки противника, нанесла ему большой урон.

Положение наших войск на этом участке фронта несколько улучшилось. Командующий Ленинградским фронтом генерал-полковник Л. А. Говоров отметил 120-ю дивизию, наряду с 45-й и 63-й гвардейскими, как особо отличившуюся. За образцовое выполнение боевых заданий 587 воинов были награждены орденами и медалями.

1 сентября нас вывели из боя и направили в район Токсово — Кавголово. За сентябрь — октябрь дивизию пополнили до штата рядовым, сержантским и офицерским составом, снабдили до нормы обмундированием и вооружением, причем снабжение шло по нарядам центральных управлений Министерства обороны, так как дивизия перешла в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. После поездки в Главное артиллерийское управление начальник артснабжения дивизии майор Семенычев докладывал:

— Ленинградцев в Москве встречают очень хорошо. Меня принял маршал артиллерии Яковлев, подробно расспрашивал о дивизии и приказал отпустить все, в чем мы нуждались.

Боевая подготовка дивизии продолжалась до конца декабря. Мы провели учения усиленного батальона с боевой стрельбой на полигоне. Хорошо прошли трехдневные дивизионные учения.

В декабре штаб фронта провел в нашей дивизии показательные учения для командиров частей и соедине-

ний. Командующий фронтом, наблюдая за действиями подразделений, дал высокую оценку боевой готовности дивизии.

В конце декабря 1943 года 120-я стрелковая дивизия вошла в состав вновь сформированного 117-го стрелкового корпуса. 12 января в дивизию прибыл командир корпуса генерал-майор В. А. Трубачев.

Он информировал меня, что в состав корпуса помимо 120-й вошли 123-я ордена Ленина стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А. П. Иванова и 201-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. П. Якутовича. Этих генералов я хорошо знал по январским боям 1943 года и рад был, что именно с ними предстоит взаимодействовать.

Командир корпуса потребовал за ночь с 13 на 14 января передвинуть дивизию в район поселка Всеволожский. О готовящемся наступлении ничего не сказал. Намекнул лишь, что мы находимся накануне важных событий.

О начале наступления 2-й ударной и 42-й армий в операции по полному освобождению Ленинграда от блокады мы узнали из информационной сводки, полученной поздно вечером 15 января. Все в дивизии горело желанием скорее вступить в бой.

Согласно распоряжению штаба корпуса дивизия, совершив марш из Всеволожска, ранним утром 18 января сосредоточилась в Ново-Саратовской колонии. На следующий день к 12.00, перейдя по льду через Неву у Володарского моста, мы оказались в селе Рыбацком. Здесь стало известно, что идет уже бой за Красное Село и Воронью гору. Радости нашей не было границ! Начальник штаба дивизии подполковник В. С. Гусев, коренной ленинградец, все приговаривал:

— Ну и хорошо же развивается наступление, наконец и мы, ленинградцы, дождались праздника!

Потом поступили сведения и об успешном наступлении 59-й армии Волховского фронта. Все это поднимало боевой дух воинов.

Большую работу в эти дни проводил политический отдел во главе с подполковником В. И. Забродины. Политработники всегда находились среди воинов. Политический подъем в частях дивизии был очень высоким. Так, за время марша к фронту 233 солдата и офицера вступили в партию, а 109 — в комсомол.

20 января дивизия, совершив 40-километровый марш, вышла в район боевых действий к Красному Селу с за-

дачей развития успеха наступающей здесь 63-й гвардейской стрелковой дивизии 30-го корпуса.

В штабе 63-й гвардейской дивизии, куда я прибыл со своими штабными офицерами, царило оживление. Несмотря на большую усталость, все находились в отличном настроении. Это можно было понять: гвардейцы — бойцы и командиры с честью выполнили свой долг, успешно решили трудную задачу по прорыву мощной оборонительной полосы противника. Командир дивизии полковник А. Ф. Щеглов, которого я давно и хорошо знал, тепло поздоровавшись со мной, сказал:

— Самое трудное, Алеша, позади. Противник дрогнул, не опаздывай теперь наносить удар за ударом, и Гатчина будет освобождена.

Сменив к утру части 63-й и 45-й гвардейских дивизий на рубеже Нижняя — Новые Места — Александровское, мы продолжали готовиться к выполнению боевой задачи.

Боевой порядок дивизии строился в два эшелона: в первом справа был 538-й полк подполковника А. А. Лебедева, а слева — 543-й подполковника Ф. И. Галеева; 289-й полк — подполковника В. А. Треховицкого — находился во втором эшелоне, за 538-м полком.

21 января в 11 часов два наших батальона начали разведку боем, в результате которой удалось установить, что огневые позиции артиллерии прямой наводки у противника прикрыты бревенчатыми брустверами со снежными или ледяными стенками до метра толщиной; здания в населенных пунктах приспособлены к круговой обороне; из чердачных окон бьют автоматчики. В железнодорожной насыпи враг оборудовал дзоты и блиндажи. На шоссе к Гатчине взорваны не только мосты, но и само полотно дороги через каждые 100—150 метров.

От пленных мы узнали, что обороняют рубеж сводные части 24, 11, 170-й пехотных и 9-й авиаполевой дивизий гитлеровцев.

О результатах разведки боем и о решении атаковать ночью я доложил командующему 42-й армией генерал-полковнику И. И. Масленникову, приехавшему на КП дивизии. Он без единой поправки утвердил мое решение и приказал начать наступление в 22.00.

Наступила ночь. Противник заметно нервничал, через короткие промежутки вел сильный ружейный, пулеметный и минометный огонь.

К 22 часам части и подразделения заняли исходное положение для наступления: отдельный лыжный баталь-

он капитана Е. А. Прибавкина — в 300 метрах севернее Большой Ивановки, 538-й стрелковый полк подполковника А. А. Лебедева — на рубеже Старицы — село Александровское. Боевой порядок — в два эшелона: в первом — батальоны капитанов Ф. К. Алтухова и И. И. Недозрелова, во втором — батальон майора М. М. Лебедева. Левее, на линии село Александровское — южная окраина Куприяновки, располагался 543-й полк подполковника Ф. И. Галеева: в первом эшелоне — батальоны капитанов П. П. Кравченко и В. Н. Суслова, во втором — батальон капитана А. Г. Желтого. 589-й полк подполковника В. А. Треховицкого оставался во втором эшелоне дивизии, за правым флангом 538-го полка.

410-й отдельный истребительный противотанковый дивизион подполковника П. И. Морозова побатарейно был придан стрелковым полкам. 1033-й артполк майора М. А. Захарова поддерживал 538-й стрелковый полк. Дивизионную артиллерийскую группу возглавлял командующий артиллерией дивизии подполковник К. И. Полысалов.

Дивизию усиливали 12-й гаубичный полк полковника И. А. Потифорова, 174-й минометный полк полковника И. А. Киргетова, а также 133-й и 134-й артполки и 260-й пушечный полк.

328-й отдельный саперный батальон майора Ф. А. Иванова выделил по одному взводу каждому полку. Остальные саперы под общим руководством дивизионного инженера подполковника Ф. С. Базлова выполняли задачи по инженерной разведке, разминированию, разграждению и обеспечению перемещения частей дивизии. 161-я отдельная разведрота лейтенанта Н. Ф. Гарановского вела разведку противника на флангах дивизии. Рота связи капитана А. С. Мокрицкого обеспечивала связью полки и отдельные части со штабом дивизии и соседями.

Учебная рота капитана В. С. Бахина и танковый полк оставались в моем резерве.

Правее нас со значительным разрывом наступала 224-я стрелковая дивизия полковника Ф. А. Бурмистрова. Слева готовилась к наступлению 201-я стрелковая дивизия генерал-майора В. П. Якутовича.

К 22 часам было закончено разминирование переднего края и обозначение проходов. Я доложил команду корпуса о готовности дивизии к ночному наступлению.

Ровно в 22.00 артиллерия и минометы начали 20-минутную обработку переднего края обороны противника.

В конце артналета лыжный батальон перешел в атаку на нашем правом фланге. Стремительно бросились вперед и батальоны 538-го и 543-го полков.

К 6 часам утра, уничтожив последние очаги сопротивления врага, части дивизии освободили Большую Ивановку, Тайцы, Большие Тайцы, Александровское и начали преследование противника. Все подразделения наступали смело, решительно, дружно. Особенно активно действовала первая рота лыжного батальона, которой командовал лейтенант Малютин. Противник цеплялся за каждый дом, использовал многочисленные оборонительные сооружения. Нередко бои переходили в рукопашные схватки.

Враг не смог выдержать натиска советских воинов и откатился, понеся большой урон. В Тайцах были захвачены склады с вооружением и боеприпасами.

Командарм высоко оценил действия дивизии. Рано утром 22 января офицер штаба армии вручил мне пакет: «Командиру 120-й СД т. Батлуку. Благодарю за отличные действия дивизии и освобождение Тайцев. Действуйте так и дальше. Желаю успеха. Командарм-42 генерал-полковник И. Масленников. 6.00. 22.1. 1944 г.».

Многие солдаты, сержанты и офицеры в этом бою проявили отвагу и высокое воинское мастерство. Агитатор восьмой стрелковой роты 538-го полка сержант Малахов, увлекая за собой бойцов, одним из первых ворвался в Тайцы. Саперы ефрейтор Порошин и рядовой Олейников проникли в расположение противника, определили направление его отхода и возможный маршрут выхода наших частей к реке Ижоре.

Под сильным огнем ночью отважный связист 538-го полка Гусев устранил повреждение связи и обеспечил бесперебойное управление полком. Солдат этого же полка Дмитриев истребил 8 гитлеровцев и ушел с поля боя лишь после четвертого ранения. Отличился и сержант Крамаров, заменивший выбывшего из строя командира роты. Отважно сражались и другие бойцы и командиры.

Утром 22 января продолжалось преследование противника. Одновременно шла подготовка к штурму Гатчины.

Во второй половине дня передовые подразделения лыжного батальона, 538-го и 543-го полков были встречены организованным огнем артиллерии, минометов и пехотного оружия на рубеже Большая Оровка — Большое Пегелево — Малое Пегелево, Кайзи — Большое Ве-

рево. Противник трижды контратаковал 543-й полк. Хотя контратаки были отражены, дальнейшее продвижение полков приостановилось.

Наша разведка установила, что перед фронтом дивизии находится сильно укрепленный рубеж с дотами и развитой траншейной системой. Противник использовал построенную нами еще в 1941 году оборонительную линию с долговременными сооружениями. Предмостное укрепление поддерживалось с южного берега реки Ижоры крупными артиллерийской и минометной группировками. С ходу нашим частям не удалось преодолеть его.

Неудача постигла и наши танки. Преследуя отходящего противника по торфяным полям, они в большинстве своем застряли в болотах правее шоссе. Понадобилось две ночи, чтобы вытащить эти танки и привести 260-й танковый полк в боевую готовность.

Правее нашей дивизии к исходу 22 января на фронт Ново-Пудость — Гатчинская мельница вышла 224-я стрелковая дивизия, за ней на участке Скворицы — Ново-Пудость — 291-я стрелковая дивизия. Левее начала наступление 201-я стрелковая дивизия, которая 22 января, преодолев сопротивление противника, к исходу дня вышла в район Романовки и Кирпикюля.

Противник к этому времени все еще удерживал Пушкин и Павловск и пытался во что бы то ни стало задержать продвижение дивизий 123-го и 117-го корпусов.

Командир корпуса потребовал 23 января уничтожить противника в предмостном укреплении и начать штурм Гатчины. Задача предстояла нелегкая. Город был превращен в крепость. Со всех сторон, особенно с севера, его прикрывали опорные пункты с развитой сетью траншей, дотов и дзотов. Опорные пункты хорошо взаимодействовали между собой. Весь Гатчинский узел был опоясан противотанковыми рвами, эскарпами, минными полями, проволочными заграждениями. В самом городе каменные постройки приспособлены к обороне.

Дивизия должна была после уничтожения противника в предмостном укреплении форсировать реку Ижору, блокировать Гатчину с северо-востока и юго-востока и овладеть городом во взаимодействии с 224-й стрелковой дивизией, наступавшей на поселок Рошалья и Пролетарскую слободу. Частям ставились задачи: 289-му полку — овладеть Большой Оровкой, Вайялово и через совхоз «Хохлово» штурмовать противника в Гатчине; 538-му полку — освободить Малое Пегелево, Кайзи, форсиро-

вать Ижору и штурмовать город с северо-востока; 543-му полку — овладеть Малым Верево и обтекать Гатчину с востока. Оставшийся в моем резерве лыжный батальон с выходом частей на реку Ижору придавался 543-му полку.

В 12.30 после артиллерийской подготовки батальоны дружно атаковали противника и вклинились справа и слева в его оборону.

289-й полк своим правым флангом вышел на северный берег Ижоры и начал бой за переправу в направлении Вайялово. На левом фланге 543-й полк совершил охватывающий маневр, освободил Большое Верево, а к исходу дня, выбив противника из Малого Верева, вышел к Кокколово, подойдя здесь к реке.

Сражение носило ожесточенный характер. Мы несли потери. В бою за Большое Верево был смертельно ранен один из храбрейших офицеров дивизии — командир второго батальона 543-го полка капитан А. Г. Желтый. Пал смертью храбрых и командир первого батальона капитан В. Н. Суслов.

Исключительную отвагу проявил парторг второго батальона капитан Сологуб. Он заменил раненого командира и умело руководил боем. Комсорг полка младший лейтенант Кустов лег за пулемет и огнем поддерживал атаку второго батальона.

К вечеру добились успеха и наши соседи. Справа 224-я дивизия вела бой на подступах к поселку имени Рошаля, а слева 201-я дивизия вышла на рубеж Большое Руслово — Коряги.

Развивая успех, части дивизии в ночь на 24 января выбили противника из Большой Оровки, Малого Пегелева и к утру на всем фронте вышли к реке Ижоре.

Разведчики 543-го полка обнаружили южнее Кокколова разрушенную гитлеровцами переправу. Командир полка подполковник Ф. И. Галеев проявил инициативу, направив туда саперов, которые не только восстановили переправу, но и усилили ее. Ночью, несмотря на огневое сопротивление противника, Ф. И. Галеев переправил на южный берег реки два батальона своего полка. К 7.00 они достигли рубежа Вайя — Ивановка, а лыжный батальон капитана Е. А. Прибавкина продвинулся на километр юго-восточнее Ивановки.

Поздно вечером 24 января форсировали реку Ижору 538-й и 289-й полки.

При форсировании Ижоры пал смертью храбрых заместитель командира первого батальона 538-го полка

старший лейтенант Борис Петрович Антонов. Судьба этого человека поистине необыкновенна. Родился он в 1903 году в городе Плевне, в Болгарии, в рабочей семье. С юношеских лет активно участвовал в революционной борьбе. В сентябре 1923 года он — секретарь окружного и городского комитетов комсомола Плевны. В 1925 году за подпольную работу фашистский суд приговорил его к пожизненному тюремному заключению. В 1928 году Антонов бежал из тюрьмы в Югославию, а в 1931 году по решению ЦК Компартии Болгарии выехал в Вену, откуда эмигрировал в Советский Союз. В Ленинграде работал он строгальщиком на Кировском заводе, окончил Комвуз, преподавал в 17-й средней школе Кировского района. В начале войны был призван в Красную Армию, окончил курсы младших лейтенантов. В 1941 году вступил в Коммунистическую партию. Ему присвоили звание политрука и направили в войска на политическую работу.

В дивизии Б. П. Антонов служил со дня ее формирования, был одним из лучших политработников. Славный сын болгарского народа стал горячим патриотом Советского Союза — своей второй Родины, за которую он отдал жизнь.

В ночь на 25 января и днем подразделения дивизии продвигались к северной, восточной и юго-восточной окраинам Гатчины. Первым ворвался в Гатчину с севера второй батальон 289-го полка под командованием майора В. Н. Миронова. Комбат был осколком ранен в ногу, но продолжал руководить боем. Близко от него разорвался снаряд. Майор упал. Командир полка доложил мне, что Миронов убит. Когда санитары вынесли его с поля боя, врач установил, что комбат тяжело контужен. Были приняты все меры, чтобы спасти жизнь этому отважному офицеру. Ветеран войны, кавалер нескольких орденов, Василий Никитич Миронов ныне продолжает трудиться в городе Химки Московской области.

На северо-восточную окраину города ворвался первый батальон 538-го полка под командованием майора М. М. Лебедева. Он предпринял попытку проникнуть на улицы города, но был контратакован противником во фланг с платформы Татьянино. В этом бою пал смертью героя комсорг полка, всеобщий любимец, младший лейтенант А. И. Голубев. Он начал войну рядовым, потом стал комсоргом батальона, а затем комсоргом полка.

543-й полк с отдельным лыжным батальоном к 9.00 вышел к восточной и юго-восточной окраинам города.

Был взят под контроль узел железнодорожных путей на южной окраине Гатчины. В течение дня полк отбил три яростные контратаки противника со стороны кладбища.

К вечеру одно из подразделений 224-й стрелковой дивизии, продвигаясь к Гатчинскому дворцу, вошло в огневое взаимодействие со вторым батальоном 289-го полка. Была установлена непосредственная надежная связь между нашими дивизиями, которые тесно взаимодействовали до полного освобождения Гатчины.

Бой продолжался всю ночь. Гитлеровцы оборонялись с яростью обреченных. Взрывали все, что можно было. Минировали дороги, лощины, овраги, дома. На подступах к Гатчине, на ее окраинах и в центре города дивизионные и полковые саперы сняли более 5 тысяч мин натяжного и нажимного действия. Окраины города стали ареной наиболее ожесточенных боев. Фашистские автоматчики и пулеметчики сидели в каждом каменном доме, на перекрестках улиц.

Наши солдаты и офицеры дрались с беззаветной отвагой. Исполняющий обязанности помощника начальника политотдела по комсомолу лейтенант Мокрецов, когда вышел из строя майор Миронов, под сильным огнем противника пробрался к передовой группе батальона, воодушевляя бойцов примером и словом.

Боец второго батальона 289-го полка Тимофеев уничтожил в бою 6 гитлеровцев, но и сам получил ранение. После перевязки возвратился в свою штурмовую группу и продолжал сражаться до полного освобождения Гатчины.

Коммунисты и комсомольцы, часто жертвуя жизнью, шли впереди, увлекая за собой остальных бойцов. Смертью героя пал комсорг 543-го полка лейтенант Г. В. Кустов. В составе передового подразделения полка он форсировал Ижору. В числе первых подошел к окраине Гатчины, не раз брался за пулемет, чтобы помочь бойцам выбить засевших в домах вражеских солдат.

Уже в конце дня Кустов, увлекая за собой штурмовую группу, проник с пулеметом на чердак одного из домов и открыл губительный огонь по контратакующим. Он сорвал контратаку врага, но сам был смертельно ранен.

Пали в боях за Гатчину заместитель командира третьего батальона 543-го полка И. М. Заможный, командир взвода 538-го полка лейтенант В. П. Доброхотов,

командир взвода 289-го полка младший лейтенант А. Ф. Гавриков, командир взвода лейтенант А. Я. Воробьев, лейтенант С. П. Ляндиков. Все они, как и многие другие, похоронены на Гатчинском братском кладбище, где после войны благодарные гатчинцы воздвигли мемориал в память о своих освободителях.

К 10 часам утра 26 января Гатчина была полностью очищена от врага. 120-я дивизия во взаимодействии с 224-й выполнила боевую задачу.

После моего доклада командиру 117-го стрелкового корпуса о том, что Гатчина освобождена от гитлеровцев, генерал-майор В. А. Трубачев сообщил:

— За отличные действия дивизии по разгрому противника на подступах к Гатчине и освобождению ее от врага командующий войсками фронта назначил вас первым начальником гарнизона города.

В Гатчине нами было захвачено немало трофеев: 25 орудий, 40 минометов, 80 пулеметов, свыше 500 винтовок и автоматов, железнодорожные вагоны, 40 автомашин, мотоциклы, 12 складов с боеприпасами, интендантским имуществом, продовольствием и горючим.

За отвагу и героизм, проявленные в боях за Гатчину, около тысячи солдат и офицеров были награждены орденами и медалями.

Минули годы. Покрылись сединой головы тех, кто освобождал нашу Ленинградскую область. Ветераны дивизии стали в ряды мирных созидателей социалистического общества и здесь показали пример трудовой самоотверженности.

Орденом Ленина награжден бывший инструктор политотдела дивизии П. Е. Тютюнников, неоднократный участник ВДНХ, обладатель золотой и серебряной медалей этой выставки. Бывший фронтовик радист Н. А. Гальшин, в мирное время слесарь-инструментальщик завода имени Козицкого, награжден орденом Ленина и медалью «За трудовую доблесть». Вождением тяжеловесных составов известен ветеран дивизии машинист электровоза Н. С. Иванов. Полный кавалер ордена Славы бывший командир отделения противотанковых ружей Ф. А. Белов заслужил звание «Почетный железнодорожник». Кандидатом наук, автором многих научных работ стал ветеран дивизии В. И. Швец.

Ежегодно — это стало уже традицией — ветераны дивизии встречаются с жителями освобожденной ими Гатчины, возлагают венки на могилы своих товарищей, отдавших жизни за освобождение города.

НА НАПРАВЛЕНИИ ГЛАВНОГО УДАРА

Вечером 19 января 1944 года подразделения нашего 1973-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка резерва Главного Командования, вслед за пехотой 30-го гвардейского корпуса, вступили в Красное Село. Пять дней тяжелых наступательных боев остались позади.

На следующий день нам стало известно, что из 39-го гвардейского корпуса мы уходим. Полк передали в подчинение 117-го стрелкового корпуса, которым командовал Герой Советского Союза генерал В. А. Трубачев. Корпус имел задачу освободить город Гатчину.

В ночь с 21 на 22 января батареи нашего полка вступили в новую полосу сражений — в бой за поселок Тайцы и деревню Куприяновка, поддерживая огнем прямой наводки части 120-й стрелковой дивизии. И здесь мы оказались на направлении главного удара. Еще два-три дня назад нам казалось, что стоит перейти Дудергофские высоты — и дело пойдет легче: противник, потерпев поражение у стен Ленинграда, ослабит сопротивление. Но оказалось не так. Гитлеровское командование поставило задачу во что бы то ни стало удержать Гатчину, и поэтому сражение на первом же километре гатчинской земли снова было ожесточенным. В район Гатчины гитлеровцы подбросили свежие силы: 12-ю танковую армию и 502-й батальон тяжелых танков. Но как фашисты ни сопротивлялись, они не смогли сдержать натиска советских войск. Утром 22 января поселок Тайцы и ближайшие к нему деревни были освобождены. Конечно, такие бои не обошлись без жертв. Когда деревня Куприяновка была уже в наших руках, я встретил командира орудийного расчета старшего сержанта Володю Макарова. Этот мужественный молодой человек, участвовавший в боях за Ленинград еще в сентябре 1941 года под Урицком, сидел на лафете пушки суровый и грустный.

— Что с тобой, Володя? — спросил я.

— Василий Карпович Краснов убит, — еле выговорил он, не поднимая глаз.

— Что ж, Володя, война, ко всему надо быть готовым, — попытался я утешить старшего сержанта.

— Жаль Краснова, — глубоко вздохнул Макаров. —

Вы же знаете, какой это был чудесный человек! Любил порядок в расчете и не меньше меня заботился о нем. Дня нашего наступления под Ленинградом ждал как большого праздника. И вы, наверное, обратили внимание, с какой энергией он делал все, что ложилось на его плечи, когда мы шли с боями от Пулкова до Красного Села. Помните, в последнюю ночь перед наступлением с Пулковских высот он нам рассказывал, как оказался в долгу перед ленинградцами? Сегодня получилось так, что этот долг он оплатил своей жизнью,— говорил Макаров.

Я вспомнил слово в слово, о чем рассказал тогда младший сержант Краснов.

«Ровно год назад, 18 января, как вы знаете, по радио и в газетах объявили о том, что войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду Ленинграда. Случилось так, что я в этот день был направлен в город, на Звенигородскую улицу, в тылы полка по какому-то делу. А ленинградцы так были рады прорыву блокады и так благодарны Красной Армии за это, что мужчины и женщины каждого солдата и офицера обнимали, целовали и благодарили самыми теплыми словами. Обнимали и целовали и меня. А я, как вы знаете, и близко не был у Шлиссельбурга. Я так неловко чувствовал себя, что не знал, куда деться. С того дня и ношу в сердце долг перед ленинградцами, жду не дожусь, когда снимем блокаду Ленинграда, чтобы мне не было стыдно встретиться с теми, кто меня обнимал».

К вечеру этого дня полк получил новую задачу: в ночь на 23 января, под прикрытием темноты, вдоль переднего края выйти к шоссе Ленинград — Гатчина и поддержать огнем прямой наводки 201-ю стрелковую дивизию. Надо было преодолеть свыше 6 километров сплошного бездорожья. Всю ночь полк пробивался по закустаренным полям по пояс в снегу. Автомобили с прицепленными к ним 76-миллиметровыми пушками то и дело застревали. Весь личный состав — от рядового солдата орудийного расчета до связиста, радиста, орудийного мастера и даже штабного офицера — всю ночь работал, где лопатой, где плечом. Особенно нелегко было тем солдатам и офицерам, которые, получив ранения в боях от Пулкова до Красного Села, не пожелали быть эвакуированными в госпиталь. Теперь работали с незажившими ранами. Такими были командир орудийного расчета коммунист старший сержант Сизов, ко-

мандир орудийного расчета старший сержант Козлов, шофер Коровкин.

Противник, слыша шум выбиравшихся из снежных заносов машин, вел по ним артиллерийский огонь. Серьезность задачи нам была ясна. Такую важную коммуникацию немцы будут отстаивать всеми силами. А чтобы сломить их сопротивление, советским войскам нужна там маневренная артиллерия.

С началом рассвета мы со всеми своими 24 орудиями вышли на шоссе. Оно уже было свободно от противника. Слева от нас, восточнее деревни Зайцево, шел сильный бой, который вела 72-я стрелковая дивизия. Похоже, что противник пытался вернуть оставленную деревню, стоявшую на шоссе. Наша 201-я стрелковая дивизия завязала бой за станцию Верево (тогда станция Ижора). Гитлеровцы крепко держались на выгодных позициях, за полотном железной дороги. Буквально в 500 метрах от них и мы развернули свои орудия прямой наводки и через считанные минуты открыли огонь. Противник ответил шквальным огнем из крупнокалиберных минометов. В разгар боя я пришел в 4-ю батарею. Командир батареи старший лейтенант Скрынник руководил стрельбой своих орудий.

— Как дела в расчетах? — спросил я комбата.

— Подносчик снарядов Максименков легко ранен в ногу, но остался на месте. Одно орудие не ведет огня: ствол накалился докрасна, дал отдохнуть, — ответил Скрынник.

В это время из-за кустов появился командир взвода лейтенант Поповский. Торопливо выдергивая ноги из глубокого снега, он еще издали заговорил, обращаясь к Скрыннику:

— Товарищ старший лейтенант, у крайнего сарая с южной стороны станции работает фашистский пулемет. Гитлеровцы не дают нашей пехоте головы поднять. Командир роты просит подавить их огнем.

Скрынник посмотрел туда в бинокль. Подошел к расчету старшего сержанта Анищенко.

— Хлопцы, слышали, о чем доложил лейтенант?

— Слышали, товарищ старший лейтенант, сейчас поднимем его на воздух, — ответил Анищенко.

Наводчик Маложин снял с рук варежки, сдвинул к затылку шапку и, припав к прицелу орудия, стал наводить его ствол на цель. После трех выстрелов пулемет противника действительно взлетел на воздух вместе с прислугой. Поповский, наблюдая за разрывами снаря-

дов, довольно улыбнулся и, убедившись, что просьба пехотинцев выполнена, обратился к комбату:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите мне снова пойти к командиру стрелковой роты для связи с пехотой?

— Иди. Только не бравируй храбростью,— наставительно сказал Скрынник.

— Есть не бравировать храбростью! — И Поповский круто сорвался с места.

Наблюдая за выражением лица этого молодого, очень подвижного лейтенанта, я уже не в первый раз подумал: есть ли у него хоть чуточку чувства страха?

Только Поповский успел отойти, как недалеко от Скрынника прошипела и взорвалась немецкая мина. Скрынник искоса посмотрел на образовавшееся на снегу черное пятно.

— Товарищ старший лейтенант, ложитесь,— порекомендовал комбату Анищенко.

— На войне и лежачих бьют, не поможет,— ответил Скрынник, но с того места почему-то перешел на другое.

И буквально через минуту там, где только что стоял Скрынник, взорвалась следующая мина, разбросав по сторонам куски мерзлой земли и пожелтевший от взрывчатки снег. Неприятно потянуло едким запахом. Я невольно подумал: «Комбату на этот раз повезло, успел уйти, может быть, и от смерти».

— Похоже, фашисты засекли место нашего орудия,— высказал мысль подносчик снарядов Кожевников.

— Будь что будет. Все равно никуда не укроешься. Не лето, ровиков не отрыть,— отозвался Анищенко.

Но третья мина взорвалась значительно дальше, в низеньком ивовом кустарнике. Там кто-то болезненно застонал.

— Кандауров, сбегай проверь, видно, кого-то прихватило осколком,— приказал Скрынник командиру отделения связи.

Сержант Кандауров тотчас убежал, увязая в снегу. Когда, раскрасневшийся и потный, вернулся,— доложил:

— Связиста из третьей батареи в ногу ранило. Я дотащил его до перевязочного пункта.

Наконец сопротивление противника у линии железной дороги было сломлено. Гитлеровцы короткими перебежками начали откатываться в сторону деревни Романовка.

Я обратил внимание, что на участке 72-й стрелковой дивизии немцы отходили к деревне Куммолово. На-

правился к командиру полка. Его командный пункт был у края дороги. Радист сержант Володя Карлов сидел с рацией в ячейке, открытой в кювете. Подполковник Кива стоял, всматриваясь в движение на переднем крае.

— Ну что, майор, фрицы не выдержали напора. Отступают. Я приказал батареям переключиться на шрапнельные снаряды по отступающим.

Настроение подполковника было приподнятое.

— Я только что побывал во второй и третьей батареях. Видел четкую работу и меткую стрельбу расчетов, где командирами старшие сержанты Макаров, Генералов, Козлов и Носков. С такими расчетами мы в состоянии выполнить любую задачу,— продолжил Корней Степанович.

Я знал, насколько квалифицированными являются оценки командира полка. Он еще в финскую войну, будучи командиром батареи, награжден орденом Красного Знамени. Все названные им младшие командиры были коммунистами, а Макаров и Генералов — парторгами батарей. В это время подполковника позвал к рации радист Карлов. Вызывал командующий артиллерией корпуса генерал Кныш.

Закончив разговор, Корней Степанович сказал:

— Новую задачу получил: двигаться по шоссе в сторону Гатчины и поддержать артогнем снова части сто двадцатой дивизии, наступающие на деревни Большое и Малое Верево. Буду давать команду сниматься с огневых позиций.

В это время подъехала крытая машина ЗИС-5. Из кабины вышел помощник командира полка по технике майор Пучков. Из фургона вылезли артмастера сержанты Михаил Зайцев и Жгун.

— Дорогу гитлеровцы еще обстреливают из пулеметов, а машины со стороны Ленинграда уже идут одна за другой. Пули прошили наш фургон. К счастью, никого не задело,— доложил Киве майор Пучков.

— Давай команду шоферам выезжать на дорогу,— приказал Пучкову Кива.

Через полчаса все орудия были вытащены на дорогу и прицеплены к автомашинам. Орудийные расчеты толпились у своих машин. Когда я подошел к расчету старшего сержанта Галахова, солдаты над чем-то задорно смеялись.

— Да потому смеемся, товарищ майор, что за эти восемь дней кое-чему научились. Например, в любом положении спать. Прислонишься к орудью, особенно

после стрельбы, когда оно еще теплое, и кажется, что лег в перину,— сладко зажмуриваясь, рассказывал ефрейтор Смогулов.

— У орудия-то что, Беков просто стоя может спать, как конь. Я однажды заговорил с ним, а он отвечает совсем не то, что я у него спрашиваю. Понял, что он спит,— перебивает его Салиев.

— Было так, Беков?

— Было,— ответил Беков, прищурив узкие восточные глаза.

В эту минуту прошла по колонне команда «по машинам», но проехали от станции Верево немного. Перед деревней Большое Верево шел бой. Пришлось отцеплять орудия от машины и руками тащить по полю, чтобы занять огневые позиции. По всему чувствовалось, что пехотные подразделения с большим трудом отбивают у противника каждый метр советской земли. Мимо нас на носилках пронесли тяжелораненого командира батальона капитана Желтого. В этом бою пришлось применить свои артиллерийские способности парторгу полка капитану Кутышеву. Случилось так, что в расчете старшего сержанта Сизова получили ранение наводчик и заряжающий. Капитан Кутышев оказался рядом. Он встал на место наводчика и повел огонь. Кстати скажем, что парторг Кутышев перед войной окончил Ленинградское военно-политическое училище и отлично владел всеми видами орудия.

Поддерживая огнем прямой наводки части 120-й дивизии, мы подошли к Гатчине. 26 января, задолго до рассвета, полк сосредоточился у стен города. В четыре часа ночи сразу с трех его сторон начались бои. К штурму города одновременно приступили 120, 224, 291-я стрелковые дивизии. Над городом стали подниматься одно за другим багровые зарева начавшихся пожаров.

Наш полк был готов в любую минуту вступить в бой. Но только перед самым рассветом позвонил командир 120-й стрелковой дивизии полковник Батлук и попросил Киву направить пару батарей в распоряжение командира 543-го стрелкового полка полковника Галева. А когда совсем рассвело и перестрелка от нас удалилась, мы медленно въехали на проспект 25-го Октября в город.

В начале проспекта, по левой и правой сторонам, стояли целыми здания из красного кирпича казарменного типа. Дальше шли двухэтажные каменные жилые

дома, в которых чуть ли не подряд горели полы, потолки, оконные переплеты...

Перспект был затянут серым дымом.

Как потом нам стало известно, немцы, отступая, поджигали в городе все, что могли поджечь. Откровенно говоря, я ожидал более упорного сопротивления противника в черте города, и к этому мы готовили личный состав полка. Но с каждым часом становилось все яснее, что мы ограничимся в бою за Гатчину участием всего лишь двух батарей. Мы тогда еще не знали, что юго-западнее Гатчины 90, 86, 196-я стрелковые дивизии с приданными им артиллерийскими и танковыми частями еще 25 января перерезали шоссе и железную дорогу Гатчина — Волосово, а 201-я стрелковая дивизия подходила к Суйде, — тем самым для немцев в Гатчине создавалась угроза окружения. Этот план командования фронта облегчал освобождение Гатчины и сохранял город от больших разрушений.

К 10 часам утра стрельба в Гатчине прекратилась. К нам возвратились наши две батареи, принявшие участие в боях на улицах города.

Колонна полка тронулась вперед, но напротив еще дымившегося каменного здания Дома культуры остановилась. Дорога прерывалась двумя глубокими ямами, образовавшимися на месте взорванных фашистами мостов. Пришлось ждать, когда будет, хотя бы наскоро, сделан проезд.

Впереди нас, над площадью, на высоком обелиске, торчала огромная железная, черная, как грач, фашистская свастика.

— Ты во что глазами впился? — спросил командир орудия старший сержант Анищенко своего наводчика Малёжина.

— Орудие бы отцепить да шарахнуть одним снарядом по тому вон змею, — ответил Малёжин, показывая рукой на свастику. Анищенко тоже посмотрел туда, поморщился.

— А может, и впрямь шуранем, товарищ старший сержант? — загорелся этой идеей ефрейтор Никитин. — Неужели проедем мимо и оставим торчать эту фашистскую пропаганду?!

— Нельзя стрелять. Гражданское население вышло на улицы города, — осматриваясь вокруг, ответил командир орудия. — Народ сам снимет осточертевшую им железяку. У них зла к фашистам накопилось не меньше, чем у нас с вами.

Жители города подходили к задержавшимся на какое-то время советским воинам. Среди белых солдатских полушубков замелькали люди в гражданской одежде. Помню, как к солдатам орудейного расчета старшего сержанта Володи Макарова подошла пожилая женщина в темном поношенном пальто и сером платке на голове.

— Ой, спасители вы наши,— сквозь слезы радости заговорила она и начала по-матерински целовать солдат. — Наконец-то мы дождались вас. Я уже думала, умру, так и не увижу своих. Где-то ведь и мои двое сынков в Красной Армии. Как ушли в первые дни войны на фронт, так с тех пор и не знаю о них ничего. Живы ли мои родимые? Или лежат где-то в сырой земле? — И у женщины покатались по впалым щекам крупные слезы. — Все утро сегодня ждала, не забежит ли который, все глаза проглядела, прислушивалась к каждому шагу у дома. Не дождалась, решила сама пойти на дорожку, думаю, может, и забежать-то им некогда.

— Теперь письма ждите, мамаша. Как только сыновья узнают, что Гатчину освободили, немедленно напишут,— утешающе сказал Макаров.

Женщина вытерла кончиком головного платка мокрое от слез лицо и, немного успокоившись, снова заговорила:

— Какие вы все здоровые, дюжие! А немцы-то нам чего только не наговорили про Красную Армию за эти годы!

— Нам и надо быть дюжими, мамаша. У нас впереди дорога еще длинная,— ответил Макаров.

Действительно, у этого 22-летнего старшего сержанта фронтовая дорога получилась длинная. Прошел он от Ленинграда через Прибалтику в Германию, воевал на плацдарме за Одером, принимал участие в освобождении Чехословакии. Стал полным кавалером ордена Славы и промаршировал в рядах сводного полка 4-го Украинского фронта по Красной площади на параде Победы.

Уже на другой день нам стало известно, что за участие в освобождении города Гатчины от немецко-фашистских оккупантов 1973-му истребительно-противотанковому артиллерийскому полку приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено наименование «Гатчинский».

Выехав из Гатчины в направлении на Волосово, полк остановился в деревне Борницы, чтобы накормить лич-

ный состав обедом. В деревне и вокруг нее всюду в глаза бросались следы недавно прошедшего боя. Валялись снарядные гильзы, ящики из-под боеприпасов. Снег на усадьбах взбит гусеницами танков, испещрен воронками и захламлен поломанными изгородями. На дороге застыл с повернутым к полю длинным орудийным стволом подбитый «тигр». С удалявшегося в сторону Луги переднего края доносилась артиллерийская и пулеметная стрельба.

Мы с парторгом полка капитаном Кутышевым решили воспользоваться короткой остановкой, провести заседание партбюро и рассмотреть накопившиеся за дни непрерывного наступления заявления фронтовиков о приеме в партию. В натопленной избе собрались почти все члены бюро. Не было лишь старшего сержанта Зинченко. Он погиб в первый день боя у Пулково. Пришли парторги батарей и те, кто хотел идти в следующий бой коммунистом. Капитан Кутышев зачитал заявление командира огневого взвода 2-й батареи лейтенанта Тимофея Андреевича Попика. Тимофей встал, немного смутился, на молодом красивом его лице загорелся румянец. Как он потом признался парторгу батареи Макарову, к партии он всегда относился с глубоким чувством уважения и до сих пор сомневался, достоин ли он быть в ее рядах. Эта мысль почему-то появилась и в минуту чтения парторгом полка его заявления. Лейтенант Попик — довольно грамотный молодой офицер. Он пришел на фронт после третьего курса института. В прошедших боях вел себя бесстрашно. И тогда, когда надо было отразить танковую атаку фашистов, и когда батарею прямой наводки включили в танковую подвижную группу, и когда в рядах пехоты выбивали противника из деревень Большое и Малое Верево.

Вторым рассмотрели заявление командира орудийного расчета старшего сержанта Ивана Застольского. Кто-то из членов бюро спросил Застольского, почему он не перед боем, а на второй день наступления подал заявление. Застольский так ответил:

— В душе я и перед боем считал себя коммунистом, а заявление подавать побоялся, потому что не был уверен, сумею ли в бою, как командир орудийного расчета, оправдать звание коммуниста. За два дня боевых действий у меня появилась полная уверенность, что я могу носить это высокое звание.

Следующее заявление с просьбой принять его кандидатом в члены ВКП(б) поступило от комсомольца

наводчика сержанта Мамеда Мамеджика, туркмена по национальности. Он слыл в полку прекрасным снайпером в стрельбе прямой наводкой, являлся членом комсомольского бюро полка. Приняли кандидатом в члены ВКП(б) и комсорга 2-й батареи командира огневого взвода Андрея Северюхина, пользовавшегося высоким авторитетом среди солдат за беспредельную храбрость в боях, разумность действий и повседневную помощь орудийным расчетам.

В члены ВКП(б) приняли командира орудийного расчета сержанта Николая Алексеевича Алексеева, бывшего молодого рабочего Кировского завода; командира 4-й батареи старшего лейтенанта Павла Скрынника, которого фронтовая газета «На страже Родины» назвала «Герой нашего фронта», — за проявленные мужество и умелое использование огневых средств в наступательных боях он был награжден орденом Александра Невского; командира огневого взвода лейтенанта Петра Буяновского.

Время показало, что все, кого на гатчинской земле, в деревне Борницы, приняли в ряды Коммунистической партии, оправдали оказанное им доверие. Одни отдали свою жизнь за Родину — лейтенант Северюхин через месяц в тяжелом сражении погиб под Псковом, лейтенанты Тимофей Попик и Петр Буяновский пали смертью храбрых, отражая танковые контратаки противника в Латвии, — другие дошли до Чехословакии, дожили до дня Победы и были отмечены многими правительственными наградами. Павел Петрович Скрынник награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Отечественной войны, старшие сержанты Иван Застольский, Николай Алексеев, Мамед Мамеджик — орденами Славы и медалями «За отвагу».

Закончив разгром врага, коммунисты, закаленные в боях за Родину, включились в активную работу в народном хозяйстве и в военно-патриотическое воспитание молодежи. Николай Алексеевич Алексеев в ноябре 1944 года при отражении танков противника потерял ногу и по два пальца на руках и тем не менее продолжал высокопроизводительно трудиться, за высокие производственные показатели в восьмой пятилетке был награжден орденом Ленина. Павел Петрович Скрынник и Иван Иосифович Застольский, как и многие другие ветераны полка, ведут военно-патриотическую работу среди молодежи.

В. Т. АНИСИМОВ,
бывший штурман самолета 276-й авиадивизии

ЗВЕЗДЫ НА КРЫЛЬЯХ

На протяжении всей блокады Ленинграда особое внимание советского командования привлекали находящийся на оккупированной территории Красногвардейский железнодорожный узел, через который проходили основные магистрали снабжения войск 18-й немецкой армии, и аэродромы немцев в Гатчине и Сиверской.

Авиация неоднократно наносила по этим важным объектам штурмовые и бомбовые удары, летала на подавление дальнобойных артбатарей, обстреливавших Ленинград, осуществляла глубокую и ближнюю воздушные разведки, оказывала помощь партизанам.

В небе Гатчины продолжительное время действовали 275-я истребительная авиадивизия полковника А. А. Матвеева, 276-я бомбардировочная авиадивизия генерал-лейтенанта авиации А. П. Андреева, 277-я штурмовая авиадивизия полковника Ф. С. Хотминского. Во время прорыва и снятия блокады Ленинграда вели активную работу 2-й гвардейский истребительный корпус ПВО и ВВС Краснознаменного Балтийского флота.

27 января 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего за участие в боях за освобождение города Гатчина присвоено почетное наименование «Гатчинские» 276-й бомбардировочной авиадивизии, 8-й миноторпедной авиадивизии ВВС КБФ, 7-му и 12-му гвардейским бомбардировочным авиаполкам дальнего действия майора А. Н. Артемова и подполковника Н. Г. Богданова.

Автобусы подъезжали к Гатчине. Декабрьский день силился пробиться через серую пленку изморози, но это удавалось ему с большим трудом, и поэтому лица людей едва различались в полутемном салоне «Икаруса».

Ивану Федоровичу Кованеву не часто приходится бывать в здешних местах. Он, житель Липецка, приезжает в Ленинград лишь по большим датам, связанным с его участием в Великой Отечественной войне, а тут вот представилась поездка в Гатчину, памятную ему по одному боевому эпизоду из летной практики.

Ехали сюда мы, ветераны, потому, что наша 276-я бомбардировочная авиационная дважды Краснознамен-

ная орденов Суворова и Кутузова дивизия носила собственное наименование «Гатчинская», присвоенное ей за участие в боях по освобождению города Гатчины от немцев. А что может быть для нас, пожилых уже людей, более светлым и вместе с тем грустным, чем встреча со своей боевой юностью, с теми местами, которые мы когда-то отвоевали у врага ценой собственной крови и жизней товарищей по оружию!

Гатчина... Глядя на обступившие дорогу многоэтажные дома, в которых еще горели электрические огни, Кованев перенесся памятью в такой же серый и неуютный зимний день, когда ему, командиру эскадрильи пикирующих бомбардировщиков, приказано было явиться в штаб дивизии, расположенный в уцелевшем крыле Гатчинского дворца, буквально через несколько дней после изгнания фашистов.

...Слава о гвардии майоре Кованеве уже гремела на Ленинградском фронте. В осажденном Ленинграде была выпущена почтовая карточка с его портретом, ленинградская поэтесса Людмила Попова посвятила ему поэму... И вот теперь здесь, в штабе, командир дивизии должен был вручить ему орден за отвагу и мужество, проявленные в гатчинском небе.

Бои тогда были жестокие. Наши войска, прорвав оборону врага, развивали наступление на Гатчину, Пушкин, Красное Село. Несмотря на крайне неблагоприятные метеорологические условия, советская авиация оказывала активную поддержку наземным войскам с воздуха. Если невозможно было из-за погоды бомбить вражеские позиции группой, то летали в одиночку. И радовалось сердце пехотинца, когда над его головой под самой кромкой плотных серых облаков с могучим ревом проносилась краснозвездная машина. «Наш... На бомбежку пошел...» — вслух произносил солдат и еще крепче сжимал в руке вечный свой спутник — автомат.

— Где-то вон там на проводах повис Глинский, — трогает меня за рукав Иван Федорович. — Помнишь, каким он к нам потом из партизан пришел?

Да, история, которая произошла в январе 1944 года с заместителем командира эскадрильи 34-го гвардейского авиаполка Сергеем Николаевичем Глинским, поистине необычайная. О ней следует рассказать.

В этот день из штаба дивизии поступил приказ произвести бомбовый удар по Гатчинскому железнодорожному узлу, чтобы не дать фашистам подтянуть резервы для противодействия нашим наступающим войскам. По-

года несколько улучшилась. И вылетать решили звеном. Глинский поднял в воздух свою машину первым, следом за ним взлетели два ведомых экипажа. Вот уже и цель недалеко.

На железнодорожный узел Глинский сделал два захода. Оглянувшись, он увидел сосредоточенное лицо штурмана, а по бокам своей машины — две прильнувшие близко к ней «пешки» — как ласково-фамильярно называли авиаторы свой пикирующий бомбардировщик Пе-2.

Глинский понимал, что проходить на небольшой высоте над станцией, вокруг которой сосредоточены десятки зенитных орудий и пулеметов, риск немалый, и он на первом же заходе почувствовал это, когда шквал огня закипел вокруг идущих по боевому курсу машин. Но бомбы должны попасть в цель, задание не может быть невыполненным, — он вывел звено ниже облаков. Была при этом еще одна опасность — подорваться на собственных сброшенных бомбах, ведь радиус действия взрывной волны и осколков достигал нескольких сот метров. Но все равно нужно бомбить...

Один из снарядов противника разорвался рядом с кабиной стрелка-радиста Рудакова. Осколок, видимо, прошел тело юного воина. Глинский явственно услышал в наушниках шлемофона сдавленный стон и два слова: «Командир... убило...» Самолет сильно трянуло, но твердая рука пилота выровняла его и вновь поставила на боевой курс.

Они уже сбросили на цель бомбы, когда вспыхнул правый мотор. Взрыв на мгновение оглушил Глинского. «Ничего, все в порядке», — подумал он, придя в себя, и окликнул штурмана. Тот не отвечал. Глинский оглянулся — окровавленная голова капитана безжизненно опустилась на плечо.

А едкий дым заполнял кабину, языки пламени лизали обшивку, обжигали лицо, руки. Чтобы не задохнуться, Глинский сорвал «фонарь» — открыл верхний люк кабины и на всякий случай отстегнул привязные ремни. «Только бы выйти из-под огня, только бы сбить пламя», — сверлила мысль. И в этот миг машина затряслась как в лихорадке, она неожиданно резко нырнула вниз, и Глинского силой инерции выбросило из кабины. Он едва успел дернуть кольцо парашюта и... провалился в небытие.

Сознание медленно возвращалось к пилоту. Он не сразу сообразил, где находится: справа внизу горели ко-

робки вагонов, слева и сзади надсадно тужились зенитки, а прямо под ним на белом снегу чернели фигурки бегущих людей. Сам он почему-то висел в пространстве. Что за наваждение? Ах вот в чем дело, оказывается, он упал на линию телеграфных проводов. Замок парашюта зацепился за один из них. Это его и спасло от гибели, ведь парашют с такой высоты не мог полностью раскрыться, и только провода, взяв на себя роль амортизатора, смягчили удар.

«Живым не дамся!» — в ярости прохрипел Глинский и схватился за пистолет, увидев подбегающих немцев, но его на месте не оказалось — тонкий морской ремешок, на котором висела кобура, оборвался. Можно понять отчаяние беспомощного, безоружного, висящего в воздухе пилота, из рассеченного лица которого струилась залепляющая глаза кровь.

Солдаты противника сняли Глинского, подведя под провода танкетку. Он недолго был в плену: с группой товарищей совершил дерзкий побег из поезда, партизанил, а через несколько месяцев вернулся в родной полк. В конце войны командиру эскадрильи Сергею Николаевичу Глинскому за отвагу и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Много было опасных и отчаянных боевых вылетов у Глинского, но о том случае, что произошел с ним над Гатчиной, рассказывал он всегда с большим волнением.

Гатчина... Как много с ней связано и у Кованева! Десятки раз водил свою эскадрилью Иван Федорович в эти края. Но один вылет, 13 апреля 1943 года, навсегда врезался в его память. Позднее, беседуя с нами, молодыми тогда летчиками, он рассказал, как это было:

«Эскадрилья поднялась в воздух, чтобы нанести бомбовый удар по гатчинскому аэродрому, с которого немцы производили вылеты в весеннюю распутицу на Ленинград. Погода благоприятствовала выполнению задания. С высоты хорошо просматривались знакомые очертания Петропавловской крепости, каменные набережные Невы, опустевшие проспекты и улицы города.

Линию фронта перешли на высоте 3000 метров, но едва миновали ее, как эскадрилью и прикрывавших ее истребителей внезапно атаковали «фокке-вульфы». Им удалось отсечь группу сопровождения от бомбардировщиков. Разгорелся бой, из которого моей девятке удалось вырваться и продолжать путь к цели. Часть немецких истребителей последовала за нами. Дружный огонь

стрелков-радистов и штурманов держал их на расстоянии. Вот меткой очередью стрелок-радист Леонид Курьин сбил одного стервятника, вот, не выдержав напряжения боя, отвернул в сторону другой... Но и мы, не доходя до цели, потеряли два самолета. Я видел, как они, объятые пламенем, рухнули вниз, и сердце мое сжалось от боли за своих товарищей.

Перед целью «фоккеры» отстали, очевидно полагая, что с нами расправятся зенитки. Но зенитки, видимо, понадеялись на истребителей. И мы шли вперед, строго выдерживая заданный штурманом Юрченко курс.

Бомбы упали точно на аэродром. Десятки вражеских самолетов, стоящих вдоль бетонированной полосы, превратились в пылающие факелы. Это был отличный удар, который надолго вывел базирующуюся здесь авиацию немцев из боевого строя.

Только после нашего бомбометания, словно очнувшись, заработали фашистские зенитные орудия. Но было поздно, мы свое дело сделали. Пора было идти домой. И тут нас снова атаковали «фокке-вульфы». Их было много. Огненные иглы трассирующих пуль стремительно неслись к нашим самолетам и сзади, и сбоку, и сверху. Юрченко и Курьин сбили еще один истребитель: от огня стрелков с других бомбардировщиков загорелся второй. «Шалишь, фриц, мы еще посмотрим, кто кого!»

Вдруг пулеметная очередь врага, прошив фюзеляж и правую плоскость, хлестнула по мотору. И тут я услышал в наушниках шлемофона протяжный стон. Оглянувшись — на полу кабины лежал штурман Юрченко. «Неужели убит?» — подумал с тревогой... «Держитесь, ребята, — кричу, — не следует себя раньше времени хоронить!» А у самого мелькнула мысль: «Это конец! Подбитый, совсем беззащитный самолет... Штурман и стрелок-радист без сознания, оба их пулемета молчат... Правое крыло окутано дымом... От „девятки“ никого не осталось».

Повторный удар потряс правый мотор, он остановился, и самолет резко стал снижаться. Фашисты были в полной уверенности, что с моим самолетом покончено, они с высоты наблюдали за его падением. Однако я с трудом вывел машину в горизонтальный полет и, миновав руины Пулковской обсерватории, оказался в расположении своих войск.

Печальным было возвращение: я привез тяжелораненого штурмана — Героя Советского Союза Федора Сергеевича Юрченко и убитого стрелка-радиста Леони-

да Курьина. Его имя навечно занесено в список личного состава гвардейского авиаполка.

...Приглушив моторы, автобусы остановились у здания городского комитета партии. Нас встретила секретарь горкома Маргарита Петровна Лисина. Поздравила с юбилеем, рассказала о нынешней Гатчине и о районе, ответила на вопросы, пожелала доброго здоровья и благополучия. А потом выступали ребята из профтехучилища, зачитали свой рапорт об учебе и участии в общественной жизни, дали обещание учиться у старших беззаветной любви к Родине, преподнесли сувениры.

Взял слово и Иван Федорович Кованев. Он говорил о боевом пути дивизии, об ушедших из жизни товарищах, о живых, что пришли сюда на встречу с гатчинцами. Назвал имена Гречишкина и Перегудова.

...Они хорошо известны жителям города. Две его улицы названы этими именами. И расположены они рядом, как рядом в боевой жизни находились эти два замечательных человека. На воинском мемориальном кладбище есть могила Александра Ивановича Перегудова, над ней на высоком постаменте установлен бюст героя. Могила Василия Николаевича Гречишкина в Гатчине нет. Ее вообще нет, потому что прах Гречишкина сгорел в огненном смерче тарана.

В 1943 году, сразу же после прорыва блокады, фашисты усилили обстрел Ленинграда дальнобойной артиллерией. Неисчислимы бедствия наносили городу и его населению мощные, большой ударной силы снаряды. Военным советом фронта был проведен ряд мер по подавлению вражеских артбатарей, в которых активное участие принимала авиация.

Летчики 276-й бомбардировочной авиадивизии систематически выполняли полеты на подавление обнаруженных разведкой огневых точек фашистов. И вот 30 сентября 1943 года им была вновь поставлена такая боевая задача. Для ее выполнения выделили лучшие экипажи 34-го гвардейского бомбардировочного полка под командованием командира второй эскадрильи гвардии майора Гречишкина.

В тот день стояла ясная солнечная погода. Группа пикирующих бомбардировщиков, наполняя воздух звонкими голосами моторов, шла к цели. Немцы зорко оберегали свою дальнобойную артиллерию. Вот и сейчас они встретили наши экипажи сильным заградительным зенитным огнем. Казалось, шапки разрывов создали непреодолимую преграду для советских самолетов, оскол-

ки барабанили по металлу фюзеляжа и крыльев, взрывные волны бросали машины то вверх, то вниз, огонь ослеплял летчиков. Но они шли и шли к цели, охваченные одним желанием — уничтожить чудовище, несущее из своего жерла смерть и страдание ленинградцам.

— Мы на боевом. Так держать! — подал команду штурман ведущего самолета гвардии капитан Перегудов. — Выпустить тормозные щитки, приготовиться к пикированию!

Все летчики группы повторили сигнал ведущего.

Заместитель командира группы старший лейтенант Шелудков услышал слово командира «переход!», что означало ввод самолета в пикирование, и стал выполнять команду. Но что это? Машину Гречишкина вдруг повалило на крыло, левый мотор охватило пламенем...

Вот что рассказал после полета командиру полка гвардии подполковнику Колокольцеву старший лейтенант Шелудков:

«Мы по команде ведущего начали пикировать на батарею. За левым мотором самолета Гречишкина тянулся след черного дыма. Вот высота 2500, 2000, 1500 метров... Командир продолжает пикировать: вместе с ним и мы... Показался купол парашюта — это выпрыгнул из самолета, выполняя приказ командира, стрелок-радист Марченко. Пора бросать бомбы и выводить машины из пикирования!.. Что мы и делаем. На высоте 1000 метров и другие экипажи вышли в горизонтальный полет, а самолет Гречишкина продолжал стремительно мчаться вниз и врезался во вражескую батарею».

Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии майору Гречишкину и гвардии капитану Перегудову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

• • •

Тогда, в хмурый декабрьский день 1982 года, совершая поездку по гатчинской земле, мы, разумеется, не могли знать, что через несколько дней судьбой уготовано нам хоронить бывшего командира полка генерал-майора Колокольцева.

Жизнь этого замечательного человека — яркая страница в боевой истории авиации Ленинградского фронта.

Она во многом связана с боевыми действиями в небе Гатчинского района, с городом Гатчиной. На здешнем аэродроме в 1937 году пилот Колокольцев исполнял должность командира бомбардировочного отряда. Он

очень гордился тем, что служил в городе, тесно связанном с развитием отечественной авиации. Здесь живы были воспоминания о выдающихся летчиках — Нестерове и Уточкине, братьях Ефимовых и Арцеулове, о создателе первого парашюта Котельникове. Здесь бывали в то время Валерий Чкалов и Борис Чухновский; отсюда уходил в авиацию воспитанник 4-й гатчинской школы будущий Герой Советского Союза Владимир Сандалов...

За плечами у Колокольцева были к тому времени воздушные бои с самураями у озера Буир-Нур и первая боевая награда — орден Красного Знамени Монгольской Народной Республики. А впереди — участие в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, война с белофиннами.

Командирские способности Колокольцева ярко раскрылись в Великую Отечественную войну, когда он принял бомбардировочный полк, действовавший в составе 276-й бомбардировочной авиадивизии под Ленинградом и активно участвовавший в освобождении Гатчины от оккупантов.

Мы, молодые летчики, с глубоким уважением и, я бы сказал, с благоговением относились к своему командиру. Был он строг, но справедлив, показывал пример личной отваги, сочетавшейся с мудростью опытного воина.

Командиром полка отважных называли его в конце войны. И заслуженно: 21 Героя Советского Союза и двух полных кавалеров ордена Славы взрастил 34-й гвардейский авиаполк, сотни летчиков, стрелков-радистов, техников и механиков были удостоены боевых орденов и медалей. И за всеми этими человеческими судьбами стоит наставнический талант командира полка.

Обладавший огромным боевым опытом, Колокольцев сам часто водил наш гвардейский полк на особо трудные задания.

Очень досаждала ленинградцам вражеская авиация, дислоцировавшаяся на аэродромах Гатчина и Сиверский. Оттуда фашистские стервятники совершали налеты на Ленинград и боевые расположения советских войск, бомбили железнодорожные станции, населенные пункты.

Командир полка несколько раз проводил операции по блокированию вражеских аэродромов, уничтожению на них самолетов и боеприпасов. Особенно мощным был бомбовый удар, нанесенный ведомыми Колокольцевым экипажами по аэродрому Сиверский в июле 1943 года... Много на его счету и других славных дел.

Всего за годы войны М. Н. Колокольцев совершил несколько сотен боевых вылетов на своем пикирующем бомбардировщике, нанеся врагу невосполнимые потери.

Боевые заслуги нашего командира полка характеризуются множеством наград. Среди них два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Отечественной войны, Красной Звезды и другие, ряд медалей.

В последние годы жизни Михаил Николаевич Колокольцев, гвардии генерал-майор авиации в отставке, был председателем совета ветеранов 276-й бомбардировочной авиационной Гатчинской дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии, активно участвовал в героико-патриотическом воспитании трудящихся; любил встречаться с молодежью.

Мы брали с него пример, старались подражать ему, любили его за то, что и он любил нас, любил свою Родину, свой народ, был верным сыном Коммунистической партии, в рядах которой состоял более полувека.

...Полрайона изъездили в тот день ветераны. Деревни в окнах автобуса сменялись полями, перелесками; летели мимо совхозные фермы и линии электропередачи; проносились встречные машины; бежали стайкой ребятишки из школы... Кругом кипела жизнь. Та самая жизнь, которую они, герои воздушных боев, отстаивали более сорока лет тому назад под Ленинградом.

Ф. Ф. ГУСАРОВ,

радист 220-й танковой бригады

ТАНКИ ИДУТ В ПРОРЫВ

Заканчивался 1943 год, отмеченный рядом крупных побед Красной Армии над фашистским вермахтом. Войска Ленинградского фронта занимались подготовкой к решающему сражению за полное снятие осады города Ленина.

Готовилась к боям и наша 220-я отдельная танковая бригада, которой командовал до этой боевой операции опытный танкист полковник И. Б. Шпиллер. Бригада имела большой боевой опыт. Ее подразделения участвовали в проведении частных операций у стен города, в

районе Путролово и Ям-Ижора, на Невском «пяточке», в боях по прорыву блокады, в Красноборской и Синявинской наступательных операциях войск фронта.

Теперь же предстояло бригаде участвовать в составе войск 42-й армии в боях по полному снятию блокады Ленинграда. Командиром бригады, в связи с назначением полковника Шпиллера командующим бронетанковыми силами 67-й армии, был назначен подполковник В. Л. Проценко.

Утром 14 января началось наступление войск 2-й ударной армии с Приморского (Ораниенбаумского) плацдарма, а через сутки от Пулковских высот нанесла мощный удар 42-я армия, в которую входило и наше соединение. 220-я и 1-я Краснознаменная танковые бригады с двумя самоходными артиллерийскими полками составляли подвижную танковую группу, которую планировалось ввести в прорыв на второй день сражения, с задачей повести наступление из района Кюльмя — Большое Виттолово на Тайцы — Кипень.

В ночь на 15 января подразделения бригады сосредоточились на выжидательных позициях в районе станции Броневая и поселка Александровский, ожидая приказа на выступление. Во всех частях прошли короткие партийно-комсомольские собрания, на которых коммунисты и комсомольцы принимали решения личным примером увлекать всех бойцов на образцовое выполнение воинского долга. Затем на общих построениях личному составу разъяснили боевую задачу.

Получив приказ о выступлении, наша бригада и 224-й самоходный артиллерийский полк (командир — майор Михаил Васильевич Сасим) к 8 часам 17 января сосредоточились на исходных позициях в районе Кюльмя, колонной по дороге, а через час двинулись в направлении Ханнолово и далее на Пушкин. Дойдя до перекрестка шоссе Пулково — Гатчина, мы вышли на маршрут танковой группы и возглавили ее. При подходе к Ханнолово противник начал артиллерийский обстрел колонны, а с приближением к Кургелеву открыл сильный огонь из этой деревни и соседних Пардозы, Хебрела и Туйпо, превращенных в мощные опорные пункты. Их прикрывали огнем до дивизиона противотанковых орудий и батареи шестиствольных минометов.

Головные танки колонны были подбиты или подожжены, на шоссе образовалась пробка.

Бригада приняла бой, открыв огонь по узлам обороны. В. Л. Проценко приказал комбату-3 развернуть

подразделения в боевой порядок и атаковать Кургелево с правого фланга. Комбат Кабанов повел батальон в атаку, но большая часть танков Т-26 застряла при подходе к Кургелеву на противотанковых препятствиях. Не принесли успеха и атаки других батальонов бригады и танкистов 1-й бригады. Огонь вражеских противотанковых орудий и артиллерийских батарей, управляемых наблюдателями с Вороньей горы, оказался непреодолимым для танков, находившихся на ровной, открытой местности.

Однако, пользуясь тем, что противник был занят борьбой с танками, подразделения нашего мотострелкового батальона сумели, преодолев сильный минометный и пулеметный огонь, прорваться на окраину Кургелева и закрепились в деревне.

До наступления темноты противник продолжал обстрел, дважды скопление танков штурмовали самолеты врага. После 18 часов танки были отведены назад на 500—800 метров и рассредоточены. Ждали новых распоряжений.

Ночью 18 января на командный пункт прибыл командующий бронетанковыми войсками 42-й армии полковник Н. Ф. Жуков, который подвел итоги боевого дня.

Он отметил, что группа нанесла противнику значительный урон, но и сама понесла большие потери, почему и выведена была из боя.

К утру бригады, получив новую задачу, сосредоточились в районе Пулково — Галлерово, и автоматчики продолжали оборону Кургелева до подхода пехоты. В течение суток ремонтные подразделения и экипажи танков приводили в порядок материальную часть.

Утром 19 января подвижная группа вышла на исходные позиции в районе Дудергофа, а в 17 часов выступила в рейд. Головной шла наша бригада, командир которой В. Л. Проценко возглавлял группу. На подходе к Красному Селу немцы с окраины Куприяновки начали обстрел колонны из орудий и минометов. Комбриг сообщил об этом представителю 943-го штурмового авиаполка, ехавшему на танке. Старший лейтенант А. Ф. Разгулов по радио нацелил на Куприяновку звено штурмовиков во главе с лейтенантом К. Д. Мамыкиным. В сложных погодных условиях летчики нашли батареи врага и подавили их.

Вскоре головные танки вступили в Красное Село, где еще наши войска вели бой. Впереди разведдозором шел взвод лейтенанта Александра Мнацаканова. Продвинув-

лись к вокзалу, окрестности которого были залиты водой — гитлеровцы взорвали плотину Дудергофского озера, — танки остановились, так как на пути их был железнодорожный состав. Мнацаканов бросился в ледяную воду, расцепил вагоны и своей машиной оттолкнул их в сторону, расчистив проход для идущих за ним танков подвижной группы.

Выйдя на Нарвское шоссе, разведдозор устремился на Телизи. За ним с небольшим интервалом шел батальон Кононова. 84-й батальон и полк самоходок СУ-85 составляли первый эшелон главных сил группы.

В наступившей темноте разведдозор Мнацаканова шел так стремительно, что в Телизи фашисты не успели его задержать, и взвод «тридцатьчетверок» устремился дальше, на Русско-Высоцкое. Немецкое командование в Телизи явно не ожидало появления русских на тыловом рубеже. Чтобы выяснить обстановку, нужно было время, а его не было. Гитлеровцы не успели еще занять места у орудий, как оказались под огнем танковых пушек. Не выходя из колонны, танкисты Кононова вели огонь по строениям, где укрывались фашисты, по огневым позициям их орудий. Не прошло и часа, как вражеский гарнизон, в том числе штаб немецкого полка, был разгромлен. Уцелевшие гитлеровцы, пользуясь темнотой, разбежались.

Еще в деревне гремели выстрелы, а комбат уже дал команду: «Вперед!» Нужно было спешить, чтобы противник в Русско-Высоцком не успел разобраться в обстановке. Так и получилось: гитлеровцы не ожидали нас, поэтому, когда на шоссе показались танки с зажженными фарами, не решились открыть по ним огонь. Выяснить ошибку им помогли выстрелы наших танковых пушек. В скоротечном бою Русско-Высоцкое было очищено от неприятеля, и колонна двинулась дальше.

Когда головные танки Кононова подходили к селу Кипень, радист машины Мнацаканова сержант Евгений Серпунин передал кодированное сообщение: «Встретились в Кипени с частями 2-й ударной армии и танковой разведкой 222-го полка». Командир разведки 462-го полка 168-й стрелковой дивизии Виктор Федорович Владимиров был первым, кто обнял Александра Мнацаканова и его боевых друзей.

В 23 часа в Кипень вошли главные силы танковой группы. Соединением частей двух армий завершено было окружение петергофо-стрельнинской группировки противника.

Во время рейда исключительно смело, хладнокровно и решительно действовал лейтенант Мнацаканов. Образцовое выполнение им обязанностей командира разведдозора во многом обеспечило успешное осуществление рейда танковой группы. За воинское мастерство и личное мужество Александру Сидоровичу Мнацаканову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В ночном марше и быстротечных схватках с неприятелем вновь отличился капитан М. Д. Кононов. Удачно применив военную хитрость, сочетая выдержку, быстроту и напор, он уверенно управлял действиями своих подчиненных и отлично выполнил боевую задачу.

Во главе головной походной заставы шел танк лейтенанта Цезаря Малиновского. Командуя взводом разведки, он принимал на себя удары противника в Телизи и Русско-Высоцком. Не теряясь в сложной обстановке, Малиновский быстро обнаруживал орудия противника, по радио указывал цели командирам танков и вместе с ними огнем и гусеницами уничтожал технику и живую силу врага.

Воинское мастерство и смелость проявили командиры легких танков Николай Староконь, Анатолий Вахляев, заряжающий Егор Колобов и многие другие. Храбро сражался автоматчик Станислав Наркевич, уничтоживший до десяти фашистов. Коммунист Наркевич, будучи раненным, не ушел с поля боя, а продолжал драться, подбадривал товарищей. Лишь после второго ранения он был отправлен в медсанбат.

В Кипени группа получила боевую задачу: наступать в направлении Скворицы, Репузи, поселок Рошаля и овладеть узлом дорог юго-западнее Гатчины. Вечером 20 января 1-я бригада выступила из села. За ней в трех-четырех километрах следовала наша бригада и оба самоходных артполка. При подходе разведки к Ряхкелову противник сильным артогнем остановил ее. Начался огневой бой, который из-за наступившей темноты вскоре прекратился, и танковая группа закрепилась на достигнутом рубеже.

Ночью командование армии изменило направление действия группы, и она двинулась по маршруту Пелля — Русско-Высоцкое — Арропакози — Малая Истинка. К 16 часам был достигнут рубеж 500 метров севернее Новой Пудости. Здесь путь преградил глубокий противотанковый ров, непреодолимый без проведения инженерных работ. Гитлеровцы из Новой Пудости и Покизен-Пурскова сильным артогнем препятствовали форсирова-

нию рва и устройству переправы через реку Ижору. Танки и самоходки развернулись в боевые порядки и до темноты вели огонь на подавление батарей противника.

По распоряжению штаба бронетанковых войск армии 22 января группа двинулась в тыл и была расформирована. Вся боеспособная материальная часть 1-й бригады была передана 220-й бригаде, после чего она имела 59 танков, но лишь 6 из них были средними — Т-34, а остальные — легкими.

23 января бригада была оперативно подчинена командиру 123-го стрелкового корпуса генерал-майору Г. И. Анисимову и получила задачу: с выходом частей корпуса на рубеж Рейзино и далее по реке Ижоре войти в прорыв и нанести удар в направлении Сализи — Педлино — Черново.

В 14 часов вслед за танковой разведкой выступили главные силы бригады. При подходе к Сализи колонну встретил сильный огонь из орудий и минометов. Танки в течение трех часов вели бой, разгромив противника, продолжали марш, но вскоре по приказу комбрига остановились: комбаты доложили по радио, что осталось не более четверти боекомплекта.

В бою за Сализи был подожжен снарядом танк капитана С. С. Мещерякова. Отважный замполит 84-го батальона, участник многих боев, Сергей Степанович погиб, выполняя партийный и воинский долг.

Пополнив боекомплект, бригада утром 24 января выступила на Педлино, вскоре достигла деревни и завязала бой, длившийся свыше трех часов. Под напором танкистов противник, понеся значительные потери, спешно оставил Педлино.

В этом бою геройский подвиг совершил башенный стрелок танка Т-26 рядовой В. П. Коноховский. Когда экипаж выскочил из подожженной машины, Василий Коноховский метрах в 50 от себя заметил противотанковое орудие, расчет которого вел огонь по нашим танкам. Жертвуя собой, герой-танкист снова вскочил в горящую машину и метким выстрелом уничтожил вражеское орудие.

В районе Педлино танковая разведка, которой командовал Е. С. Казачек, была встречена гранатами и автоматным огнем. Комсомолец сержант Георгий Кисляков, ранее награжденный медалью «За отвагу» и знаком «Отличный разведчик», спешил десант и повел бойцов в обход засады. Смелой атакой с фланга группа Кислякова уничтожила до 20 гитлеровцев и освободила

путь танкам. Продолжая движение, взвод завязал бой. Вражеский снаряд повредил пушку танка. Казачек был ранен, но продолжал разведку и вовремя доставил данные о противнике.

Рядовой Н. А. Колпаков в Сализи обнаружил засевших на чердаке дома фашистов, которые вели огонь по наступающим. Подобравшись к дому, Колпаков забросал врагов гранатами, уничтожив при этом семерых.

Смело сражались с гитлеровцами бойцы стрелковой роты старшего лейтенанта А. М. Жирохова. Автоматчики И. Ф. Бойцов, Е. И. Глушков, П. А. Козлов, И. П. Попов, сержанты А. А. Исаков и А. Н. Игумнов уничтожили по 3—5 врагов каждый.

24 января 28 оставшихся боеспособных танков были объединены в сводный батальон, который возглавил начальник штаба бригады майор И. А. Попович. Его заместителем стал комбат-3 Кабанов. Штаб и другие подразделения бригады сосредоточились под Гатчиной и приступили к восстановлению поврежденных танков.

Сводный батальон, находясь в оперативном подчинении командира 196-й стрелковой дивизии генерал-майора П. Ф. Ратова, утром 25 января перешел из Педлина в Черново. После короткого артналета танки пошли в атаку, пересекли железную дорогу, а затем ворвались в Илькино и на железнодорожную станцию Войсковицы, перерезав при этом пути отхода противника из Гатчины на Кингисепп и Нарву. Наша пехота на подходе к насыпи железной дороги была отсечена сильным огнем от танков и дальше продвинуться не смогла. Танки заняли круговую оборону станции и деревни.

В 14 часов по дороге из учхоза «Войсковицы» к Илькину подошли тяжелые немецкие танки «тигр» и самоходное орудие «фердинанд», которые открыли огонь прямой наводкой по нашим танкам, большинство из которых были легкими. Неравный огневой бой продолжался более трех часов. Понеся значительные потери, наши танкисты вынуждены были отойти в рощу недалеко от Илькина, сохраняя огневой контроль над шоссе и железной дорогой.

В жестоком бою у станции Войсковицы высокое командирское мастерство проявил капитан Кабанов. Под огнем 88-миллиметровых пушек врага экипажи легких Т-26, следуя примеру комбата, сражались мужественно и стойко, уничтожили два орудия и подбили «тигр». Василий Григорьевич Кабанов в этом бою был тяжело ранен.

Образец стойкости и отваги показал в бою командир танка Петр Кондратьев. Его машина одной из первых ворвалась в опорный пункт, огнем поддерживая наступление пехоты. Танк Кондратьева был поврежден снарядом. Несмотря на сильный обстрел, экипаж под руководством командира восстановил машину и продолжал выполнять боевую задачу.

В Илькино была подбита «тридцатьчетверка» старшего лейтенанта Н. С. Гаврилюка. Сменив раненого водителя, за рычаги управления сел радист Григорий Мартыненко. Он повел машину через железную дорогу на контратакующих фашистов. Попадание второго снаряда остановило танк. Мартыненко был ранен в руку. Наскоро перевязавшись, старшина из пулемета продолжал разить гитлеровцев.

Большое мужество и выдержку показал башенный стрелок младший сержант Николай Котов. Когда от попадания снаряда загорелся его танк, а командир был ранен, Котов погасил пламя, занял место у пушки и продолжал стрелять по противнику.

С наступлением темноты бой прекратился, и мастера роты технического обеспечения и экипажи танков занялись ремонтом машин. Ударный труд дал хорошие результаты, несколько машин было восстановлено, но теперь их стало только 14. Столько же выбыло окончательно или требовало капитального ремонта.

Утром 26 января вслед за 31-м гвардейским тяжелым танковым полком батальон выступил по дороге на учхоз «Войсковицы» и далее на Малые Дубицы. На марше по радио майор И. А. Попович получил задачу от командира стрелковой дивизии — овладеть деревней Большие Борницы. Совместным ударом к 14 часам танкисты выбили противника из деревни, а к исходу дня взяли Шпаньково.

Продвинувшись к Николаевке, танки заняли круговую оборону и удерживали поселок до подхода пехотных частей. Здесь все боеспособные машины бригады были переданы в 205-й танковый полк.

Бои 25—26 января за населенные пункты, расположенные в 15—20 километрах западнее Гатчины, на шоссе и железной дороге, ведущих на Кингисепп — Нарву, существенно ухудшили положение немецких войск в Гатчине. Отвлекая на себя значительные силы противника, уничтожая его боевую технику и живую силу, преграждая пути отхода и дезорганизуя планомерный вывод немецких войск из Гатчины, танкисты 220-й брига-

ды тем самым оказали значительную поддержку соединениям, непосредственно штурмовавшим город.

Действия бригады получили высокую оценку командования армии и Ленинградского фронта.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 27 января 1944 года 220-й танковой бригаде было присвоено наименование «Гатчинская», а двумя месяцами позже она была награждена орденом Красного Знамени. С огромной радостью танкисты встретили весть о наградах, которые подчеркивали громадное значение победы под Ленинградом, подтверждали высокую оценку действий личного состава бригады.

Вера ИНБЕР

СТРАНИЦЫ ДНЕЙ ПЕРЕБИРАЯ...

1 февраля 1944 года

С художниками и музейными работниками ездила вчера в Дудергоф, Гатчину, Павловск и Пушкин. На обратном пути проехали мимо Пулкова.

В последний раз я видела Пулковскую обсерваторию в маленьком детском стереоскопе. Там с трогательной оптической четкостью виднелись белые здания среди зелени: главный корпус обсерватории работы Брюллова высокая башня, где помещался главный телескоп, библиотека, где хранились биографии всех звезд.

Теперь все это сожжено, расстреляно, разбомблено, разбито. От бывшего парка сохранилось только несколько обугленных деревьев. Здания в развалинах. Весь Пулковский холм изрыт блиндажами и траншеями: это наши. Но тут же, по другую сторону холма, уже были немцы. Их блиндажи и траншеи, в полном смысле этого слова, упирались в грудь нашим частям. И все же немцы ничего не могли поделать.

Разрушенное Пулково прошло перед нами на исходе короткого зимнего дня как сумрачное видение.

Дудергоф (Воронья гора) издали по форме несколько напоминает утюг. С Дудергофа гитлеровцы вели и корректировали свой артиллерийский огонь по городу. Можно себе представить, как трудно было брать нашим эти обледенелые склоны. Танки, думается, мало что могли здесь сделать. Очевидно, их брала пехота.

В нашем автобусе были сотрудницы трех бывших музеев — Павловского, Гатчинского и Пушкинского. И на-

до было видеть, с какой горечью смотрели они на разрушения.

В Павловский дворец я не попала, только смотрела на него издали. Мост через реку Славянку (как вообще все мосты) взорван. Нужно было спуститься с крутого обрыва и пройти по обледеневшим бревнам: мне это было трудно.

Но девушка из Павловского музея с такой быстротой сбежала вниз и взобралась на той стороне по ледяной круче, что мужчины едва поспевали за ней. Возвращалась она медленно и была так бледна, что это было заметно даже на морозе. Она рассказала, что от дворца сохранилась только «коробка», то есть внешний силуэт. Внутри — это руины.

В Гатчине, на высоком обелиске у входа в парк, был раньше гранитный шар. Гитлеровцы сбили его и водрузили туда громадную свастику. Но когда мы подъезжали к парку, свастика эта, издевательски засиженная воронами, была уже сшиблена нашими бойцами и лежала у подножия обелиска.

От Гатчинского дворца, по определению музейных работников, сохранился по крайней мере «архитектурный ансамбль» — общий вид здания, его замысел, пропорции его частей. Гатчину немцы сдавать не собирались. Наоборот, они даже согнали сюда людей из Петергофа и Стрельны. В последнюю минуту, когда наши войска уже входили в город, фашисты облили дворец термитной жидкостью и подожгли. Из каждого окна вырывался сноп пламени, оставляя после себя черный хвост копоти на внешних стенах. Все здание теперь словно в траурных султанах. Даже при нас отдельные балки еще дотлевали.

Внутри хаос, развалины, рухнувшие потолки. В комнате Павла — свисающий сверху камин. Над камином — античный горельеф I века до нашей эры: жертвоприношение императора Тита. В другой комнате, тоже над головой, над дверью мраморный омар. Все это надо разглядывать снизу, запрокинув голову, но осторожно, чтобы самой не провалиться куда-нибудь.

С фасада, у главного входа во дворец, — две аллегорические статуи итальянской работы: Война и Мир. Обе прекрасно сохранились в своих деревянных чехлах. Гатчинская сотрудница обрадовалась этим статуям, как живым. Сама же она прятала их в эти чехлы.

На фронтоне дворца значится: «Заложен 30 мая 1766 года. Окончен в 1781 году». Теперь можно было

бы добавить: «Разрушен фашистами в январе 1944 года».

На одной из гатчинских стен — немецкая надпись химическим карандашом: «Мы здесь были...» — и дальше дословно: «Когда Иван придет — тут все будет пусто». И адрес: «Рихард Вурф, Штеттен, Уландштрассе, 2. Телефон Д 28-10-43».

Где-то сейчас этот «Вурф» (что по-русски означает «Бросок»)? Уж не его ли это «выбросило» в снег на дороге между Гатчиной и Павловском, босого, с наполовину размозженной головой, с комьями кровавого льда вместо глаз, мертвого, запрокинутого? Из-под снега виднелась нашивка на рукаве: «СС». Таких трупов мы видели много.

В самой Гатчине — отвратительные и страшные следы гитлеровского быта: тюрьма, дважды окруженная колючей проволокой, «офицерский клуб», вывески на двух языках — немецком и русском: «Комиссионный магазин», «Булочная». И фамилии «владельцев»: Айсен, Маслянников.

При освобождении нашими войсками Гатчины там было обнаружено около четырех тысяч человек. Вот оборванный, тощий, бледный мужчина с перевязанной рукой, глядит — не может наглядеться на нас, приехавших из Ленинграда.

На пустынных дорогах, у мостов началась уже жизнь, правда, еще военная, кочевая. Горят малые костры, в котелках закипает снеговая вода. В одном месте, видимо, только что прирезали лошадь.

На другом перекрестке походная канцелярия. Прямо под открытым небом стоят письменный стол и кресло, вынесенные из бывшего немецкого блиндажа. Человек в папаше озабоченно дует на чернила в баночке, отогревая их своим дыханием.

В реке Ижоре — два небольших полузамерзших танка — «За Ленинград» и «Суворов». Оба подбитые, и ледяная вода неустанно омывает их раны...

В. И. НИКОЛАЕВ,

журналист

ПО СЛЕДАМ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ

Письма с фронта... Поистершиеся бумажные треугольники, ромбики, почтовые карточки, склеенные хлебным мякишем самодельные конверты с обязательными

штемпелями «воинское» и «просмотрено военной цензурой». Написанные в перерывах между боями, они ручейками стекались на пункты полевой почты и разлетались отсюда по всей стране. Письма стали как бы одной из многочисленных ниточек, связавших фронт и тыл в единый нерасчленимый организм, который выстоял и победил в жесточайшей схватке с черными силами фашизма.

В этих заметках рассказывается об истории нескольких фронтовых писем, напечатанных в годы войны в газете «Гатчинская правда» (до 1944 года — «Красногвардейская правда»). За каждым из них человеческие судьбы, их дела, чаяния, надежды. Письма эти дороги нам не только как память о конкретных лицах, но и как бесценные документы истории, как яркие свидетельства мужества, героизма и преданности советских людей своей социалистической Родине.

СЕМЬЯ ПАТРИОТОВ

Немецкий офицер устало откинулся на спинку стула и, пошарив в карманах, достал пачку сигарет. «Черт знает, что за люди эти русские,— подумал он, злясь от своего бессилия,— с ними просто невозможно работать». Вот уже битый час силится он выяснить у стоящей перед ним женщины, кто оставлен большевиками вести подрывную работу в поселке, однако ни лояльное обращение, ни посулы, ни побои — ничто не помогает. Женщина твердит одно: «Не знаю» — и даже не признается, что она большевичка.

Вся эта канитель надоела ему. Сегодня он допросил уже пятерых, но нужных сведений не получил. А приказ требовал выявить и ликвидировать большевистскую агентуру в округе, и в особенности в поселке, где штаб армии намеревался разместить свои отделы и службы.

Женщина, которую привели к обер-лейтенанту, по показаниям одного местного жителя была членом большевистской партии и советской активисткой. Уже после первых минут допроса он понял, что ничего от нее не узнает. Люди такой категории, непокорные, сильные, умеющие держать язык за зубами, были хорошо известны ему. За то время, пока он в обозе комендантской службы двигался от западных границ России до этого красивого поселка с непереводаемым названием «Тайцы», через его руки прошло их немало. Они стояли, когда им выкручивали суставы или дробили кости, впадали в беспамятство, если жгли или терзали тело, по товари-

щей своих не выдавали. В конце концов обер-лейтенант перестал особо утруждать себя и почти всех, за исключением переданных в гестапо, не мешкая расстреливал. Он был убежден, что дни большевистской России сочтены, скоро она станет всего лишь громадной провинцией «Великой Германии», в которой такие, как он, чистокровные арийцы установят новый порядок и с корнями выкорчуют большевизм. Так что чем больше коммунистов он ликвидирует сейчас, тем меньше работы будет после.

Закурив сигарету, немец пустил колечко дыма и, проследив, как оно расплылось, столкнувшись с висящим над столом абажуром, поднялся. Пора кончать с этой русской.

— Ми знайт: ты есть болшевик, депутат селсовьет, — коверкал он с трудом заученные слова чужого языка. — Ми ешо знайт: твой шетыре сын — зольдат Красная Армия. Такой мать ми расстреливайт. Имею дать последний шанс: ты нам назвать фамилия, адрес, ми давать тебе жизнь.

И тут женщину, терпеливо сносившую до сих пор все надругательства, словно прорвало:

— Да, я член большевистской партии и депутат сельсовета! — гордо и гневно выкрикнула она. — Верно, что все мои сыновья служат в Красной Армии и крепко бьют вас, фашистское отродье. Можете убить меня — все равно ничего не добьетесь, и пощады просить не буду. Только вам тоже не праздновать победы. Вот погодите, соберется наш народ с силой и всей вашей шайке вместе с проклятым Гитлером придет конец. И тебе, душегуб, окаанный!

Отступив к столу — неизвестно, что может взбрести в голову этой разъярившейся женщине, — офицер крикнул стоявшему у двери солдату:

— Wegfuhren! Erschießen!¹

Рослый верзила грубо схватил ее, но женщина вырвалась:

— Не хватай, бандит, сама пойду! — И обожгла его таким ненавидящим взглядом, что тот не посмел больше притронуться к ней и только замахнулся винтовкой...

Так (или почти так) встретила свой последний час бригадир-полевод колхоза «Сеятель» (был такой до войны в деревнях Большая и Малая Ивановка), депутат Танцкого сельсовета Вера Ивановна Василевская. О ней

¹ — Увести! Расстрелять!

мне рассказала ее невестка Антонина Яковлевна Рогова, с которой я встретился, разыскивая героев небольшой зарисовки «Гордость матери». Она была напечатана в «Красногвардейской правде» 14 августа 1941 года.

Корреспондент газеты, рассказывая о встрече с матерью четырех сыновей-красноармейцев Верой Ивановной Василевской, приводил в газете выдержки из двух писем самого младшего ее сына — восемнадцатилетнего Владимира.

«Добрый день, мама! — писал Владимир матери. — Шлю тебе свой горячий привет. Я живу хорошо и самочувствие хорошее. В первый раз, когда пошел в бой, признаться, страшновато было, а теперь хоть бы что. Надо быть только смелым и дерзким. Хотя гитлеровские разбойники вооружены до зубов, нахальны и самоуверенны, идут с шумом и треском, но мы их бандитские уловки раскусили и крепко даем по зубам. Я вооружен автоматическим оружием и не зеваю. Уже участвовал в трех боях».

В другом письме — сестре Фене Володя писал:

«Вы не унывайте, родные, будьте веселей. Мы тут на фронте чувствуем себя бодро, не падаем духом, крепко верим в победу и боремся, не щадя жизни, за нее».

Зарисовка заканчивалась словами Веры Ивановны. «Были бы у меня еще сыны, — сказала она корреспонденту, — я б их без колебания отправила в Красную Армию, чтобы быстрее расправиться с этими проклятыми фашистскими душегубами».

Прочитав этот рассказ, я заинтересовался судьбой семьи Василевских. Трудно было надеяться на успех, и все же после долгих поисков удалось найти Антонину Яковлевну, жену старшего сына Веры Ивановны — Петра Петровича Василевского. Она-то и рассказала о полной драматизма истории этой простой рабочей семьи, о трагической судьбе самой Веры Ивановны.

До войны семья Василевских была большой — четыре сына, четыре дочери. Жили дружно, справно, хотя и без отца. Старший из детей — Петр был женат и работал в Ленинграде электромонтером в типографии имени Володарского. Отсюда в первый же день войны ушел в Красную Армию. Его рабочее место заняла жена Антонина. Рядовой Петр Василевский служил в авиационном полку, которым командовала прославленная советская летчица В. С. Гризодубова. Боевые дороги солдата из Тайц пролегали до Берлина. В семье бережно хранятся фотографии, на которых Петр Петрович вместе с

боевыми друзьями снят возле испещренных русскими надписями стен рейхстага. Вернувшись с войны, П. П. Василевский, как и прежде, работал в типографии, но, случайно попав в автодорожное происшествие, не смог оправиться от полученных ран и умер.

Второй сын Веры Ивановны — Александр был кадровым военным, участвовал в Великой Отечественной войне. Кавалер многих боевых наград, полковник в отставке Василевский А. П. умер в 1982 году.

Третий сын — Василий воевал краснофлотцем на Ладоге. Он не дожил до снятия блокады Ленинграда — погиб на катере при выполнении боевого задания.

Не вернулся с фронта и младший сын Веры Ивановны — Владимир, письма которого процитировала «Красногвардейская правда». Перед самой войной, окончив курс ученичества, он стал работать электромонтером. На фронт ушел добровольцем. Осенью сорок первого Антонина Яковлевна получила от него одно-единственное письмецо. Владимир сообщал, что жив-здоров, воюет с фашистами на Ленинградском фронте. Спрашивал, где мать, но Антонина Яковлевна ничего определенного ответить ему не смогла, поскольку сама вплоть до освобождения Тайц не знала о ее судьбе.

— Когда немцы стали приближаться к Гатчине, — вспоминает Антонина Яковлевна, — я с детьми собралась уходить в Ленинград. Как ни уговаривала свекровь идти вместе с нами — она ведь была членом партии, а партийных фашисты не щадили, — не послушала. До последнего дня работала в колхозе, все об артельном имуществе пеклась, хотела спрятать его от фашистов, сохранить для будущих времен. От моих уговоров отмахивалась: «Да кто меня выдаст? Я ведь людям ничего плохого не сделала, наоборот, всегда старалась сделать как лучше». И верно, очень душевным человеком была моя свекровь, многим в Ивановке помогла и когда председателем колхоза была, и когда бригадировала. Но нашелся негодяй. Видать, захотел перед оккупантами выслужиться, донес на Веру Ивановну.

Антонина Яковлевна уголком платка вытерла набежавшие слезы и после недолгой паузы продолжила свой печальный рассказ:

— Арестовали Веру Ивановну прямо на улице, у колодца. Пошла за водой и домой больше не вернулась. Очевидцы рассказали мне после войны, что подошли к ней два немецких солдата с каким-то штатским. Один солдат остался сторожить ее, а те двое сходили в Голо-

духу — так до войны называлась нынешняя Новая Деревня, — привели оттуда еще одну арестованную — девушку-комсомолку, фамилию ее уже запомнила. Оба их увели в бывший санаторий, где у немцев штаб был. Там Веру Ивановну и расстреляли.

От Антонины Яковлевны я узнал, что много горя довелось хлебнуть и дочерям Веры Ивановны — Валентине и Татьяне, а старшая — Феня, работница фабрики «Красный треугольник», погибла в Ленинграде во время воздушного налета. Фашистская бомба разрушила комнату на четвертом этаже, где она квартировала вместе с младшей сестренкой Валею. Валею откопали, вернули к жизни, а Феня так и осталась под развалинами дома на улице Шкапина...

Вот такая история семьи Василевских из поселка Тайцы, одной из многих миллионов советских семей, которые не обошла черная тень войны. Простые, обыкновенные люди. Для них судьба Родины была неотделима от собственной судьбы. В час смертельной опасности, когда решался вопрос, быть или не быть ей свободной, советской, они показали себя настоящими патриотами и вместе со всем народом встали на защиту матери-Отечества.

БЛИЗОК ЧАС РАСПЛАТЫ

26 января советские войска освободили Красногвардейск, а через несколько дней очистили от немецко-фашистских захватчиков весь район. Городу было возвращено исконное название — Гатчина, район стал Гатчинским, а возобновившая с 13 февраля выход районная газета получила наименование «Гатчинская правда».

Сразу после освобождения в Гатчине стала работать почта. За первые десять дней жители города и района получили свыше восьми тысяч писем, отправив за это же время в действующую армию и различные районы страны около двух тысяч. Разлученные войной люди разыскивали друг друга: писали по старым адресам, посылали запросы в советские органы, обращались за помощью в редакции газет. В те дни в «Гатчинской правде» появилась рубрика «Письма гатчинцам с фронта». Вот одно из них, опубликованное 23 февраля.

«Друзья и знакомые!

Настал радостный долгожданный час. Гатчина освобождена из-под немецкого ига. У меня в этом городе много было друзей и знакомых. Вероятно, многие замучены фашистским зверьем. Кто остался в живых, сооб-

щите о себе. Я на фронте мщу за поруганный город Гатчину, за смерть многих своих друзей. Призываю вас больше помогать Красной Армии.

С красноармейским приветом Васина. Полевая почта 67626».

До конца войны «Гатчинская правда» напечатала несколько десятков писем фронтовиков. Бойцы и командиры Красной Армии и Военно-Морского Флота поздравляли гатчинцев с освобождением города и района, призывали их быстрее восстанавливать разрушенное войной хозяйство, сильнее помогать фронту.

«Меня, как старого гатчинца,— писал с фронта майор Ф. Удальцов в «Гатчинской правде» за 7 мая 1944 года,— очень интересуется жизнь родного города и района, где я долгое время жил и работал. Прошу трудящихся города и колхозников района писать мне, как идет восстановление Гатчины и колхозов района. Желаю вам посеять и снять победный урожай в текущем году, чтобы Гатчинский наш район снова стал бы базой снабжения овощами города Ленина.

С полей далекой Белоруссии, освобождать которую мне выпала честь, шлю я вам, освобожденным гатчинцам, свой фронтовой привет.

Майор Ф. Удальцов, кавалер ордена Красной Звезды. Полевая почта 58284».

Автора этого письма — Федора Федоровича Удальцова уже нет в живых, он умер в 1959 году. Его сын, Владимир Федорович, тоже участник Великой Отечественной войны, рассказал мне об отце. Федор Федорович воевал еще на фронтах первой мировой и гражданской войн. В 1920 году вступил в партию. Демобилизовавшись из РККА, работал в советских органах Ленинградской области. В начале 1930-х годов был председателем Красногвардейского райисполкома, а перед самой войной — начальником отдела Красногвардейского литейно-механического завода, одновременно возглавлял заводскую партийную организацию. Старого, еще со времен гражданской войны, армейского политработника в июле сорок первого года мобилизовали в Ленинградскую армию народного ополчения и назначили комиссаром одного из подразделений 263-го отдельного пулемотно-артиллерийского батальона. Ополченцы стойко сражались против превосходящего по численности и вооружению врага под Кингисеппом, задержав его продвижение к Ленинграду на важном направлении вдоль Таллинского шоссе.

После тяжелого ранения и излечения в госпитале батальонный комиссар Удальцов был переведен в политотдел дивизии. Войну он закончил заместителем начальника армейского госпиталя по политической части. Демобилизовавшись из армии в 1946 году, Федор Федорович возвратился в Гатчину, работал заместителем директора школы ФЗО, начальником горжилуправления, старшим инспектором финансового отдела горисполкома.

СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ

1 октября 1944 года «Гатчинская правда» поместила очередное письмо с фронта.

«До войны,— сообщал его автор,— моя семья жила в поселке Тайцы Гатчинского района. В тяжелые для Родины дни августа 1941 года жена, старушка мать и двое детей были эвакуированы в Ленинград, где перенесли все тяготы блокады, и весной 1942 года из Ленинграда были эвакуированы в глубокий тыл.

В 1944 году семья возвратилась домой. В первые дни она испытывала материальные трудности. Но на помощь ей пришла Советская власть. Сотрудники отдела гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих при районном Совете депутатов трудящихся помогли моей семье хлебом, выделив из специального фонда 50 килограммов муки, и выдали ордера на одежду и обувь детям.

Через газету «Гатчинская правда» приношу глубокую благодарность за помощь, оказанную моей семье.

С краснофлотским приветом В. Шитов. Полевая почта 20342».

Это письмо побудило меня внимательно перелистать всю годовую подшивку газеты и поискать в ней материалы о помощи семьям фронтовиков. И что же, их оказалось немало. Вот некоторые факты.

5 апреля 1944 года «Гатчинская правда» извещала, что в марте при исполкоме Гатчинского райсовета образована районная комиссия по разбору заявлений семей военнослужащих о назначении государственных пособий и пенсий. 31 марта на своем первом заседании она рассмотрела около двухсот заявлений, по которым с 15 апреля начнется выдача пособий семьям многодетных фронтовиков и престарелым родителям фронтовиков.

В другой заметке рассказывалось, что с 15 по 25 апреля в районе был проведен декадник помощи семьям военнослужащих. В эти дни был организован сбор

средств, одежды, предметов домашнего обихода, продовольствия, ремонт квартир, копка огородов. Колхозы Сиверского сельсовета «Память Ильича» и «Победа» выступили с инициативой-обязательством засеять в 1944 году по два гектара сверхплановых посевов в фонд помощи семьям военнослужащих и инвалидов Отечественной войны.

1 сентября газета сообщала, что в течение половины года районный отдел гособеспечения выплатил многодетным семьям военнослужащих и престарелым родителям фронтовиков государственных пособий на сумму 376 493 рубля и пенсий — 93 122 рубля.

А вот заметка об итогах двух районных воскресников по оказанию помощи семьям фронтовиков, проведенных 5 и 12 ноября. Трудящиеся района за эти дни обеспечили дровами на зиму 300 семей, отремонтировали 115 квартир, собрали 14 129 килограммов овощей и корнеплодов, 9000 килограммов картофеля, 2000 килограммов зерна, 130 предметов одежды, 15 тысяч рублей. Всего в эти дни было обеспечено 643 семьи. Это ли не пример человеческой доброты, благородства и высокой сознательности гатчинцев?!

Но вернемся к письму В. Шитова. После долгих розысков удалось найти и его. Владимир Васильевич теперь проживает в Ленинграде. Еще до войны он работал в нашем городе, в свободное время занимался радиodelом. Это увлечение и определило его воинскую профессию. На второй день войны В. В. Шитов был призван в армию и направлен в Таллин, в 44-ю отдельную авиационную эскадрилью ВВС Балтийского флота. Радиолюбительские знания и навыки помогли ему быстро освоить специальность техника по радиооборудованию и умело обслуживать боевые самолеты. Когда враг приблизился к Таллину, эскадрилья передислоцировалась в Ленинград и отсюда наносила удары по фашистским войскам. После снятия блокады Ленинграда сержант Шитов — в ту пору уже специалист узла связи — со своей частью дошел до немецкого города Свинемюнде. Побывал в разных переделках, был дважды ранен, три раза контужен. Вместе с другими боевыми наградами Владимир Васильевич бережно хранит грамоты с благодарностями Верховного Главнокомандующего, среди которых есть грамота за участие в освобождении Гатчины.

После демобилизации в 1945 году В. В. Шитов несколько лет проработал на предприятиях Гатчины и Ле-

нинграда. Однако фронтовые ранения давали о себе знать все сильнее и сильнее, и ему пришлось перейти на инвалидность.

В своем письме в «Гатчинскую правду» Владимир Васильевич рассказал следующее:

«Вскоре после снятия блокады, когда я служил в Кронштадте, мне удалось побывать в Тайцах. Оказалось, что наш дом сохранился, и я начал хлопотать о возвращении семьи из эвакуации. Но когда она вернулась в Тайцы, я был уже далеко на Западе. К кому идти жене, ведь она еще надеялась на мою помощь? Обратилась в райисполком. Работники исполкома помогли моим близким разместиться и обзавестись предметами первой необходимости. Жена была очень тронута таким заботливым отношением к семье фронтовика, о чем написала мне в часть. Скажу без преувеличения: такие добрые вести здорово поднимают боевой дух солдата. Когда знаешь, что твои близкие не оставлены в беде и окружены заботой, то и воюется легче. Вот поэтому я и написал в газету».

И СТАЛИ ДИВИЗИИ «ГАТЧИНСКИМИ»...

Среди писем, присланных в «Гатчинскую правду» с фронта, особую группу составляют коллективные письма бойцов и командиров частей и соединений, участвовавших в освобождении Гатчины и района.

В праздничном первомайском номере за 1944 год газета поместила письмо морских летчиков 8-й минно-торпедной авиационной дивизии ВВС Краснознаменного Балтийского флота.

«Дорогие товарищи гатчинцы! — писали летчики. — Ваш город особенно дорог и близок нам — летчикам КБФ. Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин присвоил нашему авиасоединению наименование «Гатчинское». Велик почет — носить овеянное двухсотлетней¹ славой имя вашего города. День, когда мы стали «гатчинцами», был самым радостным для нас.

Значительна роль наших летчиков и техников в обороне Ленинграда. Но наиболее ярко выразились боевой энтузиазм и высокое мастерство в боях за овладение важнейшим оборонительным узлом — городом Гатчина. Нам памятни бомбовые удары летчиков части гвардии

¹ В письме допущена неточность: в 1944 году городу Гатчине исполнилось 148 лет. (Примеч. автора).

майора Борзова по аэродрому Гатчина, откуда фашисты совершали варварские налеты на город Ленина. Неоднократно отличились пикирующие бомбардировщики гвардии подполковника Курочкина, экипажи Героя Советского Союза Ракова, гвардии капитанов Голубева и Лазарева, гвардии лейтенантов Пасынкова и Кофоева. Они мастерски уничтожали отступающие гитлеровские войска. Краснознаменцы-истребители части подполковника Павлова не только надежно прикрывали бомбардировщиков, но и уничтожали в воздушных боях вражеские самолеты. Образцы воинского умения и отваги показывали Герой Советского Союза Ломакин, летчики Меркулов, Ткачев, Щербина и другие.

Пришел конец черным дням оккупации города Гатчины. Войска Ленинградского фронта и действующие рука об руку с ними балтийские моряки и летчики возвратили его в семью городов нашей любимой Родины.

Братья и сестры — граждане города Гатчины и Гатчинского района! Как можно быстрее воскресите свой славный город, свои колхозы. Чем больше труда вы вложите в восстановление промышленных предприятий, коммунального хозяйства, транспорта и колхозов своего района, тем больше возрастет наша боевая мощь.

По поручению личного состава «Гатчинского соединения» письмо подписали бойцы и офицеры: Суханов, Барский, Лазарев, Павлов, Усенко и другие».

Бывший летчик этого соединения Герой Советского Союза В. А. Горин посоветовал мне обратиться к своему однополчанину, также Герою Советского Союза М. А. Суханову, фамилия которого, по его предположению, стояла под письмом первой. Но так ли?

— Что-то не помню такого случая, — сказал Михаил Андреевич, внимательно прочитав копию газетного письма. — Если я и подписывал его, то скорее всего, как в нем сказано, в числе «других». Дело в том, что нашей дивизией командовал мой однофамилец — полковник Суханов. По всей видимости, первой в письме указана его фамилия, как старшего по должности и по званию. За ним следуют Барский и Лазарев, бывшие в то время командирами эскадрилий, Павлов — командир истребительного полка, Усенко — заместитель комэска. Нет, определенно это не моя подпись. Не мог я, в то время старший лейтенант, штурман звена и даже еще не Герой, нарушив субординацию, «лезть вперед батьки в пекло», то есть подписываться раньше старших по званию, должности, да и по боевым заслугам.

— Ну а как сложились судьбы летчиков, подписавших письмо?

— Александр Николаевич Суханов стал генералом. После войны работал в военном учебном заведении. Теперь, к сожалению, его нет в живых. Валентин Васильевич Лазарев, будучи уже заместителем командира полка, погиб при освобождении Лиепайи. Андрей Иванович Барский, Павел Иванович Павлов и Константин Степанович Усенко заслужили Золотые Звезды Героев Советского Союза. После войны продолжили службу в Военно-Воздушных Силах. Барский демобилизовался в звании подполковника, Павлов — генерал-майора, Усенко — полковника.

Я попросил Михаила Андреевича вспомнить о боях за освобождение Гатчины.

— Январь 1944 года, — начал он, — по метеоусловиям выдался неблагоприятным для действий авиации, во всяком случае, для ее массированного применения. Почти весь месяц шел то мокрый снег, то дождь. Видимость часто бывала ниже минимума. Из-за этого, когда началось наступление Ленинградского фронта, полку, в котором я служил, в полном составе удалось слетать на выполнение боевых заданий только дважды — на Ропшу и Кипень. Низкая облачность принудила нас из пикировщиков переквалифицироваться в штурмовиков. Летали на малых высотах небольшими группами. Командиром у меня был Николай Данилович Колесников. Нам с ним одним Указом присвоили звание Героев. Он был опытным и смелым летчиком, всегда точно выходил на цель и умело атаковал ее.

Штурмовать Гатчину нам с ним не пришлось, а вот уничтожать цели в ее окрестностях довелось не однажды. Помню, как в районе станции Елизаветино разбомбили вражеский эшелон. Группу из четырех Пе-2 вел тогда прославленный балтийский ас Василий Иванович Раков, ныне дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации.

В другой раз в паре с ведущим Григорием Васильевичем Пасынковым — позже он тоже стал кавалером Золотой Звезды — уничтожили неподалеку от Гатчины моторизованную колонну фашистов. Одним словом, нам, летчикам, работы хватало. Зато как ликовали мы, когда была снята осада Ленинграда, освобождены города Пушкин, Петродворец, Гатчина! Мы очень гордились тем, что нашу дивизию удостоили почетного наименования «Гатчинская». До конца войны поддерживали с

трудящимися города и района дружеские связи и, как видите, писали им письма,— с улыбкой закончил свой рассказ Михаил Андреевич Суханов.

* * *

Прислали письмо в «Гатчинскую правду» и комсомольцы Гатчинской Краснознаменной стрелковой дивизии. Оно было опубликовано в газете 18 июля 1944 года.

«Дорогие товарищи, комсомольцы Гатчинского района! — обращались воины к молодым гатчинцам. — Мы, комсомольцы-фронтовики из Гатчинской Краснознаменной дивизии, передаем вам свой пламенный братский привет и желаем успехов в труде на благо нашей любимой Родины.

В дни освобождения Ленинградской области, и в том числе Гатчинского района, мы прошли суровую школу войны. Наши комсомольцы первыми водрузили Красное знамя над городом. Они рвались в бой, не зная страха и преград. Это были товарищи Кашеев, Сабуров, Халезов и многие другие.

За отличное выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество правительство высоко наградило 20 комсомольцев нашего подразделения. Так, комсомольцы Осипов, Муратов, Максимов награждены орденами Славы III степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Они и сейчас продолжают беспощадно бить врага, а в свободные минуты совершенствуют свои военные знания и готовят себя к решительным боям.

Мы надеемся, что комсомольцы Гатчинского района приложат все свои силы и энергию на восстановление города Гатчины и Гатчинского района. Работайте, дорогие товарищи, так, чтобы с новой силой забила жизнь на разрушенных немцами фабриках и заводах, чтобы родилось на колхозных полях золотое зерно, чтобы радостной и счастливой жизнью зажили наши советские люди. Этим самым вы поможете наступающей Красной Армии добить раненого фашистского зверя в его собственной берлоге.

Заканчивая письмо, просим вас передать привет всей несоюзной молодежи Гатчинского района.

По поручению комсомольцев письмо подписал комсорг подразделения Кондратенков».

Письмо комсомольцев Гатчинской Краснознаменной дивизии было зачитано в первичных комсомольских ор-

ганизациях района. Горячо восприняв призыв воинов, молодежь района еще более умножила свои усилия на восстановительных и сельскохозяйственных работах. 28 октября «Гатчинская правда» опубликовала ответ комсомольцев и несоюзной молодежи района воинам-краснознаменцам:

«Горячий привет воинам Гатчинской Краснознаменной дивизии!

Не так давно мы получили от вас письмо. Оно нас тронуло, наполнило наши сердца чувством глубокой благодарности к тем, кто не щадя жизни отвоевывал от проклятых немцев наш родной город Гатчину. О комсомольцах фронтовиках тт. Кац, Кашееве, Сабурове, Вакуленко и других, которые проявили доблесть и мужество и водрузили над Гатчиной красное знамя, знает вся молодежь района; их геройство является для наших комсомольцев и молодежи той путеводной звездой, которая освещает путь в нашей работе по восстановлению былой славы нашего района.

Комсомольцы и молодежь района работают, как настоящие бойцы трудового фронта. Вот комсомолкам Матильде Колпаковой, Зине Володиной из колхоза «Алку», Ире Васильевой, Ане Столяровой из колхоза «Завет Ильича» и другим по 19 лет, но во всех работах они участвовали наравне с мужчинами и перевыполняли все задания. Комсомольцы Галя Рябчикова, Миша Балашов, Юра Анисимов на восстановлении своих предприятий овладели 3—4 специальностями, работая плотниками, штукатурами, электромонтерами. Молодежь тыла работает не покладая рук от зари до зари.

Дорогие товарищи, любимые фронтовики доблестной Красной Армии, пишите нам чаще. Ваши письма вливают новую струю бодрости в нашу трудовую жизнь. Не зная вас, мы любим вас, как родных и близких нам людей. Желаем вам дальнейших успехов в разгроме врага.

По поручению комсомольцев и молодежи района секретарь РК ВЛКСМ *Е. Шаповалова*.

1 мая 1945 года газета поместила еще одно коллективное письмо фронтовиков. Оно было получено из Германии, где наши войска добивали фашистскую нечисть.

«Я, красноармеец, бывший житель села Красный Остров Орлинского сельсовета, и вместе со мною 56

бойцов и командиров нашей части поздравляем трудящихся Гатчинского района с великим праздником 1 Мая.

Из проклятой Германии мы шлем горячий красноармейский привет землякам, а особенно колхозникам-овощеводам из колхозов «Красный Остров», «Орлино», «Красное Знамя», «Завет Ильича», «Единение», «Память Ильича», «13 лет РККА».

Просим товарищей колхозников работать не покладая рук на восстановлении колхозного хозяйства и на весеннем севе, растить хороший скот, выращивать много отличных овощей, помогать ленинградским рабочим, которые куют оружие для нас, чтобы скорее добить врага. Пусть знают кровавые фашисты, что значит иметь войну на своей собственной земле! Бьет час справедливого возмездия, и никто из них не уйдет от суровой кары. В этом мы приносим торжественную клятву.

В день 1 Мая желаем вам успехов в труде на благо нашей великой Родины!

Красноармейцы: Михаил Иванов (из села Красный Остров), Данилов, Викин, Ермаков, сержант Сумин, старшина Чебляков, комсорг Черноморов, командиры взводов Ивченко, Галынский, командир роты Паценко и другие. Полевая почта 75681».

Это было последнее письмо с фронта, напечатанное в «Гатчинской правде». До победы советского народа в тяжелейшей, кровопролитной войне с немецко-фашистскими захватчиками оставались считанные дни...

Н. А. ПРОХОРОВ

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ!..

Разве мы думали, что через столько лет после войны встретимся у Казанского собора, откуда в сорок первом уходили в ополчение?

Тогда нас в отдельном батальоне было свыше тысячи добровольцев, а в тот день собралось едва около ста человек.

Идем гурьбой на улицу Плеханова, где в школе № 221 4 июля 1941 года был сформирован наш добровольческий батальон Куйбышевского района города Ленинграда. Здесь размещаемся в экскурсионных автобусах и едем туда, где когда-то воевали...

Каждого тянет скорее взглянуть на окоп, из которого он увидел первый вражеский танк, посмотреть места, где вместе с товарищами стоял насмерть...

Примерно в километре за Пулковом остановка. Тут по обе стороны шоссе — бетонные постаменты. Они отчетливо белеют за начинающими зеленеть придорожными тополями. Грани их жарки под лучами солнца. И только на теневой стороне, точно слезы, проглядываются дождевые подтеки. Очень много говорят выбитые на постаменте скупые слова: «Здесь проходила линия фронта в 1941—1944 годах».

А дальше до самого горизонта расстилаются поля, позади — Пулково, а там Ленинград. Как это было близко! Всего десять минут езды...

Здесь, где сейчас навечно воздвигнуты эти каменные сооружения, в сентябре 1941 года войсками Ленинградского фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова было остановлено фашистское наступление на Ленинград.

Дорога бежит все дальше и дальше.

Но вот и Гатчина... Автобусы влетают в городские ворота, построенные около двухсот лет назад, сбавляют скорость и идут по проспекту 25 Октября, мимо новых домов, многоэтажных и светлых, и восстановленных старых, уцелевших от бомб и снарядов.

Остается позади высокая и мрачная церковь возле бывшего городского рынка, потемневшая, тронутая войной и временем, вековые деревья парка, обелиск «Коннетабль», Смоленские ворота... Все они — свидетели войны. И если подойти в парке к двухсотлетним дубам и липам поближе, то можно заметить на стволах заросшие раны — следы пуль и осколков.

...Шоссе ведет вперед. Мимо чистеньких домиков Малых Колпан, окруженных покрашенными решетками оград, с садиками и огородами. Пересекаем железную дорогу Гатчина — Кингисепп и выезжаем на Киевское шоссе... Там, за Большими Колпанами, в районе Черниц, первый привал.

Мы стоим у заросшего высокой травой, обвалившегося противотанкового рва. Давно затянулись воронки и окопы, и кажется, не было здесь ничего — ни фашистских танков, ни боя, ни первых убитых и раненых. И только темнеющий вдали на востоке лес за раскинувшимся перед ним полем да несколько каменных надолб, вросших в землю по сторонам шоссе, вызывают в памяти события теперь уже далекого прошлого. Здесь в полдень 20 августа 1941 года наше боевое охранение вступило в первый неравный бой с танками противника.

Невольно думаю: а не сон ли все то, что было? Может, не стоит и вспоминать? Зачем омрачать радость сегодняшнего дня?

— Встревожили меня эти места,— заметно волнуясь, говорит руководивший первым боем бывший политрук Степан Михайлович Степанян. — Никогда не забыты! Здесь бились насмерть наши ополченцы. По духу, сердцем они были богатыри...

В этом сугубо штатском пожилом человеке мало кто сейчас может представить когда-то боевого политработника, примером и пламенным словом воодушевлявшего ополченцев на подвиг.

Вокруг политрука Ивана Сергеевича Крынкина собралась большая группа ополченцев. Здесь оказалась и наша однополчанка, о судьбе которой после отхода 13 сентября 1941 года из Гатчины никто не знал.

— Тамарочка, дай рассмотреть тебя,— протяжно проговорил Иван Сергеевич. — Вот ты какая стала. А я-то думал, что никогда не увижу нашу ротную сандружницу.

— Дорогой Иван Сергеевич, а я, назло всем чертям, тут как тут!

Тамаре Ануфриевой выпало тяжкое испытание не только в первом бою. Под разрывами снарядов и бомб она, рискуя жизнью, оказывала первую помощь и эвакуировала многих ополченцев боевого охранения. Во время боя Тамара одна из первых увидела горящие ящики со снарядами и своей шинелью сбила огонь. Выходя из окружения, была тяжело ранена в ногу и оказалась в плену.

Александра Васильевича Абросимова, одного из тех, кто прямой наводкой расстрелял два фашистских танка, даже не узнал политрук роты Крынкин. Когда-то жизнерадостный, подвижный наводчик орудия, каким его знали в третьей роте, теперь не по годам сильно постарел. По-видимому, сказались тяжелые невзгоды фашистского плена. Работает он, как и до войны, на фабрике духовых инструментов.

— Да, ребятки, возмужали,— окинув взглядом однополчан, проговорил Иван Сергеевич. — Но когда-то мы были молоды. Воевали неплохо, по-настоящему. Не стыдно вспомнить!

Здесь, под Гатчиной, Крынкин был политруком, затем под Пушкином командиром этой же роты. Пользовался авторитетом в батальоне. В 1942 году он убыл из батальона, участвовал в боях за Нарву, Выборг, Краков

Герой Советского Союза
И. А. Киргетов.

В. Л. Проценко.

Герой Советского Союза
А. С. Мнацаканов.

В. П. Макаров.

В. Д. Шандыба.

И. В. Прохватилов.

Ф. Ф. Гусаров.

М. В. Кутышев.

А. В. Сохнов

*Герой Советского Союза
А. А. Манин*

Группа гатчинцев — участников освобождения города (слева направо): Б. Л. Мординсон, А. Ф. Федоров, А. И. Шахов, П. В. Васильев, З. Е. Харичева, В. П. Харичев.

Танкисты Л. Ф. Быкова (Урусова) и старший лейтенант Смирнов.

Вперед, на Гатчину!

Бой на окраине города.

Победное знамя над Гатчиной.

Гатчина освобождена.

Советские войска на улице города.

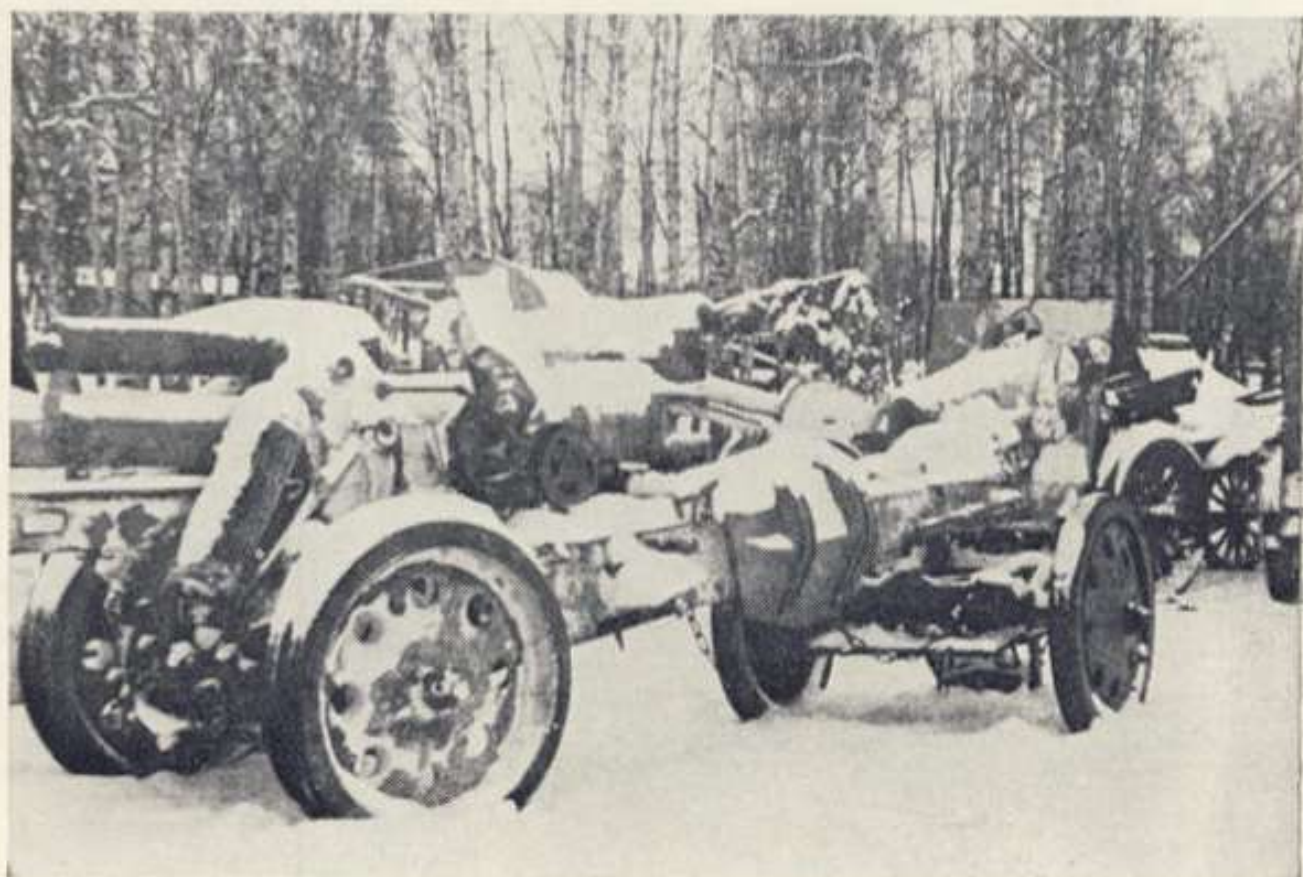
Встреча гатчинцев с бойцами-освободителями.

Бойцы срывают вывеску фашистов.

Отступая, фашисты сожгли Гатчинский дворец.

Брошенная военная техника оккупантов.

Гатчина восстанавливается.

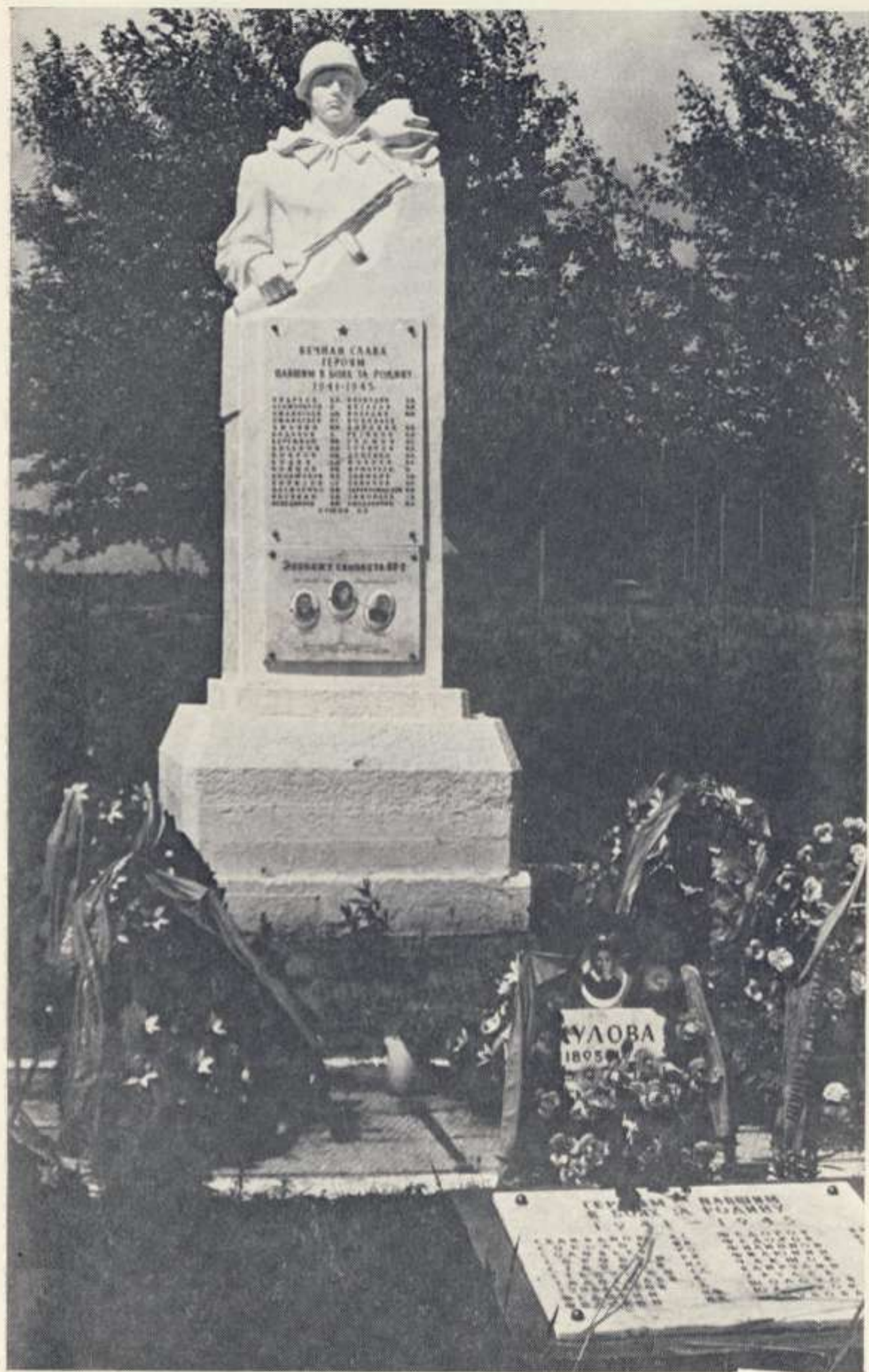
Начал выдавать продукцию мотороремонтный завод (ныне «Гатчинсельмаш»). Фото 1950 г.

Памятник ополченцам Балтийского завода.

Воинский мемориал в поселке Войковицы.

Памятник в поселке Дружная Горка.

*Возложение цветов к до-
ту у деревни Химози.*

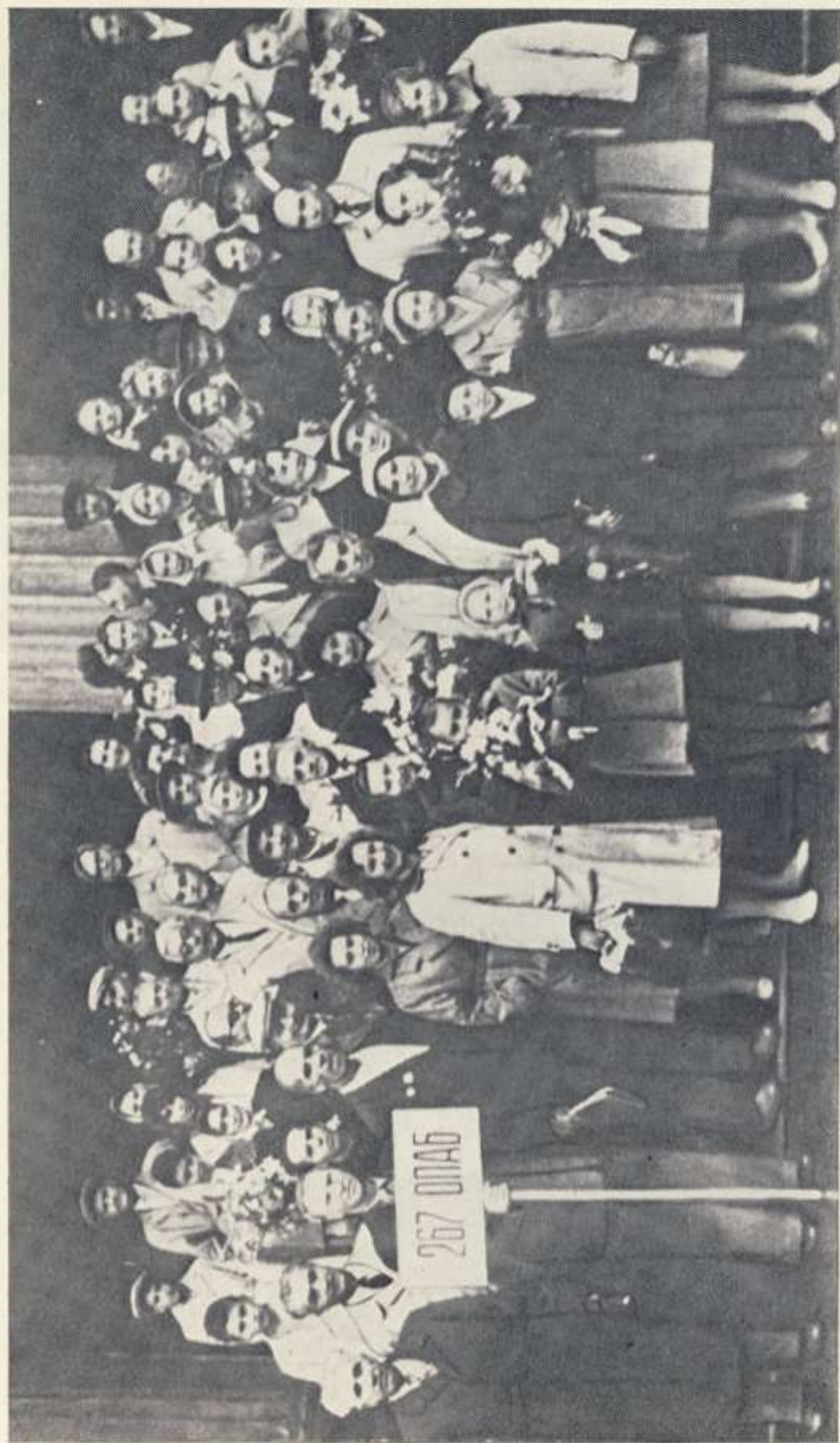
*Митинг у дота в деревне
Малые Колпаны.*

*На месте памятного боя.
На переднем плане —
З. Г. Колобанов и
А. М. Усов. Сентябрь
1962 г.*

*Памятник на территории
завода «Буревестник».*

Встреча ветеранов 267-го ОПАБ. Сентябрь 1982 г.

Н. И. Брашкина, Герой Социалистического Труда, техник совхоза «Красногвардейский».

Н. А. Резвая, Герой Социалистического Труда, учительница.

В. Д. Изотов, Герой Социалистического Труда, бригадир строителей.

М. И. Семенов, Герой Социалистического Труда, звеньевой совхоза «Пламя».

Н. И. Савоненко, Герой Социалистического Труда, врач.

Т. И. Жунина, Герой Социалистического Труда, техник совхоза «Красногвардейский».

И. М. Шипунов, Герой Социалистического Труда, кузнец ОПХ «Суйда».

и при форсировании Одера. На его груди поблескивают ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, Александра Невского и много медалей. Говорит негромко, но весомо и значительно, с достоинством.

И он вспоминает, как на заключительном этапе войны, в Германии, его направили в кадровый стрелковый батальон, а затем поставили командовать моторизованным батальоном.

— Рейд по тылам противника. Сто танков! Ну что ты! — говорит он. — Земля дрожит — пушек не слышно. Вот воевали. Напролом шли — все сметали, — продолжает он, оборачиваясь к комиссару Казначееву. Крынкин имеет привычку говорить, близко наклоняясь к собеседнику, и эта манера его располагает к откровенности. — Мы здесь, на этих рубежах, только начинали и старались защищаться, как могли. Дерзости в нас тогда еще мало было. Но и тут мы воевали по-настоящему.

— Техника, Иван Сергеевич, была у нас здесь не та, — громко, чтобы услышали все присутствующие, говорит Казначеев. — Много под Гатчиной ты видел наших танков? Раз, два, три — и обчелся... И те закопанные в землю на прямую наводку. Берегли. Я ведь тоже до Берлина дошел. Видел, чем там воевали. Винтовки-то да бутылки с горючей смесью совсем забывать стали.

— Конечно, Филипп Иванович, о технике я не говорю, не та она была, да и люди не сразу приобрели боевой опыт. Возьми наших ополченцев. До войны многим ли приходилось стрелять боевыми?

— На войне, — вмешивается бывший связист Иван Иванович Муромцев, — наши ополченцы очень быстро повзрослели и научились бить врага. Разве вы не слышали, как иной раз после войны иронически отзывались некоторые скептики по нашему адресу: подумаешь, ополченцы! А много вы видели здесь, под Гатчиной, кадровых частей? — он окинул взглядом своих боевых товарищей. — Почему гитлеровцы почти месяц топтались под Гатчиной? Да так и не смогли в нее войти, а стали обходить на флангах. Главный удар-то был направлен на Гатчину. Четыре отборных дивизии подтянули. Ополченцы держали Гатчину! Я горжусь, что сам был в рядах ополченцев.

— Иван Сергеевич, — подойдя к нему, проговорил бывший командир дота Владимир Горстин. — Недавно я где-то читал... Право, не помню где... Что-то вроде

воспоминаний или фронтовых записок... Там сказано: отступали, мол, потому, что танков боялись и было куда.

— Не знаю, Владимир Васильевич, может, и так, судить не берусь. Боюсь, как бы не получилось по поговорке: храбр после рати, как полез на полати. На самом деле было все значительно сложнее, чем теперь кажется.

Николай Иванович Демьянов, первый командир батальона, молчит, и трудно сказать, слышит ли он разговор или вспоминает тот последний день, когда при отходе из Гатчины был тяжело ранен.

— Умели ли воевать ополченцы вначале? — проговорил он. — Я могу одно сказать: каждый из нас сделал все, что мог. И не хотелось оставлять Гатчину, за которую дрались наши люди героически. Но, как видно, другого выхода не было. Наш боевой комиссар батальона Филипп Иванович Казначеев в этом первом бою был ранен, но не покинул поля боя, пока не был отражен натиск противника на Киевском шоссе. Вон за тем лесом весь день ополченцы вели тяжелые бои с автоматчиками и отбили танковые атаки на шоссе. Доходило до гранат. Много осталось фашистов вон в том противотанковом рву. Поистине богатыри были ополченцы!

Воспоминаниям, казалось, не будет конца. По рукам пошли фотокарточки военного времени. Каждый из нас хотел показать друг другу, каким он был в молодости.

Оживленную беседу нарушила Тамара Ануфриева. Обращаясь к Крынкину, она спрашивает:

— Скажите, Иван Сергеевич, какой у вас был самый памятный день войны?

«Был ли он? Когда?» — Крынкин задумывается. — Двадцатое августа сорок первого года, здесь, под Гатчиной, на этом участке Киевского шоссе.

Признаться, я, как и многие однополчане, подумал: почему он называет именно этот день?

Все плотнее обступили Крынкина.

— Я вижу, вы удивлены моим ответом. Да, не удивляйтесь. Именно здесь, — он указал на обвалившийся и заросший травой противотанковый ров. — Здесь, на этом рубеже, был задержан вооруженный до зубов враг, спешивший захватить колыбель Октября — Ленинград. А кто его остановил? — Он окинул взором каждого из нас. — Вот такие, как наводчик орудия Абросимов, как командиры дзотов Волков, Крапачев, Хренов, командир дота Горстин и многие другие.

...В деревню Пижму с Киевского шоссе проехать быстро не так легко. Автобусы перебегают среди полей с одной проселочной дороги на другую. Но вот мы и у цели.

...Стоим на этой, обильно политой кровью ополченцев, священной для нас земле, свидетельнице боевой нашей молодости,— и снова воспоминания возвращают нас к августу сорок первого... Зоя Антонова, Тамара Кибкало, Клава Михайлова, политрук первой роты Евгений Паташев пытаются восстановить детали жестокого боя, который разгорелся здесь, на северной окраине деревни Пижмы, 22 августа. Ополченцы 267-го ОПАБ в течение двух суток стояли тогда насмерть... Затем их сменили ополченцы Балтийского завода. И не удивительно, что так мало присутствует на этой встрече ветеранов первой роты.

— А деревенька похорошела, разрослась,— замечает политрук Паташев.

— Двенадцать домов выросло за это время на этой улице,— обращаясь к своим однополчанам, говорит Клава Михайлова.

Она знакомит нас с пожилой женщиной, хозяйкой одного из домов. Антонина Петровна Пименова хорошо помнит страшные дни фашистской оккупации.

— Прятались сначала в лесу. А когда наступили холода, все потянулись в родные места. На месте своего дома нашли одно пепелище. Поселились в небольшой бане. Старшей дочери Вале не было и трех, а вторая, малышка, только еще родилась. Через неделю появились иуды с автоматами. Выгнали меня с детками на холод и стали допрашивать, где муж. Хотя я уже имела на руках похоронку, но ни слова не сказала этим извергам. Тогда старший предложил мне уйти отсюда. А я стала перед банькой со своими малышами и заявила: «Что хотите делайте, хоть убейте на месте, но отсюда никуда не уйду!» Один из них наставил автомат на меня, но другой махнул рукой. И ушли они на другую сторону деревни, где дома стояли целехонькими.

Клавдия Никифоровна Михайлова знала Антонину Петровну с августа сорок первого, когда ходила к ней за молоком. Частым гостем была и после войны. И что-то общее породнило этих двух вдовушек. Она обращается к ней просто:

— Петровна, а ну расскажи, что было на этих равнинах, возле противотанкового рва, когда затихли бои.

Антонина Петровна приглашает нас пройти к наполовину засыпанному, заросшему травой противотанковому рву.

— Милые вы мои. Сейчас страшно об этом вспоминать.— Она поворачивается в сторону обширного поля, на котором когда-то почти 20 дней и ночей ополченцы 2-й гвардейской, полки Петроградской и Дзержинской ополченческих дивизий сдерживали превосходящие силы фашистов.— Все это поле было усеяно трупами. Своих фашисты убрали сразу после того, как бои утихли, а нам своих не давали убирать и хоронить. А когда фашисты покинули эти места, все мы, кто остался в деревне, собирали останки наших бойцов и командиров и хоронили в этом противотанковом рву. А вон тот красивый памятник поставили совсем недавно. Такое, что мы видели, никогда не забудется.

— Петровна, а расскажи, как драпали отсюда фрицы в сорок четвертом, — одолевала ее Михайлова.

Антонина Петровна громко смеется:

— Одна потеха. Фрицы спали в деревне, как у себя дома. А наши тихо, без выстрела зашли в тыл со стороны деревни Пустошка. Да как ударят. Что тут было! Фашисты как были в одних подштанниках, так и высыпали на мороз. Сколько их тут полегло, не счесть.

К нашей группе подходят и другие местные жители.

— Товарищ,— обратился к одному из них Иван Сергеевич,— хотелось бы увидеть одного старого знакомого, доброго, хорошего человека. Да вот фамилию его забыл. Не то Лайкон, не то Лайконен. Что-то в этом духе. Он из вашей деревни.

— Николай Фомич! Да это наш бывший колхозный счетовод. А фамилия его Лайконен,— ответил мужчина.

— Да, да, Лайконен,— уверенно говорит Крынкин.— А где он? Можно его увидеть? Очень хотелось бы.

— Недавно умер...

Тут Иван Сергеевич рассказал, что произошло 14 сентября 1941 года.

Под утро, когда наша группа из восьмидесяти бойцов выходила из окружения от деревни Химози, мы сделали небольшой привал в лесу. Затем под покровом темноты и тумана перемахнули эту дорогу и очутились в мелком кустарнике около деревни Пустошка. Сидим и планируем, как быть дальше. И вдруг слышим, в лощине кто-то траву косит. Послали разведку. И вот перед нами стоит невысокого роста среднего возраста мужчина.

Представьте себе: когда он узнал, кто мы, то вызвался быть нашим проводником.

Двое суток вел он нашу группу болотами и лесами, и мы наконец благополучно вышли к поселку Сусанино. В знак благодарности я подарил Лайконену свое байковое одеяло. А вот свидеться после войны мне с ним так и не удалось...

Здесь, на северной окраине деревни, нам привелось встретиться еще с одним человеком, который, как и счетовод Лайконен, помогал ополченцам. Я всматривался в лицо Михаила Егоровича Алексеева: тот ли это белобрысый мальчик, который 23 августа сорок первого года рано утром донес командиру первой роты Косареву о том, что в деревне Воскресенское сосредоточено много фашистских танков?..

Да, именно Михаил Егорович был юным разведчиком, вовремя предупредившим нашу роту о готовящейся на Пижму танковой атаке.

...Как-то раз, когда на поле боя наступило затишье, мальчик пошел на свой огород. Внизу возле речки он заметил человека в красноармейской форме. Подбежал к нему. У бойца были перебиты обе ноги. Тринадцатилетний мальчик потащил, как смог, взрослого человека. До дома было недалеко, но каждый шаг стоил ему больших усилий. Он дотянул все же тяжелораненого до своего коровника. Разорвал рубашку, сделал перевязку, напоил и накормил его, укрыл соломой. С тех пор стал заботиться о нем. Об этом не сказал даже своему деду.

Так продолжалось две недели. И вот однажды утром в коровнике раздался крик. Мальчик бросился в сени. Фашистские грабители пришли за единственной телкой и обнаружили советского солдата. Они выволокли из коровника беспомощного раненого и потащили его по дороге в сторону деревни Воскресенское. Мише тоже за это досталось.

А о том, что произошло в деревне восемь лет тому назад, знают все жители. Михаил Егорович, работая в поле, недалеко от дома, случайно нашел солдатский медальон, а в нем обнаружил сохранившуюся фотокарточку и адрес хозяина медальона. Николай Фомич Лайконен сообщил о находке в Ленинград. В Пижму приехала мать погибшего ополченца. На месте, где был обнаружен медальон, нашли останки погибшего. А на похороны собрались не только родные и знакомые, вся деревня, от мала до велика, вышла провожать в послед-

ний путь героя. Он был торжественно похоронен рядом с братской могилой в селе Воскресенском.

Михаил Егорович показывает нам то место, где был подбит немецкий танк орудийным расчетом Смирнова. А вот то место, где стоял дзот Геннадия Смирнова, давно запахано, и от него не осталось никакого следа. Зато сохранились полуразрушенный, опаленный огнем пулеметный дзот на высоком бугре и правее его зигзагообразные обвалившиеся и заросшие травой старые окопы, которые тянутся на запад до самой Варшавской железной дороги.

Да, ветераны хорошо помнят эти места. Помнят те страшные дни и жители этой деревни, помнит войну и земля, хранящая на себе ее следы. Долго еще будет замечен противотанковый ров с крутым северным склоном.

Автобусы снова бегут к Киевскому шоссе. Выскочив на асфальт, они мчатся к городу Гатчине, а затем, въехав в него, сворачивают к городскому кладбищу. Там братская могила. На просторной поляне памятник тем, кто отдал свою жизнь в боях за Родину.

* * *

С той незабываемой поездки прошло несколько лет. И вот мы снова собрались на гатчинской земле. Это было 9 мая 1984 года. В поселке Большие Колпаны состоялось тогда торжественное открытие памятной доски в честь комиссара 267-го ОПАБ Филиппа Ивановича Казначеева.

Решением Большеколпанского сельсовета бывшая Шоссейная улица была переименована в улицу Комиссара Ф. И. Казначеева. На многолюдном митинге в честь этого события выступили пионеры, комсомольцы, руководители городских и районных общественных организаций, бывшие бойцы народного ополчения. Говорили они о том, что будут всегда помнить и свято чтить подвиги тех, кто сражался за свободу и независимость Отчизны.

Безмолвно подходят к памятному месту люди. Они кладут живые цветы. На муаровой ленте венка написано: «Боевому товарищу от однополчан 267 ОПАБ». И всегда будет так. Никто не забыт и ничто не забыто!

Ю. Н. ЯБЛОЧКИН,
кандидат исторических наук

КРАСНЫЙ ФЛАГ НАД ГАТЧИНОЙ

В полдень 26 января 1944 года старшина П. Х. Си-лин поднял на балконе здания в центре Гатчины красный флаг освобождения. Штурм города советскими войсками завершился победой. Было сломлено последнее звено фашистского блокадного кольца вокруг Ленинграда.

Успех был достигнут не сразу. Он ковался в трудной и ожесточенной многодневной борьбе воинским мастерством военачальников, отвагой и распорядительностью командиров и политработников, самоотверженностью и героизмом бойцов всех родов оружия.

Осенью 1941 года судьба Гатчины решалась в боях не только у ее стен и на улицах города, но и на флангах Красногвардейского рубежа, у Красного Села и Колпина. Зимой 1944 года освобождение Гатчины также было предрешено тяжелыми боями на флангах у Пулковских высот и Гостилиц, у Русско-Высоцкого и Пушкина. В результате успешного наступления войск Ленинградского фронта, начавшегося 14—15 января, к 21 января наши войска вышли на исходные рубежи для удара по Гатчине.

И вот наступило 26 января, день возмездия. В 4 часа утра после короткого, но мощного огневого налета к центру города с разных направлений устремились стрелковые подразделения. Они пошли на штурм. Артиллерия прямой наводкой разрушала огневые точки, скрытые в домах. Минометчики накрывали огнем живую силу. Гитлеровцы защищались с отчаянием обреченных. Их повсюду уничтожали или выбивали с занимаемых позиций. Уличная борьба длилась четыре часа. Первым в центральные кварталы проник со своими автоматчиками старшина П. Косарев.

В тот же вечер Верховный Главнокомандующий издал приказ, который содержал благодарность всем войскам, участвовавшим в боях за освобождение Гатчины. Столица нашей Родины Москва салютовала в честь этих войск 12-ю артиллерийскими залпами из 124 орудий. Девятнадцати частям и соединениям, отличившимся при освобождении города, было присвоено наименование Гатчинских. Золотых Звезд Героев Советского Союза были удостоены полковник И. А. Киргетов, лей-

тенант В. Г. Недошивин, старший сержант А. А. Манин.

Когда наши войска вступали в освобожденную Гатчину, их встречали лишь редкие группки жителей — те, кому каким-то чудом удалось уклониться от принудительной фашистской «эвакуации» и дождаться прихода своих. Остальные гатчинцы, кто не погиб от пули оккупантов или же не умер с голода, были в те дни далеко от родного города. Одни — угнаны в рабство в Германию, другие — на строительство укреплений «Пантера» в Прибалтику.

Встречавшие солдат-освободителей жители радостно обнимали их и целовали, говорили им слова любви и благодарности. А в глазах еще таился ужас пережитого двадцативосьмимесячного фашистского «нового порядка».

По приказу гитлеровского командования в дни оккупации на вершине «Коннетабля» был установлен символ фашизма — металлическая свастика. Взгроможденная на 32-метровый старинный обелиск, она как бы нависала над городом, бросая мрачную тень на всю его повседневную жизнь.

С приходом оккупантов, как и повсюду, жизнь Гатчины, ее уклад, даже внешний облик в корне изменились. Если в предвоенные годы город вполне можно было назвать промышленным — там действовали 55 предприятий, в том числе 27 государственных, и значительная часть из 38,2 тысячи жителей работала на производстве, — то при интервентах открытыми остались лишь железнодорожное депо и маслозавод, число занятых в них не превышало нескольких десятков человек. Были ликвидированы совхозы и колхозы в пригородах и на селе. Бездействовали, разумеется, все государственные и кооперативные учреждения. Появились безработица, нищета, голод.

Оккупанты заняли под постой дворец-музей, разместили войска в лучших зданиях города, прекратили доступ в дворцовые парки, ограничили передвижение по улицам. Они запретили горожанам собираться, общаться между собой. Единственным легальным местом встреч был городской рынок, но и там вечно сновали соглядатаи местной комендатуры.

В конце 1942 года профашистская газетка «Северное слово» хвастала, что в Гатчине наведен порядок. Газета из кожи вон лезла, стараясь угодить хозяевам, показать, как они пекутся о населении. Она скрыла

подлинный смысл этих «забот». Город был битком набит войсками, участвовавшими в блокаде Ленинграда. Чтобы оградить их от заразных заболеваний, от эпидемий, вспыхивавших среди населения, для горожан открыли больницу и согнали туда всех больных. У входа в театры, как именовали себя группы доморощенных артистов, на дверях кафе и столовой висели таблицы «Для чинов немецкой армии». А об истинном духе восстановленных школ, где, кстати сказать, ввели преподавание «закона божьего», лучше всего свидетельствовало объявление в той же газетке: «Требуются дореволюционные и заграничные учебники».

Помимо боевых частей этот ближайший к Ленинграду прифронтный город был насыщен множеством служб и команд, на деле осуществлявших программу насилия и разбоя. Одни из команд вывозили станки и оборудование предприятий, грабили сырье и продовольствие. Другие обманом и принуждением вербовали рабочих для германской промышленности и сельского хозяйства. Третьи обирали музей, упаковывая и отправляя в «фатерланд» произведения искусства и культуры. Повсюду действовали черные силы сыска и подавления — разного рода органы контрразведки (абвера), полиции безопасности (эйнзац-команды) и т. п. Они оплели город, его население густой сетью шпионажа и доносительства, безжалостно расправлялись не только за враждебное слово или дело, но и за брошенный мимоходом косой взгляд.

Где оккупанты, там и лагеря-застенки. Военные организовали в Гатчине пересыльный лагерь военнопленных «Дулаг-154». Выжить в нем было трудно. Гитлеровцы создали в районе несколько трудовых лагерей. Работа была непосильно тяжелой. заключенные содержались в буквальном смысле, на подножном корму. Под наблюдением конвоиров собирали грибы — все подряд, с порчей и червяками, — и все это шло в котел. А после работы узников выстраивали и заставляли петь немецкие песни. Если унтеру что-то не нравилось, он приказывал бежать изо всех сил, с разбегу бросаться наземь, тут же вскакивать и вновь бежать, до полного изнурения. Такие порядки были в «обычном» лагере. Нетрудно представить, что происходило в специальном, «исправительном для молодежи», который находился в бывшем скотном дворе в деревне Натальевке.

Самой дурной славой пользовался гатчинский гражданский лагерь. В него свозили со всей Ингерманлан-

дии¹ людей, побывавших в руках костоломов из полиции безопасности. Более страшным наказанием могла быть только смерть. Там били за все: за вялую работу на торфопредприятии, за усталый шаг на переходе, за поднятую картошку, которую подбросил на дорогу кто-либо из сочувствовавших жителей.

Руководил подавлением народного сопротивления, борьбой с партизанами на оккупированной территории Ленинградской области и Прибалтики штаб так называемой эйнзац-группы «А», которую возглавляли бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции В. Шталлер, прославившийся до этого времени своими кровавыми делами в Чехословакии. В октябре 1941 года он с подчиненными разместился в Гатчине. Прибыла туда и эйнзац-команда I². Этот ленинградский пригород стал главным полицейским гнездом на северо-западном направлении фронта.

Зловеще выглядит карта-приложение к отчету эйнзац-группы «А» за время с 16 октября 1941 года по 31 января 1942 года. Южнее города Красногвардейска на ней нарисован большой гроб и рядом поставлена цифра 3600. Это число евреев, истребленных в оккупированных районах Ленинградской области³. В другом отчете, за весь первый год войны, эта цифра увеличена до 5400 и сделано следующее примечание: «В Ингерманландии в настоящее время евреев больше не имеется»⁴. Помимо евреев эсэсовцы из эйнзац-команд уничтожали цыган и душевнобольных. Но главной их целью было, конечно, уничтожение коммунистов, комсомольцев, интеллигенции, всех советских активистов.

Свое пребывание в Гатчине штаб эйнзац-группы «А» рассматривал как временное, транзитное. Он ждал, когда армейские части пробьются к Ленинграду, чтобы сразу же ворваться туда и всеми своими силами приступить к «очистительным мероприятиям», или, попросту, к террору, истреблению ленинградцев.

Казалось бы, в такой обстановке слезки и расправ в Гатчине не только бороться — дышать было невоз-

¹ Так гитлеровцы называли оккупированную часть Ленинградской области.

² В 1948 году на заседании Военного трибунала в Нюрнберге начальник эйнзац-команды I-а штандартенфюрер СС М. Зандбергер был приговорен к смертной казни через повешение (Нюрнбергский процесс, т. 3. М., 1966, с. 342—344).

³ Нюрнбергский процесс, т. 6. М., 1960, с. 170.

⁴ ЦГАОР ЭССР, ф. К-819, оп. 1, д. 12, В1.93.

можно. Но советские патриоты, и в первую очередь коммунисты и комсомольцы, не сложили руки. Они тайно объединяли вокруг себя местные силы сопротивления, изобретали способы всячески вредить врагу, истребляли гитлеровцев и их пособников. И ярким примером боевой активности этих неизвестных героев было смертельное ранение 23 марта 1942 года главаря эйнзац-группы «А» В. Шталлекера у его штаб-квартиры в Гатчине. Это событие, равное справедливым актам возмездия, которые позднее совершили чешские патриоты над гитлеровским палачом Р. Гейдрихом, а белорусские партизаны — над В. Кубе, стало тогда же широко известно. «Честь и хвала русскому брату, выполнившему почетную роль народного мстителя! — заявило по поводу убийства В. Шталлекера лондонское радио в передаче на чешском языке. — Его отважный поступок — грозное предупреждение немецким палачам и чешским квислингам в Праге. Это призыв ко всем чешским патриотам расправиться с оккупантами и предателями родины»¹.

Попытка заложить подполье была сделана советским руководством загодя, но практически не удалась. В июле 1941 года, когда противник еще стоял у Лужского рубежа, Ленинградский обком партии направил на случай оккупации в Гатчину и район руководителей будущих нелегальных партийных организаций. В самом городе, поселке Рошалья, на торфопредприятии, а также в Тайцах, Сиверском, Дружной Горке негласно создали подпольные ячейки. Были определены задачи, связи, установлен пароль: «Друг мой ясный, нет ли у тебя полфунта хлеба?» — и отзыв: «Нет. Был черный, да и тот весь вышел». Все, однако, сорвала случайность. 5 сентября, во время боев за Гатчину, руководитель городского подполья А. М. Азин попал в руки вражеских разведчиков и был зверски истерзан. Его нашли наши воины и переправили в госпиталь Ленинграда². Не повезло и руководителю районного подполья.

Несмотря на отдельные неудачи, антифашистское подполье в Гатчине, вернее группы сопротивления, все же возникло, правда, позже, в период оккупации. Пожалуй, иначе и быть не могло. Военные дороги и солдатские судьбы забросили в город немало смелых и

¹ Правда, 1942, 19 апреля.

² После излечения А. М. Азин работал в Ленинградском штабе партизанского движения.

инициативных советских людей, которые не только были пламенными патриотами Родины, яростно ненавидели чужеземных пришельцев, но и смогли организовать для коллективных, совместных действий. Они жаждали борьбы и объединялись в боевые группы для ударов по врагу.

Почти все подпольные группы в Гатчине постигла трагическая участь. Они были раскрыты и разгромлены гитлеровцами, а их участники казнены. И это объяснимо. Неопытность подпольщиков, плохое знание ими правил конспирации, законов нелегальной борьбы сплошь да рядом приводили к тому, что в их ряды проникали провокаторы, вражеские лазутчики. Они наводили на патриотов полицию безопасности, и далее следовало уничтожение всех, кто как-либо был связан с подпольем.

Когда Гатчина была освобождена и по горячим следам составили акт о чудовищных злодеяниях гитлеровцев, в нем называлось только два имени из десятков имен героев местного сопротивления, тайной войны против оккупантов — И. В. Иванова и Е. С. Маховой¹. Об остальных же тогда не знали. Потребовались десятки послевоенных лет, чтобы, разыскав документы в архивах, опросив уцелевших участников былых событий, получить возможность приоткрыть завесу неизвестности над историей гатчинского подполья.

В настоящем сборнике помещены очерки И. Г. Любецкого и Н. А. Прохорова, воспроизводящие эпизоды жизни и борьбы гатчинских подпольщиков. Не задаваясь целью дополнять их новыми фактами и примерами, отметим, что, на наш взгляд, являлось общим и характерным для местного подполья.

Первые нелегальные группы сопротивления сложились в оккупированной Гатчине к весне 1942 года. К этому времени уже отмечались случаи саботажа в депо. Последняя из известных подпольных групп была разгромлена в конце 1943 года, за месяц до освобождения Гатчины.

В этих группах сопротивления были представлены люди разных профессий и возрастов, горожане и расконвоированные пленные, жители Гатчины, Пушкина и других пригородов Ленинграда. Некоторые группы под-

¹ Об И. В. Иванове см. очерк И. Г. Любецкого в настоящем сборнике, а о Е. С. Маховой — очерк Ю. Н. Яблочкина «Ленинградский характер» в сб. «Ветеран». Л., 1984, с. 280—281.

держивали связи с подпольщиками Волосова и Кингисеппа.

Антифашистские группы ставили перед собой различные цели. Молодежная, например, собирала людей и оружие, чтобы уйти к партизанам или пробиться к нашим войскам на Любанском направлении. Дёповцы главное внимание уделяли организации саботажа и мелких диверсий. Группа, связанная с врачами, предпринимала меры, чтобы оказать помощь медикаментами своим людям, избавить их от угона на чужбину. Она установила связь с заключенными гражданских лагерей и лагеря военнопленных.

Но чем бы тайно ни занимались эти группы, они в силу своих возможностей информировали население о боевых делах на фронтах и событиях в тылу. Всячески стремились они разжечь ненависть к оккупантам, укрепить веру в победу Красной Армии над врагом, призывали помогать партизанам и подпольщикам, всячески саботировать мероприятия оккупационных властей. Работа эта, несущая партийное слово в массы, была на первый взгляд малоприметной, но она постепенно и все сильнее расшатывала устой фашистской оккупационной политики. И это был тоже вклад в дело победы.

Водружением красного флага освобождения над Гатчиной закончился этап вооруженной и подпольной борьбы за этот крупный районный центр на ближних подступах к Ленинграду. Но сама борьба не прекратилась. Гитлеровцы оставили город полумертвым — разрушенным, выжженным, ограбленным, почти безлюдным. Полностью было разорено хозяйство района. В руинах лежали учреждения и памятники культуры. Начался новый этап борьбы — за восстановление Гатчины.

Когда советское командование готовило операцию по освобождению города, партийные и советские органы Ленинградской области принимали меры к возрождению нормальной жизни на освобожденной территории. 25 января, в канун штурма Гатчины, Ленинградский обком ВКП(б) утвердил состав бюро гатчинских горкома и райкома партии, членов исполкомов гатчинских городского и районного Советов депутатов трудящихся¹. Они прибыли в город следом за войсками, сразу

¹ ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 5326, л. 1—4.

после изгнания гитлеровцев, и тут же приступили к работе.

4 февраля собралось бюро Гатчинского горкома партии. Вел его секретарь горкома ВКП(б) А. М. Зубов. Вначале были обсуждены ход медосмотра населения и санитарное состояние города. Последнее было плачевным. Улицы и площади носили следы недавних боев, на них оставались неубранная военная техника, захороненные трупы. Санобработку прошли только 750, а медосмотр — 580 человек из 3400 жителей. Горком утвердил первичные парторганизации. Первой была названа организация при паровозном депо Гатчины. Она состояла из 4 коммунистов¹.

На следующем заседании, 11 февраля, бюро горкома ВКП(б) обсудило положение с восстановительными работами на Гатчинском железнодорожном узле. Был поставлен вопрос о налаживании хлебопечения и развертывании торговли в городе².

Задачи восстановления города и района, участия в нем населения стали с тех пор главными на заседаниях местных партийных и советских органов, во всей каждодневной жизни гатчинцев. Возглавляли эту работу городские партийная и комсомольская организации. В них в конце 1944 года состояло 286 коммунистов и 396 комсомольцев³.

Уже в первые две недели после освобождения в городе начали действовать столовая, хлебопекарня, бани, парикмахерская, больница и поликлиника. Открылся Дом культуры. 4 февраля на восстановленный вокзал прибыл первый поезд из Ленинграда. Вступил в строй радиоузел, и жители Гатчины вновь услышали голос родной Москвы. 10 февраля вышел первый после оккупации номер газеты «Гатчинская правда». Она призвала трудящихся города и района быстрее восстановить промышленные предприятия, совхозы, колхозы и МТС.

В июне началось возрождение промышленности. Была организована артель «Гатчинский трикотажник». В ней насчитывалось 60 вязальных машин и 32 рабочих. Возобновили работу артели «Гатчинский металлист» и «Гатчинский мебельщик». Леноблисполком принял решение восстановить литейно-механический завод, прежде всего его чугунолитейное производство (печное литье,

¹ ЛПА, ф. О-992, оп. 2, д. 3, л. 1, 2.

² ЛПА, ф. О-992, оп. 2, д. 5, л. 1.

³ ЛПА, ф. 24, оп. 5, д. 6116, л. 23, 27.

сковороды, чугуны, утюги и пр.)¹. В канун года Победы, когда в Гатчине уже проживало 14 тысяч, а в районе 25 тысяч жителей, там работали семь промышленных предприятий.

Большую помощь восстановителям оказывали труженики Ленинграда и области. В первый же день освобождения города — 26 января — коллектив станции Ленинград-Сортировочная взял обязательства изготовить все необходимое для оборудования паровозного депо в Гатчине². И железнодорожники сдержали слово. Поддержав инициативу снизу, 31 марта обком партии утвердил шефами Гатчинского Всеволожский и Парголово-Васильевский районы³.

Гатчина возрождалась, набирала темпы ее промышленность, поднималось сельское хозяйство, когда пришла долгожданная Победа! А вскоре в городе состоялась торжественная встреча частей 30-го гвардейского Ленинградского стрелкового корпуса, направлявшегося в Ленинград. По сути дела, это был гатчинский парад победителей.

К нему заранее готовились. Приводили в порядок улицы и площади города, готовили подарки, собирали полевые цветы. Проспект 25 Октября — путь следования войск — празднично украсили флагами, лозунгами, портретами руководителей партии и правительства, полководцев, макетами орденов, цветами, зеленью. Вывесили государственные флаги. На террасе парка устроили трибуну.

В воскресенье 1 июля 1945 года 12 тысяч гатчинцев и приехавших на выходной день ленинградцев выстроились с букетами цветов от «Коннетабля» до арки на Ленинградском шоссе. В 16 часов появилась головная колонна войск. Ее возглавлял командир корпуса Герой Советского Союза генерал-майор А. Е. Щеглов. Встречавшие грянули: «Ура!» Парадным маршем солдаты и офицеры прошли мимо трибуны. И каждую новую колонну гатчинцы встречали приветственными возгласами и громкими аплодисментами. Они засыпали гвардейцев цветами, вручали им подарки.

Во время парада выступили руководители Гатчинской партийной организации, советских органов, представители трудящихся, гвардейского корпуса. Непрерыв-

¹ ЛПА, ф. 24, оп. 13, д. 1578, л. 1, 7.

² ЛПА, ф. 5, оп. 4, д. 97, л. 32.

³ ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 5335, л. 16.

но играл духовой оркестр. Воины Ленинградского гарнизона салютовали гвардейцам из зенитных пулеметов, пускали ракеты. Встреча вылилась в большое народное торжество.

М. П. ЛИСИНА,

секретарь Гатчинского горкома КПСС

ГОРОД-ВОИН, ГОРОД-ТРУЖЕНИК

Едва в столице нашей Родины Москве отгремел салют из 120 орудий, возвестивший об успешном наступлении войск Ленинградского фронта и освобождении города Гатчина от немецко-фашистской оккупации, как на его территории развернулась огромная созидательная работа по восстановлению народного хозяйства.

Какие же нужны были силы, чтобы возродить все разрушенное фашистскими варварами! И не только возродить, но и поднять на качественно новую ступень весь промышленный, сельскохозяйственный и социально-культурный потенциал.

И такие силы были. Имя им — партия и народ!

Путь длиной в сорок с лишним лет, пройденный Гатчиной и районом после Победы, был периодом возведения новых фабрик и заводов, создания прочной строительной базы, становления на индустриальные рельсы сельского хозяйства. Воплощена в жизнь огромная социальная программа Коммунистической партии, направленная на повышение благосостояния трудящихся.

Гатчинская земля стала одним из наиболее развитых аграрно-промышленных районов Ленинградской области с населением свыше двухсот тысяч человек.

Обратимся к некоторым цифрам, чтобы нагляднее почувствовать наше стремительное продвижение вперед.

Только за десять минувших лет почти в два раза увеличился объем промышленного производства, в 1,5 раза возросла мощность предприятий строительной индустрии.

Коллективы 44 предприятий машиностроительной, бумажной, легкой, строительной и других отраслей промышленности производят ежегодно продукции на сумму около 450 миллионов рублей. Почти одну треть в общем объеме производимой продукции занимают товары народного потребления. Улучшению их качественных характеристик горком КПСС и испол-

комы городского и районного Советов народных депутатов уделяют постоянное внимание. Шестая часть выпускаемых изделий имеет государственный Знак качества.

Настойчиво проводимый городской партийной организацией курс на реконструкцию и техническое перевооружение предприятий позволил резко поднять технический уровень выпускаемой продукции. Так, к примеру, установка первой отечественной машины по производству конденсаторной бумаги на фабрике «Коммунар» и успешное освоение выпуска этой продукции избавили нашу страну от необходимости ввоза ее из-за рубежа. В 1982 году введена в эксплуатацию Ленинградская картонная фабрика мощностью 200 тысяч тонн коробочного картона в год, что позволило существенно решить проблему использования вторичного бумажного сырья для Северо-Западного региона страны. Ввод нового корпуса на заводе «Дружная Горка» позволил вдвое увеличить выпуск химико-лабораторной посуды, многих уникальных аппаратов, идущих в 24 государства мира. Изготавливаемые заводом «Гатчинсельмаш» высокопроизводительные сельскохозяйственные машины, среди которых протравливатели семян ПС-10, универсальные подъемники ПУТ-0,7, камнеуборочные агрегаты УКП-0,6, пользуются большим спросом в хозяйствах не только Российского Нечерноземья, но и ряда союзных и автономных республик нашей страны.

Обостренное чувство нового — характерная примета, требование времени. Присуще оно и гатчинцам.

Претворяя в жизнь исторические решения XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК нашей партии, производственные коллективы направляют свою инициативу на поиск резервов производства, улучшение использования основных производственных фондов, материальных и трудовых ресурсов, совершенствование системы управления и организации труда.

Усилия партийных и советских органов сконцентрированы на решении вопросов всемерного повышения эффективности общественного производства с широким использованием достижений научно-технического прогресса.

Для координации руководства всех отраслей хозяйства пересмотрены структура, состав и функции совета экономического и социального развития, ускорения научно-технического прогресса при горкоме КПСС. Расширены его обязанности и права. Общее руководство

деятельностью совета осуществляется президиумом, председателем которого является первый секретарь горкома КПСС.

В рамках целевой комплексной программы развития народного хозяйства города Ленинграда и Ленинградской области, одобренной ЦК КПСС, получившей название «Интенсификация-90», намечен ряд мер по механизации и автоматизации производственных процессов, применению гибких автоматизированных систем, широкому использованию средств вычислительной техники.

За четыре года пятилетки на предприятиях Гатчины и района комплексно механизировано 17 участков, введено в эксплуатацию 47 автоматических и механизированных поточных линий.

Городская партийная организация особую заботу проявляет о внедрении и совершенствовании бригадных форм организации труда. Получают развитие комплексные и сквозные бригады, работающие на единый наряд, с оплатой по конечным результатам. Повысилась роль бригад в решении производственных и социальных вопросов, укреплении трудовой дисциплины, развитии социалистического соревнования, в лучшем использовании прав, предоставляемых бригадам Законом о трудовых коллективах.

Гатчина — город строителей. Сельский домостроительный комбинат, трест № 49 Главзапстроя, сельскохозяйственный комбинат и ряд других строительных организаций ежегодно возводят в Ленинградской области свыше 300 тысяч квадратных метров жилой площади и десятки сельскохозяйственных объектов. Объем выполняемых работ превышает 60 миллионов рублей.

Лидирующее место среди домостроительных предприятий Министерства строительства СССР занимает Гатчинский сельский домостроительный комбинат. На его долю приходится около 60 процентов всей вводимой жилой площади в области. А всего за 22 года, с момента основания, им возведены дома общей площадью более 3,5 миллиона квадратных метров.

Крупные преобразования происходят на селе. Городская партийная организация и советские органы настойчиво борются за претворение в жизнь курса партии на дальнейшее увеличение сельскохозяйственного производства, широкое внедрение в совхозах и птицефабриках комплексной механизации и прогрессивных форм организации труда. В частности, одними из первых в

области хозяйства района стали переходить на бригадный хозрасчет. Очевидное преимущество специализации и концентрации производства побудило к созданию хозрасчетных специализированных сельскохозяйственных объединений. Сейчас одно из крупнейших не только в области, но и в стране объединение свиноводческих совхозов «Новый свет» производит более 50 тысяч тонн свинины в год. Кроме того, объединениями совхозов молочно-картофелеводческого направления производится ежегодно 35,5 тысячи тонн мяса, 77 тысяч тонн молока, 82 тысячи тонн картофеля, более 6,5 тысячи тонн овощей.

Успешно работает научно-производственное объединение по селекции и растениеводству «Белогорка», в составе которого Северо-Западный научно-исследовательский институт сельского хозяйства и три опытно-производственных хозяйства.

Как важнейшую задачу восприняли гатчинские труженики решения майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС и разработанную партией Продовольственную программу страны.

Для руководства и координации деятельности предприятий и организаций, входящих в Гатчинский агропромышленный комплекс, образовано и набирает силы районное агропромышленное объединение — РАПО.

Практически осуществляются намеченные меры по строительству и вводу в строй объектов животноводства и кормопроизводства, по переработке и хранению сельхозпродуктов. Так, в частности, построены пять молочных комплексов на 4800 коров, комплекс по выращиванию племенного молодняка на 3000 животных; введены вторая очередь репродукторной фермы на 75 000 поросят в совхозе «Новый свет» и ферма на 20 000 поросят в совхозе «Дружба». Производство яиц полностью переведено на промышленную основу и достигло 290 миллионов штук в год.

Строительство животноводческих комплексов, укрупнение молочных ферм позволили увеличить поголовье дойного стада по сравнению с 1975 годом на 30 процентов. Все эти меры, наряду с улучшением кормовой базы и внедрением прогрессивных форм организации труда животноводов, привели к тому, что принятое на 1985 год обязательство — надоить в среднем от коровы по 4150 килограммов молока — выполнено.

Благодаря внедрению в производство достижений науки и практики, качественному улучшению мелиоративных работ, а также самоотверженному труду сельских

механизаторов и растениеводов в районе значительно повысилось производство продуктов земледелия, возросла урожайность культур. Сейчас ежегодный сбор зерновых составляет в среднем 30 центнеров, картофеля — 155 центнеров, овощей — 280 центнеров с гектара. Большинство хозяйств добиваются высоких результатов в выращивании сельскохозяйственных культур. Например, совхоз «Пламя» получил урожай картофеля в 1984 году по 203 центнера с каждого из 500 гектаров, по 67 центнеров сена многолетних трав.

О вкладе тружеников сельского хозяйства района в Продовольственную программу красноречиво говорят следующие цифры: одна пятая часть производимых в Ленинградской области мяса, картофеля и яиц, а также каждая десятая тонна молока поступают от гатчинцев. Пятнадцать совхозов, один госплемзавод, три птицефабрики и три опытно-производственных хозяйства ежегодно дают продукции на сумму свыше 120 миллионов рублей. Объем валовой продукции в сопоставимых ценах возрос на 49 процентов к уровню 1975 года, производительность труда — на 54 процента, уровень рентабельности достиг 27 процентов.

Существенно изменились за последние годы и социальные условия на селе. Здесь бурно развивается жилищное и гражданское строительство. Почти все совхозы имеют центральные усадьбы с торгово-бытовыми комплексами, клубами, школами и детскими дошкольными учреждениями. Широко разветвленная сеть дорог с асфальтовым покрытием обеспечивает хорошую связь с районным центром, отделениями и бригадами.

Партийные, советские и хозяйственные органы активно решают проблему дальнейшего развития личных подсобных хозяйств, что безусловно является дополнительным резервом улучшения снабжения населения продуктами питания. Только за 1981—1984 годы совхозы и птицефабрики продали в личные хозяйства более 42,5 тысячи поросят, 2500 телят, 712,6 тысячи цыплят. Вводятся дополнительные меры, побуждающие дальнейшую заинтересованность населения к обзаведению огородом, скотом, птицей.

Наш город — крупный научный центр. Здесь разместились научно-исследовательские институты, еще один НИИ — сельскохозяйственного направления — функционирует на территории Гатчинского района. В научных учреждениях трудятся 41 доктор и 375 кандидатов различных отраслей науки, 4 лауреата Ленин-

ской и Государственной премий. О важности и значении работ ученых для развития народного хозяйства свидетельствует тот факт, что расчетная экономическая эффективность от выполненных научных исследований и внедрения опытных и опытно-конструкторских разработок превышает 25 миллионов рублей в год.

С каждым годом растет вклад в науку и практику ученых Северо-западного научно-исследовательского института сельского хозяйства. За последние 10 лет селекционеры института вывели 35 новых высокоурожайных сортов продовольственных и кормовых культур, в их числе рожь озимая «гибрид-173», пшеница яровая «ленинградка», тимopheевка луговая «гатчинка», клевер красный «суйдинский». Широкую известность у нас в стране получил картофель сортов «Гатчинский» и «Столовый-19», к ним за последние годы добавились новые перспективные сорта — «Арина», «Невский» и другие.

Высокие показатели в промышленности и сельскохозяйственном производстве не пришли сами собой, они явились результатом большой организаторской и идеологической работы городской партийной организации, широкого размаха социалистического соревнования. Практически во всех трудовых коллективах развернуто соревнование под девизом ленинградцев: «Весь рост объемов производства — за счет технического прогресса, максимальной загрузки оборудования и экономии ресурсов». Стало уже традицией в канун знаменательных дат в истории партии и Советского государства проводить эстафеты и вахты трудовых дел гатчинцев, которые показали себя эффективным средством мобилизации трудящихся на успешное выполнение государственного плана и социалистических обязательств. Так, организация Вахты памяти в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, в которой приняли участие все трудовые коллективы, позволила городу и району успешно справиться с плановыми заданиями 1984 года, выполнить повышенные социалистические обязательства юбилейного 1985 года. Решением бюро горкома КПСС, исполкомов городского и районного Советов народных депутатов и бюро ГК ВЛКСМ 108 коллективов-победителей, 170 передовиков производства были награждены Почетными грамотами или памятными вымпелами.

На досрочное завершение одиннадцатой пятилетки, повышение трудовой и общественной активности трудящихся направлена и широко поддержана в трудовых

коллективах инициатива ряда предприятий — стать на трудовую вахту в честь XXVII съезда КПСС.

Гатчинский район в 1974, 1975, 1976, 1977, 1980, 1982 и 1983 годах, а город Гатчина в 1978 году за высокие показатели во Всесоюзном социалистическом соревновании награждались переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Ежегодно ряд гатчинских предприятий и организаций выходят победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании. Так, по результатам работы в 1984 году бумажно-картонная фабрика «Коммунар», производственное объединение «Верево» были награждены переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, а гатчинские мебельный и сельский домостроительный комбинаты, Северо-западное научно-производственное объединение по селекции и растениеводству «Белогорка», кроме того, занесены на Всесоюзную доску Почета при ВДНХ СССР.

Эти успехи могли быть достигнуты лишь благодаря самоотверженной работе гатчинцев на каждом рабочем месте. Высоко оценила Родина и их труд. Только за четыре года одиннадцатой пятилетки 472 рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятий и организаций города и района удостоены орденов и медалей Советского Союза. В 1982 году бригадир монтажников Гатчинского сельского домостроительного комбината В. Л. Осипову, а в 1984 году бригадир маляров этого же комбината Н. В. Соколовой за выдающиеся достижения в труде, большой личный вклад в досрочное освоение новой техники и максимальное использование резервов производства была присуждена Государственная премия СССР. Лауреатом Государственной премии СССР в 1983 году стал заведующий лабораторией Ленинградского института ядерной физики доктор физико-математических наук А. А. Воробьев.

Высокая оценка труда гатчинцев вызывает у всех нас стремление работать еще лучше и самоотверженнее, новыми трудовыми достижениями встретить очередной XXVII съезд родной Коммунистической партии, который, несомненно, явится ярким событием в истории развития нашей страны, внесет значительный вклад в совершенствование развитого социализма.

С ускорением социально-экономического развития

неразрывно связана политико-воспитательная, идеологическая работа партийных организаций. Она в значительной степени определяет результативность всех наших организационно-технических, экономических мероприятий. Для нас особенно важно, чтобы стиль, формы и методы этой работы полностью соответствовали тем сложнейшим задачам, которые сегодня Центральный Комитет ставит перед партией, всем советским народом.

Приезжающие в Гатчину гости — ветераны Великой Отечественной войны, сражавшиеся здесь в годы лихолетья, туристы проявляют живой интерес к социальным сторонам жизни города. А изменения здесь произошли очень большие.

В городе и районе работают один городской и 22 сельских Дома культуры, 14 рабочих и сельских клубов, 135 различных библиотек, в том числе городская библиотека имени А. И. Куприна, насчитывающая в своем фонде 180 тысяч томов художественной, общественно-политической и другой литературы. Здесь имеются 6 музыкальных и художественных школ, две народные филармонии, два музея. В 44 клубах и любительских объединениях по интересам проводят свой досуг тысячи любителей живописи, литературы, шахмат и шашек, филателисты, нумизматы, книголюбы.

Заслуженной популярностью пользуется художественная самодеятельность, которой охвачено 15 тысяч человек. Только на первом этапе смотра народных талантов, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, приняло участие 500 самодеятельных коллективов. Следует отметить, что 6 коллективам присвоено звание «народный».

Из года в год укрепляется материально-техническая база учреждений культуры, приобретаются современное оборудование и инвентарь, пополняются новыми книгами библиотеки.

Гатчина привлекает внимание и памятниками архитектуры, живописными парками, разместившимися на берегах чудесных озер. Особую славу создает городу дворцово-парковый ансамбль XVIII—XIX веков. В 1944 году при отступлении из Гатчины фашисты сожгли дворец, уничтожили планировку парков, разрушили памятники архитектуры. Сразу же после войны начались восстановительные работы. За последние годы большинство участков парков приобрело свой прежний вид. Восстановлены павильон Венеры, Березовый домик,

идут работы по реставрации дворца. Отрадно отметить, что в день празднования 40-летия Великой Победы для гатчинцев и гостей города открылись вновь возрожденные первые залы одной из жемчужин прошлого — Гатчинского дворца-музея.

Гатчинские парки являются любимейшими местами отдыха гатчинцев. Силами коллектива городского культурно-спортивного комплекса совместно с общественными организациями, и в первую очередь советами общестственности микрорайонов, в них проводятся дни коллективного отдыха трудящихся предприятий и учреждений, массовые профессиональные праздники, дни молодежи, музыкальные и литературные вечера.

Одним из культурных центров стал и построенный в 1985 году кинотеатр «Победа», современной архитектуры, с двумя зрительными залами на 800 мест.

Кипит спортивная жизнь города. Трудящимся предоставлены стадион, два современных Дома физкультуры и спорта с плавательными бассейнами, в трех детско-юношеских спортшколах и отделениях занимаются свыше 1500 молодых гатчинцев; в распоряжении детей и молодежи, кроме того, 15 дворовых спортивных площадок и городков. Не случайно на областных, всероссийских и всесоюзных соревнованиях гатчинские спортсмены добиваются высоких результатов, а 132 из них носят почетные звания мастеров и кандидатов в мастера спорта СССР.

Много перемен произошло в народном и профессионально-техническом образовании. Поиски новых, прогрессивных форм обучения и воспитания позволили значительно повысить качество учебы. Опыт гатчинцев распространяется в школах других районов области и Российской Федерации, а сам наш город и район неоднократно отмечались наградами Министерства просвещения СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Хорошие плоды дает взятый городской партийной организацией курс на подготовку рабочих кадров через систему профессионально-технического образования. В пяти городских и двух сельских профессионально-технических училищах обучается около трех с половиной тысяч юношей и девушек. Ежегодно более 1300 выпускников пополняют ряды рабочего класса.

Большая работа проводится партийными, советскими органами, работниками народного и профессионально-технического образования, руководителями базовых

предприятий по практической реализации решений апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы.

На основе совместных договоров школ, училищ и базовых предприятий трудовое обучение старшеклассников организовано в цехах промышленных предприятий и учебных мастерских профтехучилищ, внедряются разнообразные формы широкого вовлечения школьников в общественно полезную деятельность. А это позволило увеличить число выпускников школ, поступающих в СПТУ.

Среди учителей немало подлинных мастеров своего дела: Герой Социалистического Труда Н. А. Резвая, кавалер ордена Ленина М. К. Владимирова, заслуженные учителя школы РСФСР К. М. Храмченкова, Л. И. Ермакова, И. Ю. Караваева, Н. В. Быкова, отличники народного просвещения Л. А. Волченко, Т. М. Соколова, В. П. Стратонов, кавалер ордена «Знак Почета» М. Н. Григорьева и другие.

В городе в минувшей пятилетке построен больничный городок с лечебным корпусом, родильным домом, служебными помещениями. В текущей пятилетке методом народной стройки возведено здание поликлиники. В палатах и врачебных кабинетах установлено новейшее медицинское оборудование, применяются современные методы лечения. Широкая сеть больниц, фельдшерских пунктов, профилакториев развернута в деревнях, селах и рабочих поселках района.

Уходя все дальше в прошлое, события, связанные с битвой за Ленинград, не отодвигаются от нас, и память о них не тускнеет. Ратные подвиги отцов и дедов служат для нынешнего поколения гатчинцев примером высокого патриотизма, а неутомимая и всесторонняя работа проживающих ныне в городе и районе ветеранов партии, войны и труда стала своеобразной постоянно действующей школой идейно-политического, трудового и нравственного воспитания.

Особенно серьезное внимание уделяется участию ветеранов в движении наставничества. Тут прежде всего важен личный пример. А его молодежи есть с кого брать.

Более 50 лет состоит в рядах ленинской партии участник разгрома фашистских войск под Ленинградом Владимир Ульянович Гибо. Несмотря на преклонный возраст, он работает на заводе «Буревестник» и явля-

ется одним из лучших наставников молодежи этого предприятия.

До недавнего времени работал на механическом заводе бывший штурман 276-й Гатчинской бомбардировочной авиационной дивизии, кавалер многих боевых орденов Михаил Иванович Потапов, воспитавший десятки квалифицированных рабочих. К его наградам за ратные подвиги прибавилась трудовая награда — орден Октябрьской Революции.

Прекрасным наставником является участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы, механизатор совхоза «Нива» Алексей Николаевич Васильков, отмеченный за доблестный труд орденами Ленина и «Знак Почета». Семейный отряд Васильковых, в котором работают также старший сын, кавалер ордена «Знак Почета», Виктор и младший — Александр, неоднократно выходил победителем социалистического соревнования среди сельских механизаторов.

В городе и районе во всех отраслях народного хозяйства работают тысячи ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Все они служат примером дисциплинированности, сознательного отношения к делу.

Следует отметить большую работу совета ветеранов войны. В ней активно участвуют бывшие фронтовики и партизаны — почетные граждане города Гатчины и Гатчинского района К. А. Тараненко и А. Ф. Федоров, секретарь районного отделения Общества охраны памятников истории и культуры В. И. Злыгостев, персональный пенсионер В. Т. Анисимов и другие.

Много сил и времени отдают военно-патриотическому воспитанию молодежи бывшие фронтовики — Герой Советского Союза Н. У. Кондратович, заслуженный зоотехник РСФСР, участник боев под Ленинградом М. А. Мелякин, секретарь парткома совхоза «Кобралово» Н. И. Шепелев, бывший председатель Таницкого поссовета М. С. Иванов, депутат Вырицкого поссовета К. А. Суворов, работники различных предприятий и учреждений: М. С. Бедняков, К. О. Мельниченко, И. И. Пумолайнен, М. Н. Комлев, подполковник в отставке Л. А. Никитин, пенсионеры В. М. Самарин, П. П. Матвеев, ветеран тыла — почетный гражданин Гатчинского района, заслуженный агроном РСФСР Т. В. Вячеславова и многие другие.

Ежегодно 9 мая, в День Победы советского народа над фашистской Германией, десятки тысяч гатчинцев

направляются на мемориальное кладбище, где покоится прах воинов, отдавших свою жизнь в боях за освобождение города от оккупантов. В первой колонне торжественно-траурного шествия идут убеленные сединами ветераны Великой Отечественной войны, на праздничных одеждах которых боевые и трудовые ордена и медали, знаки Советского комитета ветеранов войны.

Мемориал, созданный по инициативе партийных и советских органов, городской общественности, представляет собой величественное сооружение из гранита и бетона, в центре которого установлена Стена скорби и славы, а перед ней раскинулись ряды братских могил, накрытых каменными плитами с высеченными на них фамилиями похороненных бойцов и офицеров.

Гатчинцы свято чтят память о тех, кто сложил свои головы за свободу и независимость нашей Великой Родины, отстоял завоевания Октября, кто дорогой ценой в суровые годы войны ковал победу над врагом. Их подвиг запечатлен в названиях улиц города Гатчины: «имени 120-й дивизии» — в знак благодарности воинам дивизии за участие в освобождении города в январе 1944 года; «имени Григорина» — отважного политрука, бившегося до последнего патрона при отходе наших частей из города в 1941 году; «имени Балтийцев-ополченцев», имени Героев Советского Союза Киргетова, Матвеева, Гречишкина, Перегудова, пионера-партизана Коли Подрядчикова...

В одном из укромных и тихих уголков Гатчинского дворцового парка при активном участии молодежи создан мемориал в память о подвиге 25 комсомольцев-подпольщиков. Здесь у кирпичной стены молодые патриоты были расстреляны гестаповцами. В канун всенародных праздников, в дни рождения Ленинского комсомола у памятника проводятся митинги, возлагаются венки и цветы.

Память о героях Великой Отечественной войны отражена в нашем городе и районе в 52 названиях улиц, 55 мемориалах и разного рода памятных знаках, 38 мемориальных и памятных досках.

Монументальные памятники созданы на воинских захоронениях в поселках и селах Войсковицы, Дружная Горка, Сиверский, Коммунар, Вырица, Елизаветино, Лукаши, Жабино, Пижма и ряде других населенных пунктах.

Деятельность по увековечению событий, связанных с Великой Отечественной войной, тесно сочетается с

поисковой работой, проводимой учащимися школ и профтехучилищ, патриотическим воспитанием подрастающего поколения. В ней постоянно участвуют районная печать и местное радиовещание. В газете «Гатчинская правда» публикуются материалы на военно-патриотические темы, страница «Подвиг», напечатан ряд редких фотоснимков, относящихся к военному периоду. Плодотворная работа газеты была отмечена Почетной грамотой Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, ЦК ДОСААФ и правления Союза журналистов СССР.

Огромное поле деятельности у городского и районного отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. На основании проведенных совместно с общественными организациями, школами и ПТУ поисков ими составлен и воплощается в жизнь план приведения в порядок выявленных братских могил и захоронений, сооружения или реставрации памятников и других памятных знаков, организации школьных музеев и уголков боевой славы, установления связи с участниками боев за Гатчину.

О характере этой работы можно судить, например, по результатам изучения подвига танкистов 1-го танкового батальона тяжелых танков 1-й Краснознаменной танковой дивизии в августе 1941 года и розыска его участников. В бою на подступах к Гатчине одна из рот под командованием старшего лейтенанта З. Г. Колобанова уничтожила 42 немецких танка. Поиск длился более года. И вот через 40 лет, в августе 1981 года, ветераны-танкисты приехали на гатчинскую землю, посетили место сражения. В торжественной обстановке был заложен памятный камень, а через некоторое время на этом месте на постаменте установлен тяжелый советский танк времен войны.

Нельзя не отметить благородных усилий коллектива совхоза «Большевик» и общественности поселка Елизаветино, соорудивших воинские мемориалы в память о бесстрашных пограничниках Ново-Петергофского военно-политического училища имени К. Е. Ворошилова, на 18 суток перекрывших путь врагу к городу Ленина. В местных школах при активном участии бывших пограничников созданы залы боевой славы.

Как святое и очень важное дело считают увековечение подвигов воинов-рабочих своих предприятий, павших на гатчинской земле, коллективы Балтийского завода имени А. А. Жданова, Ленинградского оптико-

механического объединения, железнодорожники Гатчинского узла. При их активном участии, а также с помощью студенческих строительных отрядов на территории города и района реконструированы многие памятники воинской славы. Ни на один день не прекращается работа красных следопытов. Благодаря их поискам открываются новые страницы в великой книге народного подвига.

Побывайте в любой из гатчинских школ, в любом профессионально-техническом училище — и вы увидите, насколько душевно и трепетно ребята относятся к результатам своей поисковой работы — музею или залу боевой и трудовой славы, а добровольцы-экскурсоводы обязательно поведут вас туда и вдохновенно расскажут о собранных экспонатах, установленных именах и фактах.

Десятки пионерских дружин и отрядов в школах города и района носят имена комсомольцев Саши Бородулина и Игоря Рыбакова, пионера Коли Подрядчикова, других героев Великой Отечественной войны.

Поистине, никто не забыт и ничто не забыто. Потому что подвиг советского народа в Великой Отечественной войне бессмертен, как бессмертны великие марксистско-ленинские идеи, во имя которых и сражались с фашизмом миллионы славных сынов и дочерей нашей Родины.

Прекрасен сегодняшний день Гатчины — города-труженика, города-парка, но еще более широкие перспективы раскрываются перед ним завтра. Растет новый микрорайон на месте бывшего аэродрома; застраивается многоэтажными домами северо-западная часть — со стороны въезда из Ленинграда; появляются новые улицы и площади, школы и магазины, очаги культуры и спортивные сооружения. Мирная картина мирного города...

И только памятники боевой славы — старые доты на его окраинах будут вечно напоминать нам о великом подвиге советского народа в минувшей войне.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Н. Степанов, В. М. Ганкевич. Введение</i>	3
---	----------

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

<i>М. А. Фишман. На строительстве укрепрайона</i>	17
<i>В. Благодичнов. Один против армады</i>	33
<i>Е. М. Чеплюкова. Девушки в солдатских шинелях</i>	37
<i>Боевая переписка</i>	46
<i>К. Н. Михайлова. У полевой кухни</i>	47
<i>В. А. Байдаков. Южнее Гатчины</i>	51
<i>Т. Т. Иванов. Верные присяге</i>	61
<i>Б. Н. Соколов. Снарядом и картечью...</i>	65
<i>И. А. Евлахов. Из дневника ополченца</i>	78
<i>В. А. Захаров. Боевое крещение</i>	87
<i>В. П. Мядзель. Мы были молоды тогда</i>	90
<i>И. А. Евлахов. Рубежи славы</i>	97
<i>И. И. Муромцев. Дорогой наш комиссар</i>	104
<i>З. Г. Колобанов. Было это так...</i>	116
<i>Н. Г. Милаш. Бой на реке Ижоре</i>	118
<i>Август Ярковец. Рассказ ополченца. Стихи</i>	123

ПАТРИОТЫ ДЕЙСТВУЮТ

<i>И. Г. Любецкий. Секретарь райкома</i>	125
<i>Н. А. Прохоров. Парни из депо (По следам одного поиска)</i>	144
<i>И. Г. Любецкий. Непокоренный город</i>	169

РАЗГРОМ

<i>В. М. Ганкевич. Крушение «Северного вала»</i>	201
<i>Б. В. Бычевский. Разгром</i>	211
<i>А. В. Батлук. Штурм Гатчины</i>	218
<i>А. Ф. Федоров. На направлении главного удара</i>	228
<i>В. Т. Анисимов. Звезды на крыльях</i>	238
<i>Ф. Ф. Гусаров. Танки идут в прорыв</i>	246
<i>Вера Инбер. Страницы дней перебирая...</i>	254
<i>В. И. Николаев. По следам фронтовых писем</i>	256
<i>Н. А. Прохоров. Ты помнишь, товарищ?.. . . .</i>	270
<i>Ю. Н. Яблочкин. Красный флаг над Гатчиной</i>	279
<i>М. П. Лисина. Город-воин, город-груженник</i>	288

НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ К ЛЕНИНГРАДУ

**Гатчина [Красногвардейск]
в годы Великой Отечественной войны**

Составители

*Ипполит Григорьевич Любецкий
Николай Архипович Прохоров*

Заведующий редакцией Ю. А. Васильев

Редактор В. Т. Анисимов

Младший редактор М. В. Тоскина

Художник В. И. Коломейцев

Художественный редактор А. К. Тимошевский

Технические редакторы: А. И. Сергеева, И. Г. Сидорова

Корректор Т. П. Гуренкова

ИБ № 3194

Сдано в набор 27.09.85. Подписано к печати 26.12.85. М-17798. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96+вкл. 1,68=17,64. Усл. кр.-отг. 18,06. Уч.-изд. л. 17,43+вкл. 1,37=18,80. Тираж 50 000 экз. Заказ № 103. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

**На ближних подступах к Ленинграду: Гатчина
Н12 (Красногвардейск) в годы Великой Отечественной
войны/Сост.: И. Г. Любецкий, Н. А. Прохоров. —
Л.: Лениздат, 1986. — 302 с., ил.**

Упорное сопротивление немецко-фашистским войскам оказал в годы Великой Отечественной войны Красногвардейский укрепленный район под Ленинградом. Наши части сдержали натиск врага и только после обхода их с флангов с тяжелыми боями оставили свои позиции. В книге, основу которой составляют воспоминания участников войны, рассказывается о героической обороне Красногвардейска (Гатчины) в августе — сентябре 1941 года, борьбе гатчинцев с фашистами в период оккупации, об освобождении города и района в январе 1944 года.

Н 0505030202—217
М171(03)—86 95—86

63.3(2)722

Отличились в боях за Гатчину
и получили наименование «Гатчинских»

- 120-я стрелковая дивизия
- 196-я стрелковая дивизия
- 201-я стрелковая дивизия
- 224-я стрелковая дивизия
- 291-я стрелковая дивизия
- 18-я артиллерийская дивизия прорыва
- 32-я зенитная артиллерийская дивизия
- 276-я бомбардировочная авиационная дивизия
- 8-я минно-торпедная авиационная дивизия ВВС КБФ
- 220-я отдельная танковая бригада
- 17-я инженерно-саперная бригада
- 52-я инженерно-саперная бригада
- 205-й отдельный танковый полк
- 260-й отдельный танковый полк
- 73-й армейский пушечный артиллерийский полк
- 1486-й пушечный артиллерийский полк
- 1973-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк
- 7-й гвардейский бомбардировочный полк
- 12-й гвардейский бомбардировочный полк

